

ОБЩАЯ И РУССКАЯ ЛИНГВОАКСИОЛОГИЯ

КОЛЛЕКТИВНАЯ
МОНОГРАФИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
РУССКОГО ЯЗЫКА им. А.С. ПУШКИНА

ОБЩАЯ И РУССКАЯ ЛИНГВОАКСИОЛОГИЯ

Коллективная монография

Москва 2022

УДК 81
ББК 81
О

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института языкознания РАН

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом
Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина.
Протокол № 6 от 23 апреля 2021 г.

Исследование выполнено
при поддержке РФФИ №19-012-00609
«Современная российская аксиосфера: семантическая
и прагматическая трансформация русского культурного кода»

Рецензенты:

доктор филологических наук *Т.Е. Шаповалова*
доктор филологических наук *Н.М. Юрьева*

Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография /
М. С. Милованова (отв. ред.), К. Я. Сигал, В. И. Карасик,
Г. Г. Слышкин, Б. И. Фоминых, Н. А. Боженкова, Л. М. Гончарова,
А. Н. Матрусова, Р. Р. Шамсутдинова, П. А. Катышев; ИЯз РАН,
Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. – М. – Ярославль: Издательство
«Канцлер», 2022. – 390 с.

Книга посвящена лингвоаксиологии как особой теоретической
и прикладной науке. Единая концепция авторского коллектива представлена
в аспектах: аксиология в лексике – аксиология в грамматике – аксиология
в дискурсе.

Понятие ценности является важнейшей методологической проблемой
в науке, в частности – лингвистической, что определяет круг потенциальных
читателей книги – исследователи-лингвисты, преподаватели, аспиранты,
студенты гуманитарных факультетов.

ISBN 978-5-98269-258-0

© Текст. Коллектив авторов, 2022.
© Оформление. Издательство ИЯз РАН, 2022.
В оформлении книги использована картина
Варвары Степановой «Две танцующие фигуры»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
--------------------------	----------

ЧАСТЬ I. АКСИОЛОГИЯ В ЛЕКСИКЕ: СЛОВО И КОНЦЕПТ

1. <i>ЩЕДРОСТЬ</i> как ценность русской лингвокультуры (<i>В.И. Карасик</i>).....	14
2. <i>РАДИАЦИЯ</i> как универсальный концепт-фобия русской и мировой культуры XX–XXI веков (<i>Г.Г. Слышкин</i>).....	40
3. Концепт <i>РАДОСТЬ</i> в синхронии и диахронии: русская языковая картина мира (<i>А.Н. Матрусова</i>).....	58
4. Традиции и современность в понимании концепта <i>ГРАНИЦА</i> (<i>А.Н. Матрусова</i>).....	69
5. <i>Личность</i> как концепт и его аксиологический статус (<i>Р.Р. Шамсутдинова</i>).....	82

ЧАСТЬ II. АКСИОЛОГИЯ В ГРАММАТИКЕ

Глава 1. АКСИОЛОГИЯ В СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ

(*К.Я. Сигал*)

1. Аксиология и синтаксис.....	91
2. Противительный союз <i>ЗАТО</i> как аксиологический маркер	
2.1. К семантико-стилистическим истокам противительного союза <i>ЗАТО</i>	100
2.2. Семантическая доминанта противительного союза <i>ЗАТО</i> в зеркале конструктивного эксперимента.....	108
2.3. Художественная речь как сфера верификации семантического описания союза <i>ЗАТО</i>	115
2.4. Противительный союз <i>ЗАТО</i> в аспекте аксиологической стилистики.....	121
3. Устойчивая фраза как аксиологический знак.....	137

Глава 2. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ

состояния (*М.С. Милванова*)

1. Мысль о состоянии и оценке: актуальные формы выражения.....	148
1.1. Синтаксические модели, реализующие значение <i>СОСТОЯНИЕ</i> / <i>СОСТОЯНИЕ-ОЦЕНКА</i>	149

1.2. АКТУАЛЬНЫЕ ТРАНСПОНИРОВАННЫЕ ПРЕДИКАТИВНО-ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ.....	160
1.3. СЕМАНТИКА СОСТОЯНИЯ И ФУНКЦИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ.....	165
1.4. ЭКСПРЕССИЯ МОМЕНТА КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ЦЕННОСТЬ: <i>СКРИНШОТ</i> СОСТОЯНИЯ-ОЦЕНКИ.....	172
2. СЕМАНТИКА БЕЗРАЗЛИЧИЯ: НЮАНСЫ ОЦЕНОЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ.....	175
2.1. БЕЗРАЗЛИЧИЕ КАК ОЦЕНКА.....	176
2.2. О ВЗАИМОСВЯЗИ СМЫСЛОВ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ОТРИЦАНИЯ-«ОТТАЛКИВАНИЯ».....	177
2.3. СЕМА 'ПОКОЙ' НА ОЦЕНОЧНОЙ ШКАЛЕ <i>ХОРОШО – ПЛОХО</i>	181
2.4. СОСТОЯНИЕ БЕЗРАЗЛИЧИЯ: ОЦЕНОЧНЫЕ МОТИВЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	185
2.5. МЫСЛЬ О БЕЗРАЗЛИЧИИ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ.....	188
2.6. ПАРАДОКСЫ БЕЗРАЗЛИЧИЯ: СЕМАНТИКА БЕЗРАЗЛИЧИЯ КАК ЦЕННОСТЬ.....	191

ГЛАВА 3. СУБСТАНТИВАЦИЯ МЕСТОИМЕНИЙ: ОТРАЖЕНИЕ МЕНЯЮЩИХСЯ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ (Р.Р. ШАМСУТДИНОВА).....	195
---	------------

ЧАСТЬ III. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ТЕКСТА / ДИСКУРСА

ГЛАВА 1. АКСИОЛОГИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ТЕКСТА (Б.И. ФОМИНЫХ)

1.1. ЦЕННОСТИ И ЦЕННОСТЬ КЛАССИЧЕСКОГО ТЕКСТА.....	206
1.2. ИСПОВЕДАЛЬНОСТЬ ЛИСТКОВ <i>ЧУГУННИКА</i>	216

ГЛАВА 2. К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ НОРМ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ (Л.М. ГОНЧАРОВА).....

2.1. ЦЕННОСТНО-ЭТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МЕДИАДИСКУРСА.....	228
2.2. ИЗМЕНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВЫХ НОРМ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ.....	235
2.3. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВИЛ ЭТИКЕТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА.....	238

Глава 3. Рекламные тексты в контексте ценностных ориентиров национальных культур (на материале сферы туризма) (Л.М. Гончарова).....	253
3.1. «Ценности не продаются. Ценности продают»: к вопросу об использовании аксиологических реалий в рекламе сферы туризма.....	255
3.2. Инкультурация как аксиологический эффект тревел-текстов.....	265
3.3. Способы транслирования культурного богатства как туристического потенциала страны в рекламных текстах.....	274
3.4. Приемы создания рекламных наименований в сфере туризма: лингвоаксиологический аспект (на материале нейминга экскурсионно-туристических маршрутов).....	282
Глава 4. Аксиологические параметры православного и протестантского дискурсов: традиционность vs трансформация vs со-функционирование (Н.А. Боженкова).....	291
Глава 5. Лингвоаксиологическая трансформация риторической критики в дискурсе блогосферы (П.А. Катышев, П.К. Иванов).....	313
ПОСЛЕСЛОВИЕ	348
БИБЛИОГРАФИЯ.....	352

*Посвящается профессору
Вере Васильевне Бабайцевой,
так тонко чувствовавшей
аксиологию
в языке
и в душе
человека*

ПРЕДИСЛОВИЕ

*...Ценностям мы не можем научиться –
ценности мы должны пережить.
Виктор Франкл*

*Жизнь слов и предложений языка можно бы
сравнить с perpetuum mobile, состоящим из весов,
беспрестанно осциллирующих (колеблющихся),
но вместе с тем подвигающихся беспрестанно
в известном направлении...
И.А. Бодуэн де Куртене*

Монография подготовлена коллективом авторов по результатам проведенной научно-исследовательской работы при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта РФФИ №19-012-00609 «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

Аксиологический аспект изучения языка оказывается в фокусе внимания отечественных лингвистов начиная с середины 80-х гг. XX века (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф), активный, «взрывной» интерес к аксиологической проблематике в середине 1990-х связан с развитием новой парадигмы знания – когнитивно-дискурсивной, что предполагает, по мысли Е.С. Кубряковой, соответствие следующему критерию: «При описании каждого языкового явления равно учитываются те две функции, которые они неизбежно выполняют – когнитивная (по их участию в процессе познания) и коммуникативная (по их участию в актах речевого общения). Соответственно, каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрёстке когниции и коммуникации» [Кубрякова 2004: 16].

Исследовательский проект был выполнен именно на таком пересечении – *семантики* (когниция) и *прагматики* (дискурс / коммуникация). По существу в исследовании авторского коллектива речь идет *о семантике, вписанной в прагматику*, или, по-другому, *о прагматике, интегрированной в семантику*. Нас интересовал прагматический аспект речи и семантика оценки, определяемая не истинным знанием о реальном, объективном мире, а субъективным мнением человека / субъекта – участника акта коммуникации.

Особенность жизни современного человека – в эпоху интернета и цифровизации – заключается в том, что два мира (реальный и идеальный, или «внутренний») дополняются третьим – миром виртуальным: сфера общения в Сети расширилась в последние два года – наинovelший языковой материал дает интернет-мониторинг социальных сетей¹.

Цель проекта – выявить приоритетные направления мысли современного носителя русского языка, его ценностные ориентиры на основе изучения фактов языка; извлечь информацию о состоянии аксиологического сознания, опираясь на данные языка «текущего момента», специфика которого заключается в переходе на новый уровень коммуникации².

В монографии предлагается вариант решения такого теоретического вопроса, как *структура лингвоаксиологии как научного направления*. Идея оценки и представление о ценностях находят отражение в семантике языковых единиц разных уровней: включенные в речевой акт, они репрезентируют ценностные доминанты говорящего – вневременные или соответствующие формату «Я – здесь и сейчас». Структуру *лингвоаксиологии* можно представить как многоуровневую и выделить следующие уровни:

1. В перспективе – работа с базой данных *Integrum* (integrum.ru), содержащей богатейший материал текстов СМ И и соцмедиа.

2. Начальный период цифровизации, который совпал для страны с переходом к другому социальному строю, основанному на других принципах общежития, можно охарактеризовать как «трансплантация культуры» (термин Д.С. Лихачева для культурно-языковой ситуации Киевской Руси; Ю.М. Лотман использовал термин для харак-

- аксиологическая семантика лексических единиц (поскольку, по Потебне, «каждый понимает слово по-своему» [Потебня 1993: 69]), некоторые слова «дорастают» до статуса концепта – *имя концепта*; аксиологическая семантика синтаксических единиц, представленных в речи в виде *ценностно-оценочных комплексов* [Сигал 2019];
- аксиологическая семантика форм, ценностно-оценочный потенциал которых реализуется в определенных синтаксических конструкциях (морфосинтаксис);
- аксиологическая семантика текста-дискурса, формируемая средствами предыдущих уровней.

Аксиологические проблемы рассматриваются в монографии на всех уровнях языковой системы, конкретный же предмет изучения определяется научными предпочтениями каждого автора.

Представляется интересным, что выдвинутая первоначально **гипотеза** о возможной трансформации русского национального кода не нашла подтверждения в ходе реализации проекта³. То есть *пока* не нашла подтверждения. Вместе с тем можно фиксировать такой процесс, как «апгрейд сознания», о котором свидетельствуют два факта: состояние концептуальной сферы и данные языка, отражающие *интерпретирующе-смысловое творчество* его носителей. Можно сказать, что происходит своеобразный *апгрейд* всей понятийной сферы, хотя сам процесс протекает неравномерно и непоследовательно. Происходит перераспределение в концептуальной сфере, дающей представление о приоритетных национальных ценностях, и ее обновление.

Новые концепты фиксируют не только ключевые идеи интернет-пространства⁴ или концепты «текущего момента» и не выходящие за его рамки⁵, но и новые устойчивые идеи, внедренные в современное массовое

теристики Петровской эпохи). В языке этот период отмечен тенденцией к *анализму*, спрощенной активным потоком англоязычных заимствований. Новая стадия освоения заимствований (современный этап), по мысли Т.Б. Радбиля, характеризуется их активной адаптацией и вхождением в традиционную для русского языка грамматическую систему [Радбиль 2020].

3. Что в целом согласуется с выводами коллективной монографии «Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии». Нижний Новгород, 2021.

4. См. монографию Е.В. Мариновой: *Заключение. Цифролюция в языке* [Маринова 2021].

5. Неологизмы и концепты «ковидной» эпохи [Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021], по всей вероятности, закончат свое существование вместе с породившей их ситуацией.

сознание и связанные с осмыслением реальной жизни, – например, актуальный концепт *радиация*, методика исследования которого может быть спроецирована на изучение гиперактуального концепта *коронавирус*.

Итак, мысль современного человека пришла в движение. Серьезные изменения, как показывает исследование, претерпевают концепты нового времени – это сформированные в XIX в. и ставшие ключевыми для XX в. такие понятия, как *личность*, *литературный язык*, *детство* (*мир детства*), *любовь*⁶.

Традиционные ценности, отраженные в ценностно-ориентированных понятиях *дом*, *семья*, *любовь* (в предельно широком значении), *граница*, оказываются более устойчивыми. Любопытно, что в ходе исследования был выявлен факт существования в сознании современников такого традиционного национально-ориентированного смысла, как *коммуникативная граница*⁷.

Можно сказать, что кардинально обновляется система понятийного мышления русского человека и понятийная языковая система русского языка. Это процесс, о котором В.Г. Костомаров, умевший видеть перспективное в жизни и языке, писал: «Мы переключаемся на иной уровень коммуникации и, может быть, мышления» [Костомаров 2014: 34]. Вот некоторые изменения в сознании современника, засвидетельствованные по данным языка на уровне *микродиахронии*, то есть протекавшие в последние 20–10–5 лет и ставшие наиболее заметными в последние два года.

Под влиянием виртуальной реальности меняется представление человека о себе самом. Косвенным свидетельством этого факта становится, во-первых, изменившаяся семантическая структура слова *личность*, во-вторых, чисто грамматические показатели, связанные с активными процессами в области местоимений.

6. В «светском» значении ‘глубокое интимное чувство, горячая сердечная склонность, чувственно окрашенное влечение к лицу противоположного пола’ [Морковкин 2016].

7. См. в библиографическом списке другие работы авторов монографии, в частности – материалы Международной научной конференции «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности» [Современная российская аксиосфера 2020].

Объектом пристального внимания и активного познания становится сам человек – *человек, познающий себя* (актуализация и развитие форм выражения семантики состояния). При этом оценка окружающего мира становится более субъективной – с одной стороны, с другой – всё более прагматичной (или утилитарной).

Если философы ставят вопрос «о ценностном, заинтересованном отношении человека к человеку»⁸, то данные современного русского языка свидетельствуют о том, что значительно вырос *ценностный коэффициент*⁹ представления о собственной жизни. Параллельно с ситуацией отчуждения человека, которую отмечают философы и социологи, существует другая ситуация, связанная с желанием заявить о себе и поиском *другого Я*, или собеседника (см.: [Современная российская аксиосфера 2020: 20–21]). Состоявшееся *открытие Я* (И. Кон) находит новые формы воплощения, причем современный человек объективирует и утверждает себя прежде всего через язык, речь, в процессе коммуникации, поскольку другие варианты объективации – через действие – становятся всё менее доступны.

Человек снова открывает *Я* в принципиально других условиях существования – условиях, когда между человеком и другим человеком появился посредник в виде интернета. Современное сознание приспособливается к новым условиям жизни и коммуникации, что неизбежно связано с переоценкой ценностей.

Мир меняется стремительно, человек, являясь его центром, всё активнее познает не только окружающую действительность, но и самого себя как часть этого мира. Живая речь, интерактивный диалог, полилог рисуют *образ мира* современного русского человека. Современное сознание интерпретирует меняющуюся действительность, осваивает новую – виртуальную – реальность, *оценивая* ее, и креативно отражает в фактах языка и коммуникации в целом.

8. Корчак А.С. Философия Другого Я: История и современность. М.: ЛЕ-НАНД, 2006. С. 6.

9. «...Мы постоянно и напряженно подстерегаем, ловим отражение нашей жизни в плане сознания других людей, и отдельных ее моментов и даже целого жизни, учитываем и тот совершенно особый ценностный коэффициент, с которым подана наша жизнь для другого, совершенно отличный от того коэффициента, с которым она переживается нами самими в нас самих» (Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 43. <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/1.html>. Дата обращения 28.11.2021).

Разделы подготовлены:

В.И. Карасик – Часть I. (1) *Щедрость* как ценность русской лингвокультуры;

Г.Г. Слышкин – Часть I. (2) *Радиация* как универсальный концепт-фобия русской и мировой культуры XX–XXI веков;

К.Я. Сигал – Часть II. Глава 1. Аксиология в синтаксических структурах;

Б.И. Фоминых – Часть III. Глава 1. Аксиология классического текста;

М.С. Милованова – Предисловие; Послесловие; Часть II. Глава 2. Аксиологические аспекты семантики состояния;

Н.А. Боженкова – Часть III. Глава 4. Аксиологические параметры православного и протестантского дискурсов: традиционность vs трансформация vs софункционирование;

Л.М. Гончарова – Часть III. Глава 2. К вопросу о трансформации культурно-языковых норм в современном социуме; Глава 3. Рекламные тексты в контексте ценностных ориентиров национальных культур (на материале сферы туризма);

А.Н. Матрусова – Часть I. (3) Концепт *радость* в синхронии и диахронии: русская языковая картина мира; Часть I. (4) Традиции и современность в понимании концепта *граница*;

Р.Р. Шамсутдинова – Часть I. (5) *Личность* как концепт и его аксиологический статус; Часть II. Глава 3. Субстантивация местоимений: отражение меняющихся ценностных установок в современной речи;

П.А. Катышев, П.К. Иванов – Часть III. Глава 5. Лингвоаксиологическая трансформация риторической критики в дискурсе блогосферы.

ЧАСТЬ I
АКСИОЛОГИЯ
В ЛЕКСИКЕ:
СЛОВО
И КОНЦЕПТ

Щедрость как ценность русской лингвокультуры

В данной работе рассматриваются характеристики щедрости как ценности русской лингвокультуры. Предполагается, что эта аксиологическая доминанта тесно связана с другими культурными доминантами поведения носителей русской лингвокультуры, проявляется в виде смысловой тетрарной антонимической схемы (*щедрость – скупость – расточительность – бережливость*), находит множественное и вариативное выражение в языке и коммуникативной практике представителей русского языкового сообщества. Материалом для анализа послужили данные словарных дефиниций, текстовые фрагменты в виде высказываний, размещенных в «Национальном корпусе русского языка», речения из сборников пословиц и афоризмов, а также сюжетные линии из фольклорных текстов. В качестве единицы анализа рассматривался концепт «щедрость», воплощенный в разных частеречных формах и фразеологических образованиях.

Для лингвокультурного моделирования концепта «щедрость» необходимо определить основные подходы к классификации ценностей и установить место ценностного компонента в содержании регулятивных концептов.

Установление и описание лингвокультурных ценностей привлекает к себе внимание многих исследователей, поскольку ценности как высшие ориентиры поведения определяют содержание и специфику культуры в целом. Аксиологическая проблематика затрагивает смысложизненные вопросы бытия и поэтому закономерно отражается в работах философов (Абушенко 2002; Аристотель 2010; Губман 1998; Каган 1997; Микешина 2009; Rokeach 1973).

Эти вопросы не менее значимы для социологов и психологов, поскольку ориентиры поведения представителей разных групп населения в конкретной стране и в конкретную эпоху позволяют охарактеризовать доминирующие типы людей (Зинченко 2011; Розов 1998; Смирнов 2003; Schwartz 1992; Williams 1979). В работах по культурологии и этнографии обсуждаются общие и специфические характеристики мифов, традиций и норм поведения представителей разных народов (Громов 2015; Кафтанджиев 2016; Мелетинский 2006; Питина 2002; Режабек, Филатова 2010). Лингвокультурологическое изучение ценностей суммирует достижения представителей смежных областей знания и раскрывает способы фиксации ценностей, норм и обыкновений в значениях слов и фразеологических сочетаниях, в стандартных образцах поведения в типичных обстоятельствах, а также в развитии сюжетов художественных произведений (Вежбицкая 2001; Верецагин, Костомаров 1999; Воркачев 2014; Воробьев 1997; Дементьев 2013, 2016; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Карасик 2007; Колесов 2004; Кононова 2010; Корнилов 2003; Красных 2016; Куссе 2016; Малинович 2011; Марьянич 2015; Писанова 1997; Радбиль 2017; Серебренникова 2011; Тарасов, Ильина 2015; Шмелев 2002).

Разработаны различные подходы к изучению и описанию ценностей. В субъектном плане противопоставляются общечеловеческие, цивилизационные, этнокультурные, социально-групповые и индивидуальные ценности. Такой подход может быть уточнен как субъектная конкретизация тех или иных ценностей на основании характеристик их носителей. По содержанию (объектный подход) выделяются следующие приоритеты: а) определяющие условия биологического состояния человека (базовые ценности физического бытия), б) характеризующие пользу и вред для индивидов (утилитарные ценности), в) раскрывающие

природу долга и ответственности (моральные ценности), г) объясняющие суть духовного бытия и смысла жизни (терминальные ценности). По дискурсивной специфике можно противопоставить ценности, определяющие установки и поведение людей в разных ситуациях общения – обиходного и профессионального, светского и религиозного, естественного и учебного, повседневного и ритуального, серьезного и шутливое и др. По уровню конкретизации и степени обязательности противопоставляются а) собственно ценности, б) конкретизирующие их нормы в виде запретов, предписаний и правил, в) уточняющие их обыкновения, традиции и стереотипные реакции.

В рамках лингвокультурологии как одного из активно развивающихся направлений антропологической лингвистики разработана теория лингвокультурных концептов. Суть этой теории сводится к обоснованию описания лингвистически релевантных квантов переживаемого знания, имеющих понятийное, образное, ценностное, значимостное и символическое измерения (Воркачев 2007б; Демьянков 2001, 2007; Дербышева 2012; Дзюба 2003; Есенова 2007; Карасик 2002; Красавский 2008; Лихачев 1997; Пименова М.В. 2004; Пименова М.Вас. 2009; Слышкин 2004; Степанов 1997; Стернин 2008; Фещенко 2010, 2015; Чесноков 2008). В результате детального описания множества таких концептов созданы предпосылки для составления справочников нового типа – концептуариев, или словарей лингвокультурных концептов. Заслуженным уважением пользуется монументальный труд Ю.С. Степанова [Степанов 1997]. Выходит в свет серия исследований, посвященных описанию различных концептов под рубрикой «Логический анализ языка» (1991, 2000, 2019). Под редакцией А. де Лазари в Польше опубликован многотомный «Лексикон русской культуры» (Идеи в России 1999–2003). Некоторые из концептов полу-

чили детальное многомерное монографическое описание, показательны исследования С.Г. Воркачева, посвященные концептам «счастье», «любовь», «Родина», «смысл жизни», «ум» и др. (Воркачев 2004, 2007а, 2016а, 2016б).

Концептологические исследования являются логическим развитием семантических изысканий, направленных на освещение значения и смысла слов и фразеологических единиц. Принципиально новым шагом на пути развития семантической теории при концептологическом описании языка является расширение содержательного объекта изучения: концепты являются фактами сознания и культуры, они проявляются в языке, хотя могут и не находить однословного выражения. Концепты воплощаются в лингвокультурных скриптах, по А. Вежбицкой, т.е. ценностно обусловленных стереотипных взаимосвязанных поведенческих актах, такие звенья поведения рассматриваются в качестве речеповеденческих тактик в работе Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова (1999). Перспективным представляется лично-ориентированное изучение и описание лингвокультурных типажей – обобщенных узнаваемых модельных личностей, в поведении которых находят выражение доминантные ценности той или иной лингвокультуры. Иное измерение лингвокультурные концепты получают в качестве сюжетообразующих смыслов в художественных повествованиях.

Моделирование лингвокультурных ценностей, предлагаемое в данной работе, строится по следующей исследовательской схеме описания лингвокультурного концепта: 1) определяются понятийные характеристики соответствующего концепта по данным словарных дефиниций, устанавливаются этимологические признаки, положенные в основу номинации основных лексических способов обозначения этого концепта, определяется смысловое поле близких содержательных единиц, 2) освещаются контек-

туальные связи номинантов соответствующего концепта в составе высказываний, проводится опрос информантов с целью выявления актуальных перцептивных образов выражения соответствующего концепта (применительно к ценностям, которые выражены абстрактными существительными, предлагается определить характеристики ситуации, в которой проявляется соответствующее качество поведения людей), 3) анализируются оценочно-маркированные высказывания, выражающие правила и рекомендации поведения, которое связано с выражением такого регулятива либо его нарушения на материале пословиц и афоризмов, а также сюжетов аксиогенных (ценностно маркированных) текстов.

Понятийные характеристики *щедрости* представляют собой оценочное уточнение отношения к собственности. Различные характеристики такого отношения множественно и вариативно отражены в значениях слов и фразеологизмов и неоднократно привлекали к себе внимание исследователей (Бабаева 1997; Головачева 1989; Исупов, Савкин 1993; Милованова 2007). Семантика обладания включает наличие собственности, ее получение, передачу, лишение, при этом различные аспекты обладания часто представлены в виде оппозитивных единиц («брать» – «давать», «получать» – «отправлять», «находить» – «терять», «покупать – продавать», «богатый» – «бедный», «щедрый – «скупой» и др.). Соотношение *щедрости* и *скупости* в русском языковом сознании было предметом специального лингвокультурологического исследования, автор которого пришел к интересным выводам о динамике ценностных ориентиров в содержании этих концептов на протяжении XIX–XXI веков [Долевец 2008].

Концепт «щедрость» следующим образом определяется в толковых словарях русского языка:

Щедрость – ‘свойство щедрого (в 1-м знач.); значительная, широкая материальная помощь, дар’. *Щедрый* –

‘1. Охотно делящийся с другими своими средствами, имуществом и т. п.; не жалеющий тратить, расходовать что-либо. Перен. Легко, охотно наделяющий чем-либо, расточающий, раздающий что-либо. 2. Большой по размерам, значительный по ценности. 3. Богатый, обильный. О природе, жизни, времени и т. п. Очень сильный, интенсивный в своем проявлении, действии’ [ССРЛЯ, Т. 17 1965: 1651–1652]. *Щедрый* – ‘1.0. Такой, который охотно оказывает помощь деньгами, имуществом, не испытывая колебаний, делится тем, что имеет обычно в необходимом количестве или даже не ограничивая его, а также такой, который не испытывает колебаний при необходимости тратить, расходовать, отдавать что-л. и легко осуществляет эти действия (ант. скупой, жадный, прижимистый, скарденый). 1.2. Такой, который часто и охотно делает что-л., высказывает что-л., проявляет что-л. 2.0. Значительный по ценности или в количественном отношении’ [БУС 2016: 1420]. *Щедрый* – ‘милостивый, милосердный на помощь, на подарки, на раздачу милостыни, пособий, тороватый’ [Даль 1994].

Понятийный состав концепта «щедрость» сводится к следующим признакам: 1) качество человека, который 2) проявляет желание 3) поделиться с другими 4) тем, что имеет. Отсюда логически вытекают ассоциативные признаки богатства и интенсивности.

Как и многие регулятивные концепты, «щедрость» осмысливается в единстве со своим антонимическим коррелятом – «скупость».

Скупость – ‘свойство скупого; чрезмерная бережливость’. *Скупой* – ‘1. Чрезмерно, до жадности бережливый. || Сдержанный в проявлении чего-либо. 2. Слабый, недостаточно интенсивный или сдержанный в своем проявлении. 3. Недостаточный в каком-либо отношении; бедный’ [ССРЛЯ, Т. 13 1962: 1096–1098]. *Скупой* – ‘1.0.

Такой, который решительно избегает необязательных трат и ограничивает до минимума траты необходимые, чрезмерно бережливый (син. жадный, прижимистый, скаредный, ант. щедрый). 12.1. Такой, который заметно реже обычного употребляет что-л., выражает что-л., проявляет что-л.' [БУС 2016: 1093]. 'Скупой, о человеке, скряжливый, неуместно и неумеренно бережливый; противополож. тороватый, тчивый, щедрый; о вещи или деле: мало доставляющий, малоодоходный, бедный' [Даль 1994].

Признаковый состав концепта «скупость» отличается от набора признаков концепта «щедрость» отрицательным квантором модального компонента волеизъявления (качество человека, который проявляет нежелание делиться с другими тем, что имеет). Отметим сниженный стилистический регистр синонимических уточнений прилагательного «скупой» – «прижимистый», «скаредный», и существительных – «жадина», «скряга», «скупердяй», «жмот». В языковом сознании носителей русской лингвокультуры сливаются признаки «обладающий сильным желанием иметь чего-л. больше, чем другие» и «не желающий поделиться с другими» в значении слова «жадный».

Щедрость и скупость представляют собой оценочные качества человека, который определенным образом распорядится своей собственностью. Как и многие другие оценочные характеристики, эти качества соотносятся с условной градуальной шкалой, включающей положительную середину и отрицательные отклонения от нее в стороны недостаточного и чрезмерного проявления качества. Недостаточная щедрость квалифицируется как скупость, чрезмерная щедрость – как экстравагантная расточительность. Вместе с тем положительно оценивается умение и стремление экономно расходовать ресурсы – бережливость. Недостаточная бережливость определяется как расточительность, чрезмерная бережливость – как скупость.

Бережливость – ‘свойство бережливого’. *Бережливый* – ‘экономный, расчетливый’ [ССРЛЯ, Т.1 1950: 395]. *Бережливый* – ‘1.0. Такой, который бережет чье-либо имущество, заботится о нем, экономно расходует материальные ценности. Син. расчетливый, экономный. Ант. расточительный’ [БУС 2016: 45]. *Бережливость* – ‘умеренность, ограничение в потреблении, в расходах’ [Даль 1994].

Экономность – ‘свойство экономного’. *Экономный* – ‘бережливо расходующий что-либо’ [ССРЛЯ, Т. 17 1965: 1761].

Расточительность – ‘свойство расточительного; излишнее расходование чего-либо’. *Расточительный* – ‘много и неразумно тратящий что-либо’ [ССРЛЯ, Т. 12 1961: 916-917]. *Растачивать* – ‘беспутно проживать, губить, мотать; быть чрезмеру щедрым, тороватым’ [Даль 1994].

Мотовство – ‘поведение мота’. *Мот* – ‘человек, нерасчетливо, неразумно тратящий, расходующий деньги, имущество’ [ССРЛЯ, Т.6 1957: 1299–1300].

Транжирство – ‘разг. безрассудная, неразумная трата денег, имущества и т.п.; расточительный образ жизни, мотовство’ [ССРЛЯ, Т. 15 1963: 808].

Анализ словарных дефиниций концептов «бережливость» и «расточительность», соотносимых с концептами «щедрость» и «скупость», показывает наличие следующих признаков в их составе:

«Бережливость» – 1) качество человека, который 2) бережливо 3) расходует что-либо.

«Расточительность» – 1) качество человека, который 2) неразумно 3) излишне 4) расходует что-либо.

Этимологические сведения о признаках, положенных в основу номинации рассматриваемых слов, свидетельствуют о том, что понятие «щедрый» связано с понятием ‘щадить’ (исходная основа – ‘разбивать на куски, рассеивать, т.е. делить и делиться с другими’), идея бережливости связана с заботой (исходное значение – ‘прятать

что-либо»), идея скупости связана с исходным значением «стискивать, щемить», расточительность этимологически связана со значением ‘течь’, мотовство – со значением ‘бросать’ заимствование из французского ‘транжирство’ – со значением ‘рубить, резать’. Можно заметить, что в основу номинации были положены внешние характеристики действий, переосмысленные в дальнейшем как разные показатели отношения к собственности.

Для проверки предположения о специфичности понимания щедрости и близких к этому концепту смысловых образований в русской лингвокультуре были проанализированы дефиниции отношения к собственности в англоязычном языковом сознании. Приведем словарные определения:

Generous – ‘someone who is generous is willing to give money, spend time etc, in order to help people or give them pleasure’ [LDCE, 2005].

Thrifty – ‘using money carefully and wisely’ [LDCE, 2005].

Mean – ‘not generous (British English) not wanting to spend money, or not wanting to use much of something [= stingy; = cheap AmE]’ [LDCE, 2005].

Stingy – ‘informal not generous, especially with money [= mean]’ [LDCE, 2005].

Tight or tight-fisted – ‘spoken or informal someone who is tight or tight-fisted is not at all generous and tries hard to avoid spending money’ [LDCE, 2005].

Penny-pinching – ‘spending very little, or always spending less than is needed, often because you do not have very much money’ [LDCE, 2005].

Miser – ‘someone who hates spending money, and prefers to save as much as possible – use this especially about someone who has collected a lot of money by doing this’ [LDCE, 2005].

Отметим, что слово «generous», переводимое на русский язык в разных контекстах как ‘великодушный’, ‘благородный’, ‘щедрый’, ‘обильный’, ‘большой’, ‘изрядный’,

‘плодородный’, ‘интенсивный’ и др., с одной стороны, пересекается по своей семантике со словом «щедрый» в русском языке именно применительно к отношению к собственности и, с другой стороны, ассоциативно соответствует производным значениям этого русского слова. Вместе с тем нельзя не заметить значимого отсутствия специализированного выражения готовности предоставить свои средства другим людям в английском языке. Что же касается обозначения бережливости и скупости, то здесь специфика осмысления этих качеств не прослеживается, если не считать того, что, по мнению лексикографов, англичане дифференцируют дополнительные характеристики нежелания потратить деньги: в одном случае это обусловлено объективной скудностью средств, в другом – общей установкой на всяческое ограничение трат.

Понимание концептологической специфики осмысления того или другого фрагмента переживаемого знания неизбежно включает психологическое толкование регулятивов поведения. Если дескриптивная семантика ограничена выделением и описанием признаков значений, то концептуальное объяснение направлено на уточнение более широкого смыслового ситуативного контекста. Нас интересует не только то «как», но и то «почему». В этом плане применительно к смысловому полю отношения к собственности нужно выделить векторы траты средств на себя и на другого. Щедрый человек сориентирован в своем поведении на то, чтобы помочь другим. Жадный человек не жалеет тратить средства на себя, но принципиально не хочет делиться ими с другими. Скупой не хочет тратить средств ни на других, ни на себя. Заметим, кстати, что в английском языке есть не менее 25 соответствий русскому слову «скряга». Расточительный человек может неразумно тратить средства и на себя,

и на других, но подразумевается, что такое расходование денег направлено в основном на себя, и это особенно видно в значении слов «мот» и «транжира». Еще одна важная характеристика скупости состоит в том, что в словарях подчеркивается возрастной признак такого поведения: «старый скряга». Скупость считается типичным пороком стариков и психологически объясняется страхом этих людей за свое будущее. Понятно, что субъектами обвинения в этом случае выступают люди молодые и сравнительно бедные.

Следует отметить институциональную разновидность щедрости – благотворительность (филантропию), безвозмездную бескорыстную помощь нуждающимся в виде милостыни, поддержки и строительства больниц, богаделен, домов престарелых, приютов, учебных заведений, а также в виде меценатства, направленного на поддержку и развитие искусства и культуры. Сложилась специфические этнокультурные типы такой благотворительности: «У немцев есть слово Gabenzaun – «забор, на котором подвешиваются продукты и вещи для нуждающихся»¹⁰.

10. Я благодарен Л.А. Нефедовой за этот пример.

Таким образом, понятийные характеристики концепта «щедрость» представляют собой оценочное уточнение отношения к собственности и сводятся к следующим признакам: «качество человека», «желание поделиться», «наличие имущества, денежных средств», «конкретизация действий щедрого человека – помощь деньгами, имуществом», «положительная оценка такого качества», «противопоставление этого качества нежеланию поделиться», «отрицательная оценка такого нежелания», «противопоставление этого качества избыточной трате средств», «отрицательная оценка такой избыточной траты», «противопоставление избыточной траты средств их рациональному расходованию», «положительная оценка такого расходования». Отметим семантическую

плотность наименования людей, которые не желают делиться собственностью, и стилистически сниженные их обозначения.

Для изучения перцептивных характеристик рассматриваемого концепта и его смысловых коррелятов обратимся к его контекстуальному уточнению в составе высказываний. Проанализированы данные «Национального корпуса русского языка».

Щедрые люди делают подарки и созывают гостей на пиры:

Мой муж – человек безумно щедрый и любящий делать подарки (по большей части он делает их тем, кто ему ничего не должен и ничего для него не сделал, просто по велению сердца (С. Спивакова).

Тайга звала, как щедрый хозяин зовет гостей (А. Григоренко).

Этот щедрый царь зверей тут же объявит нескончаемый пир на весь мир (Ю. Капишникова).

Щедрость проявляется в угощениях:

Но окружающие по-прежнему выпивали. И щедро угощали нас (С. Довлатов).

И правда, Мария Павловна, это изредка случается с людьми скупыми, на этот раз с широтой, превосходящей щедрость размашистых натур, приготовила богатый обед (В. Гроссман).

Щедрость выражается в готовности не считаться с расходами:

Я купил его, не пожалев золота, и не жалею, что купил. – Ценю твою щедрость, воевода, – усмехнулся Игорь. – Однако врачующий тело слишком много знает о его слабостях (Б. Васильев).

Покая не давали мысли об отключенном телефоне, без которого квартира наверняка упадет в цене, и еще одолевали мечты, что сразу обнаружится щедрый по-

купатель, который, не торгуясь, предложит мне тысяч шесть (М. Елизаров).

В более широком смысле щедрость понимается как высокая оплата:

Американская ассоциация кинопроизводителей обещает щедро заплатить жителям Азиатско-Тихоокеанского региона за информацию, которая позволит обнаружить и прекратить незаконное производство видеодисков стандарта DVD (Р. Дорохов).

Клубные концерты одно время очень щедро спонсировались табачными и алкогольными компаниями, и на них приходился очень большой объем деятельности музыкантов (В. Суриков).

Непрофессионализм расцвёл пышным цветом, благо почва была подходящая и деньги за работу платили щедро (В. Васильева).

Щедрость свойственна людям, умеющим ценить жизнь:

Я помнил ее заразительный смех и ту щедрость, с которой она всем делилась, как если бы знала, что туда с собой ничего не унести (В. Ярмолинец).

Нине Давидовне Арутюновой все мы должны быть благодарны за щедрость ее научного темперамента, за благодатную, демократическую, сплавивающую атмосферу вокруг ее семинаров и конференций (Е.В. Падучева).

Щедрым людям свойственно дарить свое душевное тепло окружающим.

Заслуживают внимания смысловые уточнения щедрых поступков:

Самыми страшными из них были сами братья Мустыгины, помогавшие бескорыстно и щедро (А. Азольский).

Похоже, доверие к другим людям, открытость, щедрость, великодушие – это неизменные приметы процветающего общества (А. Волков).

И я навсегда полюбила эту необычайную семью, где душевная щедрость и доброта всегда соперничали с высоким интеллектуализмом (Г. Шергова).

Можно заметить, что щедрости сопутствуют бескорыстие, доверие, открытость, великодушие и доброта.

Обратим внимание на контрастирующие уточнения:

Щедрый распахивается от избытка собственного тепла. И от этого получает удовольствие. Скупой запакивается от избытка собственного холода (Ф. Искандер).

К примеру, свой солидный вклад в эту неблагоприятную статистику вносит Иркутская область, которая позволяет себе выбрасывать на ветер ежегодно более 14 миллионов рублей, зарывая в землю почти 200 тысяч т металлолома! Откуда такая щедрость? Неужели область может позволить такую роскошь – разбрасываться миллионами? (О. Ратников).

Не меркантильный я человек. И не жадный. Наоборот, щедрый. Мало ли какие идеи рождались у меня! (В. Алейников).

Щедрость противопоставляется скупости, расточительности, меркантильности и жадности.

Подобные уточнения характеризуют текстовое воплощение концептов «бережливость», «скупость» и «жадность»:

Здесь были инструменты, деревянные, тряпки, горшки с гвоздями, провода, старые пластиковые пакеты, канистры – в общем, все то, что хранит в хозяйстве любой небогатый, но бережливый орк (В. Пелевин).

– Не бережливый он мужик, живет одним днем, – с осуждением заключил характеристику бывшего своего подчиненного бригадир Самсонов (В. Егоров).

Местная бабка разъяснила, что немцы, народ очень экономный и бережливый, не могли стерпеть такой бесхозяйственности: на поляне пропадали новые валенки и полушубки! (Н. Никулин).

В русском языке есть глагол «расщедриться», иронически обозначающий неожиданное или показное проявление щедрости:

– *О, я смотрю, наш Панкрашин расщедрился, наконец-то на тебе появились украшения, – с нескрываемым сарказмом протянула Алла Анищенко (А. Маринина).*

– *Пал Иванович расщедрился, засунул руку в нагрудный карман гимнастерки, зашелестел деньгами (А. Титов).*

Загадка, почему хозяин вдруг расщедрился на такие угощения, мучила новоявленных москвичей недолго – до первого отравления (М. Поляков).

Интересны уточнения в понимании отношения к собственности:

Отвага и щедрость – это всего лишь середина между трусостью и безрассудством, скупостью и транжирством... (А. Фадин).

В качестве примера назову прилагательные жадный и скупой, к сожалению, воспринимаемые нынешним молодым поколением как абсолютные синонимы. А вот многие люди старшего возраста усматривают между этими словами важные семантические различия: жадный стремится к максимальным приобретениям, а скупой – к минимальным потерям (И. Милославский).

Жадный и лукавый – это лиса; алчный и хищный – волк (Б. Козловский).

Рассуждения публицистов и лингвистов уточняют информацию, выраженную в толковых словарях.

Жадность проявляется в желании недоплатить и обмануть:

Но я даю денег, и меня отпускают. Я не жадный. Всегда плачу по таксе (А. Рубанов).

Жадный Маркин, готовый удавиться за копейку, естественно, не платил супруге, а Нюсе он давал небольшие суммы (Д. Донцова).

Он твердый был человек, устойчивый и не скряга,

как распространяли про него слух, но человек бережливый, без желания кого-либо объегорить и обделать (Н. Варенцов).

В текстовых примерах встречаются распространенные стереотипы:

Восток без дурмана, говорил мой отец, что скупой без кармана (Д. Рубина).

Свекровь ее была не только злой и сварливой, но и чрезвычайно скупой (Т. Белоусова).

У скупого должен быть карман, старым людям свойственная скупость.

Таким образом, концепты «щедрость», «скупость», «бережливость» и «расточительность» уточняются в текстовом воплощении в виде конкретизирующих действий, сопутствующих и контрастирующих характеристик людей, стереотипных представлений, а также иронического комментирования.

Для выявления характеристик рассматриваемого ментального образования в языковом сознании наших современников был проведен опрос информантов, которым предлагалось завершить предложения. Были получены следующие ответы:

Щедрый человек всегда ... рад помочь, весел и радостен, открыт, притягивает к себе многих людей, богат.

Скупой человек всегда ... боится, что его обворуют, недоверчив, бывает обманут.

Жадный человек всегда ... ненасытен, отворотителен, завистлив, эгоистичен.

Мы провели опрос информантов, которым было предложено охарактеризовать скупого и жадного человека. В основу такого опроса были положены предположения о том, что отрицательная реакция на проявление определенных качеств обычно более актуальна для носителей культуры, чем положительная оценка, и о том, что ценно-

сти по своей природе бинарны и отрицательное качество симметрично положительному. Из 100 опрошенных 67 посчитали жадным человека, который не хочет делиться с другими тем, что имеет. Остальные охарактеризовали жадных как людей ненасытных, всегда стремящихся получить больше, чем другие. Были даны дополнительные характеристики жадности – типичное поведение плохо воспитанных детей и стремление отнять что-либо у других людей. Скупые были однозначно всеми определены как те, кто не хочет тратить деньги, причем не только на других, но и на себя. Из этих определений логически вытекают установки: следует быть щедрым, следует ограничивать свои желания, следует рационально расходовать свои средства.

Ценностные характеристики «щедрости» и близких по смыслу концептов отражены в содержании пословиц и афоризмов.

В паремиологическом фонде содержатся следующие советы и наблюдения.

Следует знать, что щедрость вознаграждается:

Рука дающего не оскудевает (рус.). На щедрую руку и сокол садится (даргинск.). У щедрых хозяев куры по два яйца несут (казахск.).

Следует знать, что щедрых (тороватых) любят:

Не богатый пиво варит, тороватый (рус.). Не проси у богатого, проси у тороватого (рус.). Муж любит жену богатую, а тещу тороватую (рус.). Дороже серебра и злата душа, что щедростью богата (рус.). Розданного добра народ не забывает (груз.).

Следует знать, что чрезмерная щедрость разорительна:

Торовато жить – себе досадить (рус.). Кто тороват, тот не богат (рус.). В решете вода не держится, у щедрога деньги не держатся (казахск.).

Следует знать, что скупой в итоге проигрывает:

Скупой платит дважды (рус.). Скупой на тороватого (или: на мота) копит (рус.). Скупу человеку убавит Бог веку (рус.). У скупого больше пропадает (рус.). Тороватому Бог дает, а у скупого чорт таскает (рус.). Скупой, что пес на сене: ни сам не ест, ни другим не дает (рус.). Дрожащий над золотом с голода умирает (казахск.). Помрешь – ничего с собой не возьмешь (рус.).

Следует знать, что жадность ведет к беде:

Жадность – всякому горю начало (рус.). Жадность последнего ума лишает (рус.). Жадность пользы не приносит (араб.). Если ты попал в лодку жадности, спутницей твоей будет бедность (араб.).

Следует знать, что нужно быть бережливым:

Лучше скуповато, чем мотовато (рус.). Лучше поскупиться, чем промотаться (рус.). Лучше свое поберечь, чем чужое прожить (рус.).

Следует знать, что богатые обычно скупы:

Будешь богат, будешь и скуп (рус.). Не от скупости (не от убожества) скупость вышла, от богатства (рус.). Бедный – всегда щедрый (казахск.)

Следует знать, что нужно быть бережливым:

Бережливость лучше богатства (прибытка). Скупость не глупость; прибавка: себя бережет. Скуповато не глуповато. Скупое не глупо. Расточающий свое, братниного не обережет.

Следует знать, что грань между щедростью и расточительностью, бережливостью и скупостью очень подвижна:

Бережливость впадает в скупость, а щедрость в расточительность.

В афористике высказаны следующие мнения о щедрости и близких по смыслу концептах:

Следует знать, что щедрость – одна из высших добродетелей:

Хотя всякая добродетель нас к себе влечет, однако всего более это делают справедливость и щедрость

(Цицерон). Щедрость человека говорит о наличии у него почти всех остальных достоинств, украшающих члена общества; скупость же говорит об отсутствии этих достоинств (Э. Гонкур). Что ты спрятал, то пропало, что ты отдал, то твоё (Ш. Руставели).

Следует знать, что щедрость обусловлена возможностью личного выбора:

При общности имущества для благородной щедрости (...) не будет места, и никто не будет в состоянии проявить ее на деле, так как щедрость сказывается именно при возможности распорядиться своим добром (Аристотель).

Следует знать, что щедрость связана с бережливостью:

Кто храбр, не зная человеколюбия, кто щедр, не зная бережливости, кто идет вперед, не зная смирения, тот погибнет (Лао Цзы). Скупость (...) неизлечима (...); она теснее срослась с природой человека, чем мотовство. Большинство ведь, скорее, стяжатели, чем раздаватели (Аристотель).

Следует знать, что люди иногда ведут себя щедро из корыстных побуждений:

Расточитель прикидывается щедрым, хотя между умеющим одарять и не умеющим беречь – разница огромная (Сенека). В основе так называемой щедрости обычно лежит тщеславие, которое нам дороже всего, что мы дарим (Ф. де Ларошфуко). Насколько справедливее кажется защитнику дело, за которое ему щедро заплатили! (Б. Паскаль). Неблагодарных гораздо меньше, чем полагают, ибо щедрых значительно меньше, чем думают (Ш. де Сент-Эвремон).

Следует знать, что щедрость проявляется во внимании к людям:

Щедрость состоит не столько в том, чтобы давать много, сколько в том, чтобы давать своевременно (Ж. де Лабрюйер).

Следует знать, что грань между щедростью и расточительностью очень тонка:

Всякое человеческое совершенство родственно какому-нибудь недостатку, в который оно может перейти; но точно так же и, наоборот, каждому недостатку соответствует известное совершенство. Оттого нам тогда осторожный кажется трусом, бережливый – скупым, или же расточитель – щедрым, грубость – прямою и откровенностью, наглость – благородною самоуверенностью и т.д. (А. Шопенгауэр).

Следует знать, что нелегко быть щедрым:

Быть щедрым – значит давать больше, чем можешь; быть гордым – значит брать меньше, чем нужно (Дж. Джебран).

Следует знать, что скупость лишает людей рассудка, делает их жестокими и нищими:

Скупой всегда нуждается (Гораций). Чем больше скупость, тем больше жестокость (Ф. Петрарка). Скупость дальше от бережливости, чем даже расточительность (Ф. де Ларошфуко). Богаче всех человек бережливый, беднее всех скряга (Н. Шамфор). Самая рассудочная из всех страстей, скупость, порождает наибольшее безумие (Э. Гонкур). Расточительность носит сама в себе предел. Она оканчивается с последним рублем и с последним кредитом. Скупость бесконечна и всегда при начале своего поприща; после десяти миллионов она с тем же оханьем начинает откладывать одиннадцатый (А.И. Герцен).

Следует знать, что жадность лежит в основе многих преступлений:

Жадность – корень всех зол (Дж. Чосер). Если хочешь быть богатым, не помышляй увеличить свое имущество, а только уменьши свою жадность (К. Гельвеций). Тот,

кто хочет за день разбогатеть, через год будет повешен (Леонардо да Винчи). Желая получить большее, мы теряем то, что у нас есть (А. Азимов).

Следует знать, что бережливость благотворна и полезна:

Всякий расточитель – враг общества, всякий бережливый человек – благодетель (А. Смит). Терпеливый и бережливый купит вторую корову на то, что выдоил из первой (К. Буни).

Следует знать, что людям свойственно вспоминать о бережливости, когда ресурсов уже нет:

Поздно быть бережливым, когда всё растрачено (Сенека).

Анализ ценностно-маркированных речений показывает, что щедрость и бережливость признаются добродетелями, скупость и жадность считаются пороками. Обращает на себя внимание множество высказываний, в которых говорится о том, что скупость и жадность вредят прежде всего носителям этих качеств. В пословицах подчеркивается мысль о том, что богатство часто делает человека скупым, в афоризмах содержится совет различать искреннюю и показную щедрость. Жадность осмысливается в пословицах и афоризмах только как ненасытная алчность. По-видимому, резкое осуждение жадности как нежелания поделиться является свидетельством важности щедрости в языковом сознании носителей современной русской лингвокультуры.

Заслуживает внимания осмысление благотворительности в известном стихотворении в прозе И.С. Тургенева «Два богача»:

Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых – я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разоренный домишко.

– Возьмем мы Катьку, – говорила баба, – последние наши гроши на нее пойдут, – не на что будет соли добыть, похлебку посолить...

– А мы ее... и не соленую, – ответил мужик, ее муж. Далеко Ротшильду до этого мужика!

В этом тексте выражено понимание настоящей щедрости, которая идет от чистого сердца и в значительной степени соответствует нравственному идеалу человеческого поведения. Отметим, что в детском языковом сознании антиподом характеристики «жадный» (тот, кто не желает поделиться чем-то с кем-либо) выступает определение «добрый».

Разрушительная сущность скупости и жадности показана в известной маленькой трагедии А.С. Пушкина «Скупой рыцарь». В этом замечательном тексте, который поэт обозначил как перевод трагедии У. Ченстона «The Covetous Knight» (Жадный рыцарь), показано, что патологическая скупость неизбежно порождает преступное желание ограбить скупца. Известно, что У. Ченстон такой трагедии не писал. Скупой барон видит смысл и радость своей жизни в созерцании золота в своих сундуках:

Хочу себе сегодня пир устроить:

Зажгу свечу пред каждым сундуком,

И все их отопру, и стану сам

Средь них глядеть на блестящие груды.

(Зажигает свечи и отпирает сундуки один за другим.)

Я царствую!.. Какой волшебный блеск!

Послушна мне, сильна моя держава;

В ней счастье, в ней честь моя и слава!

Он со страхом думает о своем сыне, который промотает его сокровища. Его сын, молодой рыцарь, с презрением

говорит о своем отце со своим слугой и приходит к герцогу с просьбой повлиять на старого барона и убедить того выделить деньги сыну для участия в турнирах и достойной жизни. В это время во дворец герцога входит барон, его сын прячется в соседней комнате. Герцог пытается уговорить старого рыцаря проявить щедрость по отношению к своему сыну, барон утверждает, что молодой человек хочет убить его. Услышав это, молодой рыцарь врывается в комнату и обвиняет своего отца во лжи. Тот бросает сыну перчатку, вызывая его на поединок. Герцог вмешивается в ссору, стыдит ее участников, и старый рыцарь умирает со словами: *«Где ключи? Ключи, ключи мои!..»* Герцог констатирует: *«Ужасный век, ужасные сердца»*.

Комментируя этот текст, Э.Б. Акимов проницательно замечает, что скупость, как и жадность, в своей основе подобны сладострастию, похоти: «Автор словно занимается расшифровкой старинной английской поговорки: «Who covets all, loses all» – «Жаждающий всего, все теряет» [Акимов 2012: 290–291]. Отмечен синкретизм значений «похоть», «жадность» и «скупость» в семантике латинского слова *avaritia*, обозначающего один из смертных грехов, суть которого состоит в чрезмерной привязанности к земному и, следовательно, к отрицанию вечного и духовного. Вместе с тем скупость, по мнению Э.Б. Акимова, сродни стремлению выйти за рамки земного бытия и приблизиться к вечно живущим богам. Отсюда вытекает аллюзия к наказанию царя Тантала, который должен был стоять в царстве мертвых по горло в воде, но не мог напиться, видел над собой ветви с фруктами, но не мог дотянуться до них. В этой метафоре показана расплата за порочную страсть к обладанию. Скупость и жадность опустошают душу. Скупой рыцарь умирает, иллюстрируя известную фразу о прахе, который возвра-

щается в прах. Отталкиваясь от этого сюжета, мы можем сказать, что если скупость и жадность притягивают к себе все остальные грехи и приближают смерть, то щедрость делает человека счастливым и умножает его жизнь.

Оценочное отношение к собственности даёт возможность выделить типы людей по этому признаку:

Существуют четыре точки зрения на имущественные отношения у людей. Тот, кто говорит: «Моё – твоё, а твоё – моё», – простак. Тот, кто говорит: «Моё – моё, а твоё – твоё», – обыватель. Тот, кто говорит: «Моё – твоё, и твоё – твоё», – благочестив. Тот, кто говорит: «Твоё – моё, и моё – моё», – грешник (Авот, 5:10).

В первом случае человек демонстрирует отсутствие скупости и жадности и предполагает, что так же будет себя вести и его партнер. Это рациональный практический подход к другим людям. В древнем трактате сторонники такого отношения к собственности оцениваются критически как занимающие нейтральную позицию между добром и злом. Во втором случае перед нами пример этического аутизма: этот тип людей не обращается ни к кому с просьбой и не проявляет алчных намерений, но и не собирается ни с кем поделиться тем, что у него есть. Такое отношение к другим людям в определенных ситуациях может оказаться весьма жестоким. В третьем случае раскрывается характер бескорыстного альтруиста. В реальности этот тип людей встречается редко. Четвертый тип – это агрессивный захватчик и злодей. Эти типы людей в определенной мере иллюстрируют каждую из позиций тетрарной схемы: *бережливый – скупой – щедрый – жадный (алчный)*.

Подведём основные итоги.

Концептологическое моделирование и описание ценностей даёт возможность охарактеризовать поведенческие установки представителей определенного языкового

сообщества в определенный период. Соглашаясь с тем, что в любом сообществе мы сталкиваемся с разными, порой противоречивыми оценками одного и того же объекта, как индивидуальными, так и групповыми, мы можем определить доминирующие оценочные векторы, отраженные в номинативной плотности обозначения того или иного фрагмента реальности и выявляемые путем учета различных способов апелляции к определенному концепту в его парадигматическом и синтагматическом контекстах.

Применительно к оценочному отношению к собственности важным индикатором поведенческих установок в русской лингвокультуре является концепт «щедрость», осознаваемый как готовность поделиться с другими тем, что имеется. Этот тип отношения к собственности противопоставлен осуждаемому нежеланию делиться с другими. Нежелание делиться представляет собой разновидность нежелания тратить накопленные ресурсы не только на других, но и на себя и осмысливается как скупость. Вместе с тем рациональный учет и распределение средств квалифицируется как бережливость, положительно оцениваемое качество. Антиподом бережливости является расточительность, получающая отрицательную оценку. Таким образом, моделирование концепта «щедрость» позволяет установить особый тип конверсивных отношений в языковом сознании, конверсивный кластер, представляющий собой взаимосвязанную сеть разновекторных оценок единой концептуальной области.

Анализ ценностно-маркированных речений, в которых содержатся рекомендации поведения по отношению к собственности, показывает, что в русской лингвокультуре доминирует предписание легко и с радостью делиться собственностью, резко осуждается противоположный тип поведения, но при этом дана положительная оценка рацио-

нального использования своих ресурсов и отрицательная оценка их неразумной трате. Предписывается различать искреннюю и показную щедрость и особенно ценить щедрость со стороны бедных людей. Переосмысление жадности – от алчности к нежеланию делиться – свидетельствует о том, что щедрость является доминирующей ценностью русского языкового сознания. Если антиподом понимания жадности в детском и не только детском сознании выступает щедрость, то противоположностью алчности является разумное самоограничение. Жадность как ненасытность перестает оцениваться в качестве серьезного порока, и, следовательно, самоограничение перестает считаться императивной нормой поведения. Причины такого сдвига ценностей заслуживают особого осмысления и описания. Соотношение щедрости и бережливости соответствует ключевой антиномии «сердце и ум», т.е. доводы чувств либо рассудка, при этом голос сердца оказывается главенствующим.

Радиация как универсальный концепт-фобия русской и мировой культуры XX-XXI веков

Концепт «радиация» принадлежит к числу социальных фобий, т.е. основывается на одной из базовых человеческих эмоций – страхе, которому некоторые исследователи отводят роль протоэмоции, возникающей ранее остальных как в онтогенезе, так и в филогенезе (подробный обзор философских и психологических подходов см. [Красавский 2001: 30–40]). Концепты-фобии играют важнейшую роль в каждой лингвокультуре. Глобализационные процессы и растущий образовательный уровень населения приводят к тому, что национально специфические фобии, базирующиеся на уникальных условиях жизни языкового коллектива или на этнической мифологии, оттесняются на задний план универсальными (цивилизационными) фобиями, в основе которых лежит научное знание. Научное происхождение не означает рациональной природы подобных концептов и отсутствия в их структуре мифологического компонента. Мифология достраивается вокруг научного знания текстами массовой культуры и городским фольклором. К числу подобных универсальных концептов, формировавшихся по принципу «от научных фактов к стереотипам и мифам», относится и концепт «радиация».¹¹

11. Результаты исследования частично опубликовались ранее в статье: Слышкин Г.Г. Аксиологический анализ дискурса и реинтеграция предметной области филологии (на примере концепта «радиация») // Русский язык за рубежом. 2020. № 4 (281). С. 27–35.

Радиация (более точный научный термин – *ионизирующее излучение*) – ‘потоки частиц и квантов электромагнитного излучения, прохождение которых через вещество приводит к ионизации и возбуждению его атомов или молекул’ [БЭС]. Излучение оказывает крайне негативный эффект на человеческий организм, способствует разрушению клеток, развитию ряда заболеваний, в том числе онкологических. В силу этого концепт «радиация»

обладает высокой когнитивной валентностью в дискурсе и поддается аксиологическому анализу.

Аксиологический анализ дискурса – изучение генезиса и реализации лингвокультурных концептов в традиционных языковых единицах и нарративных формулах. Одновременная воплощенность в обеих названных формах и наличие у этих форм семантической интегрированности являются критерием отнесения той или иной сущности к числу ценностей данной лингвокультуры в данный период ее исторического развития. Ниже мы продемонстрируем связь языкового и нарративного элементов в структуре концепта «радиация».

Радиация не всегда играла роль социальной фобии. На протяжении многих десятилетий концепт «радиация» обладал оценочной позитивностью и ассоциировался с концептами «здоровье», «комфорт» и «процветание».

Феномен ионизирующего излучения был открыт в 1896 г. французским физиком Антуаном Анри Беккерелем. Сам Беккерель не стал заниматься его детальным исследованием, отдав это на откуп своим коллегам – супругам Пьеру и Марии Кюри. С именем Беккереля связано также обнаружение биологической разрушительности радиации. История эта в своей мифологичности входит в обширный круг нарративов о случайных / курьезных научных открытиях (Архимед и ванна, Ньютон и яблоко, сон Менделеева и т.п.): «Как-то для публичной лекции Беккерелю понадобилось радиоактивное вещество, он взял его у супругов Кюри и пробирку положил в жилетный карман. Прочтя лекцию, он вернул владельцам радиоактивный препарат, а на следующий день обнаружил на теле под жилетным карманом покраснение кожи в форме пробирки. Беккерель рассказывает об этом Пьеру Кюри, тот ставит на себе опыт: в течение десяти часов носит привязанную к предплечью пробирку с радием.

Через несколько дней у него тоже наблюдается покраснение, перешедшее затем в тяжелейшую язву, от которой он страдал в течение двух месяцев. Так впервые было открыто биологическое действие радиоактивности» [Кессельман 2014: 36].

Несмотря на это открытие, излучение долго не ассоциировалось в массовом сознании с опасностью и смертью. Конец XIX – первая половина XX века были эпохой научного оптимизма. Научные открытия воспринимались как залог грядущего процветания, страх перед наукой был еще фрагментарен, хотя и начал уже постепенно формироваться, симптомами чего стали такие литературные произведения как «Франкенштейн» Мэри Шелли (1818 г.), «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» Роберта Л. Стивенсона (1885 г.), «Остров доктора Моро» Герберта Уэллса (1896 г.).

В начале XX века радиоактивные вещества массово и бесконтрольно применялись при изготовлении утилитарно-бытовых предметов (часов, краски, посуды), поскольку светились в темноте. Использование урана и радия широко практиковалось в лекарственных средствах и товарах для здорового образа жизни. В медицине радий позиционировался как универсальное средство лечения, практически панацея (подробный обзор периода «радиоэпифории» см. [Сливка 2015, Ч. 1]). Неудивительно, что имя концепта «радиация» и его дериваты регулярно эксплуатировались в рекламном и маркетинговом дискурсе в качестве аттрактора:

- *Doramad Radioaktive Zahncreme*¹² – бренд зубной пасты, которая производилась немецкой фирмой Auergesellschaft с 1920-х вплоть до окончания Второй мировой войны. Надпись на тюбике гласила: “*Was leistet Doramad? Durch ihre radioaktive Strahlung steigert sie die Abwehrkräfte von Zahn u. Zahnfleisch. Die Zellen werden*

12. Радиоактивная зубная паста «Дорамад».

mit neuer Lebensenergie geladen, die Bakterien in ihrer zerstörenden Wirksamkeit gehemmt”¹³ (приведено по [RQC]);

- *Degnen's Standard Radio-Active Solar Pad*¹⁴ – производилась в 1915-1930 гг. американской фирмой Radium Appliance Company of Los Angeles (приведено по [RQC]).

В словарях русского языка лексема *радиация* появилась в начале XX в. как заимствование из западноевропейских языков [ИЭСРЯ]. В русскоязычном дискурсе лексема также была первоначально позитивно окрашена и ассоциировалась со здоровьем и медициной, в особенности с целебными минеральными водами:

В Пятигорске открыт бювет радиоактивного теплосерного источника. Этот теплосерный источник по радиоактивности является одним из самых сильных (информационное сообщение «На лету по провинции», газета «Раннее утро», 1914 г.);

Высказано пожелание использовать весьма целебные цукатубские радиоактивные воды близ Кутаиса (заметка «Лечение воинов на Кавказе», газета «Голос Руси», 1915 г.).

Позитивная коннотированность лексем *радиация*, *радиоактивность*, *радиоактивный* проявлялась и в их метафорическом использовании в рамках ассоциации «радиация → художественное воздействие»:

«Снова он верит в себя, снова окрылен своим творчеством, прошла пора каких-то проб и неудач, и от него идет та радиация, которая, я помню, шла от Репина, когда ему удавался портрет» (дневниковая запись К.И. Чуковского о Ю.Н. Тынянове за 1933 г.).

Мы часто и много говорили о поэтах. Одинаково признали лучшим поэтом эмиграции Георгия Иванова. Говорили о магии стихов, которую я называла радиоактивностью. Откуда она? В чем ее сила?

– *Вот, – приводила я для примера известное стихотворение «Весна, выставляется первая рама...». Оно кончается словами:*

13. Что делает «Дорамад»? Его радиоактивное излучение усиливает защиту зубов и десен. Клетки заряжаются новой жизненной энергией, чиня бактериям препятствия в их разрушительной деятельности.

14. Стандартная радиоактивная солнечная подушка Дегнена.

Где, шествуха, сыплет цветами весна.

И именно эта фраза бесспорно радиоактивна. Почему? Может быть, потому, что все стихотворение – простое, говорит о простых вещах – о колесе, об оконной раме. И потом вдруг торжественное слово – «шествуха», и потом – «цветами», это ударение на широком «а» переключает всё в мир восторга. Но ведь научиться этому нельзя и нарочно придумать невозможно. Это и есть «магия», дар (Тэффи Н.А. Моя летопись, 1929 г.).

Растущий страх перед наукой, характерный для периода между мировыми войнами, не затронул концепта «радиация». Неоднократно воплощавшийся в фантастической литературе, кинотекстах и комиксах формульный образ «безумного ученого» был связан в основном со злонамеренным использованием электричества, а не излучений. В тех же случаях, когда излучения фигурировали, они имели тепловую природу и не осуществляли биологического воздействия на человеческий организм. Так, в романе А.Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» (1927 г.) мощное излучение используется главным героем для захвата власти над миром, но не как орудие уничтожения, а как средство производства. При помощи своего аппарата инженер Гарин получает доступ к золотоносным недрам, подрывает золотой паритет и скупает американскую промышленность. В советском фильме «Луч смерти» (1925 г., режиссер Л. Кулешов) речь идет об аппарате, излучение которого способно взрывать горючие вещества на расстоянии и используется для уничтожения самолетов.

Ни страшная смерть Марии Кюри (1934 г.), ни многочисленные случаи лучевой болезни среди рентгенологов не получили общественного резонанса и не повлияли на концепт «радиация». Вплоть до 1950-х годов он оставался позитивно окрашенным и ассоциировался с кра-

сотой, здоровьем и процветанием, реализуясь в двух нарративных формулах «Использование радиации – путь к процветанию человека / нации / человечества» и «Использование радиационного тестирования – способ выявления лучшего»¹⁵. Приведем лишь несколько примеров:

– рекламный ролик крема для очищения лица фирмы Dorothy Gray (1952 г.), в котором для доказательства качества продукта сначала девушке-модели наносится на лицо радиоактивная пыль и снимаются показания счетчика Гейгера, затем наносится крем и при помощи того же счетчика демонстрируется, что пыль удалена;

– статья министра геологии и охраны недр СССР П.Я. Антропова «На поиски радиоактивных руд» в журнале «Юный техник» (1956 г.), в которой содержался следующий призыв к советским детям: *«Мои молодые друзья! Вы бываете повсюду во время пионерских походов, туристских и краеведческих экскурсий, да и просто прогулок. Можно и должно во время своих путешествий заняться и поиском радиоактивных руд. Чтобы обнаружить такие руды, надо знать, как они выглядят, как они залегают. Обнаружить руды урана и тория можно с помощью прибора, называемого радиометром. Этот прибор реагирует на излучения, испускаемые радиоактивными рудами. Его можно сделать самому, купив некоторые наиболее сложные детали, но лучше, конечно, пользоваться радиометром фабричного изготовления. <...> Научитесь искать урановые и ториевые руды. Помните, вы можете найти для Родины залежи самых драгоценных металлов сегодняшнего дня. Это будет ценнейшим подарком Отчизне»;*

– анимационный фильм “Our Friend the Atom” компании Walt Disney (1957 г.), в котором рассказывается об постановке атомной энергии на службу человечеству. Используется образ доброго джина Атома, который

15. На формирование данной формулы несомненно повлияла мода той эпохи на рентгеновские снимки. Так, с 1920-х по 1950-е годы рентгеноскопы массово ставились в обувных магазинах для облегчения подбора обуви и привлечения покупателей.

при помощи радиоактивных лучей лечит болезни, при помощи радиационного тестирования осуществляет селекцию пшеницы и выводит новые породы скота.

Однако именно в 1950-х на смену позитивного отношения к радиации постепенно приходит страх перед ней. В общественном сознании она обретает статус вышедшей из-под контроля технологии (подробный культурологический обзор этого периода см. [Сливка 2015, Ч. 2]). Существенными стимулами к этому становится появление в информационном поле двух фактов:

- записные книжки умершей двадцать лет назад Марии Кюри еще излучают смертельную дозу радиации, более того – на их страницах обнаружен радиоактивный отпечаток Пьера Кюри, оставленный в начале века;

- жертвы бомбардировки Хиросимы и Нагасаки продолжают умирать от лучевой болезни, женщины, подвергшиеся воздействию радиации, рожают детей со страшными мутациями.

В этот период появляются художественные произведения, ставшие одновременно и источником, и проявлением формирования в массовом сознании радиационного концепта-фобии. Рассмотрим два из них как наиболее симптоматичные с точки зрения понятийных пропозиций, на которых базируется современный концепт:

- Японский фильм «Годзилла» (1954 г., в 1956 г. был перемонтирован для США под названием «Godzilla, King of the Monsters!»¹⁶, стал началом мультижанрового цикла, развивающегося до сих пор). Годзилла – гигантский ящер, попавший в зону испытаний водородной бомбы, вышедший вследствие из этого из спячки и мутировавший под воздействием радиации. Сюжет фильма строится вокруг попыток человечества уничтожить Годзиллу, убивающего людей, топящего корабли и разрушающего целые города. С данным произведением связано фор-

16. Годзилла, король монстров!

мирование первой пропозиции радиационной фобии: **«Радиация порождает мутантов»;**

– Повесть советского писателя-фантаста Анатолия Днепрова «Диверсант с «Юпитера» (1959 г.). Группа американских военных строит на океанском острове военную базу. Внезапно солдаты и офицеры начинают один за другим умирать от лучевой болезни. Источник неизвестен, все возможные причины исключаются. Автор мастерски демонстрируется атмосфера нарастающей истерии, взаимных подозрений, паники. В итоге источником излучения оказывается всеобщий любимец – кот Джойс, который ел на свалке радиоактивную рыбу, зараженную в результате испытаний ядерного оружия: *«Радист бросился за майором в кусты, а несчастный Джойс, ничего не соображая, помчался за ними. Мы все вдруг поняли, что радиоактивным был кот. Он спал с каждым из нас. Он терся о наши ноги. Мы держали его у себя на коленях. Мы с ним играли. Для ночевки Джойс выбирал койку того, кто ему больше всего нравился по его кошачьему разумению. И все, с кем он спал, заболели лучевой болезнью»* (А. Днепров). Данный текст основан на второй пропозиции радиационного концепта: **«Радиация – тихая смерть вокруг нас».**

Следующим стимулом к развитию концепта-фобии в русскоязычной лингвокультуре стала авария на Чернобыльской атомной электростанции (1986 г.). Именно после этого события концепт прочно обосновывается в лингвокультуре не только на уровне нарратива, но и на уровне языковых единиц, увеличивая свою номинативную плотность¹⁷ и обретая значительную метафорическую диффузность. Негативизация концепта детерминирует усложнение его лингвистической структуры и интенсификацию востребованности в дискурсе (о причинах повышенной актуальности негативных концептов в языке и коммуникации см. [Слышкин 2004: 20–22]).

17. Номинативная плотность концепта возросла в том числе и в научном дискурсе. Так, в это время в терминосистему психологии входит лексема *радиофобия*.

Реализация концептов-фобий в коммуникативном пространстве осуществляется в трех филологических формах, основанных на трех типах мотивации отношения человека к страшному:

1) желание запугать себя еще больше, получить удовольствие от страха (чувство, которое в обыденном языке передается через метафору «пощекотать себе нервы») приводит к востребованности пугающих слухов, триллеров, романов и фильмов ужасов, детективов;

2) желание «отстранить» страшное, через карнавальную профанацию сделать его менее страшным порождает черный юмор, который может воплощаться как в тексте (анекдоты, садистские стишки), так и в единице языковой системы (например, многие медицинские жаргонизмы – см. [Слышкин 2007; Микерова, Слышкин 2016];

3) желание использовать страшное как средство изображения другого страшного проявляется в языковых и литературных метафорах и сравнениях.

Рассмотрим данные формы реализации концепта-фобии «радиация» в современной русскоязычной лингвокультуре и построим на их основании трехкластерную модель данного концепта.

1. Мотивация удовольствия от страха опредмечивается в нарративных формулах слухов, детских страшилок, а также новостных (в т.ч. «фейковых») сообщений в СМИ. В данном кластере воплощаются обе пропозиции: «Радиация порождает мутантов» и «Радиация – тихая смерть вокруг нас». Можно выделить следующие сюжетные формулы:

1.1. X находит нечто, что оказывается радиоактивным и наносит вред ему и окружающим¹⁸:

В одной семье сломался фотоаппарат, но они про это не знали. Целый год они всей семьёй фотографировались, а потом через год с мальчиком произошёл несчастный

18. Здесь и далее в примерах сохранены орфография и пунктуация первоисточника.

случай. Он катался на велосипеде и попал под машину. У него случился открытый перелом ноги, кость выше колена сломалась, осколки порвали кожу. И тогда все узнали, что у этого мальчика чёрные кости.

Сначала врачи думали, что это какая-то наследственная болезнь, но потом один старенький врач вспомнил, что такое бывает из-за сильной радиации. Стали проверять – и точно, мальчик сильно облучён. Родители привели младшую сестру мальчика. Ей сделали надрез на руке – чтобы посмотреть какого цвета у неё кости. Оказалось, что тоже чёрного. У папы и мамы посмотрели – у них тоже оказались чёрные кости.

Старенький профессор посоветовал им найти дома источник радиации и избавиться от него. Вызвали специалистов, оказалось, что дело в фотоаппарате (Портал «Страшные истории 4stor.ru»).

1.2. Стены в строении / помещении X или предметы интерьера оказываются источником радиации и наносят вред проживающим¹⁹:

Слышал что белорусский кирпич, из которого построили дом напротив ДК, имеет немного повышенный фон радиации и поэтому дом так медленно заселяется. Что в самом деле правда??? Народ ведь деньги платил еще до начала основного строительства (интернет-форум «fryazino.net», 2002).

«Зеленая смерть»: как радиация убивает нас дома (название статьи о радиоактивных предметах интерьера на информационно-развлекательном портале Sibnet.ru, 2018).

1.3. Есть таинственное место X (лес, болото), излучающее радиацию, которая наносит вред тем, кто посещает это место или живет поблизости:

– Ходят слухи (причём слышал это от многих) что якобы в лесах нашего Сюмсинского района раньше захоранивали ядерные или возможно какие-то другие ра-

19. Стимулом к генезису данной формулы стал так называемый «радиационный инцидент в Краматорске» (1989 г.), когда в стене жилого дома была обнаружена радиоактивная капсула, случайно попавшая туда при строительстве и за девять лет ставшая причиной смерти и инвалидности более двух десятков жильцов.

диоактивные отходы. Вроде как бочки с этой заразой сбрасывали в болота с самолётов или вертолётв. И спустя годы от этих отходов в тех местах леса возникла и распространилась та самая радиация разумеется превышающая многократно все позволительные для человека нормы. Миф это или реальность я конечно же не знаю. Однако следует заметить что в нашем районе действительно живёт довольно-таки большое количество людей страдающих различными онкологическими заболеваниями. Кто что думает по этому поводу? Кто что слышал? Кто как считает?

– Про радиацию я тоже слышал. Но был такой слух что якобы где-то рядом с нами урановая жила проходит. Вот типа от тудава и фонит этой радиацией.

– Говорят что за Малыми Сюзмями база была и охотников там гоняли, кароче не зря такой мост соорудили (интернет-форум «Народный форум Сюзсинского района».

1.4. В местности X животные, птицы, рыбы или насекомые мутировали под воздействием радиации и наносят вред людям:

Комары-мутанты атакуют: Радиация от пожара в Сибири превратила насекомых в опасных существ (Заголовки статьи в интернет-издании «Версия Инфо», 2009).

1.5. Радиационное излучение используется преступником для незаметного убийства жертвы. Пропозиция «**Радиация – тихая смерть вокруг нас**» также находит частотную реализацию в детективном нарративе:

Депутат Воронцов на скромной черной «волге» ехал в городскую администрацию. На углу Большого проспекта и Соборного переулка днем всегда образуются долгие пробки. Рядом с черной «волгой» томился в ожидании зеленый микроавтобус с красной надписью «Изотопы» и знаками радиоактивности по каждому борту.

– Чуть вперед, – сказал Лис.

– Вот так...

Конус излучателя теперь направлен прямо на Шамана. До него было менее метра. Облаченный в прорезиненный фартук и перчатки, Лис нажал кнопку. Свинцовая заслонка ушла в сторону и жесткое гамма-излучение, пронизав тонкую обшивку микроавтобуса и борт «волги», вонзилось в тело депутата, прошло сквозь него и лизнуло Кабана – нового начальника службы безопасности, сидящего за рулем.

В отличие от пули гамма-излучение не оказывает мгновенного действия. Воронцов вообще не ощущал происходящего. Жесткие лучи разрушали кровяные тельца и поражали костный мозг совершенно безболезненно.

Поток автомобилей двинулся вперед, Лис вернул заслонку на место (Д. Корецкий. Антикиллер)

2. Мотивация отстранения страха путем карнавализации реализуется в анекдотах. В работе, посвященной концептуализации смерти в анекдоте, мы уже отмечали: «Принципиальным отличием представления смерти в анекдотах, основанных на страхе, является избегание ее прямой номинации. Такие слова, как *смерть*, *умирать*, *убивать*, для этих текстов табуированы. Именно иносказание становится инструментом карнавальской профанации смерти. Давая смерти альтернативные обозначения, рассказчик демонстрирует свою власть над ней. В процессе восприятия каждого анекдота данной группы адресат должен осуществить декодирование некоего эвфемизма, получив в итоге практически одну и ту же информацию: персонаж мертв или умрет в ближайшее время» [Слышкин 2007: 456]. Аналогичным образом лексема *радиация* в анекдотах, воплощающих радиационную фобию, табуирована. Наиболее частотными средствами эвфемистической апелляции к концепту служат топоним *Чернобыль* и его дериваты. В данном кластере

воплощается в основном пропозиция «Радиация порождает мутантов». Представлены формулы-стереотипы, конкретизирующие типы мутации:

2.1. Появление дополнительных органов и частей тела:

Сыну слесаря Петрова из-под Чернобыля всего 10 лет, а он уже мастер на все-все-все руки.

Часто в подобных текстах фигурирует гетероцефалия (многоголовость)²⁰:

Разговаривают внука с дедушкой:

– Дедушка, а правда, что была авария на чернобыльской АЭС?

– Правда, внученька, правда... – ответил дедушка и погладил внуку по голове.

– А правда, что никаких последствий не было?

– Правда, внученька, правда... – ответил дедушка и погладил внуку по второй голове.

2.2. Оживление неодушевленных объектов:

В Чернобыле вырастили самый большой в мире огурец и повезли его на международную выставку в Париже. По дороге огурец всех съел.

2.3. Увеличение размеров:

Украина открывает Чернобыль для туристов. Это будет как Диснейлэнд, только двухметровая мышь – настоящая!

2.4. Появление светового излучения:

– Вась, чего это твоя теща так светится?

– Да вот, выточил ей ложки и вилки из украинского металла из Чернобыля.

2.5. Утрата волосяных покровов:

– Колобок, колобок, я тебя съем!

– Не ешь меня, волк, я не колобок, я ёжик из Чернобыля.

Пропозиция «Радиация – тихая смерть вокруг нас» реализуется в смеховых текстах реже. Единственной сюжетной формулой, апеллирующей к данной пропози-

20. Гетероцефалия – одно из древнейших образных воплощений чудовищности в мифологии. Так, В.Я. Пропп писал: «... многоголовость змеи – многократность пасти – гипертрофированный образ пожирания. Усиление идет здесь по линии усиления числа, выражения качества через множество» [Пропп 1998: 327].

ции, является использование радиоактивных предметов для убийства:

Продает мужик на рынке яблоки и кричит на весь рынок:

– Яблоки из Чернобыля, чернобыльские яблоки!!!

К нему подходит другой мужик и говорит:

– Ты что кричишь, что яблоки из Чернобыля, брат же не будут.

– Берут и еще как.

– Как берут?!

– Кто для жены, а кто для тещи...

3. Мотивация коммуникативной эксплуатации страшного как эффективного инструмента языковой апелляции к другому страшному реализуется в сравнениях и метафорах. В данном кластере присутствуют обе пропозиции. Для выражения пропозиции «Радиация – тихая смерть вокруг нас» используются следующие основания для метафорического переноса:

3.1. Невидимость радиации:

*Нравственные потери – как **радиация**: без цвета и запаха – и тем еще страшней (А. Терехов. Страх перед морозом);*

*Все в итоге получают по заслугам! Вглядимся лучше для начала в себя. Не я ли подыгрываю общей чуме? Не во мне ли гнездится грех, который отравляет незаметно, как **радиация**, окружающий мир? (протоиерей А. Логвинов. Слово пастыря).*

3.2. Замедленность разрушительного воздействия радиации:

*Другие слова действуют медленно, подобно **радиации**. Такое воздействие может быть даже не замечено сразу, оно накапливается постепенно, и рано или поздно обида и раздражение выплескивается наружу в виде ссоры, скандала или даже полного разрыва отношений*

(интернет-портал «Swobodna.ru»);

*Он действовал медленно, как свинец в трубах, как **радиация** в воздухе, как асбест в утепляющих прокладках* (И. Ефимов. Суд да дело).

3.3. Всепроницаемость радиации, тотальность заражения и способность накапливаться:

*Несмотря на различного рода вентиляции, фильтрации, герметичные камеры и другие способы защиты, эта пыль проникает везде и присутствует повсюду, подобно **радиации*** (интернет-сайт «Форум профессиональных мебельщиков PROMEBELclub»);

*Насилие заражает биосферу тотально, как **радиация*** (М. Палей. Long Distance, или Славянский акцент);

*Шум имеет свойство подобно **радиации** накапливаться в организме, и это в свою очередь очень вредит здоровью* (статья «Бесшумные замки для межкомнатных дверей» на интернет-сайте zubilom.ru).

Пропозиция «Радиация порождает мутантов» также реализуется в данном кластере. Можно выделить два основания для метафорического переноса:

3.4. Устрашающий вид радиационного мутанта:

*Не хватало только охранника из будки, когда он с утра понедельника непохмельный – типичный **радиоактивный мутант**. Агрессивный и опасный!* (Блог пользователя vi4kin77 в LiveJournal, 2019).

*Машина, с которой я никак не могу определиться. То ли она мне нравится, то ли она страшна, как **радиоактивный мутант** – Tatra T87. Сколько ни смотрю, не могу понять...* (Блог пользователя Rocky G в LiveJournal, 2012).

3.5. Неуязвимость радиационного мутанта:

Я качался, мучая турник и выгибая батареи центрального отопления. Я пробивал железные бочки пальцем на заброшенных государством складах, не задумываясь, что из них вытечет, я знал, что ни кислота, ни газ,

ни тем более спирт любого состава не в состоянии причинить мне вреда, словно я был не человек, а какой-то радиоактивный мутант (В. Щигельский. Банка).

3.6. Размер радиационного мутанта:

Даже по сравнению со здоровяком пулеметчиком Кабан выглядел великаном. Он был не просто могуч – он казался неестественно, нечеловечески крупным, будто какой-то радиоактивный мутант... (А. Левицкий. Охотники на мутантов).

Стоило мне перестать себя убеждать оставить ее в покое, коснуться ее или просто поболтать с ней о чем-то, как во мне со страшной скоростью вырастала надежда, громадная, как радиоактивный мутант (В. Лемпа и А. Хильман. Сбросьте ваши маски).

Таким образом, процедура аксиологического анализа концепта «радиация» позволила выявить в динамике его развития две стадии, соответствующие периодам «радиоэйфории» и «радиофобии», выделяемым в социологических и культурологических исследованиях, – позитивно окрашенный концепт-аттрактор и негативно окрашенный концепт-фобия. Концепт-аттрактор «радиация» (конец XIX в. – 50-е годы XX в.) носил интернациональный характер, основывался на авторитете науки, активно эксплуатировался в рекламном и маркетинговом дискурсе и был ассоциативно связан с концептами «здоровье», «комфорт» и «процветание». Основой данного концепта стали понятийные пропозиции «Использование радиации – путь к процветанию человека / нации / человечества» и «Использование радиационного тестирования – способ выявления лучшего», породившие аналогичные нарративные формулы. Метафорическая эксплуатация концепта была фрагментарной и строилась на ассоциации «радиоактивное излучение – лучеобразное распространение чего-то позитивного».

Концепт-фобия «радиация» (50-е годы XX в. – на-

стоящее время) в целом интернационален, но обладает повышенной актуальностью для русскоязычной лингвокультуры (причина – Чернобыльская катастрофа). Данный концепт обладает более сложной структурой и разнообразием дискурсивных проявлений, чем его позитивный предшественник, что в целом характерно для негативных концептов. В основу концепта легли пропозиции «Радиация порождает мутантов» и «Радиация – тихая смерть вокруг нас». Концепт включает три кластера, базирующихся на трех типах мотивации к коммуникативной экстериоризации страха:

1) удовольствие от страшного (нарративные сюжетные формулы в жанрах слухов, страшилок, новостей);

2) карнавальное отстранение страшного (нарративные формулы-стереотипы в текстах анекдотов, основанных на эвфемистическом обозначении радиации);

3) эксплуатация страшного для обозначения другого страшного (метафорический перенос и фигура сравнения).

В первом кластере преобладает пропозиция «Радиация – тихая смерть вокруг нас», во втором – «Радиация порождает мутантов», в третьем они реализуются в равной мере.

Синтез данных, полученных в результате аксиологического анализа дискурса, позволяет построить следующую фреймовую модель лингвокультурного концепта: *Радиация есть невидимая, медленная, всепроникающая смерть, которая может скрываться как в самых безопасных локациях (дом), так и в таинственных и мрачных местах (лес, болото), а также становится результатом случайного приобретения (находки) или злонамеренных действий со стороны преступника; помимо непосредственного уничтожения человека радиация порождает мутации, результатом*

которых становится либо человеческое уродство (гетероцефалия, облысение и т.п.), либо появление агрессивных неуязвимых монстров, в свою очередь опасных для человека.

Концепт *радость* в синхронии и диахронии: русская языковая картина мира

*Радость молодит, а горе старит.
Русская пословица*

Человек и его эмоции, ценность эмоций и их проявление через язык – тема, заслуживающая постоянного внимания не только ученых-филологов, но и вообще гуманитариев, а строго говоря – и вообще каждого человека. Каждый день мы проживаем в бесконечном разнообразии эмоциональных состояний, используем эмотивы для вербализации своих эмоций, но, наверное, и нам самим до конца не ясно, как и каким образом эти эмоции ценностно и онтологически структурируют наш жизненный и, следовательно, языковой опыт (впрочем, можно сказать и наоборот – сперва языковой, а затем жизненный опыт). Обращаясь в сторону эмоций, мы можем рассматривать их спектр, отмечая только некоторые черты каждой, определяя лишь отдельные ценностные их качества. Однако можно пойти и иным путем: выбирая одну лишь эмоцию и обращаясь к ней как к аксиологеме, мы можем проследить ее состояние в синхронии и диахронии и дать (порой предварительный) ответ на вопрос о эволюции или деградации этой эмоции.

Когда речь заходит о такой эмоции, как *радость* (о концепте *радость*, о ценности *радость*) отделять эти три параметра (эмоцию / концепт / ценность) друг от друга представляется целесообразным лишь с терминологической точки зрения. В целом же исследовать *радость*, на наш взгляд, необходимо во всем комплексе научных подходов: упоминая о том, что это, несомненно, эмоция, и утверждая, что речь идет о концепте, и понимая и принимая ценностную составляющую.

Радость как часть жизни и *радость* как концепт неоднократно исследовалась в контексте разных специальностей. Особое внимание радости уделяют психологи и философы: с точки зрения науки о душевном состоянии человека, радость – это обязательная часть здорового (психологически) образа жизни. Философы уделяли *радости* меньше внимания, но тем не менее считается, что Спиноза, Ницше и Бергсон все-таки задались вопросом, как определять радость философам (однако так до конца и не пришли к окончательному решению) [Гаджикурбанов 2016; Слободской 1905; Ямпольская 2009]. Концепт, репрезентируемый лексемой, регулярно употребляемой в этикетных формулах, в качестве обращения, с разнообразными производными, оказывается довольно-таки неприступным для всестороннего и полноценного философского осмысления. Именно поэтому целесообразнее относиться к *радости* как к ценностному концепту, анализируя ее в языке и дискурсе в синхронии и диахронии.

Обращаясь к *радости* в русском дискурсе на протяжении многих веков, мы не можем абстрагироваться от христианской составляющей нашей культуры и не рассмотреть радость в этом контексте. Ранее мы писали о том, что *радость* – обязательное условие *счастья* и *любви* в онтологическом их понимании [Матрусова 2014], и указывали на многочисленное использование лексемы «радость» и ее производных (*радуйся, радуйтесь, возрадуюсь*) в богослужебных текстах. Не можем не вернуться к особо показательному примеру: в службе Великой Пятницы Страстной седмицы – дня, когда церковь вспоминает страдания и смерть Спасителя, обращение к Богородице в стихах сопровождается многократным повторением императива «радуйся». Казалось бы, в самый трагичный момент евангельской (и человеческой) истории, в момент смерти радости нет места. Но текст службы насыщен лексемами семантического поля «радость».

Так же насыщен ими и повседневный богослужебный дискурс православной церкви: призывом «*Радуйтесь и веселитесь*, яко мзда ваша многа на небеси» заканчивается третий изобразительный антифон литургии (текст Нового завета (Мф 5:12), в воскресных прокимнах и аллилуариях звучит: «*Радуйтесь*, праведнии, о Господе, правым подобает похвала»; в причастнах «*Радуйтесь*, праведнии, о Господе, правым подобает похвала». Богослужебные тексты не меняются много веков, с момента принятия Русью христианства мы можем говорить о постоянности этого дискурса, и при всех перипетиях, сопровождавших историю церкви, нельзя сбрасывать со счетов факт влияния регулярных повторов одного и того же призыва *радуйтесь!* на русскую языковую картину мира, а через нее – и на сознание русской языковой личности. Таким образом, можно утверждать, что первая константа аксиологемы *радость* в русской языковой картине мира основана на христианском дискурсе и сохраняется на протяжении многих столетий неизменной, хотя и не всегда ярко выраженной (недаром бытует расхожее мнение, что христианство и радость несовместимы).

Если мы утверждаем, что концепт *радость* онтологичен и существует в русском языковом пространстве значительный период времени, логично предположить, что он представлен в важнейшем пласте языковых единиц – в пословицах и поговорках.

Действительно, существует целый ряд идиом, обращающихся к понятию *радость*, и мы приведем несколько наиболее частотных и представляющих это понятие с разных точек зрения, а также оценим их представленность в корпусе русского языка.

• *Радость молодит, а горе старит* (в корпусе – отсылка к словам Феи из пьесы Е. Шварца «Золушка» (и отсылка к одноименному фильму по пьесе);

- *Рад бы в рай (да грехи не пускают)* (28 вхождений в корпусе);
- *Старость не радость (а гроб не корысть)* (51 вхождение в корпусе);
- *Не радуйся, нашедши, не плачь, потерявши* (3 вхождения в корпусе);
- *От радости вьются, а от горя секутся* (2 вхождения в корпусе).

Конечно, этот список можно продолжать, но уже и по приведенным примерам мы видим, какие атрибуты радости устойчиво проявляются в русской лингвокультуре. Это возрастная семантика – радость ассоциируется с молодостью, с наличием сил, это оценочное восприятие изменений в судьбе (потери / находки), это категория состояния при изменении положения / статуса (рад – в рай).

В вышеприведенных примерах мы наблюдаем и сопоставление в русской языковой культуре *радости* с *веселием* и противопоставление ее *печали* и *горю*.

Устойчивые выражения, такие как «все не в радость», «расти/живи кому-л. на радость» указывают на особые условия, при которых радость возникает / существует. В корпусе русского языка мы видим такие словосочетания, как *петь от радости*; *(не) умереть от радости*, *плакать от радости*, *сходить с ума от радости*, *прыгать от радости* и т.д. Радость оказывается эмоцией настолько сильной, что ее сопровождают другие выражения эмоций, она интенсифицируется через другие действия, ее ценность подчеркивается через максимизацию выражения: плач, пение, прыжки и т.д.

Обратимся к словарю-гезаурусу эмотивной лексики «Алфавит эмоций» за определением типовой семантики *радости*: «чувство большого удовольствия и душевного удовлетворения, наслаждение, обусловленное достигнутым успехом, сопрягаемое обычно с любовью, восторгом,

вдохновением и другими положительными эмоциями, проявляемое внешне в улыбке, смехе, активной жестикуляции, эмоционально восторженной интонации, экспрессивных восклицаниях, а также бодрое и радостное мироощущение, для которого характерны вера в лучшее будущее в любых житейских ситуациях, склонность во всем видеть хорошее, светлые стороны, убежденность в благоприятном исходе дела даже при самых неблагоприятных обстоятельствах, что обусловлено интересом к жизни во всех ее проявлениях» [Бабенко 2021: 133].

Как мы видим, внешнее проявление *радости* довольно выразительное (хотя это не мешает существованию в русском языке субконцепта *тихая радость*), кроме того, в этом тексте мы видим и указания на такие важные сопутствующие *радости*, как *любовь* и *веру* (в лучшее будущее – примем эту формулировку как максимально широкую). Можно сделать вывод, что вторая константа аксиологемы *радость* – это ее интенсивные внешние проявления (в обычной ситуации) и сопряженность с другими аксиологемами – любовью, верой, надеждой и т.д.

Помещая *радость* в синонимический ряд, например, в словаре под редакцией Н. Абрамовой, мы видим следующее: веселье, весть, восторг; потеха, утеха, отрада, ликование, веселость, евфросина, просвет, увеселение, услада, светлое пятно, филиа, эйфория, беспечалие, развлечение, кайф, упоение, радостность, торжество, жизнерадостность, забава, праздник, праздничное настроение, удовольствие. Из перечисленного устойчивые синтагматические отношения у лексемы *радость* выстраиваются только с лексемой *веселье*, поэтому целесообразно рассмотреть, как отличаются эти два концепта в русской языковой картине мира.

Обратимся к примерам из корпуса:

– Впрочем, переменим материю? – и, довольный плохим каламбуром, он **развеселился** (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841);

Эта мысль поразила доктора, и он **развеселился** (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841);

Мне он **обрадовался**, как родному, и долго ждал руки, присовокупляя, что всю ночь читал он мой роман, причём он ему начал нравиться (М.А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936–1937);

И когда в его создании загорелась чуждая ему и совсем другая душа, то он **обрадовался**, потому что он любил свою статую (И.Ф. Анненский. Вторая книга отражений (1909);

Он **обрадовался** мне чрезвычайно, обнял меня своими исхудалыми руками, долго поглядел мне в глаза каким-то не то испытующим, не то умоляющим взором, и, взяв с меня слово, что я исполню его последнюю просьбу, велел своему старому камердинеру привести Асю (И.С. Тургенев. Ася (1858);

Мы с ним не видались года три, он **обрадовался** мне, и я ему **обрадовался**, не потому, чтобы мы друг друга особенно любили, а потому, что человек всегда **радуется**, когда увидит знакомые черты после долгого отсутствия (А.И. Герцен. Мимоездом (1846).

По этим примерам мы видим, что для веселия характерны внешние триггеры и внешние проявления, веселие существует в причинно-следственных связях и экстраполируется через шутки, смех, розыгрыши и тому подобное. Веселье тесно связано с юмором.

Радость тоже может экстраполироваться через улыбку или смех, но обладает более глубоким онтологическим смыслом, может выражать глубокое внутреннее чувство по отношению к другому человеку, способность разделить положительный аспект бытия: можно сказать

«я за тебя рад», но нельзя «мне за тебя весело». Интересно в приведенных примерах обратить внимание и на то, что человек *радуется* встрече с человеком, обращается к какому-то глубинным своим чувствам. Если *веселье* связано с юмором, то *радость* связана, как уже мы упоминали раньше, со счастьем, с любовью, с надеждой. Интересно, что с точки зрения этикетных формул, с точки зрения возможности обратиться к человеку, существует «радость моя!», но нельзя сказать «веселье мое!». Списать такую разницу на грамматический род лексемы не получится – ведь средний род лексемы *солнце / солнышко* не препятствует ее употреблению в качестве эпитета / обращения. Следовательно, *радость* имеет черты человеческие или атрибутируется через человеческое, тогда как *веселье* – характеристика и свойства некоторого явления, которое может быть, а может и не быть связано с человеком, его эмоциями и состоянием.

При этом и *радость*, и *веселие* могут менять свой знак «плюс» на «минус» прибавлением эпитета *злой*, но чаще встречается *злая радость*, чем *злое веселие*.

Рассмотрим *радость* (и *веселие*) в наиболее динамичных текстах XX века – песенном дискурсе (отбор песен рассмотрен в [Матрусова 2020]).

Над страной весенний ветер веет,
С каждым днем все *радостнее* жить,
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить.

(«Широка страна моя родная»)

Эти строки в Советском Союзе знали. Сейчас песню уже вряд ли вспомнят миллениалы, однако нам важно, что здесь появляется не только эмоция, но еще и сила ее проявления, наращивание интенсивности через сравнительную степень (хочется тут вспомнить шутку про «я рада – а я еще радее»).

Одна из самых популярных детских песен XX века начинается следующими строками:

Вместе *весело* шагать по просторам!
И, конечно, припевать – лучше хором!

(«Вместе весело шагать»)

Концепт *веселье* соотносится здесь с *радостью* практически синонимично – акцент сделан на человеческом общении и на внешнем проявлении через пение (как мы видели ранее в примерах из корпуса).

Радость как атрибут детства многократно упоминается (и это свойство подчеркивается) и в ряде других текстов:

Позабыто все на свете,
Сердце замерло в груди,
Только небо, только ветер,
Только *радость* впереди.

(«Крылатые качели»)

Еще раз подчеркнем высокую интенсивность проявления эмоции: замирает сердце, забыто все и т.д. (заметим в скобках: можно все позабыть от *радости*, но вряд ли все будет забыто от *веселья* (если, конечно, это не веселие особого рода, с употреблением внешних стимуляторов).

Интересно, что именно в детских песнях появляется еще один оттенок концепта *радость* (глубоко христианский по своей сути) – это *радость* как цель и смысл существования, оправдание земного бытия. Причем это не только радость конкретной личности / субъекта, но и умение создать радость для других.

Мы свое призванье не забудем –
Смех и *радость* мы приносим людям!
Нам дворцов заманчивые своды
Не заменят никогда свободы.

(«Песенка трубадура»)

Этот контекст обращает нас к сравнению еще двух оттенков концепта (и строго говоря, это уже не концепт

радость): мы не можем пропустить *радостный смех* и *веселый смех*. И в первом, и во втором случае имеет место внешнее проявление глубокого внутреннего чувства, свойства, но если веселый смех лишь характеризует текущее внешнее положение вещей, то в случае радостного смеха мы будем говорить о глубинных эмоциях и понимании их места в целостной картине бытия.

Вообще оправдания себе (причины для такого состояния) чаще ищет именно веселие, именно так и формулируется стандартный вопрос: а почему это ты такой веселый, и именно это недоумение, которое может экстраполировать любой русскоговорящий, обыгрывается в еще одной детской песне:

И неясно проходим
В этот день непогожий,
Почему я *веселый* такой.

(«Песенка крокодила Гены»)

Веселье требует какого-то обоснования, оправдания, нельзя быть веселым просто так (вспомним хрестоматийное «смех без причины – признак дурачины»), тогда как радость чаще становится именно целью, смыслом, радость сама по себе может оправдывать происходящее. Не случайно в песне «День победы» лирический герой переживает именно *радость*, причем со слезами на глазах (*веселья* со слезами на глазах не бывает).

Этот День Победы порохом пропах,
Это праздник – с сединою на висках.
Это *радость* – со слезами на глазах.
День Победы!

(«День Победы»)

Подчеркнем это соединение радости и скорби – может быть радость со слезами на глазах, но веселье со слезами будет мыслиться как оксюморон, тогда как *радость со слезами*, *плакать от радости*, *слезы радости* – концепты,

естественные для русского сознания. (Отсюда и шутки типа «Смейтесь до слез, и люди будут думать, что вы смеетесь сквозь слезы».)

Подобное соединение радости и грусти / скорби / печали мы видим и в текстах более лирических и менее трагических по своей сути: так, в «Песенке об Арбате» Булата Окуджавы звучит:

Ах Арбат, мой Арбат, ты мое призвание
Ты и радость моя, и моя беда.

(«Песенка об Арбате»)

И вновь мы видим, что с *радостью* может уживаться чувство, радости противоположное, и это не смущает ни автора, ни слушателей, настолько естественно для русского сознания такое сочетание. Нельзя не вспомнить менее известную песню, в которой радость и печаль намеренно разводятся автором, как будто во избежание недопонимания слушателями интенции автора (а то, чего доброго, подумают еще, что и тут – печаль и радость вместе!):

От печали до радости – ехать и ехать,
От печали до радости – лететь и лететь...

(«От печали до радости»)

Один из атрибутов радости – улыбка, и в контексте противопоставления «радость – грусть» один из членов оппозиции может подразумеваться через подстановку такого рода «атрибутивных» элементов семантического поля.

Ты что грустишь, бродяга?
А ну-ка, улыбнись!

(«Изгиб гитары желтой»)

Интересно с этой точки зрения посмотреть на еще одну детскую песню, в которой ни разу не упоминается ни радость, ни веселье, но улыбка подразумевается как их непременно условие:

От улыбки хмурый день светлей...
 От улыбки солнечной одной
 Перестанет плакать самый грустный дождик.
 Сонный лес простится с тишиной
 И захлопает в зеленые ладоши.

(«От улыбки хмурый день светлей»)

Наличие здесь эпитетов *хмурый*, *грустный* однозначно указывает на грусть или печаль, и именно *улыбка* призвана справиться с ситуацией и сменить их на *радость* (и / или *веселие*).

И даже в специфических песнях «блатного» толка оказывается важным акцент на радости:

Там под окном зэка проталина тонка,
 И все ж ты недолга, моя весна.
 Я *радуюсь*, что здесь хоть это-то, но есть,
 Как мне твоя любовь нужна.

(«Владимирский централ»)

На основе анализа песенных текстов можно сделать вывод о третьей константе аксиологемы *радость* – она существует на всех уровнях языка, наиболее частотна в дискурсе детских песен (детство = радость, или, по крайней мере, так должно быть).

Ценностный концепт *радость* (со своим концептом-близнецом *веселье*) существует в русской языковой картине мира с древнейших времен, что подтверждается анализом христианских текстов, воспроизводимых в русской лингвокультуре в течение многих веков. При этом разграничения между *радостью* и *весельем* существуют, но не очевидны носителю языка, однако можно предположить, что эта тенденция на разграничение будет медленно нарастать.

Аксиологему *радость* характеризуют константы, остающиеся практически неизменными на протяжении многих веков, и поэтому можно утверждать, что *радость* – онтологический, смыслополагающий концепт русской языковой картины мира.

А.Н. МАТРУСОВА

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ
В ПОНИМАНИИ КОНЦЕПТА ГРАНИЦА

Вопрос о границах – вечный вопрос, который существует столько же, сколько существует человеческое общество. Устанавливая границы, государство заявляет о своей полноте, самостоятельности; устанавливая границы, о себе как о независимой личности заявляет человек. Идея и феномен *границы* рассматриваются учеными в самых разных науках – от географии до филологии – и получают разнообразные определения. М. Бахтин писал: «Я осознаю себя и становлюсь самим собой только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого... Само бытие человека (и внешнее, и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть – значит общаться... Быть – значит быть для другого и через него – для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе» [Бахтин 1994: 186]. Великий исследователь диалога сразу обозначает наличие *коммуникативной границы*, и эта граница оказывается основной в осуществлении коммуникации – стоит коммуниканту уйти на внутреннюю суверенную территорию, как граница становится непреодолимым препятствием для дальнейшего общения. Иное видение границ у Ю.М. Лотмана: для него важнее возможная проницаемость и даже *подвижность границ*, их потенциальная амбивалентность. Лотмана привлекает тот факт, что граница, существуя, принадлежит одновременно двум сферам, между которыми она проложена. У Лотмана «граница размыта и определение каждого конкретного факта как принадлежащего культурной или внекультурной сфере обладает высокой степенью относительности» [Лотман 2000]. В современном мире идея границы не теряет своей актуальности: меняются

психологические школы, заявляющие о важности личного пространства, выстраивании личных границ, коммуникативная лингвистика ищет границы в коммуникации, на уровне ряда других гуманитарных и общественно-политических наук граница может представляться как фактор, имеющий решающее значение для разрешения конфликта (или его создания): например, граница становится одним из важных понятий в конфликтологии, в молодой науке деструктологии [Силантьев, Малыгина, Полетаева, Силантьева 2020]. Для разрешения ряда конфликтов необходимо ясное понимание того, насколько *граница* важна для носителей той или иной лингвокультуры, как выстраивается бытовое понимание *границы*, в какой мере оно соотносится с *границей* в коммуникации. (О лингвокультурной специфике коммуникативной границы см. [Милованова, Чжан 2020].)

Аспекты толкования границы

Граница может рассматриваться с нескольких позиций. Она может быть материальная, физическая, существующая в предметном мире и созданная с помощью осязаемых объектов. Это границы, с которыми мы сталкиваемся каждый день – границей становится разделительное сооружение на автотрассе, стена, отделяющая дом от улицы, и даже занавеска в ванной. Граница может быть нематериальной – это в какой-то степени и границы между государствами, и границы между социальными группами и сословиями, и границы между категориями людей.

Границы устанавливаются с различными целями – обозначить свое или отделиться от чужих. В коммуникации такая граница зачастую устанавливается в детстве. Маркером такой границы может быть, например, домашнее имя. Это явление подробно описал Ю.М. Лотман: «Различение «своих» или «чужих» слов делит мир ребенка

на свой и чужой, закладывая ту границу сознания, которая сохраняется как важнейшая доминанта культуры. Так возникает смысловая граница, которая в дальнейшем сыграет основополагающую роль в социальном, культурном, космогоническом, этическом структурировании мира» [Лотман 2000]. Граница, таким образом, задает систему ценностей *внутри границы* и *вне* ее. Граница – важнейший параметр, позволяющий объективировать правила, существующие в обществе. Граница становится маркером иерархии, которую в традиционном обществе не принято нарушать. Именно *граница* задает фундаментальную оппозицию «*свой – чужой*», и эта оппозиция, в свою очередь, маркирует участников диалога, коммуникативного процесса, существует на бытовом уровне и рассматривается в широком философском спектре.

В современном научном дискурсе вопрос о границах в той или иной степени поднимается в разных сферах. Отметим два интересных исследования: работу Н.Т. Рымарь «Бахтинская концепция архитектоники эстетического объекта и проблема границы «искусство / не искусство» [Рымарь 2006] и труд Джона Шоттера «М.М. Бахтин и Л.С. Выготский: интериоризация как «феномен границы»» [Шоттер 1996].

Исследуя в целом феномен границы, Н. Рымарь цитирует Норберта Вокарта: «Отделение одной вещи от другой не означает... отвлечения от другого – напротив, следствием этой операции является полагание другого в качестве необходимого условия наличия общей границы, конститутивной для выделяемого предмета» [Рымарь 2006]. У Вокарта формулируется уже знакомая нам мысль Лотмана о том, что граница – то, без чего не могут существовать два явления. Небезынтересны рассуждения Женнета (они затрагивают только границу текста, но могут быть масштабированы до метафизического ос-

мысления границы): «Речь идет не столько о барьере или непроницаемой границе, сколько о пороге, о некоторой “неопределенной зоне” между внутренним и внешним, у которой опять-таки нет твердой границы ни изнутри, со стороны текста, ни снаружи, со стороны дискурса действительности о тексте» [Рымарь 2006].

Наличие границ служит показателем устойчивости (или неустойчивости) личности или общества. В свою очередь, через оппозицию «устойчивый – неустойчивый» раскрывается фундаментальная онтологическая оппозиция «свой – чужой», приобретая дополнительные черты «стабильный – нестабильный», «надежный – ненадежный».

Границу необходимо рассматривать как фундаментальный концепт человеческого бытия. Примеры контекстов, в которых появляется граница как концепт, могут быть бесконечны, но мы обратимся к песням, как одному из наиболее ярких с точки зрения репрезентации концептов типу текстов.

В русскоязычной лингвокультуре концепт «граница» обладает значительным потенциалом: это обусловлено исторически, постоянным расширением территорий Российской империи и многочисленными войнами, которые велись у ее рубежей, и географически – обширной территорией России, и духовно – христианским сознанием, в контексте которого Россия существует уже более тысячи лет.

Самые яркие проявления *границы* в популярных песенных текстах – это границы, обозначающие территорию государства. Самая известная не только в России, но и во всем мире русская песня «Катюша» включает этот концепт, реализуя его через слово «пограничье»: «И бойцу на дальнем **пограничье** // От Катюши передай привет». В дальнейшем тексте песни раскрывается идея границы как рубежа, отделяющего свою землю от чужой, идея

защиты своих границ и своей страны: «Пусть он землю бережет родную». Как будет продемонстрировано ниже, такое видение границ типично не только для русского лингвистического сознания, но и в целом для человеческого сознания в условиях современного строения общества и института государственности.

Возникающее здесь «пограничье» также указывает на пространство между своим и чужим. «Свой – чужой» – одна из фундаментальных, концептуальных оппозиций, существующих в человеческом сознании, и граница оказывается маркером наличия этой оппозиции, ее важности для общества.

Другая популярная русская песня также отсылает нас к идее защиты границ: «На границе тучи ходят хмуро, край суровой тишиной объят // У высоких берегов Амура / Часовые родины стоят». Здесь контекстуально соединяются и границы как маркер территории, и то, что территория эта не просто земля, а родина. Обратим внимание на упоминание Амура – ниже речь пойдет о проведенном нами ассоциативном эксперименте, и Амур окажется реакцией на стимул «граница». Отметим, что здесь «граница» приобретает негативную окраску (хотя, казалось бы, для песни о героической защите родины это неожиданно): наличие ряда лексем «хмурый», «тучи», «суровый» формирует неожиданное семантическое поле «темнота, сложность». Возникает предположение о том, что для русского языкового сознания идея границы (и связанного с ней разделения) относится скорее к необходимости, чем к тому, что приносит радость и положительные эмоции.

Интересно отметить, что концепт «граница» в современной русской лингвокультуре реализуется в том числе на уровне искусства для детей. Популярный во всем мире мультипликационный сериал «Маша и Медведь» построен

на прецедентных текстах и ситуациях, и 12 серия этого сериала называется «Граница на замке». В этой серии Маша охраняет границу мишкиного огорода и напевает песню «На границе тучи ходят хмуро» (в мультфильме Маша перефразирует песню и поет «На границе хмуро ходят тучи... на границе ходят тучи хмуро», и этот факт отсылает нас к мысли о прецедентности песенных текстов [Голяк, Матрусова 2019]).

С другой стороны, именно песня в русском языковом сознании становится способом преодоления границ: «Через годы, через расстоянья, // На любой дороге, в стороне любой, // Песне ты не скажешь до свиданья // Песня не прощается с тобой». Повторяющаяся лексема «через» указывает на то, что границы (как мы видим из контекста – временные и пространственные) преодолимы, и преодоление их находится на уровне надпредметном, в какой-то степени метафизическом.

Сама *граница* как идея маркирования пространства находит свое место также в оппозиции «граница – безграничность», где безграничность – та самая загадочная воля, русский концепт, сложность перевода которого на другие языки неоднократно отмечали исследователи и практики-переводчики, указывая на то, что воля не есть свобода, а нечто большее. Такая «не-ограниченность», «без-границность», «воля вольная» также масштабно представлены в русской лингвокультуре, реализуя оппозицию с одним скрытым членом «граница – воля»: «Где же ты теперь, воля вольная, // С кем же ты сейчас ласковый рассвет встречаешь? // Ответь! // Хорошо с тобой, да плохо без тебя // Голову да плечи терпеливые – // Под плеть» (В. Цой). Наличие прямой оппозиции «хорошо – плохо» в синтаксическо-структурной параллели с *воля вольная* указывает нам на скрытую оппозицию «воля – ограничение / запрет».

Рассматривая *границу* с указанных позиций, мы видим ряд возможных подходов как к ее описанию, так

и к иерархии границ: *граница* может быть объективно существующей и необходимой, материальной, разделяющей объекты с целью их идентификации, *граница* может быть объективно существующей, разделяющей объекты и **преодолимой или указывающей на возможность преодоления**, наконец, *граница* может существовать в оппозиции «**граница – безграничность, воля**», идентифицируя таким образом концепт, играющий важную роль для русской языковой картины мира.

Ассоциативный эксперимент

Такое описание контекста, в котором граница существует в современном мире и в русскоязычной лингвокультуре, подводит нас к гипотезе о трех уровнях существования границы: физическом, духовном и коммуникативном.

Для дополнительной оценки концепта *граница* в сознании современного общества мы провели свободный ассоциативный эксперимент, участники которого должны были дать ответ-реакцию на стимул «граница». Особенность данного эксперимента заключалась в том, что он проходил онлайн с помощью формы гугл-опроса и участники не были ограничены ни по времени, затраченному на прохождение опроса, ни по количеству ответов, которые они могли дать.

По замечанию одного из выдающихся отечественных исследователей А.А. Залевской, основа для возникновения ассоциативной связи – «включение исходного слова в триединый контекст внутреннего лексикона – во взаимопересекающиеся системы когнитивных, эмотивных и языковых ориентиров, вне которых слово не может функционировать в индивидуальном сознании» [Залевская 1994: 11]. Это указывает на необходимость получить максимально широкую ассоциативную реакцию у респондентов.

Всего в эксперименте приняли участие 358 человек, владеющих русским языком как родным или как иностранным на уровне не ниже В1, со всего мира. 10% участников эксперимента – китайцы, и данный факт будет нам важен при дальнейшем анализе результатов эксперимента.

После указания на свой возраст и образование участникам предлагался следующий вопрос «Отвечайте, пожалуйста, сразу, можно дать несколько ответов. Мои ассоциации: *граница – это...*».

По данным анализа, участники действительно отвечали спонтанно (время, затраченное на заполнение гугл-формы, было не более 2–3 минут), и давали как один ответ, так и несколько вариантов. Хотим подчеркнуть, что в случае, если участник давал несколько реакций на стимул, большая часть этих реакций попадала в частотные.

Самой частотной реакцией стала *линия* – она встретила в 69 случаях. Второе, третье и четвертое места соответственно – *предел*, *государство* и *ограничение*. Если посмотреть на менее частотные, но синонимичные понятия *рубеж*, *черта*, *барьер*, *забор*, *запрет*, становится очевидно, что концепт *граница* связан в первую очередь с идеей разделения между какими-то объектами.

Интересно отметить, что самые частотные стимулы не различаются у представителей азиатских стран (китайцев) и европейцев (сюда мы включаем и американцев): у китайцев, принявших участие в эксперименте, самыми частотными реакциями также были *рубеж*, *предел* и *государство*. Обратим внимание на неожиданное соотношение реакции «родина» в группе азиатских и европейских респондентов – у китайцев 3 реакции (напомним, китайцы – 10% от всех участников), тогда как на 90% участников-европейцев реакций *родина* всего 2 (при том, что основная масса респондентов-европейцев – носители русского языка, проживающие в России и странах СНГ).

На основании этой небольшой по ответам, но репрезентативной по количеству отвечавших выборки мы можем сделать вывод, что для русской лингвокультуры родина – понятия более сокровенное и менее регламентированное границами, т.е. *родина* и *государство* не совпадают в сознании русскоговорящих жителей России и СНГ, а у китайцев эти понятия оказываются более близкими.

Еще одно интересное наблюдение – это актуализация понятий «психологические границы» и «границы, которые мы создаем себе сами» (по формулировке одного из участников эксперимента «то, что у меня в голове и мешает мне жить»). Реакция «личные границы, личное пространство, зона комфорта» насчитывает более 20 случаев, но все эти случаи представлены исключительно в европейской группе респондентов. Респонденты формулировали это следующим образом: «барьеры в голове», «то, что находится в голове у людей и мешает им мыслить более широко и гибко», «то, что живёт в моей голове и периодически мешает действовать».

Всего в ходе эксперимента было получено более 30 ассоциатов, которые повторялись 3 и более раз, и около 10 единичных ассоциатов. Частотность ассоциатов представлена в таблице 1.

Таблица 1

Частотность ассоциатов

ЛИНИЯ	69
ПРЕДЕЛ	53
ГОСУДАРСТВО	40
ОГРАНИЧЕНИЕ	35
ЛИЧНЫЕ ГРАНИЦЫ ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО	21
РАЗДЕЛЕНИЕ	20
ТЕРРИТОРИЯ	20
СТРАНА	21

РУБЕЖ	24
ЧЕРТА	16
БАРЬЕР	13
ЗАБОР	11
(НЕ)СВОБОДА	11
ПЕРЕХОД	10
ЗАПРЕТ	10
ПРЕГРАДА	8
ТАМОЖНЯ	8
КОНТРОЛЬ	6
ЗАЩИТА	6
КАРТА	5
ГРАНЬ	5
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ	5
СТЕНА	5
РОДИНА	5
УСЛОВНОСТЬ	4
КОМФОРТ	4
ПУТЕШЕСТВИЯ	4
НОРМА	4
КРАЙ	6
ДИСТАНЦИЯ	3
ПЛОХО	3
ПРАВИЛА	3

Рассматривая полученные ассоциаты, мы приходим к выводу о возможности сгруппировать их уже более предметно (таблица 2). *Предел, рубеж, черта* – синонимы, обозначающие одну и ту же идею, то же можно сказать о таких ассоциатах, как *линия, забор, край, грань*. Все эти ассоциаты относятся к семантическому полю «отделение, разделение», что, как показывает их частотность, является основной идеей границы в бытовом сознании не только русскоговорящих, но и носителей других лингвокультур, в частности, как мы видим из проведенного исследования, китайской.

В концепции Бахтина поднимается вопрос о том, что сам человек, личность всегда находится на границе (в про-

типоволожность идее интериоризации). Это встраивается в концепцию диалога, границы как явления, соединяющего пространства. С этим связаны и ассоциаты с идеей преодоления или ассоциаты с положительными коннотациями: *переход, защита, путешествия*. Однако было бы неверно объединить эти ассоциаты в одну группу, поэтому обозначим их как «ассоциаты – преодоление» и «ассоциаты с позитивной коннотацией».

Самую малочисленную группу ассоциатов составили ассоциаты, в которых представлена идея психологических границ, личного пространства. Как уже отмечалось выше, такой тип ассоциатов был отмечен только у респондентов, относящихся к европеоидной группе, и в основном у лиц младше 40 лет. Напрашивается предположение о значительном влиянии советской идеологии на внутренний мир респондентов старше 40 лет, и о некоем «раскрепощении», «разрешении» самому себе обозначать свое личное пространство у респондентов, родившихся накануне перестройки и после распада СССР.

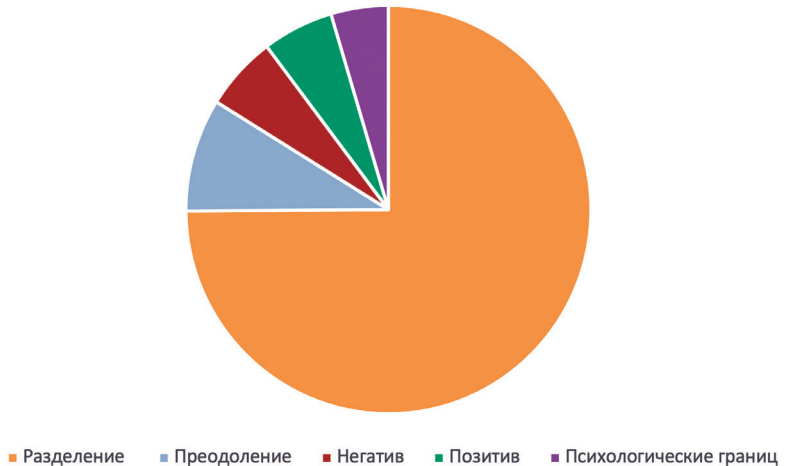
Таблица 2

Классификация ассоциатов

Ассоциаты, объединенные идеей разделения	Ассоциаты, объединенные идеей преодоления	Ассоциаты с негативной коннотацией	Ассоциаты психологического характера	Ассоциаты с позитивной коннотацией
Линия, предел, рубеж, черта, барьер, забор, стена, край, грань	Переход, таможня, контроль, защита, несвобода	Плохо, несвобода, разделение	Личное пространство, условность, психологические, личные границы, у меня в голове	Путешествия, Родина, защита

Наглядно эту классификацию мы можем представить на диаграмме: при визуализации полученных данных мы видим, что $\frac{3}{4}$ ассоциатов относятся к семантическому полю «разделение», остальные распределились в оставшейся четверти более-менее равномерно (разделение – 338, преодоление – 41, негатив – 27, позитив – 26, психологические границы – 26).

Ассоциации с идеей "ГРАНИЦА"

Выше мы отмечали, что граница у Бахтина трактуется как место встречи, как *диалог*: в данном контексте показательным является то, что в ассоциатах мы не наблюдаем никаких маркеров коммуникативных границ, которые существуют в любом языковом сознании и активность которых в диалоге определяется лингвокультурной традицией [Милованова, Чжао Мэйвэй 2020]. Респонденты обозначают границы как объективную данность, существующую вовне, если граница в сознании респондента интериоризируется, то как психологическая, но не коммуникативная сущность.

Возвращаясь к мысли М. Бахтина о человеке, находящемся на границе, т.е. ведущем диалог, заметим, что с точки зрения коммуникации граница становится как разъединяющим, так и объединяющим началом – диалог невозможен без осознания границ общения. Выстраивается ли диалог с другом, с коллегой, или это более масштабный диалог, например, с государством, он не состоится, если в пресуппозиции отсутствует знание о «пространстве» каждого из участников диалога, т.е. нет понимания границ. На бытовом уровне это понимание пространства и границ особенно ярко наблюдается в общении южных и северных народов – известно, что люди, проживающее в северных европейских странах (в том числе в России) привыкли к большей дистанции между собеседниками, чем в южных странах. В жизни это может быть заметно, если наблюдать разговор, например, русских и итальянцев: итальянец стремится подойти ближе, русский отодвигается дальше.

Если есть границы индивидуальные, то существуют и границы надиндивидуальные, т.е. представление о границе, существующее на общенациональном уровне. Это не всегда физические государственные границы, скорее, это границы «прикосновенности – неприкосновенности» темы государства (в других случаях – Родины) в приватном и официальном общении. Парадоксальным образом это описал А.С. Пушкин в письмах к князю П.А. Вяземскому: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство» (1826 г.) (с момента написания этого письма поэт прожил в России еще 11 лет, так и не покинув её!). И, наконец, есть границы, которые устанавливаются на общечеловеческом уровне – границы, общее понимание которых продемонстрировали респонденты в проведенном нами опросе.

Личность как концепт и её аксиологический статус

Семья, жизнь, здоровье, любовь, дружба – всё это названия концептуальных понятий, связанных с аксиологическим восприятием окружающей действительности носителем языка. Стабильность этого восприятия крайне относительна, и ключевую роль в этом играют экстралингвистические факторы. Так, изменение политического строя в нашей стране в совокупности с открывшимся к разнообразным товарам и услугам доступом обусловило не только формирование *общества потребления*, но и запустило процесс атомизации – изоляции индивидов в результате разрыва социальных связей и отношений [Новиков 2009: 192]. Это в свою очередь привело к смещению фокуса у современного представителя российского общества – с коллективного на индивидуальное, личное. Каково же текущее состояние понятия *личность* – как концепта и как аксиологемы? Рассмотрим подробнее в данном разделе.

Само слово *личность* возникает как дериват от прилагательного *личный* не ранее второй половины XVII столетия – в тот момент, когда у носителя языка возникает потребность обозначить каким-либо образом конкретное человеческое «я» со всей совокупностью свойственных ему признаков и качеств [Виноградов 1999: 272] – и в течение продолжительного времени остаётся – в сравнении с концептуальной лексемой *человек* – словом второго плана, принадлежностью интеллигентской речи [Степанов 1997: 716]. Среди базовых ценностей россиян, как показали результаты исследования 2001 г., проходившего в рамках проекта «Томская инициатива» [Базовые ценности россиян 2003: 334], данного слова не обнаруживается.

Становление семантического наполнения анализируемой единицы происходит постепенно. К примеру, речевые образцы XVIII в. отражают такое значение данного слова, как ‘обидные замечания’ [ТСРЯ 1999: 330] (1), сохранившееся в широко распространенном *перейти / переходить на личности* (2): (1) ... *если он, его назовет судиею наемным, ложным, глупым – есть личность, но дозволить можно (А. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву)*. (2) ...*я прихожу в комментарии (открытые) и пишу (без оскорблений и перехода на личности), что не согласна с постом (Telegram)*. Сегодня данная единица объединяет под собой следующие значения: 1.0. *Отдельное человеческое Я, человеческая индивидуальность как носитель характерных для неё признаков и свойств*. 2.0. *Человек как носитель индивидуального начала*. 2.1. *Человек с точки зрения черт его характера, поведения, общественного положения* [БУС 2016: 499].

Как отмечает В.В. Виноградов, представление об индивидуальной неповторимости, цельности отдельного человека вкладывается в отмеченную лексику только к концу первой трети XIX столетия [Виноградов 1999: 273]. Тогда же формируется и антиномия *личностное – общественное*, где последнее обнаруживает непосредственную связь со значимой для русской культуры идеей *соборности* – приоритета интересов коллектива над интересами личности²¹ [Дементьев 2013: 86–87]. «*Личность*, – пишет Ю.С. Степанов, – становится новой концептуализацией понятия *человек* в социальном, гражданско-правовом плане – параллельно развитию концепта *цивилизация*» [Степанов 1997: 725], при этом именно *цивилизованность* нередко рассматривается как оппозиционная *соборности* черта – внешнее объединение / внутреннее единство – при сравнении русской

21. В связи с этим ср.: *Смысл пришествия Христа и Его искупительной жертвы – восстановление единства всей твари. Каждая личность – это частица огромной массы (митрополит Питирим (Нечаев), Русь уходящая)*.

22. Нами приводятся результаты интернет-опроса, проводившегося летом 2020 г. среди студентов Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. В опросе приняли участие 75 человек – учащиеся всех курсов бакалавриата и магистратуры: основные возрастные группы – 17–23 и 24–35. В рамках опроса респондентам предлагалось ответить на вопросы о том, какими для них представляются традиционные и актуальные ценности современного российского общества, назвать личные для них ценности, а также перечислить ключевые, с их точки зрения, слова эпохи. Годом ранее студенты 2–3 курса бакалавриата и магистранты Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина – 78 человек – приняли участие в аналогичном интернет-опросе, результаты которого подробно освещены в [Милованова, Шамсутдинова 2019] и данными которого мы также будем оперировать ниже.

культуры с западными [Дементьев 2013: 86–87]. Важным здесь является не только исконное наследие – влияние Древней Руси с максимально проявленной соборностью и единением скорее в религиозном аспекте, но и влияние советского прошлого с его идеалом коллективизма: «В силу этой традиции, индивид, даже в благородном контексте, даже как освобожденный, по-прежнему мыслится как “человек” – свободный, равный и братский всем другим членам массы, но не как “личность”» [Степанов 1997: 717].

Мысль о традиционно значимой идее *коллективного* подкрепляют экспериментальные данные. Что характерно, среди наименований традиционных ценностей российского общества студенты-филологи – участники проводимого в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина опроса²² – упоминают *коллективизм, коллективность, коллективистские ценности, общность, отказ от индивидуального блага в пользу общественного*. Вместе с тем *традиционное* далеко не всегда воспринимается как *ценное*, а связывается с отживающими общественными установками. Потому наряду с указанными выше единицами читаем – *коллективное счастье и нищета отдельного человека*, что как раз так отражает наметившийся крен в пользу *личного*, сопровождаемый отрицанием данных идей. Ср. также: *Ко мне в детстве все время главная претензия была от родителей как можно быть такой наглой только о себе думаешь. А я такая думаю в смысле а как я ещё буду делать Слава богу сейчас это называется личные границы (Telegram). Нас учили, что «я» – последняя буква алфавита. Так начни читать с конца. Ставь себя и свои чувства на первое место, люби себя, не позволяй никому относиться к тебе неуважительно (twitter.com).*

Многозначность слова *личность* также подтверждается экспериментально²³. Так, информантами отмечается присущее личности индивидуальное начало: *Человек со своим характером, мнением, принципами; Личность – это индивидуальное качество человека; Это совокупность индивидуальных качеств человека, его характер, стремления, суждения о мире; Личность – совокупность индивидуальных качеств человека, которые выделяют его в обществе*. Ср. также: *вся моя личность – это травмы и заболевания, я даже уже не хочу копать дальше, потому что есть ощущение, что меня там вообще нет (twitter.com)*. Что важно, среди наиболее близких по значению к слову *личность* лексем информантами чаще всего избирается именно *индивидуальность*. Кроме того, подчёркивается исключительный характер *личности* – *личностью* является не каждый: *Высшая стадия человеческого развития; Его мнение независимо от других; Правильный человек, ведущий за собой остальных. Сильная, зрелая, разносторонняя, волевая, сформированная, состоявшаяся* – все эти прилагательные, вызывающие ассоциации у информантов со словом *личность*, подкрепляют приведенные выше определения, что в совокупности коррелирует со следующей мыслью В.В. Колесова: «личность – это идеальное в человеке, противопоставленное понятию “человек” (эмпирическое) как идея» [Колесов 2006: 229]. Неслучайно 75,6% информантов утвердительно отвечают на вопрос о том, что личностью становятся.

Однако есть и другое мнение: 17,4% информантов отрицают отмеченную выше мысль, 18,6%, отвечая на вопрос «Какие качества человека несовместимы с Вашим представлением о человеке как о личности?», считают, что говорить об отрицательных качествах личности неправомерно: *Все совместимы. Любой человек это личность, плохая или хорошая, но личность; Не допу-*

23. Анализируя различные интерпретации концепта *личность*, мы опираемся на данные проведенного в 2019 г. онлайн-анкетирования на тему «Понятие личности», результаты которого излагались в [Болдышева, Шамсутдинова 2019]. В анкетировании приняли участие 86 человек от 18 лет до 60 и старше, возраст 88% информантов находился в интервале от 18 до 45 лет.

скается разграничивать эти понятия. Любой человек является личностью. Ср. также: Готовимся к сочинению и разбирали что такое личность Учительница сказала что это **тот кто делал что-то для общества тот кого запомнят люди Я просто ?????? Неужели Акакий Акакиевич не был личностью?** (twitter.com). Что такое личность? Просто горстка хороших и плохих генов, смешанная с **хорошими и плохими привычками** (twitter.com). Это же понимание анализируемого понятия читается и среди определений: *Индивид; Человек; все качества, которые характеризуют человека*, и в ответах на вопрос «Считаете ли Вы себя личностью?» – 89,5% опрошенных в этом не сомневаются. Всё это позволяет говорить о семантическом сближении лексемы *личность* со словом *индивид* и, как следствие, процессе аксиологизации данного понятия: личностью является каждый, и ценность его жизни, состояния, интересов сомнению не подлежит. Ср.: *ваш успех никоим образом не должен сравниваться с успехом кого-то, КРОМЕ вас самих. оглянитесь на себя в прошлом и вы удивитесь насколько развились в том или ином деле. не нужно сравнивать себя с кем-то, у них другие обстоятельства/возможности, а вы – это вы, отдельная личность* (twitter.com).

Повороту в сознании современного носителя языка – прежде всего, представителя молодежи – в сторону *личного* отвечают результаты уже отмеченного выше опроса 2020 г. Так, приводятся мысли о значимости позитивных действий, направленных *на себя*, связанных с вниманием к себе и своему развитию: среди личных ценностей называются *самореализация – 4, самообразование – 2, достижение личного счастья – 1, возможность учиться – 1, саморазвитие – 1, собственная реализация – 1*, среди актуальных ценностей современного российского общества – *самореализация – 3, самообразование – 3, са-*

моразвитие – 1, самопознание – 1, чего – по данным опроса – нельзя обнаружить среди ценностей традиционных. Данные более раннего опроса 2019 г. также коррелируют с этой идеей: *самообразование* и *саморазвитие* (11 – в совокупности) заметно выделяются среди актуальных, с точки зрения респондентов, ценностей российского общества, демонстрируя усиление индивидуализма (*личностное развитие – 1, личностные интересы – 1*) наряду с открытостью новому (*перенятие опыта – 1, поиск новых путей – 1, стремление к развитию – 1*). Личные ценности молодых людей – включая *семью* и значимость *близкого окружения* – ориентированы на образование, которое вновь соотносится с идеей личностно ориентированного *саморазвития*, что свидетельствует не только и не столько о кардинальной смене аксиологических ориентиров, но об их постоянном взаимодействии и взаимообогащении.

Внимание *к себе* как к личности, *своему развитию* и *самореализации* косвенно отражается и на растущей частотности употребления лексем с компонентом *само-* – фактически микроконцептов, фиксирующих аксиологические сдвиги: *Родители, наверное, заложили во мне стремление к самовоспитанию и самообразованию, изучению себя. Они воспитали во мне вежливость и терпимость. <...> Мы с вами САМИ можем воспитать себя. В осознанном возрасте, конечно! (Instagram). Если бы не цифра в шапке профиля дала бы лет 23. Такая взрослая и самореализованная (Instagram). Почему ты красишься и не замечаешь в естественности красоту? Из-за самовыражения или всё-таки из-за неприятия? (Instagram). Если ты уверенная, самодостаточная, то ты точно в девках не останешься. Занимайся собой, а не попытками женить на себе парня (Telegram). смысл жизни – в самой жизни. цель жизни – в том, чтобы по-*

лучать от нее удовольствие. жизненный ориентир – **самореализация** (*twitter.com*). По-видимому, сюда же можно отнести явление субстантивации личных и возвратного местоимений, вступающих в атрибутивные отношения с признаковыми словами, как способ самовыражения (ср. **Типичная я** воскресным утром (*Instagram*); **Модные мы** в 2008 (*twitter.com*), а также частотное использование определено-личных и номинативных предложений как средств самоидентификации (*зашиваю душу; кайфую; живу в трех странах; творческая личность; человек-эмоция; живу, читаю книжки. та ещё зануда; учу двигаться с удовольствием и без боли; душевная оторва* (*Instagram*)).

Вместе с тем нередко встречаются следующие контексты употребления лексемы *личность*: *Не нужна мне эта ваша контрольная с вопросами «Что такое личность?»* **Личность** — это когда сказал «Не пойду на пару» и не пошёл! (*twitter.com*). *я построила личность вокруг этих стекляшек, нанизанных на ниточку* (*twitter.com*). *спасибо, пинтерест, что проспойлерил мне концовку, когда я только начала смотреть дораму, иначе я бы сегодня временно закончилась как личность* (*twitter.com*). *рандомное желание сменить имидж прическу чувство юмора характер личность дом семью жизнь кошку абсолютно все* (*twitter.com*) (прим.: Сохранены орфография и пунктуация оригиналов). *Личность* здесь понимается упрощенно: в самом деле, если личностью является каждый, если процент идеального в восприятии этого концепта современным носителем языка стремится к нулю, то можно говорить о протекающем наряду с аксиологизацией данного понятия процессе его девальвации (ср.: [Милованова 2020: 127]).

Итак, в сознании носителя русского языка – в первую очередь, молодого современного человека – наметился

очевидный сдвиг в сторону *личного*, что способствовало выведению на первый план и переосмыслению *личности* как лексемы и как аксиологически значимого концепта. Человек начинает считаться или же считать себя личностью по праву своего существования как отдельной единицы, а непосредственно лексема обнаруживает семантическое сближение со словом *индивид* – исходно латинской калькой греческого *ἄτομος* [ФЭС 1983: 206], что особенно любопытно в эпоху подверженного атомизации общества. Широкий взгляд на *личность* стал причиной обратного процесса – или процесса другого уровня, связанного со снятием излишней важности, значимости с этого понятия – девальвацией, содержательным упрощением концепта *личность*. Оба явления – и девальвацию в особенности – можно рассматривать как тенденцию, дальнейшую же судьбу концепта *личность* покажет время.

ЧАСТЬ II
АКСИОЛОГИЯ
В ГРАММАТИКЕ

К.Я. Сигал

Глава I. Аксиология в синтаксических структурах

1. Аксиология и синтаксис

Аксиология в языке (или лингвоаксиология) – новое направление науки, предмет которого образуют способы представления ценностей и оценок в языке и речи. Специалисты по лингвоаксиологии отмечают, что оценка и ценность «осознаются в настоящее время как фундаментальные характеристики бытия человека и общества, но <...> остаются среди еще не познанных в своем единстве и одновременно в их вариативной представленности в языке» [Лингвистика и аксиология 2011: 4].

Под ценностью имеется в виду понятие, относящееся к сфере должного, а под оценкой – проявление ценностного отношения субъекта речи. Однако сущность оценки отнюдь не сводится к мнению о ценности. «Главное в оценочном суждении не отношение объекта к ценности как таковой, а выражение мнения о соответствии или несоответствии объекта оценки нормативному идеалу, эталону, образцу, в числе которых могут быть и ценности» [Гибатова 2011: 130]. Тем не менее лингвоаксиологии свойствен интерес именно к единству ценности и оценки, благодаря которому обеспечивается аксиологическая «настройка» субъекта речи.

В своих высказываниях субъект речи оперирует своеобразными ценностно-оценочными комплексами. Так, например, при употреблении атрибутивных словосочетаний *ангельское терпение* или *адское терпение* в рамках одного и того же ценностного отношения выявляются разные эмоциональные оценки. В собственно оценочных предложениях типа *Хорошо!* ценностное основание оцен-

ки присутствует имплицитно или выносится в текст, т.е. ценностно-оценочный комплекс сохраняется.

В центре внимания лингвоаксиологии находится аксиологическая функция и те языковые средства, с помощью которых происходит речевая объективация оценок, ценностей и основанных на них суждений. При этом аксиологическая функция – это по преимуществу функция высказывания, поэтому слова и даже аффиксы, обладающие аксиологической специализацией, по-особому ведут себя в синтаксическом плане.

Так, согласно Н.О. Лосскому, ценностное отношение русских не только к людям, но и ко всем предметам вообще привело к развитию оценочных аффиксов [Лосский 2005: 152]. Однако такие аффиксы, находясь в структуре производных слов, оказываются вовсе не безразличными к синтаксическому контексту. В.В. Лопатин обратил внимание на «факты дублирования оценочных аффиксов в синтаксически связанных в пределах высказывания образованиях, например: *хорошенькое дельце, старенькое платьице*», хотя и отметил, что «данное “согласование” (в словообразовательных формах) факультативно» [Лопатин 2007: 540, 548].

Отделяя слова категории оценки от обычных (т.е. не оценочных) наречий, Г.А. Золотова показала, что первые не всегда способны примыкать к глаголу: **грешно обманывал* (но: *Обманывать – грешно*), а вторые не вступают в предикативную связь с инфинитивом: **Обманывать – часто* (но: *часто обманывал*) [Золотова 2001: 277–278].

Аксиологическая функция ориентирована на синтаксис, так как субъект речи нуждается в осуществлении оценочной предикации, в развертке ценностных суждений, в выражении иерархии ценностей, в маркировании одинаковости оценок либо перехода от негативной оценки к позитивной (и наоборот).

Первые синтаксические наблюдения с позиций лингво-аксиологии были сделаны Е.М. Вольф и Н.Д. Арутюновой. Ими было установлено, что «позиция “хорошо” является исходной при оценке» [Вольф 1986: 98], что «синтаксическое отрицание действует чаще на позитивных предикатах, чем на негативных. Это показывает, что исходной предпосылкой сообщения служит положительная норма» [Арутюнова 1999: 66].

Действительно, скорее для негативной оценки лица будет использовано отрицание позитивного предиката (*Хозяин не щедрый*), чем для позитивной оценки лица – отрицание негативного предиката (*Хозяин не скупой*). Если же в словообразовательной структуре негативного предиката имеется префикс *не-*, то синтаксическое отрицание еще менее ожидаемо: *Пряатель не нескромный*. В этом высказывании осуществляется нейтрализация отрицания, т.е., по сути дела, его предикат синонимичен предикату позитивной оценки: *Пряатель скромный*.

Предложение с позитивным предикатом *Хорошо!* при особом интонационном оформлении может стать ироническим высказыванием с семантикой ‘плохо’, но предложение с негативным предикатом *Плохо!* ни при каких интонационных «ухищрениях» не может поменять своего аксиологического знака.

А.В. Величко показала, что в синтаксисе различаются структуры, описывающие оценку (*Это хорошая картина*) и выражающие ее (*Какая картина!*). «Выражение оценки мы наблюдаем тогда, когда она передается самой структурой, а не лексическими значениями входящих в нее слов» [Величко 2016: 141–142].

Интересно отметить, что в описательные оценочные высказывания можно включить указание на субъекта оценки посредством вводного компонента (*Курорт хороший!* → *По-моему, курорт хороший*). В высказываниях,

выражающих оценку, это недопустимо (*Какой курорт!* → **По-моему, какой курорт*). Подобный вводный компонент связан с персональным дейксисом, но также и с указанием на то, какой может быть целеустановка высказывания. Так, для высказывания *По-моему, курорт хороший*, в котором в качестве субъекта оценки выступает 1-е лицо, вопросительная целеустановка исключена: **По-моему, курорт хороший?* Высказывание же, в котором субъект оценки отождествлен со 2-м лицом, в плане целеустановки оказывается потенциально вариативным. Оно может быть как вопросительным (*По-твоему, курорт хороший?*), так и повествовательным, причем с необходимым по смыслу противительно-присоединительным продолжением (*По-твоему, курорт хороший, а / но...*).

В синтаксисе между описанием и выражением оценки имеется еще одно важное отличие: описанию оценки служат свободные синтаксические структуры, а выражению – фразеологизированные. Показательно, что при выражении благодаря исключительно синтаксической форме разных фразеологизированных структур оценка тонко дифференцируется. Ср.: *Ай да помощник!* (положительная оценка), *Тож же мне помощник!* (отрицательная оценка), *Что за помощник!* (недифференцированная оценка), *Помощник как помощник* (оценка как соответствие норме) [Величко 2016: 143, 156, 170, 180].

При описании варьирование свободной синтаксической структуры тоже может приводить к дифференциации оценок, но не по аксиологическому знаку, а по их содержанию. Например, в инфинитивных предложениях *Хорошо обтираться холодной водой!* и *Обтираться холодной водой хорошо (от нервов)*, которые отличаются друг от друга синтаксической позицией оценочного предикатива и допустимостью / недопустимостью целевого обстоятельства, разграничиваются гедонистическая

и утилитарная оценка соответственно. Любопытно, что только при гедонистической оценке становится возможной редукция до предложения *Хорошо!*, «составляющего законченное высказывание, субъект которого – ощущение» [Аругюнова 1999: 193].

О синтаксисе ценностных суждений пока можно сделать лишь отдельные замечания. Так, согласно А.А. Ивину, «что касается языкового выражения ценностного отношения, то чаще всего оно фиксируется утверждениями с явным или подразумеваемым “*должно быть*”» [Ивин 2010: 69]. Однако обращение к пословицам, т.е. к устойчивым суждениям о ценностях, не оставляет сомнений в том, что вовсе не всякая синтаксическая форма оказывается в них востребованной. В частности, «безличность как явление морфолого-синтаксического уровня... сведена к минимуму» [Кацюба 2015: 81].

В свободном синтаксисе при оформлении ценностных суждений актуализированы более редкие модели двусоставных предложений – биноминативные и биинфинитивные. Ср.: *Главное свойство во всяком искусстве – чувство меры* (Л.Н. Толстой) и *Обращаться с языком кое-как – значит и мыслить кое-как* (А.Н. Толстой).

Ценностные суждения как в свободном, так и в пословичном синтаксисе тяготеют к моделям с обязательным компонентом, отражающим компрессию более сложной синтаксической структуры. Одна из разновидностей таких высказываний была тщательно описана в трудах Н.А. Дьячковой. Ср., например: *Мертвый пес зайца не погонит* (пословица) и *Грязное полотно испортит любую картину* (О. Денисенко) [Дьячкова 2005: 24, 29]. Подобные построения возникли в результате компрессии сложноподчиненных предложений с потенциально-условными отношениями между двумя не локализованными во времени положениями дел (*Если пес мертвый, то <он>*

зайца не погонит; Если полотно грязное, то <оно> испортит любую картину) [Дьячкова 2004: 101]. Обязательный атрибутивный компонент в присубъектной позиции маркирует семантическую усложненность предложения (**Пес зайца не погонит; *Полотно испортит любую картину*), оказавшуюся необходимой в синтаксисе ценностных суждений.

В речевой практике последнего времени встречается реализация модели бисубстантивного предложения «им. сущ. в Им. п. + *про* (предл.) + им. сущ. в Вин. п.» с нулевой финитной связкой в высказываниях об оценках лица или предмета, отражающих ценностный взгляд субъекта речи. Ср.: *То есть он (отец. – К.С.) человек бескорыстный, совсем “не про деньги”* (Эксперт, № 21, 2014). В этой синтаксической инновации справедливо увидели влияние английского языка [Клобуков 2013: 266–267]. Однако английские высказывания типа *Politics is about power* ‘Политика – про силу’ в позиции субъекта содержат преимущественно абстрактное имя [Емельянова 2015: 106]. Представляется, что этот синтаксический англицизм вошел в арсенал экспрессивного выражения ценностных суждений.

Иерархия ценностей получает выражение в рядах однородных членов предложения с соединительно-перечислительными отношениями. В этих конструкциях синтаксическое равноправие позволяет обозначать прагматическую (в частности, аксиологическую) неравноценность посредством порядка слов. Иногда эту неравноценность однородных членов предложения подчеркивают также с помощью элементов метатекста. Ср.: *Дом, церковь и кино – сегодня жизнь знаменитого актера и певца, режиссера и шоумена Адриано Челентано покоится на этих «китах». И дом в его иерархии – на первом месте (7 дней, 29.09.1997); Копенкин уважал свою лошадь и це-*

нил ее третьим разрядом: *Роза Люксембург, революция и затем конь* (А. Платонов).

По утверждению С.Е. Ячина, «смысл слов (особенно тех, что нагружены грамматическими значениями: «если», «или», «был», «буду» и пр.) с ценностями никак не связан» [Ячин 2016: 37]. Однако по отношению к разделительному союзу *или* это не совсем так: в «двучленных логических дизъюнкциях типа *Быть или не быть?* (вопрос Гамлета), *Иметь или не иметь?* (вопрос, смущавший Толстого и толстовцев), *Жениться или не жениться?* (вопрос Панурга)» [Арутюнова 1999: 250] ценностный смысл неустраним и вносится он не чем иным, как союзом *или*, указывающим на необходимость выбора одной из альтернатив. Еще менее справедливо было бы относить это утверждение к соединительным и противительным союзам, разграниченным на аксиологической основе. Так, союз *и* присоединяет компонент с тем же самым аксиологическим знаком, союз *но* – с противоположным [Холодов 2015: 73].

«Собственно конъюнкция, – писала Н.Д. Арутюнова, – соединяет слова, отмеченные одинаковым оценочным знаком: *Она умная и добрая девочка; Он хулиган и пьяница*. Нельзя сказать: **Петя добрый и агрессивный мальчик; *Статья содержательная и нудная*. Когда говорят: *Он был красив и вероломен; Она хороша собой и коварна*, воображение рисует особый тип демонической красоты» [Арутюнова 1999: 220–221]. Как видим, при нарушении оценочного тождества союз *и* «переводит» чисто аксиологическое описание в экспрессивную плоскость. Наоборот, от такой экспрессивности легко избавиться, заменив средство связи на союз *но*. Ср.: *Он был красив, но вероломен; Она хороша собой, но коварна*. Однако субъект речи также преобразится: вместо выражения невольного восхищения он начнет сбиваться на осуждение.

Согласно исследованию М.С. Миловановой, при союзе *но* позиция противоположных аксиологических знаков не фиксирована, а семантическое развитие его синонимов направлено на приобретение четкой оценочной перспективы: либо от «+» к «—», либо от «—» к «+». Так, противительный союз *зато* становится знаком положительного ограничения, что выводит высказывания типа *Он умен, зато подл* за границу привычного употребления [Милованова 2015: 150, 176, 178]. Отметим, что семантическая доминанта союза *зато*, состоящая в указании на переход к позитивной части высказывания, была подтверждена в эксперименте с молодыми носителями языка (см. 2.2.). Тем не менее в употреблении союза *зато* художниками слова наблюдается порой тончайшая аксиологическая нюансировка.

Например, в романе А. Солженицына «В круге первом» противительный союз *зато* дважды употреблен в эпизоде встречи министра Госбезопасности Абакумова со Сталиным, причем оба раза этот аксиологический показатель участвует в раскрытии внутреннего состояния Абакумова с позиции рассказчика. Союз *зато* выступает в этом эпизоде как маркер подвижной оценочной перспективы: он обеспечивает «переключение» оценки в обе стороны – сначала от «+» к «—»: *Никто из знающих не посмел бы донести на всесильного министра, зато любая случайность могла всплыть и погубить его голову*, затем – наоборот, от «—» к «+»: *Так было ему совсем не удобно, зато легче привставать, когда понадобится*. Такое употребление противительного союза *зато* у А. Солженицына, по-видимому, связано с особым эстетическим заданием. Писатель изображает смятение и страх всемогущего министра перед Сталиным: использование одного и того же союза, тем более обладающего относительно стабильной семантикой позитивной оценки, для подчеркивания

разных оценочных перспектив показывает инертность, скованность оценочных мыследвижений персонажа.

Представляется, что подобная оценочная антонимия, маркированная противительным союзом *зато* в рамках одного эпизода, в плане суггестии оказывается не менее (если не более) выигрышной, чем энантиосемия (т.е. внутрисловная антонимия) союза *зато*, к которой также обращается А. Солженицын. Ср.: *Не Руську одного, но все поколение руськино приучили считать «жалость» чувством унижительным, «доброту» – смешным, «совесть» – выражением поповским. Зато внушали им, что доноительство есть и патриотический долг, и лучшая помощь тому, на кого доносишь, и содействует оздоровлению общества.* В данном случае одним и тем же противительным союзом *зато* обозначены две разные оценочные перспективы – официально-наносная и подлинно-потаенная, непримиримость которых отражена во взаимоисключающих интерпретациях *зато* как показателя позитивной или негативной оценки соответственно.

Союз *а* (в отличие от союза *но* и его синонимов) не «переклюкает» оценку, а, сопоставляя разные по оценке части высказывания, выстраивает из них единую сентенцию — ценностное суждение. Ср., например, в романе А. Солженицына «В круге первом» подобное высказывание, вложенное писателем в уста дворника Спиридона (главка «Критерий Спиридона»): *Волкодав прав, а людоед – нет.* В синтаксическом плане это сложносочиненное предложение с сопоставительными отношениями, маркированными союзом *а* и параллелизмом строения (в обеих частях порядок слов «подлежащее – сказуемое», отрицательный анафорический предикат *нет* выражает контекстный смысл ‘не прав’). Кстати сказать, такова структура многих пословиц, т.е. устойчивых ценностных

суждений, причем в поговихах сопоставительный союз *a* – самый частотный показатель сочинительной связи.

Тем самым имеются основания полагать, что в ценностно-оценочных комплексах, выражаемых субъектом речи, соединительные и противительные союзы работают на оценку, показывая ее тождество или «переключение», тогда как сопоставительный союз – на ценность, обеспечивая смысловую целостность и обобщенность высказывания.

Безусловно, размышляя над проблемой «аксиология и синтаксис», нельзя не прийти к заключению о том, что синтаксические средства, в частности модели предложений, конструкции, порядок слов и союзы, не только участвуют в оформлении мыслей о ценностях и оценках, но и включают в свой функциональный диапазон способность выражать оценочную семантику и отображать ценностные представления.

2. Противительный союз *зато* как аксиологический маркер

2.1. К семантико-стилистическим истокам противительного союза *зато*

Национальный корпус русского языка свидетельствует о том, что противительный союз *зато* возник в последней трети XVIII в., активно употреблялся на протяжении XIX–XX вв., в начале же XXI в. наблюдается наиболее резкий и небывалый скачок в его употреблении [НКРЯ]. Э. Лассан объясняет этот факт тем, что в русском мироощущении якобы возникла особая потребность в дискурсах самооправдания и самоуспокоения. При этом «человеческая психика, с необходимостью нуждающаяся в механизме компенсации, при проговаривании <...> травматических

возбуждений прибегает к столь непритязательной части речи, как союз *зато*» [Лассан 2011: 170–171].

Для лингвиста этот факт важен и существен, однако, с иной точки зрения: ведь если слово *зато* приобрело высокую частотность как маркер возмездительности (или компенсации), осуществляющий связь синтаксически равноправных компонентов разной природы – от членов предложения до сложных синтаксических целых, то это слово, генетически являющееся связочным предложно-местоименным сочетанием со значением причинного обоснования, окончательно превратилось в противительный союз, выполняющий только одну из семантических функций в сфере противительности. Став оперативным знаком, обозначающим поворот от отрицательного, нежелательного, менее престижного к положительному, желательному, более престижному, противительный союз *зато* оказался подготовленным к выдвиганию на первый план в общественном сознании таких мотивов и установок, которые актуализируют в дискурсивных практиках возмездительную связь речевых актов, предикаций, предикативных / непредикативных признаков. Противительный союз *зато*, ставший респектабельным маркером возмездительности почти на наших глазах, весьма интересен тем, что он позволяет понять, как он приобрел функцию сочинительного союза, как он развил в себе противительно-возмездительную семантику, наконец, как он получил свою стилистико-синтаксическую специализацию.

Ретроспективный взгляд на противительный союз *зато* вполне осуществим на материале басен И.А. Крылова, где запечатлен узус этого союза в первой трети XIX в., когда генетические связи противительного союза *зато* еще были актуальны и отражались в синкретизме грамматической функции, семантики, в нестабильности

орфографического облика, а также когда художники слова лишь начинали осознавать стилистические возможности этого союза. Обращение именно к этому материалу вызвано тем, что И.А. Крылов, с одной стороны, чаще, чем обычно, употребляет слово *зато*, считавшееся малочастотным, а с другой стороны, как заметил П.-Э. Лемонте, «искусно извлекает из наречия простонародного самые, так сказать, удобные и неожиданные выражения, которые сами собою пробуждают множество понятий, чувствований и воспоминаний, любезных русским» [Лемонте 2008: 244] (ср. в связи с этим [Лассан 2011], где, по сути дела, те же обстоятельства ставятся во главу угла).

Противительный союз *зато* используется в баснях И.А. Крылова для связи однородных членов предложения не часто. Ср.: *Они немножечко дерут; / Зато уж в рот хмельного не берут* («Музыканты»), где союз *зато* способствует выражению противительно-возместительных отношений между однородными сказуемыми. Преобладающая сфера его действия – позиция маркера связи в сложносочиненных предложениях и в особенности маркера межфразовой связи. Подобная симптоматическая статистика указывает на то, что противительный союз *зато* приобрел свою союзную функцию, обслуживая нужды связи в полипредикативных и еще в большей мере в текстовых структурах.

Предложно-местоименное сочетание *за то* располагалось обычно в начале последующей предикации, занимая в ней позицию причинного детерминанта, и создавало анафорическую связь с предшествующей предикацией. Предложно-местоименное сочетание *за то*, обозначая причинное обоснование, благодаря своей начальной позиции, анафорической связи с целой предикацией и тематизации ее с целью информативно-смыслового обогащения приобрело четкий присоединительный оттенок

значения. Вследствие этого истоки противительного союза *зато* вряд ли правомерно искать в сложном гипотаксисе, поскольку коррелят в связочном комплексе *за то, что* принципиально исключает присоединение. Преобразование предложно-местоименного сочетания *за то* в союз *зато* было связано с деактуализацией анафорической связи и потерей функции детерминанта, а также с устранением отношений обусловленности между предикациями и осмыслением их в едином синтаксическом плане. Не случайно еще младограмматики считали, что преобразование в союзы «всегда является следствием какого-то сдвига в членении предложения» [Пауль 1960: 436]. Однако подобное преобразование не происходит самопроизвольно: оно «запускается» потому, что совсем иначе начинает осознаваться семантика того или иного прецедента связи.

Если в середине XX в. у союза *зато* наряду с семантикой возмездительного противопоставления еще отмечалась причинно-следственная семантика [ССРЛЯ, Т. 4 1955: 990], то в конце XX в. союз *зато* предстает сугубо как маркер компенсации [СССРЯ 1997: 128]. По замечанию В.З. Санникова, «союзу *зато* не свойственно выражать причинно-следственные отношения» [Санников 2008: 294]. Приведем пример из басни И.А. Крылова «Обезьяна»: *Мужик работник был прямой. / Зато, кто мимо не проходит, / От всех ему: спасибо, исполать!*, он предполагает, что, «возможно, и здесь *зато* указывает на компенсацию: содержание второй части (благодарность прохожих) – компенсация за усилия, необходимые для того, чтобы быть хорошим работником» [Санников 2008: 294]. О.Ю. Инькова-Манзотти указывает на то, что союз «*зато* может употребляться в том случае, если компоненты противопоставлены непосредственно друг другу и между ними нет взаимной зависимости» [Инькова-Манзотти 2001: 125].

Очевидно, что оба этих семантических замечания отображают то, как союз *зато* отрефлексирован языковым сознанием наших современников.

Между тем в баснях И.А. Крылова то и дело встречается нерасторжимое единство противительной семантики компенсации и семантики причинного обоснования. Ср. в басне «Крестьянин и лисица»: *Наймись курятник мой от лис ты охранять: / Кому, как не Лисе, все лисьи плутни знать? / Зато ни в чем не будешь ты нуждаться / И станешь у меня как в масле сыр кататься*. Слово *зато* синкретизирует функцию противительного союза и семантику компенсации, с одной стороны, и функцию связочного предложно-местоименного сочетания и семантику причинного обоснования, с другой. Кстати говоря, пример из И.А. Крылова, вызвавший семантические сомнения у В.З. Санникова, приведен в [ССРЛЯ, Т. 4 1955: 990] для иллюстрации причинно-следственной семантики союза *зато*, хотя у И.А. Крылова явно наблюдается синкретизм, причем не только семантический, но и формально-грамматический. Как ни удивительно, но для лингвистов, предложивших столь разные семантические интерпретации слова *зато* в этом примере, оно оказалось исключительно сочинительным союзом [Санников 2008: 294; ССРЛЯ, Т. 4 1955: 990].

В баснях И.А. Крылова подобный двойной синкретизм получает отражение в орфографических колебаниях, а именно в различной орфографической «упаковке» (слитной / раздельной) слов, обладающих в равной мере как союзным (корневым), так и предложно-местоименным (сочетаемым) статусом. Ср.: *Что волки жадны, всякий знает: / Волк, евши, никогда / Костей не разбирает. / Зато на одного из них пришла беда: / Он костью чуть не подавился* («Волк и журавль») и *А угодить на Льва, конечно, не безделка. За то обещан ей* (белке. – К. С.)

орехов целый воз («Белка»). В отличие от польского языка, где противительный союз *za to* был нормализован в раздельном написании [Милованова 2016: 76] и где выявление синкретизма достигается не иначе, как посредством синонимических субституций, русский язык, проводящий четкую орфографическую дифференциацию союза *зато* и предложно-местоименного сочетания *за то*, позволяет выявлять такой синкретизм путем наблюдений над орфографической практикой прошлого. В данном случае орфография И.А. Крылова достоверно представляет ту эволюционно-семиотическую закономерность, согласно которой «форма живет дольше, чем ее концептуальное содержание» [Сепир 1993: 99].

Басни И.А. Крылова показывают, что в семантическом плане союз *зато* от причинного обоснования через стадию синкретизма перешел к противительности, в частности к компенсации. По всей видимости, такой переход связан с переосмыслением причинно-следственных отношений через помещение предикаций в аксиологическую плоскость и развитие аксиолого-антонимических отношений между ними [Ван Лиган 1994: 16]. В ходе сужения общепротивительной семантики союза *зато* до семантики компенсации аксиологическое равновесие, состоящее в тождестве оценочных коннотаций, нарушается, так как компенсаторные отношения предполагают «переключение» оценки, а именно ее мелиоративный поворот.

При отсутствии синкретизма союз *зато* может выступать в баснях И.А. Крылова как сопоставительно-противительный, синонимичный союзу *а*. Ср.: *Вот друга я люблю! – / Вскричал Демьян. – Зато уж чванных не терплю* («Демьянова уха»). В таких синтаксических контекстах обязательна аксиологическая одноплановость: с точки зрения Демьяна, оба его утверждения отмечены позитивной оценкой. Собственно семантика компенсации,

закрывающаяся в смене негативной оценки позитивной, вне синкретизма обычно подчеркивается у И.А. Крылова либо конструктивно необходимой антонимией: *Не знал он (пастух. – К.С.) пышности, зато не знал и горя* («Пастух и море»); *В каком-то доме был Скворец, / Плохой певец; / Зато уж философ презнатный* («Котенок и скворец»), либо созданием союзного комплекса с уступительным союзом и / или вводно-модальным словом: *«И деньги есть?» – «Ну, нет, хоть лишних не бывает, / Зато нет лишних и затей»* («Откупщик и сапожник»); *А я, хоть, правда, невысоко, / Зато лечу / Куда хочу* («Бумажный змей»).

Становление противительной семантики союза *зато* приводит не только к сращению предложно-местоименного сочетания, но и к отрыву бывшего местоименного компонента от допустимой в причинно-следственном контексте вариантности дейктиков *то / это*. Недопустимость замены *то* на *это* показывает, что союз *зато* полностью оторвался от причинно-противительного синкретизма. Примечательно, что в позиции маркера связи между однородными членами предложения замена *то* на *это* совершенно исключена: по-видимому, в эту сферу сочинительной связи союз *зато* проник тогда, когда его статус противительного союза окончательно утвердился в генетически исходных для него синтаксических контекстах, а именно – полипредикативных и текстовых.

Басни И.А. Крылова были созданы в то время, когда противительный союз *зато* только вырабатывал свою формальную семантику компенсации, которая могла бы выражаться даже тогда, когда семантика синтаксического контекста оказывает ей сопротивление. Поэтому в крыловских баснях нет ни обратно-компенсаторного, ни ложно-компенсаторного употреблений союза *зато*, которые позже вошли в арсенал стилистического син-

таксиса (см. 2.3.). Тем не менее баснописец, несомненно, обращал свое стилистическое внимание на союз *зато* и нередко ставил на этом слове особый стилистический акцент. Например, И.А. Крылов помещает противительный союз *зато* в имитации умозаключений разговорной речи, в том числе в конструкции вторичной связи, как в примере из басни «Бумажный змей». Кроме того, в баснях И.А. Крылова противительный союз *зато* выполняет композиционно-семантическую функцию в диалоге, намечая конфликт между репликой персонажа и моралью, высказываемой автором («Музыканты»), или между репликами персонажей («Пруд и река»).

Так, в басне «Музыканты» хозяин, поясняя гостю, почему пригласил именно этих певчих, говорит: *Они немножечко дерут; / Зато уж в рот хмельного не берут.* Мораль, с которой, вполне вероятно, согласился бы и гость, такова: *А я скажу: по мне уж лучше пей, / Да дело разумей.* Противительно-возместительная семантика союзов *зато* и *да* вводит две различные субъектно-оценочные перспективы. По мнению персонажа, трезвый образ жизни певчих компенсирует их непрофессионализм. По мнению автора, даже пьянство компенсируется профессионализмом.

Примечательно, что у И.А. Крылова имеется дистантный семантический повтор компенсаторных союзов, но не встречается их контактных соединений (типа *да зато*). По-видимому, отсюда следует, что союз *зато* с семантикой компенсации возник раньше, чем такие союзные двучлены с семантикой подчеркнутой компенсации и что в их составе союз *зато*, не теряющий способности к функционально автономному использованию, не превращается в частицу.

Слово *зато* в баснях И.А. Крылова – это противительно-возместительный союз в становлении: в употре-

блении слова *зато* нашли отражение грамматические, семантические и стилистические тенденции, связанные с «вызреванием» специального маркера компенсации.

2.2. Семантическая доминанта противительного союза *зато* в зеркале конструктивного эксперимента

Противительный союз *зато*, более двух веков назад вошедший в сферу служебных слов, до сих пор остается предметом дискуссий, касающихся, с одной стороны, его формально-грамматического статуса, а с другой стороны, его семантики.

Кратко остановимся на том, как определяется статус слова *зато* в формально-грамматическом аспекте. В специальной лексикографии *зато* относят только и исключительно к противительным союзам [СССРЯ 1997: 128]. В.В. Виноградов помещает *зато* среди «слов, подводимых одновременно под категории союзов и наречий» [Виноградов 1938: 537]. И.Н. Кручинина трактует *зато* как местоименную частицу, приобретающую союзную функцию [Кручинина 2009: 102-104]. М.С. Милованова находит у *зато* функции союза, частицы и семантического конкретизатора [Милованова 2015: 176]. Е.Н. Ширяев вовсе исключает *зато* из союзного «подданства» [Ширяев 1986: 21-22].

Определение формально-грамматического статуса *зато* у В.В. Виноградова и И.Н. Кручининой не ограничено от генезиса этого слова: морфологически – предложно-местоименного сочетания, синтаксически – обстоятельства со значением причинного обоснования (отсюда его отнесение к наречиям, в своей базовой синтаксической функции выступающим в качестве обстоятельств).

Е.Н. Ширяев отвергает союзность *зато* на том основании, что это слово не обладает союзной функцией в операциональном контексте, а именно не связывает соподчиненные придаточные предикативные конструкции.

М.С. Милованова отличает от союза *зато* обладающую способностью к перемещению частицу и семантический конкретизатор в сочетании с *но*. Однако подвижность *зато* может объясняться также и тем, что генетически это обстоятельство, т.е. член предложения. По поводу *зато* как семантического конкретизатора следует заметить, что в союзном двучлене *но зато* обнаружению этой функции препятствует семантическая (но не стилистическая!) неразличимость *зато* и *но зато* современным языковым сознанием, в том числе лексикографическим [СССРЯ 1997: 128, 232].

Хотя *зато* отнюдь не является образцом союза (ср. не-обязательную для него интерпозицию, перемещение по структуре присоединяемой части, сочленение с другими противительными союзами), в грамматике узуса с этим словом обращаются по преимуществу так, как если бы оно было союзом.

В становлении семантики союзу *зато* пришлось преодолеть, с одной стороны, свойственный ему причинно-противительный синкретизм, а с другой стороны, тяготение к разным «секторам» противительных отношений. Ныне союз *зато* специализируется на выражении противительно-возместительной семантики.

Идея (и акт) возмещения состоит в предоставлении вместо утраченного чего-либо равного ему по ценности [Евгеньева 2003: 152]. Поэтому, казалось бы, союз *зато*, «обозначающий паритет» [Инькова-Манзотти 2001: 123], не должен содержать в своей семантике указания на мелиоративный поворот. Однако, как отмечает Ван Лиган, более 80% употреблений *зато* построено

по модели «плохо – хорошо» [Ван Лиган 1994: 12]. М.С. Милованова полагает, что «союз *зато* можно назвать маркером положительной оценки» [Милованова 2015: 58]. Посредством союза *зато*, согласно семантическому описанию, предложенному в специальной лексикографии, «отрицательная информация, о которой говорится до союза, компенсируется (часто с избытком) тем, о чем сообщается после него» [СССРЯ 1997: 128].

Семантика *зато* аксиологична, поскольку обычно этот союз маркирует возмещение не равноценного (ср., например, товар и его стоимость), а менее приемлемого более приемлемым с точки зрения субъекта речи как носителя знаний о социальных ценностях. Важно подчеркнуть, что семантика *зато* требует определенной сбалансированности социальной и субъективно-ситуативной сторон возмещения, хотя возникающий при несоблюдении этого условия нонсенс несколько не препятствует осмыслению *зато* как показателя возмещения негативного позитивным. Ср.: *Поперек окошка в кассу висела надпись: «Поезд на Смоленск не пойдет, **но зато** есть свежие раки»* (М.А. Булгаков. Ликующий вокзал).

К началу XXI века в грамматике узуса, за исключением игровой сферы, союз *зато* употребляется в основном как знак «положительного ограничения» [Милованова 2015: 181]: крайне раритетны его употребления в таких противительных контекстах, где нет переключения оценки или осуществляется обратная компенсация.

Безусловно, семантика противительного союза *зато*, равно как и любого другого служебного слова, является достоянием практического знания носителей языка, семантика союза обычно не объективируется в речи особыми метаязыковыми описаниями. Поэтому для того, чтобы установить семантическую доминанту *зато* (т.е. указание на переход к позитивной части сообще-

ния) в живой речи, надо провести такой эксперимент, в котором преобладающая в узусе семантика слова оказалась бы объективированной через его употребление. Наиболее подходящей в этом случае следует признать широко используемую в психолингвистике методику конструктивного эксперимента, на выходе дающую исследователю словосочетание, предложение, текст «как продукт некоторой деятельности испытуемых» [Залевская 1983: 74].

Подобный эксперимент был проведен в ноябре 2015 г. с 39 студентами очно-заочного отделения Колледжа Министерства иностранных дел РФ. Испытуемым было предъявлено следующее экспериментальное задание: составить и записать предложение со словом *зато*. В этой формулировке у слова-стимула намеренно отсутствует частеречная характеристика, так как она могла бы ориентировать испытуемых на вполне определенное построение предложения-реакции.

В результате конструктивного эксперимента было получено 39 предложений разной синтаксической структуры. Некоторые из них приводятся ниже, причем без какой бы то ни было грамматико-стилистической правки.

В предложениях-реакциях слово *зато* 33 раза было употреблено как одиночный союз, 3 раза – в составе союзного двучлена *но зато*, в том числе 1 раз дистантно (*но...зато*), 3 раза – в сочетаниях с уступительными союзами (*пускай...зато*; *несмотря на то, что...зато*; *пусть...но зато*).

Среди 33 предложений-реакций с союзом *зато* представлены 18 предложений с однородными сказуемыми и 15 сложносочиненных предложений. Надо отметить, что такое статистическое соотношение вступает в противоречие с наблюдением, согласно которому «частотность *зато* в сложном предложении в два раза выше

частотности использования в однородных рядах» [Ван Лиган 1994: 17]. Ср.: *Иван Иванович опоздал на автобус, зато получил огромное удовольствие от пешей прогулки; Поездка была напряженной и изнуряющей, зато мы узнали много нового.*

В числе предложений-реакций с союзным двучленом *но зато / но...зато* оказалось 2 сложносочиненных предложения (при этом одно из них – в составе многочленного сложного предложения с ведущей сочинительной связью) и 1 предложение с однородными сказуемыми.

Предложения-реакции, средством связи в которых выступают сочетания *зато* с уступительными союзами, относятся к синкретичным подчинительно-сочинительным структурам сложного предложения. Ср.: *Несмотря на то, что за окном осень, зато в это время года становится очень красиво.* В подобных союзных сочетаниях с *зато* обнаруживается уступительный оттенок отношений размещения, «так как основу их составляет <...> допущение не реализовавшего своих отрицательных последствий признака» [Кручинина 2009: 104].

Семантический анализ показывает, что из 33 предложений-реакций с союзом *зато* в 30 предложениях реализованы противительно-возместительные отношения, при которых негативная часть сообщения компенсируется позитивной. Ср.: *Я прогуляла учебу, зато сходила в кино; Конь был ретивый и своенравный, зато его выносливости могли позавидовать другие скакуны.*

Мелиоративный поворот может дополнительно подчеркиваться за счет отрицательной частицы *не* в предсоюзной части или посредством таких антонимических связей слов, при которых негативные члены размещены до союза *зато*. Ср.: *Настя не сделала домашнее задание, зато испекла вкусный пирог; Он был плохим человеком, зато хорошим инженером.* Отметим, что таким словам-

антонимам свойственна функционально-синтаксическая облигаторность, т.е. они не подлежат опущению.

В оставшихся 3 предложениях с союзом *зато* на первый план выведены следующие смысловые отношения: причинного обоснования (*Я люблю зимние каникулы больше летних, зато зимой снег свеж и прохладно*); сопоставительные (*Мне нравится учиться, зато моя подруга любит заниматься спортом*); сопоставительно-противительные (*Олег изучал науку и искусство, зато интересовался автомобилями*). Очевидно, что употребление союза *зато* в этих предложениях-реакциях, никак или почти никак не связанное с положительным ограничением, слабо поддержано в узусе.

В каждом из 3 предложений-реакций с союзным двучленом *но зато / но...зато* выражена семантика возмещения негативного позитивным. Ср.: *Очень трудно работать и получать образование одновременно, но зато в будущем это принесет свои щедрые плоды*; *Сегодня мы проиграли в футбол, но рады зато, что заняли второе место*.

Кроме того, во всех 3 предложениях-реакциях с сочетаниями уступительных союзов с союзом *зато* также представлен переход от негативной части сообщения к позитивной. Ср.: *Пускай мы не все умеем и знаем, зато каждый из нас всегда готов учиться*; *Пусть она и не добилась высот в карьере, но зато она прекрасный человек и замечательная мама двоих детей*.

Отсюда следует, что если сам по себе союз *зато*, хотя и крайне редко, может не выступать в качестве показателя мелиоративного поворота, то образованные с его участием союзные комплексы никогда не теряют этой семантики.

Особо скажем об этом качестве применительно к союзному двучлену *но зато*. Потребность в создании комплексного маркера возместительных отношений была

вызвана, с одной стороны, причинно-противительным синкретизмом союза *зато*, а с другой стороны, маловыразительностью общепротивительного союза *но* как маркера возместительности. В союзном двучлене *но* позволило *зато* укрепиться как противительному союзу, а *зато* обеспечило сужение общепротивительной семантики *но*. Ван Лиган отмечает, что *но* – «дополнительное средство актуализации (нагнетания) противопоставления и средство регулирования стилистических коннотаций» [Ван Лиган 1994: 9]. Взаимное приспособление двух союзов, причем вовсе не обладающих жесткой контактностью, не дает возможность созданному из них союзному двучлену преодолеть семантику подчеркнутого положительного ограничения.

В заключение отметим, что более 90% предложений-реакций с *зато*, полученных в конструктивном эксперименте, выражают противительно-возместительную семантику, демонстрируя более или менее очевидный мелиоративный поворот, переход к позитивной части сообщения. Поэтому нельзя не признать ее семантической доминантой союза *зато*. Тот факт, что, строя свои предложения с *зато*, испытуемые почти не выходят за пределы семантической доминанты, означает, что, с одной стороны, «постоянное возместительное значение *зато* формально, грамматично» [Ван Лиган 1994: 18], а с другой стороны, у союза *зато*, как и у других служебных слов, «доля ближайшего значения для всех является преобладающей» [Карасик 2004: 38]. Наличие у союза *зато* семантической доминанты, формирующей вполне определенное семантическое ожидание при восприятии контекстов с ним, побуждает художников слова включать этот союз в языковую игру.

2.3. Художественная речь как сфера верификации семантического описания союза *зато*

Общая семасиология признает, что семантическому описанию подлежат весьма разнообразные по уровневой принадлежности и по структуре единицы языка и речи, но ведущим объектом для семантического описания продолжает оставаться слово. Семантическое описание слова – метаязыковой акт (и его результат), нацеленный на толкование содержания этого слова и обычно воплощаемый либо в словарной дефиниции, либо в специальных семасиологических комментариях и обобщениях. Включение в словарь превращает семантическое описание в регулятив, тогда как семантическое описание, не отображенное в словаре, остается в семасиологическом дискурсе как бы на правах гипотезы. Однако, став словарной дефиницией, семантическое описание вовсе не обязательно перестает восприниматься в качестве гипотезы и требует поэтому дополнительной верификации.

Именно так произошло с тем семантическим описанием противительного союза *зато*, согласно которому он указывает на то, что негативная часть сообщения возмещается позитивной. Хотя это семантическое описание, действительно, не обладает эмпирической всеохватностью, но оно отражает то, как преимущественно употребляют союз *зато* в современном узусе, т.е. в сложившейся к концу XX в. речевой традиции, и помещено в специальном словаре в качестве дефиниции моносемичного союза *зато* и тем самым в качестве единственного регулятива [СССРЯ: 128]. Тем не менее новейшие труды в области семасиологии противительных союзов свидетельствуют о том, что такое семантическое описание союза *зато* вовсе не утратило статуса гипотезы [Инькова-Манзотти 2001: 122-123].

В 2.1. и 2.2. мы предприняли попытку верифицировать это семантическое описание, обратившись к семантической ретроспективе союза *зато* и к его использованию носителями языка в условиях конструктивного эксперимента. В продолжение опытов верификации семантического описания союза *зато* (и его комплексного стилистического варианта – союзного двучлена *но зато*) остановимся теперь на нетривиальных употреблениях этого союза в художественной речи.

Чаще всего художественную речь отделяют от обыденной речи, трактуя ее как нечто искусственное и обособленное от общих закономерностей речетворчества. Тем не менее, согласно указанию И.Р. Гальперина, «нет ничего в художественном тексте, чего не было бы в языке» [Гальперин 2005: 34]. Художественная речь – это речь в ее эстетическом модусе. Специфику художественной речи определяет то, что в ней метаязыковое и стилистическое осознание языковой формы «пробивает брешь в автоматизме» речетворчества [Булгаков 1998: 207], действует установка на то, чтобы «приковать к себе внимание, выводя восприятие из непосредственной апперцепционной обусловленности» [Ларин 1973: 44], к области стилистического приоритета художественной речи относится «возможность непрямого изображения, описания и осмысления» [Будагов 1967: 143].

Одним из ведущих механизмов художественного речетворчества является выдвигание [Климовская 2004: 216] слова, формы или конструкции путем отступления от их конвенционального употребления. Причем для художественной речи, с ее основополагающей суггестивной функцией, крайне важно вовсе не преодоление конвенций само по себе, а то, что «всякое отклонение от привычного уже содержит в себе некоторую долю дополнительной информации» [Гальперин 2005: 19].

Нетривиальные употребления, определяющие во многом игровую сторону художественной речи, давно попали в поле зрения прагматилистики, изучающей то, как они создаются [Hickey 1993: 584; Black 2006]. Кроме того, прагматилистику интересует то, «почему и как они действуют, значат что-то для нас» [Ларин 1973: 49]. В ракурсе прагматилистики становится вполне очевидно, что преодоление привычного употребления инициируется определенным семантическим сдвигом, но при этом выступает на фоне той семантики, которой обладает привычное употребление как таковое. Представляется, что это свойство художественной речи делает ее вполне подходящей для осуществления верификации семантического описания, обладающего статусом гипотезы.

В художественной речи обращение с противительным союзом *зато* характеризуется намеренной селекцией и обусловленностью субъективно-эмоциональным смыслом высказывания. «Автор высказывания, – замечает З.Н. Бакалова, – ставит маркер *зато* между двумя пропозициями в соответствии со своим сугубо индивидуальным видением соотношения ситуаций. Именно с его, автора, точки зрения, первая ситуация представляется неблагоприятной, тогда как другая возмещает, компенсирует названное “прискорбное” обстоятельство» [Бакалова 2009: 12]. То, что семантика возмещения в высказываниях с союзом *зато* оказывается очевидной прежде всего для субъекта речи, позволяет ему в целях художественного речетворчества создавать семантический диссонанс между союзом *зато*, указывающим на возмещение негативной части сообщения позитивной, и контекстом, в котором отражена иная оценочная структура. Наблюдения показывают, что в художественной речи высказывания с подобными нетривиальными употреблениями союза *зато* способствуют выражению двух типов смысло-

вых отношений: обратно-компенсаторных [Ван Лиган 1994: 17] и ложно-компенсаторных, имеющих разный эстетический потенциал. Важно сказать о том, что такого рода высказывания с союзом *зато* встречаются как в авторской речи, так и в речи персонажей.

Обратно-компенсаторные отношения возникают в результате аксиологической инверсии, при которой союз *зато* вводит негативную часть сообщения. Н.Д. Арутюнова тонко подметила, что «в современном языке такое употребление иронично» [Арутюнова 1999: 222]. Эффект иронии достигается при обратной компенсации благодаря тому, что вводимая союзом *зато* часть сообщения по своему диктумному содержанию не имеет абсолютной либо относительной социально-ценностной значимости.

Обратимся к примеру из речи персонажа: *А тут хоть (душа. – К.С.) и мертвечинкой припахивает, из каучука сделать можно, – зато не живая, зато без воли, зато рабская, не взбунтуется!* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание). Персонаж, а именно Разумихин, полемизирует со взглядами социалистов. Союз *зато*, повторенный трижды, вводит так называемые «внутренне-полемические слова», «слова с “камешком в чужой огород”, слова со “шпильками”» [Бахтин 1979: 228]. Градационная цепочка с союзом *зато*, получающим за счет повторяемости свойственный частицам субъективно-модальный акцент, подчеркивает приобретенное им стилистическое качество – служить маркером иронии. Отметим, что в реплике Разумихина ирония состоит в том, что в фокус *зато*-отношения, т.е. возмещения, поставлено отрицание «чужой смысловой позиции» [Бахтин 1979: 211].

Перейдем к примеру из авторской речи: *Вольные сотрудники в соответствии с конституцией имели самые разнообразные права, и в том числе – право на труд. Однако право это было ограничено восемью часами*

в день <...>. Зэки же, лишённые всех прочих прав, зато имели более широкое право на труд – двенадцать часов в день (А.И. Солженицын. В круге первом). Союз *зато* использован в роли текстового коннектора, но при этом размещается не на границе двух высказываний, а внутри второго из них. Тем самым *зато*, совмещая в себе функции союза, частицы и вводно-модального слова, находится в стилистически сильной позиции. Благодаря этому *зато* с намеренно подчеркнутой резкостью и осуждением осуществляет возмездительное противопоставление одного сообщения другому. Подобное стилистическое акцентирование перестановки оценочных знаков при *зато*-отношении, к тому же особо выделенной за счет семантически непредсказуемого размещения предикатов-антонимов, обуславливает перерастание иронии в сарказм. По-видимому, отнюдь не случайно «тональность повествования», создаваемая «авторской иронией и сарказмом различных форм воплощения», осмысливается как одна из «творческих форм непримиримости и обличения у Солженицына» [Ржевский 1972: 19–21].

Ложно-компенсаторные отношения складываются в тех высказываниях, в которых либо в части сообщения, вводимой союзом *зато*, не происходит полноценного с точки зрения адресата возмещения негативной части сообщения, либо вовсе отсутствует обычное при союзе *зато* переключение оценки. Ложная компенсация, связанная с явлением обманутого ожидания, тяготеет к таким комическим эффектам, как юмор, курьез, фарс, насмешка, шутовское подтрунивание и т.п.

Остановимся на примере из речи персонажа: *Чем же я тебе худа? / Где же лучше красота? / Рот немножко ширококонек, / Нос изрядно великонек, / На макушке есть рога, / Словно кость одна нога, / Да немножко ухо длинно, – / Но зато ведь я невинна! / Вот что главное, дружок!*

(Н.А. Некрасов. Баба-яга, костяная нога). Союзный двучлен *но зато* употреблен в речи Бабы-яги, стремящейся произвести впечатление на Булата, добиться его любви. *Но зато* организует период, где в протазисе персонаж перечисляет свои недостатки, смягчая их посредством повтора эмотивных суффиксов и наречия со значением ослабленной степени качества, а в аподозисе противопоставляет им свое главное достоинство. Однако убедить Булата не удалось (ср.: *Чуть не выл Булат со злости*): очевидно, что адресату речи компенсация не показалась достаточной! Комизм речи персонажа объясняется «“игрой” <...> аксиологических моделей, исходящих от разных субъектов оценки» [Ван Лиган 1994: 14]. Вовсе не случайно Баба-яга в некрасовской стихотворной сказке воспринимается как «актер-буффон», а разыгрываемое ею действие, прежде всего речевое, – как «фарс» и «вульгарная самореклама» [Тиманова 2007: 95].

Возьмем также пример из авторской речи: *Левая нога не сгибалась, ее приходилось волочить по ковру, зато правая прыгала, как у детского щелкуна* (М.А. Булгаков. Собачье сердце). Союз *зато* употреблен в условиях аксиологического равновесия обеих частей сообщения, параллелизм строения которых сближает союз *зато* с противительно-сопоставительным союзом *а*. Насмешливое описание посетителя, одного из пациентов профессора Преображенского, создается благодаря тому, что вводимая союзом *зато* часть сообщения не приводит к ожидаемому возмещению негативной информации, о которой говорится до союза. Водевильному воплощению образа визитера, «комичного, даже мерзковатого» [Степанян 2009: 17], способствуют не только портретные детали, в курьезное представление которых вносит свой вклад высказывание с союзом *зато*, но и сниженно-просторечное, насмешливое наименование визитера –

«фрукт», проникшее из размышлений пса Шарика в речь всеведущего автора.

Представляется, что нетривиальные употребления противительного союза *зато* в художественной речи служат осуществлению особого стихийного семантического эксперимента, посредством которого подтверждается факт «технизации» (по В.И. Абаеву) семантики союза, преобладающей в узусе. Оба типа таких употреблений становятся допустимыми только потому, что союз *зато* неизменно, т.е. независимо от контекста, указывает на возмещение негативной части сообщения позитивной. Именно поэтому можно считать, что соответствующее семантическое описание союза *зато*, принимаемое далеко не всеми лингвистами и по этой причине не потерявшее окончательно статус гипотезы, получает верификацию в художественной речи с учетом ее специфики.

2.4. Противительный союз *зато* в аспекте аксиологической стилистики

Лингвоаксиология является одним из аспектных направлений когнитивно-прагматического подхода к языку, призванным раскрывать механизмы включения ценностно-оценочного компонента в семантику высказывания. В центре внимания лингвоаксиологии оказались преимущественно полнозначительные слова, обозначающие ценности и оценки. Между тем необходимо отметить, что на службе аксиологии находятся и служебные слова. По сути дела, об этом напоминают С. Чанг и Дж. Пеннебекер, которые пишут, что «служебные слова <...> несут в себе множество психологических смыслов и задают тон социального общения» [Chung, Pennebaker 2007: 355]. Утверждая, что «весь язык буквально утопает

в оценочной семантике», Н.Н. Холодов особо отмечает, что служебные слова и, в частности, «сочинительные союзы небезразличны к оценочным значениям» [Холодов 2015: 70–71]. Действительно, сочинительные союзы «втягивают» в сферу аксиологии как синтаксические структуры, так и текстовые образования, которые способны обеспечить представления субъекта речи о должном (т.е. ценностям) и его положительному / отрицательному отношению в связи с этим к сообщаемой информации (т.е. оценкам) полноту объективации. Представляется, что хотя «оценка затрагивает самые разные стороны языковой системы» [Вольф 2002: 207], исчерпывающее выражение аксиологической настрой говорящего получает в синтаксисе речи.

Благодаря синтаксическим исследованиям в области лингвоаксиологии удалось установить, что аксиологическая функция сочинительных союзов определяется их грамматической семантикой. В частности, оппозиция соединительных (типа *и*) и противительных (типа *но*) союзов в аксиологической плоскости проявляется в том, что первые обеспечивают тождество аксиологического знака в связываемых компонентах, а вторые – переход к противоположному аксиологическому знаку [Холодов 2015: 73]. Ср., с одной стороны: *Ребенок добрый и смелый* («+» и «+»), *Ребенок злой и вредный* («—» и «—») и, с другой стороны: *Ребенок смелый, но вредный* (от «+» к «—»), *Ребенок вредный, но умный* (от «—» к «+»). Крайне важным для лингвоаксиологии является разграничение сочинительных союзов на константы и переключатели, поскольку здесь ставится задача описать «специальные средства для ориентации текста в пределах одной оценочной зоны или для ее изменения» [Вольф 1986: 104]. Однако если сочинительные союзы-константы (прежде всего – *и*) получили вполне определенное осмысление в рамках

лингвоаксиологии [Ростов, Лобанова, Борисова 2017], то сочинительные союзы-переключатели (*но* и особенно его синонимы) еще нуждаются в подобном осмыслении. Так, например, одним из недостаточно исследованных, в том числе в аксиологическом аспекте, сочинительных союзов-переключателей является противительный союз *зато* (ср., однако, [Бакалова 2009] и особенно [Ван Лиган 1994]).

Обычно у противительного союза *зато* находят модально-оценочное значение, отмечают семантику компенсации (или возмещения) и способность к переключению оценки. Однако, согласно лексикографическим данным, во второй половине XX в. союз *зато* перешел от полисемии [ССРЛЯ, Т. 4 1955: 990] к моносемии [СССРЯ 1997: 128], потеряв этимологическое для него значение следствия, причинного обоснования. Кроме того, среди специалистов по семасиологии противительных союзов нет единства в понимании того, как союз *зато* переключает оценку: в обе стороны (т.е. от «—» к «+» и от «+» к «—»), подобно союзу *но*, или в одну сторону – положительную. Любопытно отметить, что современные исследователи, имеющие дело с неодинаковыми речевыми выборками, приходят к разному пониманию «переключательной» способности союза *зато*. Так, если Д.И. Ишханова делает вывод о том, что союз *зато* «участвует в установлении положительного / отрицательного отношения к описываемым событиям или отдельным элементам» [Ишханова 2007: 87], то, согласно М.С. Миловановой, «значение положительной оценки слова *зато* можно считать сформированным и постоянным» [Милованова 2015: 179]. Как кажется, обе тенденции – к моносемизации союза *зато* и к специализации его как показателя положительной оценки – возникли потому, что союз *зато* постепенно стабилизировался как мелиоративный аксиологический

маркер. В результате этого семантического процесса союз *зато* стал все более востребованным стилистическим средством, позволяющим писателю или публицисту включаться в игру с оценочными перспективами и делать повествование аксиологически многослойным.

Наблюдения над художественной речью великого русского писателя XX в., лауреата Нобелевской премии по литературе М.А. Шолохова показывают, что для противительного союза *зато* характерны, с одной стороны, полисемия и переключение оценки в обе стороны, а с другой стороны, стилистически разнообразное использование именно при выражении оценочной семантики. Перейдем к семантическому описанию противительного союза *зато* в романах М.А. Шолохова «Тихий Дон» (1925–1940) и «Поднятая целина» (1932–1960) и обнаружению приемов аксиологической стилистики, связанных с выполнением благодаря употреблению противительного союза *зато* тех или иных экспрессивных заданий. Такой выбор речевого материала обусловлен тем, что, будучи малоупотребительным [Бакалова 2009: 14], противительный союз *зато* довольно часто встречается в названных романах М.А. Шолохова: в «Тихом Доне» (далее – «ТД») – 18, в «Поднятой целине» (далее – «ПЦ») – 16 раз. Противительный союз *зато* используется писателем в разных синтаксических условиях: для связи словоформ (в рядах однородных членов предложения), предикативных конструкций (в сложносочиненных предложениях), самостоятельных предложений в тексте; в разных текстовых условиях: в авторском повествовании и в диалогических репликах персонажей. М.А. Шолохов применяет противительный союз *зато* как таковой (преобладающий тип употребления), в составе стилистического варианта – союзного двучлена *но зато*, в расчлененных союзных образованиях типа *хоть...но зато*. Обращение к двум

шолоховским романам вызвано еще и тем, что, как подчеркивал Р.А. Будагов, «в художественном произведении большого писателя функция отдельных слов никогда не сходит на нет не только в системе одного предложения, но и в системе целого повествования» [Будагов 1978: 99]. Очевидно, что это тонкое замечание вполне относится как к полнозначительным, так и к служебным словам, в том числе к сочинительным союзам. Полагаем, что наблюдения над тем, как и для выполнения каких экспрессивных заданий у М.А. Шолохова употребляется противительный союз *зато*, могут быть полезными для нужд аксиологической стилистики.

Аксиологическая стилистика призвана обобщать опыт экспрессивно маркированного использования единиц языка, связанных с выражением ценностно-оценочного компонента в семантике высказывания. Для аксиологической стилистики представляет интерес не любое слово, включенное в сферу оценочной сигнификации, но только такое, которое употреблено в конкретном высказывании для выполнения того или иного экспрессивного задания, приводящего к созданию стилистического приема. Потребность в аксиологической стилистике заложена в семантической установке оценочных знаков, в которых субъективность и опосредованная связь с эмоционально-чувственной сферой человека побуждает к развитию мощного экспрессивного потенциала. Как писала Т.Г. Винокур, «оценочное значение единицы языка само по себе (т.е. обозначение явлений действительности, имеющих положительные или отрицательные признаки) не является стилистическим <...> И в то же время некая общность акта оценки (в его социально-психологическом смысле) с миром переживаний и чувств человека несомненна» [Винокур 2009: 60]. На основе приемов аксиологической стилистики выполняются экспрессивные задания,

связанные с подчеркиванием оценки, со «сгущением» оценочных знаков, с динамикой оценок и т.д. Такие экспрессивные задания формируются в субъективном мире говорящего, но они всегда обусловлены социальными по своей природе ценностными представлениями. На объективно-социальном фоне ценностных представлений приемы аксиологической стилистики получают свою прагматическую убедительность в речи. Прием аксиологической стилистики является особой речевой композицией, которая в целом осуществляет экспрессивизацию оценочного смысла, т.е. намеренное подчеркивание средства выражения оценки. Однако для аксиологической стилистики характерны целые «гроздья» приемов, образованных на основе одного и того же оценочного средства, например, на основе противительного союза *зато*. Такие средства являются структурной доминантой стилистического приема, но их аксиологическая функция и характер экспрессивного употребления определяются семантикой всей речевой композиции, составляющей стилистический прием. По-видимому, на этот момент (но не в стилистическом, а в общезыковом плане) обращала внимание Е.М. Вольф, согласно которой «оценочная модальность определяется высказыванием в целом, а не отдельными его составляющими, и является компонентом высказывания» [Вольф 2002: 11].

Семантический анализ употреблений противительного союза *зато* в романах М.А. Шолохова «ТД» и «ПЦ» показывает, что этот союз выступает как полисемичный: в его семантической структуре имеется, по меньшей мере, три значения. В 1-м значении противительный союз *зато* тесно смыкается с выражением оценки (вернее, ее переключения), во 2-м – допускает оттенок такого оценочного значения, в 3-м – никак не связан с переключением оценки. От 1-го значения к 3-му союз *зато* теряет не только спо-

способность быть оценочным знаком, но и вообще обозначать противительные отношения. Необходимость взаимосвязи противительности и способности к переключению оценки подтверждается тем, что у М.А. Шолохова только в 1-м значении противительный союз *зато* включается в выполнение экспрессивных заданий и – тем самым – в создание приемов аксиологической стилистики. Отметим также, что от 1-го значения к 3-му союз *зато* становится менее продуктивным. Приступим теперь к описанию значений союза *зато*, сопровождая каждое из них прецедентами употребления, показателями симптоматической статистики и семантическими комментариями.

1-е значение союза *зато* – компенсация (или возмещительность), связанная с переключением оценки от одного признака к другому или от одной предикации к другой. Н.Д. Арутюнова называет употребление союза *зато* в 1-м значении «возмещающей конъюнкцией» [Арутюнова 1999: 219]. Для М.А. Шолохова (и, по-видимому, для речевого узуса первой половины XX в.) 1-е значение союза *зато* никак не ограничено переключением оценки в какую-то одну сторону. В романах «ТД» и «ПЦ» союз *зато* обозначает возмещение с переключением оценки как от «—» к «+» (собственно возмещение), так и от «+» к «—» (квазивозмещение). Ср., с одной стороны: *Шли они (казаки. – К.С.) невеселые, но зато сытые, обстиранные* («ТД», кн. 3, ч. 6, гл. XLVI); *Нож был старенький, сточенный, но зато боковые перламутровые пластинки его тускло сияли на солнце* («ПЦ», кн. 2, гл. XVII), а с другой стороны: *Со стариками Мишка кое-как договорился, но зато дома, и опять-таки из-за соли, вышел у него с Дуняшкой крупный разговор* («ТД», кн. 4, ч. 8, гл. V); *Каждую косилку Давыдов осматривал тщательно и подолгу. Но как ни придирчив был его осмотр, изъянов в ремонте он не нашел, за исключением двух-трех мелких*

недоделок. *Зато* не на шутку разобидел старого кузнеца («ПЦ», кн. 2, гл. X). В обоих романах М.А. Шолохова 1-е значение союза *зато* охватывает приблизительно две трети употреблений, но если в «ТД» переключение оценки в обе стороны представлено почти в равной мере, то в «ПЦ» преобладает переключение оценки в одну сторону – положительную. Это изменение обусловлено тем, что «общая уравнивающая направленность» союза *зато* «делает естественным его употребление после отрицания» [Арутюнова 1999: 222]. Важно отметить, что у М.А. Шолохова переключение оценки от «+» к «—» при союзе *зато* почти никогда не связано с «передачей авторской иронии и самоиронии» [Милованова 2015: 178], что характерно для художественной речи более позднего времени.

2-е значение союза *зато* – сопоставительно-противительное (синоним – союз *а*). В романах «ТД» и «ПЦ» почти одна треть употреблений союза *зато* относится ко 2-му значению. Синтаксическим построениям с союзом *зато*, выражающим сопоставительно-противительные отношения, свойствен параллелизм строения, вычленяющий центры сопоставления и центры противопоставления. Ср.: *Лишь со склонов балок суглинистыми глазищами глядит на мир земля; снег не задержался там, сдуваемый ветром, зато теклины балок и логов доверху завалены плотно осевшими сугробами* («ПЦ», кн. 1, гл. II). Иногда у М.А. Шолохова во 2-м значении союз *зато* употребляется синкретично, приобретая контекстуальный оттенок возместительно-оценочного значения (в том числе с неочевидной оценочной перспективой). Ср.: *Пусть для них (для соседей. – К. С.) сегодня – будни, зато для нее (для Аксиньи. – К. С.) – праздник* («ТД», кн. 4, ч. 8, гл. VIII) и *Казаки смотрели в землю и угрюмо молчали, зато бабы давали волю языкам* («ТД», кн. 4, ч. 8, гл. XII).

3-е значение союза *зато* – следствие, причинное обоснование (синонимы – *поэтому, по этой причине*). 3-е значение является для союза *зато* этимологическим, так как генезис союза связан с предложно-местоименным сочетанием *за то*, претерпевшим стяжение и семантико-грамматическое переосмысление. В становлении противительного союза *зато* отразился вполне типичный для разных языков переход от обозначения причины к противительности (ср., в частности, [Ramat, Mauri 2008], где описана семантическая эволюция итальянского союза *però* ‘но’). Ван Лиган сообщает о том, что «в языковых источниках XX в. *зато* причинно-следственного значения не обнаружен» [Ван Лиган 1994: 5]. Однако у М.А. Шолохова 3-е значение союза *зато*, ставшее архаичным, все же встречается в романе «ТД», но только единожды. Ср.: *Жил Митька птичьей, бездумной жизнью: жив нынче – хорошо, а на завтра – само дело укажет. Служил он с прохладцей и, несмотря на то, что бесстрашное сердце гоняло его кровь, не особенно искал возможности выслужиться – зато послушной список Митьки являл некоторое неблагополучие* (кн. 2, ч. 4, гл. VI). В 3-м значении союз *зато* не способен переключать оценку, так как причина и следствие находятся в одной оценочной плоскости.

Наблюдения над романами М.А. Шолохова «ТД» и «ПЦ» свидетельствуют о том, что 1-е значение союза *зато* представляет собой наиболее предпочтительный семантический субстрат для аксиологической стилистики: только в 1-м значении *зато* является продуктивным сочинительным союзом-переключателем, побуждающим писателя включать его в выполнение тех экспрессивных заданий, для которых существенно указание на оценочную перспективу. Отнюдь не случайно Е.М. Вольф, отмечая, что «оценочная перспектива определяется при-

сутствием противительного союза, от которого зависит смена знака», подчеркивала, что это могут быть «союзы *a, но* и особенно *зато*» [Вольф 1986: 104-105]. Противительный союз *зато* (именно в 1-м значении) востребован аксиологической стилистикой еще и потому, что переключение оценки никогда не бывает бесстрастным, оторванным от эмоционально-чувственных состояний субъекта речи, переключение оценки обладает сильным эмоциональным «зарядом», побуждающим художника слова представлять этот аксиологический акт посредством особых стилистических приемов. В романах М.А. Шолохова «ТД» и «ПЦ» на основе противительного союза *зато* создано шесть разных стилистических приемов, отражающих преломление узуальной функционально-речевой нагрузки этого аксиологического маркера в речевом творчестве писателя. Перейдем далее к тщательному описанию каждого из этих приемов аксиологической стилистики.

Первый стилистический прием состоит в подведении субъективного или субъективно-ситуативного основания под употребление противительного союза *зато*, указывающего на переключение оценки от «—» к «+». Специфика этого приема обусловлена тем, что характер возмещения может оцениваться субъектом речи (у М.А. Шолохова – только персонажем) со своей точки зрения, отличающейся от ожидаемой социальной оценки признака или события. Ср., например, высказывание Макара Нагульнова: –... *Оно, конечно, может, и не такой уж сильный я оратор, но зато, брат, кулак у меня при случае на любую дискуссию гожий!* («ПЦ», кн. 2, гл. XII). Безусловно, кулак – это вовсе не то, что может компенсировать нехватку ораторских навыков, но, с точки зрения вспыльчивого секретаря гремяченской партиячейки, недостаточность своего ораторского мастерства он с лихвой возместит

физической силой (а ведь здесь идет речь о предстоящей Давыдову беседе с верующими, причем тот категорически отказывается от помощи Нагульнова!). Ср. в речи Устина Рыкалина: –...*Не везет мне нынешний день! Глядите, добрые люди, за одно утро и со старухами успел поругаться, и с бабами, и с председателем, и с Гордеичем – сивой бородой. Ведь это уметь надо! <...> Глядя на Давыдова озорными, бесстрашными глазами, он продолжал: – **Зато** на агитаторов нам нынешний день везет: и пеши к нам идут, и верхи едут...* («ПЦ», кн. 2, гл. XIII). Казалось бы, нечто нежелательное, неправильное меняется на противоположное (ср. глагольный предикат с отрицанием до союза и его повтор без отрицания после союза: *не везет – везет*). Однако высказывание казака иронично: появление агитаторов в бригаде косарей вряд ли возместит нехватку опытных работников. Этот контекст у М.А. Шолохова эвристически существен: он «снимает» ограничение на ироническое употребление противительного союза *зато*, якобы сопутствующее исключительно отрицательной оценке [Арутюнова 1999: 222]. Для аксиологической стилистики крайне важно, что в *зато*-высказываниях «компенсация отрицательного положительным существует именно в миропонимании говорящего, которое может совпадать или не совпадать с общепринятой языковой картиной мира, а также совпадать или не совпадать с реальностью» [Бакалова 2009: 14].

В основу второго стилистического приема положена такая модификация отрицательного ограничения, при которой посредством противительного союза *зато* обозначается переход не от хорошего к плохому, а от плохого к худшему. Благодаря этому приему, спроецированному в одну аксиологическую плоскость – отрицательную, удается показать нисходящую градацию событий. В повествовательных фрагментах романа «ТД» этот прием

использован при обращении к военной тематике. Например: *В конце 1917 года, когда казачьи части медленно стекались на Дон, случаи убийств и выдачи офицеров были редки, зато год спустя они стали явлением почти обычным* («ТД», кн. 3, ч. 6, гл. XII). В подобном контексте противительный союз *зато* позволяет не только показать ухудшение ситуации, но и неявно выразить общее оценочное отношение к происходящему. Важно отметить, что в рамках этого приема аксиологический взгляд повествователя, представленный в самом типе употребления противительного союза *зато*, может быть изменен в посттексте за счет аксиологического предиката (не только сказуемого, но и определения и т.д.), отражающего точку зрения персонажей. Ср.: *Снаряд разметал упряжку лошадей, из шестерых – как выяснилось впоследствии – уцелела только одна, зато ездовому, сидевшему на ней, начисто срезало осколком голову. И далее: Такого удачного попадания не ожидали батарейцы* («ТД», кн. 3, ч. 6, гл. XLI). Как кажется, здесь отражены, с одной стороны, аксиологическая полисубъектность художественной речи, а с другой стороны, осознание того, что переключение оценки в положительную сторону становится у противительного союза *зато* все более независимым от семантики связанных им компонентов.

Третий стилистический прием основан на использовании разных оценочных моделей употребления противительного союза *зато* в одном и том же эпизоде: сначала обозначается переключение от «—» к «+», а затем – от «+» к «—». Этот прием использован в романе «ПЩ», когда рассказывается о том, как дед Щукарь купил у цыган надутую кобылу и как он возвращался в свой хутор с таким необычным приобретением. Ср. следующие два высказывания, размещенные дистантно: *В нем внезапно проснулись небывалая гордость и обычно всегда*

*свойственное ему желание прихвастнуть, показать, что и он, Щукарь, теперь выбился из бедноты и едет **хоть** на плохой, **но зато** на собственной лошади («ПЦ», кн. 1, гл. XXXI) и Но его бедствиям еще не суждено было кончиться: кобыла на этот раз не упала, **зато** у нее оказался совершенно невероятный скак («ПЦ», кн. 1, гл. XXXI).* Если в 1-м высказывании благодаря уступительно-противительным отношениям с переключением оценки в положительную сторону отображена радость и даже гордость небогатого казака, обзаведшегося собственной лошастью, то во 2-м – квазивозмещение, сопровождаемое отрицательно-оценочным сдвигом, укрепляет в мысли о неудачной покупке. Надо отметить, что размещение высказываний с разными оценочными моделями вовсе не случайно: оно позволяет в обрисовке этого эпизода вновь и вновь показать деда Щукаря как человека, пытающегося самоутвердиться, но неизменно попадающего под осмеяние. Представляется, что такой прием аксиологической стилистики наиболее востребован в организации юмористического повествования.

В дифференцированном повторе смыслового отношения возмещения, связанного с переключением оценки в положительную сторону, состоит четвертый стилистический прием. Он использован в речи персонажа с целью усиления субъективного довода, выдвинутого в качестве компенсирующего суждения. В романе «ТД» Христоня пускается в воспоминания о том, как в Петербурге кто-то из студентов попросил казаков, несущих караул, помянуть покойного отца и к десятке, выданной на водку, присовокупил портрет усопшего. Однако это оказался портрет Карла Маркса, и Христоне досталось за это от сотника. И далее – реакция одного из слушателей и ответ Хритони: – *А ты все мужиков хвалишь. Ишь как тебя подковали-то, – подсмеивался Иван Алексеевич.*

/– **Зато** десятку пропили. **Хучь** за Карлу за бородатого пили, **а** пили («ТД», кн. 1, ч. 2, гл. IX). Для акцентирования значения положительного предела наряду с противительным союзом *зато* употреблен свойственный верхнедонским говорам расчлененный уступительно-противительный союз *хучь...а*, обладающий оттенком положительного возмещения. Подобный прием связан с тем, что «отношения возмещения – уступительные по своей природе, так как основу их составляет <...> допущение не реализовавшего своих отрицательных последствий признака» [Ишханова 2007: 88]. В речи Христони этот прием создает стилистико-синтаксическое обеспечение речевого акта самооправдания. Интересно, что в художественной речи встречается также недифференцированный повтор смыслового отношения возмещения, при котором происходит итерация противительного союза *зато*. Ср., например, во внутренней речи Глеба Нержина из романа А.И. Солженицына «В круге первом»: *Что ж останется на размышления? Что ж останется на познание жизни? Зато – шарашка. Зато не лагерь.*

Пятый стилистический прием, характерный сугубо для диалога-перебранки, заключается в резком присоединении реплики, утверждающей признак, только что поставленный под отрицание оппонентом. Вводя такую реплику в «ткань» диалога, противительный союз *зато* не только обозначает положительное возмещение (с точки зрения субъекта речи), но и обеспечивает эмоциональный «перебив» общения, которое на этой реплике могло бы быть закончено. Подобному риторическому эффекту способствует то, что предикат с отрицанием из предыдущей реплики повторяется после союза *зато* без отрицания. Ср. из спора Ильиничны и Аксиньи: – *Что вы, бабушка! Окститесь! Кто ее сводил? Сама над собой учинила.* /– *А не через тебя?* /– *Ну, уж это я не знаю.* /– **Зато** я знаю –

взволнованно выкрикнула Ильинична («ГД», кн. 4, ч. 7, гл. XXI); из разговора Давыдова и Нагульнова: – Дрянь у тебя баба! / – Тебя это не касается... – ответил Нагульнов тихо, не глядя на Давыдова. / – Тебя зато касается! («ПЦ», кн. 1, гл. XIII). В примере из «ПЦ» *зато* занимает позицию частицы в восклицательном высказывании, выделяя препозитивный рематический компонент. Такое перемещение внешнего (т.е. стоящего между репликами) союза *зато* в позицию частицы объясняется спецификой самого приема: резкое присоединение реплики, ничем не отличающейся в синтаксическом и отчасти в лексико-грамматическом плане от предыдущей, побуждает союз брать на себя функцию рематизирующей частицы. Однако «различия *зато*-союза и *зато*-частицы чисто позиционные. Только же позиционные различия не могут служить основанием для квалификации языковых фактов как разных единиц языка» [Ван Лиган 1994: 19].

В шестом стилистическом приеме отразилась способность противительного союза *зато* «нести с собой заметную эмоционально-экспрессивную окраску – радость, удовлетворение, приятное изумление» [Бакалова 2009: 12]. В речи персонажей переключение оценки от «—» к «+» бывает связано с эмоционально-интонационным выделением, приводящим к паузе после противительного союза *зато*. Писатель обозначает эту паузу посредством пунктуационного знака «тире». Ср.: – *Ты хоть из уважения к моему партийному званию поддался бы! Что тебе стоило? Эх ты, медведь ленинградский! Никакой вежливости в тебе нет, никакого чиновничества... Зато – улыбка-то! Улыбка до ушей и морда самодовольная, как у молодожена!* («ПЦ», кн. 2, гл. VIII); *Тут Дубцов скосил глаза на Михеича, закончил: – Но ведь мы на счетоводов и писарей не учились, зато – все, что нацарапали, истинная правда* («ПЦ», кн. 2, гл. XIV). В 1-м примере секре-

тарь райкома Нестеренко, которому Давыдов не уступил в борьбе, паузой («тире») после союза *зато* отделяет прерванное предложение. В этой паузе запечатлен не только эмоциональный порыв, связанный с комплиментом победителю – положительным возмещением, но и сбитое дыхание побежденного. Во 2-м примере пауза после союза *зато* передает волнение простых колхозников, изъявивших желание вступить в партию и принесших свои заявления в гремяченскую партячейку. Этот прием показывает, что в изображении живой народной речи экспрессивному выделению как союза *зато*, так и вводимой им предикации способствует пауза (на письме – «тире»), приводящая к их отчленению друг от друга.

Целых шесть приемов аксиологической стилистики, созданных в романах «ТД» и «ПЦ» на основе более половины употреблений противительного союза *зато* в 1-м значении, свидетельствуют о том, что этот маркер переключения оценки находился в фокусе стилистического внимания М.А. Шолохова, участвуя в речевом воплощении тех или иных экспрессивных заданий. Эти приемы, безусловно, не исчерпывают стилистический потенциал союза *зато* как аксиологического маркера-переключателя. Так, в частности, идиостилю М.А. Шолохова не свойствен прием, состоящий в намеренной оценочной инверсии компонентов, связанных союзом *зато* как показателем сугубо положительного ограничения. Такой прием «рождает построения окказионально-оксюморонного типа – с их специально актуализированными значениями неприятия, неестественности, насмешки, иронии, сарказма» [Ван Лиган 1994: 18]. Отсутствие этого стилистического приема у М.А. Шолохова объясняется прежде всего тем, что в то время, когда были написаны романы «ТД» и «ПЦ», 1-е значение противительного союза *зато* еще не было в полной мере ограничено переключением оценки

только в одну сторону – положительную. Тем не менее в идиостиле М.А. Шолохова приоритет отдан тем приемам аксиологической стилистики, в которых противительный союз *зато* переключает оценку от «—» к «+». Показательно, что у М.А. Шолохова такие приемы преобладают в диалогических репликах персонажей.

Таким образом, в романах М.А. Шолохова «ТД» и «ПЦ» обнаружена взаимосвязь между семантической структурой противительного союза *зато* и его участием в создании приемов аксиологической стилистики: только возместительное значение, предполагающее переключение оценки, способствует построению на основе союза *зато* шести стилистических приемов, воплощающих в художественной речи разные экспрессивные задания.

3. Устойчивая фраза как аксиологический знак

Целью представленного ниже исследования является анализ этимологии, семантики и типов дискурсивного варьирования давно закрепившейся и широко употребляемой в русской речи устойчивой фразы [Архангельский 1964; Sinclair 2008] – пословицы *Начал за здравие, а кончил за упокой* – как аксиологического знака, специализирующегося на образном описании неожиданного перехода агенса от первой фазы действия, оцениваемой положительно, к последней его фазе, оцениваемой отрицательно.

Устойчивые фразы, в том числе пословицы, представляют собой образные суждения и умозаключения, созданные на основе употребления моделей предикативных и полипредикативных конструкций в той или иной дискурсивной практике. «Память» дискурса в устойчивых фразах (в том числе в пословицах) аккумулируется как в их номинативном составе, так и – реже – в их семантико-синтаксической структуре. В.Н. Телия, с одной сторо-

ны, отказывала пословицам в языковом статусе, ибо «то, что пословицы <...> характеризуются двуплановостью, т.е. не являются просто “свободными” выражениями, – следствие не внутриязыковых закономерностей, а условий жанра – его притчевого характера. Воспроизводимость же обеспечивается “цитацией” этих выражений как народного мнения о ценности» [Телия 1996: 73], а с другой стороны, считала их ведущим «ресурсом идиоматики» [Телия 1996: 77]. Действительно, устойчивые фразы, в особенности пословицы, выступают как языковые знаки с непреодоленной в полной мере «привязкой» к породившему их дискурсу, хотя в функциональном плане (например, в типах варьирования) они включены в собственно языковые преобразования, характерные для устойчивых составных знаков. В прагматическом аспекте устойчивые фразы, в том числе пословицы, прямо или косвенно отображая то или иное ценностное представление, способны не только осуществлять оценочную предикацию, но и демонстрировать значимую для их образной гештальт-структуры динамику разных по знаку («+» или «—») оценочных предикаций.

Такая устойчивая фраза, как пословица *Начал за здравие, а кончил за упокой*, создана на основе моносубъектной полипредикативной конструкции с сопоставительно-противительными отношениями (маркер – союз *а*) между однородными глагольными сказуемыми (в исходном свободно-синтаксическом построении – фазисными связками при эллиптированном инфинитиве). Употребляя этот аксиологический знак, говорящий, во-первых, напоминает ценностное представление о должном соответствии хорошего начала хорошему концу, а во-вторых, сдвигая фокус внимания с должного на наблюдаемое, констатирует неожиданный переход от хорошего начала к плохому концу. Важно отметить, что эта устойчивая

фраза, построенная по часто встречающейся в пословицах синтаксической модели, крайне востребована в русской речевой аксиосфере.

Этимологи утверждают, что это «выражение собственно русское, видимо, от обычаев провозглашения тостов, которые предлагались обычно за здоровье (*за здравие*) присутствующих и реже в память (*за упокой души*) умерших» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 247]. Как представляется, данное этимологическое истолкование пословицы вступает в противоречие с семантикой ее синтаксической модели. Ведь если тосты произносятся как «за здравие», так и «за упокой», то более предпочтительным было бы установление соединительных отношений между предикациями. В пословице же благодаря союзу *а* как маркеру сопоставительно-противительных отношений актуализируется синтаксическая сема ‘ограничение’, приводящая к оттенку неожиданности и даже неправомерности смены одного другим. Кроме того, в ситуации произнесения тостов не возникает оценочного переосмысления тостов «за здравие» («+») и «за упокой» («—»), обязательного для смысловой организации пословицы. Отсюда следует, что генезис пословицы происходил в иной дискурсивной практике, где указанные семантические условия с необходимостью осуществлялись. Скорее всего, такой дискурсивной практикой было православное богослужение.

Священник М. Ардов рассказывает: «Я полагаю, многие знают старую русскую пословицу – “Начал за здравие, а кончил за упокой”. Но только священнослужитель, т.е. человек, которому приходится возглашать то живым “многая лета”, то покойникам – “вечную память”, может вполне оценить прямую актуальность этой поговорки (sic! – К.С.). Ошибиться здесь очень просто, и вот почему. “Многолетие” и “вечная память” – это как бы две

самостоятельные дороги, но в одном месте они сходятся – в момент, когда называется конкретное лицо. Вот для наглядности нечто вроде схемы.

1. Благоденственное и мирное житие...
2. Во блаженном успении вечный покой...

Далее следует общая часть:

... подаждь, Господи, рабу Твоему (имярек)...

После чего дороги опять расходятся:

1. ... и сохрани его на многая лета.
2. ... и сотвори ему вечную память.

Тут важно, что называется, не проскочить развилку – после того, как произнес имя, не ошибиться, какое слово дальше – “сохрани” или “сотвори”.

Так вот на том памятном мне обеде, который устроил в день своих именин Митрополит Иоанн, соборный протодиакон Александр Пижицкий чуть было не возгласил ему “вечную память”. Во всяком случае “развилку”, “стрелку”, о которой я упомянул, отец Александр уже проскочил. Начал он как полагается:

– Благоденственное и мирное житие, здравие же и спасение, во всем благое поспешение подаждь, Господи, рабу Твоему Высокопреосвященнейшему Иоанну, Митрополиту Ярославскому и Ростовскому, и сотвори...

В этот момент секретарь Владыки ударил протодиакона по руке:

– Сохрани!

– ... и сохрани, – поправился тот, – его на многая л-е-е-е-т-а-а-а-а!» [Ардов 2004: 398-399].

Адекватность приведенного этимологического истолкования объясняется, во-первых, тем, что непреднамеренный переход от «многотетия» к «вечной памяти» подлежит сопоставительно-противительной интерпретации; во-вторых, тем, что путаница, состоящая в смешении правильного (ожидаемого) с неправильным (неожиданным), задает оценочную перспективу – от «+» к «—»; в-третьих, тем,

что в описанной дискурсивной ситуации потенциальная устойчивая фраза (пословица) могла выступать как речевая реакция, обладающая прямым референтно-денотативным содержанием. В образно-обобщенной семантике устойчивой фразы этимологический денотат превращается в «квазиденотат, соотносимый не с обозначаемым» пословицы, «а с его подобием» [Телия 1996: 201].

В лексикографических описаниях пословица *Начал за здравие, а кончил за упокой* предстает как моносемичная устойчивая фраза, обладающая значением разной степени обобщенности. Ср.: ‘Начал говорить о ком-чем-н. хорошо, а кончил плохо’ [ТСРЯ 2007: 275] и ‘О несоответствии хорошего начала плохому концу (в словах, делах и т.п.’ [Жуков 1991: 196]. Речевые факты свидетельствуют о полисемии этой устойчивой фразы. В 1-м значении, совпадающем с семантическим толкованием в ТСРЯ, пословица осуществляет анафорическую оценку сообщения, принадлежащего говорящему или – чаще – его собеседнику. Ср.: *А что ж ты, друг сердечный, начал за здравие, а кончил за упокой?* (В. Астафьев. Последний поклон) [НКРЯ]. Во 2-м, производном, значении ‘Начал делать что-н. хорошо, а кончил плохо’ представлен эффект расширения, вызванный меной конкретно-акциональной семы ‘говорить’ на отвлеченно-акциональную сему ‘делать’. Во 2-м значении пословица не может употребляться в роли метатекстового оператора, осуществляющего анафорическую оценку сообщения. Ср.: *Минувший четверг, 19 февраля, американский фондовый рынок начал за здравие, а кончил за упокой* (РБК Daily, 20.02.2004) [НКРЯ]. Подобная семантическая дифференциация отражается на характере субъекта-подлежащего: если 1-е значение ограничивает замещение этой позиции исключительно обозначениями лиц, то 2-е значение не имеет подобного ограничения.

Пословица *Начал за здравие, а кончил за упокой* обычно сопровождается стилевой пометой «разг.» и стилистическими пометами «неодобр.» и / или «шутл.» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 247; ТСРЯ 2007: 275]. Однако во 2-м значении эмоционально-оценочные коннотации, лежащие в основе стилистических помет, ощущаются как экспрессивно более выделенные.

Довольно частая встречаемость устойчивой фразы в речевом узусе и возможность опознавать ее при некоторых отступлениях от привычной речевой формы, не препятствующих семантическому отождествлению устойчивой фразы, способствуют ее дискурсивному варьированию. «Изменение пословицы <...> возможно до тех пор, – пишет В.Т. Бондаренко, – пока не нарушается коммуникация, что предполагает в качестве обязательного условия допустимости и “законности” варианта сохранение его соотносительности с соответствующей исходной формой как структурно-семантическим образцом (инвариантом)» [Бондаренко 2009: 89]. Такая устойчивая фраза, как пословица *Начал за здравие, а кончил за упокой*, характеризуется разнотипным дискурсивным варьированием, охватывающим почти все ее компоненты и способы построения.

1-й тип дискурсивного варьирования связан с синонимической заменой глагола в постсоюзной части: *кончил – свел*. В.П. Жуков рассматривал *свел* не как результат синонимической субституции, а как принадлежность узуальной речевой формы пословицы [Жуков 1991: 196]. Ср.: *А глупо! Я начал за здравие, а свел за упокой* (И. Гончаров. Письма) [НКРЯ]. Надо отметить, что прецеденты подобного варьирования всецело относятся к XIX в., когда глагол *свести* в значении ‘вести к одному концу’ [Даль 2007: 152] был идеографическим синонимом глагола *кончить* и был способен управлять предложно-падежной

словоформой «за + Вин. п.». Ныне этот тип варьирования пословицы принадлежит диахронии.

2-й тип дискурсивного варьирования состоит в замене союза *a* на бессоюзную связь. Ср.: *Чего ты не сешь? Начал за здоровье, кончил за упокой? А дальше что?* (Разг. речь). Эллипсис союзного маркера никак не устраняет сопоставительно-противительных отношений, которые поддерживаются благодаря интонации противопоставления и двойной антонимической связи частей пословицы (*начал – кончил, за здоровье – за упокой*). Резкая противительная пауза, компенсирующая отсутствие союза *a*, в письменной речи фиксируется не только запятой, но и более сильным пунктуационным знаком – тире. Ср.: *Стоп машина! Я начал за здоровье – свел за упокой* (Н. Пирогов. Дневник старого врача) [НКРЯ], где представлен также 1-й тип варьирования.

3-й тип дискурсивного варьирования относится к субституции предлога либо предлога и падежа в форме одного из зависимых именных компонентов. Ср.: *Мне могут сказать: начал во здоровье, кончил за упокой!* (Г. Адамович. Судьба Иннокентия Анненского) [НКРЯ]; *А перестав себя понимать, рассердился и, начав со здоровья, кончил за упокой* (В. Катаев. Время, вперед!) [НКРЯ]. Употребляя с формой Вин. п. предлог *во* вместо предлога *за*, говорящий несколько иначе выражает ту же самую семантику цели. Кроме того, предложно-падежная словоформа *во здоровье* является устойчивой, что объясняет фразеологическую обусловленность субституции. Предложно-падежная форма «*со* + Род. п.» обладает фазисным значением начинательности, хотя в ней сохраняется в качестве оттенка значения и семантика цели. Если в предложно-падежной словоформе «*во* + Вин. п.» предлог семантически прикреплен в большей мере к падежной форме имени, с которой он образует устойчивое

сочетание, то в предложно-падежной словоформе «со + Род. п.» – к глаголу (у В. Катаева – в форме деепричастия), вместе с которым предлог включен в обозначение начальной фазы действия. Показательно, что 3-й тип варьирования тяготеет к взаимодействию со 2-м, причем как в конструкции независимого, так и особенно зависимого таксиса, где бессоюзная связь является структурно обязательной (ср.: **начав со здравия, а кончил за упокой*).

4-й тип дискурсивного варьирования связан с перестановкой компонентов пословицы. Однородные глагольные сказуемые, обозначающие начальную и конечную фазы одного и того же действия, остаются на своих местах, тогда как зависящие от них именные компоненты переставляются. Подобное варьирование вызвано оценочной инверсией: плохое начало сменяется хорошим концом, т.е. намеренно маркируется оценочная перспектива от «—» к «+». Ср. эксплицитное представление подобной метатезы оценок в следующем употреблении пословицы: *Прежде чем начать это письмо, я еще раз взглянул на Ваши строки; и, взглянув, вспомнил поговорку (sic! – К.С.) «начал за здравие, а свел за упокой». Вы наоборот – начали за мой упокой, а свели за мое здравие!* (К. Леонтьев. Культурный идеал и племенная политика) [НКРЯ]. В этом прецеденте, относящемся к концу XIX в., имеется также архаичный для нашего времени 1-й тип варьирования. Кроме того, имитация диалога привела к атрибутивно-согласователю распространению именных компонентов формами лично-притяжательного местоимения *мой*, способствующими персонально-дейктической конкретизации пословицы в речи. Ср. еще один пример: – *Начал за упокой, а кончил за здравие?* – *спросил Разметнов* (М. Шолохов. Поднятая целина) [НКРЯ]. Этот риторический вопрос обращен к деду Щукарю, который начал свою речь на открытом партийном

собрании с того, что Кондрат Майданников, как мелкий собственник, недостоин быть в партии («—»), а закончил тем, что этот работающий казак в партии быть достоин («+»). Понятно, что перестановка компонентов пословицы вызвана не чем иным, как приведением анафорических оценок в соответствие с реальной последовательностью фрагментов речи, противоположных по характеру оценки.

5-й тип дискурсивного варьирования представлен усечением союза *a* вместе с вводимой им предикацией. Ср.: *Замначальника управления жилкомхоза Москвы по ремонту и содержанию дорог Владимир Ушаков начал за здоровье* (Известия, 06.02.2002) [НКРЯ]; *Шишкин, Сычев, Булыкин... Много тех, кто начал «за здоровье»...* (Советский спорт, 17.03.2009) [НКРЯ]. Усеченные варианты пословицы подвергаются дифференциации по степени интонационной завершенности, отражаемой при пунктуационном оформлении в выборе между точкой и многоточием. Используя точку, подчеркивают, что усечение основано на «освобождении от избыточных и несущественных в плане содержания элементов» (относительная интонационная завершенность); используя многоточие, отмечают «преднамеренную авторскую недоговоренность» (интонационная незавершенность) [Бондаренко 2009: 92]. В примере из газеты «Советский спорт» для обозначения того, что усеченная пословица берется не в 1-м значении, применены кавычки. Интересно отметить, что усечение нередко сопровождается 4-й тип варьирования. Ср.: *Как и Южный в главном матче парижского финала, Николай (Давыденко. – К.С.) начал за упокой, проиграв первый сет 1:6* (Комсомольская правда, 10.02.2003) [НКРЯ]; *Заметно помолодевший «Аквариум» концерт начал «за упокой», с одной из депрессивных песен – «Луна, успокой меня»* (Комсомольская правда, 30.01.2008) [НКРЯ]. Усечение связано сугубо

с квантитативным варьированием, вопреки которому пословица осознается как целостный составной языковой знак. Этому способствуют противительная интонация и антонимическая предсказуемость компонентов усеченной части.

6-й тип дискурсивного варьирования состоит в замене союзной части пословицы прямым и / или косвенным описанием ухудшения ситуации. Этому типу варьирования обычно сопутствуют другие – 2-й или 5-й. Ср.: *Мол, та же история – форвард сборной России в топовом европейском чемпионате начал за здоровье, потом снизил обороты...* (Советский спорт, 07.04.2009) [НКРЯ]; *В этом же году в аутсайдеры себя записал «Гамбург». Сменивший Франка Арнесена на посту главного тренера, успешно поработавший в швейцарском «Базеле» Торстен Финк начал за здоровье. Однако в трех последних турах «Гамбург» набрал всего два балла, а в последнем туре с треском провалил домашний поединок с дортмундской «Боруссией»* (Советский спорт, 27.01.2012) [НКРЯ]. При этом сопоставительно-противительные отношения, конструктивно значимые для пословицы, переосмысляются либо как отношения временной последовательности (наречие *потом* в присоюзной позиции), либо как собственно противительные (союз *однако* в функции текстового коннектора). 6-й тип варьирования сдерживается отрицательно-оценочным ореолом союзной части, но при этом позволяет включать в речевую «ткань» пословицы любое необходимое говорящему конкретное предметно-ситуативное содержание. Этот тип варьирования показывает единство и взаимодействие оценочной и дескриптивной информации, а также тенденцию к разрушению тождества пословицы в свободном речетворчестве.

Нужно отметить, что 2-й – 6-й типы варьирования пословицы в дискурсе принадлежат синхронии. Они

участвуют в модификации пословицы как по отдельности, так и в комплексах. По данным НКРЯ, имеется тенденция к предпочтению некоторых синхронических типов варьирования пословицы в определенных дискурсивных практиках. Например, 5-й и 6-й типы варьирования встречаются преимущественно в спортивной журналистике. Типы дискурсивного варьирования пословицы *Начал за здравие, а кончил за упокой* обнаруживают, что своеобразными константами в ней служат инициальный компонент *Начал*, зависимый от него именной компонент с семантикой цели (*за здравие* чаще, чем *за упокой*) и интонация противопоставления. Половина типов варьирования (4-й, 5-й и 6-й) напрямую обусловлены намерением преобразовать, подчеркнуть или разъяснить ту оценочную структуру, которая создает пословицу как форму представления аксиологического знания.

В заключение принципиально важно сказать о том, что такая устойчивая фраза, как пословица *Начал за здравие, а кончил за упокой*, является аксиологическим знаком, благодаря которому передается ценностное представление и выражается оценочное содержание. Категория оценки, играющая в этом фразовом знаке конституирующую роль, выступает как объяснительный «императив» при уточнении имеющихся данных об этимологии, семантике и ряде приемов дискурсивного варьирования устойчивой фразы. Новое описание устойчивой фразы (пословицы) предназначено, во-первых, для нужд лексикографии, в особенности аспектной, а во-вторых, для обсуждения насущной во фразеологии «проблемы семантического синтеза своих единиц в текст», «интеграции ее результатов в общее описание языка в действии» [Телия 1996: 53].

Глава II. Аксиологические аспекты семантики состояния

1. Мысль о состоянии и оценке: актуальные формы выражения

В современном обществе существует тенденция актуализации субъекта познания – под воздействием активной воли субъекта изменяется объект познания и приложения творческих сил: человек познающий и говорящий, то есть *субъект* познания, становится одновременно и *объектом*, предметом изучения. Современный человек изменяет представление о себе самом и своей значимости в мире, его оценке, фиксируя в собственном сознании и сознании собеседника мысль о *текущем состоянии* (состоянии *онлайн*) или оценке, актуальной в данный момент.

Взаимоотношения субъекта и объекта, закрепленные в грамматических формах, в истории общественной мысли представлялись по-разному: субъект созерцающий, познающий противостоящий ему объект (статическая роль субъекта), затем – субъект, преобразующий окружающую его действительность, непрерывное взаимодействие субъекта и объекта (активная роль субъекта) [Гулыга 1980: 13]. В настоящий момент, возможно, изменяется характер не только субъекта, но объекта, в роли которого выступает сам субъект: *субъект, познающий себя*. Одним из фактов, свидетельствующих о такой тенденции, становится, на наш взгляд, чрезвычайно активное развитие группы предложно-падежных форм существительного со значением лица, в предикативной позиции выражающих значение ‘состояние субъекта’ и / или значение

оценки: *Все в восторге от тебя!; И ты в шоколаде...; Звезда в шоке; Мы все были на эмоциях / на взводе / в стрессе / на нервах...*

1.1. Синтаксические модели, реализующие значение *состояние / состояние-оценка*

Существующая в грамматической системе русского языка категория состояния, или предикатив, как специализированная часть речи обнаруживает зоны семантического пересечения – в обозначении семантики состояния – в первую очередь с глаголом, прилагательным, наречием. Например, *значимость для момента речи* сближает категорию состояния с перфектным значением глагола, выражающего действие, «воспринимаемое как наличное состояние говорящего» [Поспелов 2009: 89]. Ю.С. Степанов непосредственно сближает категорию состояния с глаголом, когда проводит параллель между особой группой германских глаголов (со значением действия, не переходящего на предмет) и категорией состояния в русском языке, которую понимает достаточно широко: «Семантике этих германских перфекто-презентов как раз и отвечает наиболее полно русская “категория состояния”, причем равно в обеих ее предикативных формах – на *-о* и на личное окончание 3-го лица ед.ч. Ср.: *Мне известно, полезно, можно, достаточно, боязно* и т.д. – с одной стороны, и *Мне думается, мнится, кажется, верится* и т.д., с другой» [Степанов 1978: 348]. Мысль о состоянии, переживаемом в данный момент, находит выражение в специализированной грамматической категории – категории состояния²⁴, исключительность которой для русского языка отмечалась такими известными исследователями-славистами, как А.В. Исаченко

24. В современной русистике существует несколько аналогов традиционного термина *категория состояния: предикатив / безлично-предикативные слова / безличный предикатив / предикативные наречия*, наконец – *имя состояния* (А.В. Попов, В.В. Бабайцева). За каждым термином скрывается субъективное представление исследователя о сущности категории состояния, однако в данной работе термины *категория состояния* и *предикатив* используются как равнозначные. В омонимичном варианте использует термин *имя состояния* Е.В. Падучева, имея в виду лексическое содержание именных слов в предикативной функции, но не их грамматический статус, соотносимый с термином *категория состояния*. См.: Е.В. Падучева. Предикатные имена в лексикографическом аспекте // Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 317–334.

и Р. Мароевич [Исаченко 1955; Мароевич 2001: 22]: «Нигде предикативы не составляют такого ярко очерченного класса слов, как в русском языке» [Исаченко 1955: 65].

Категория состояния реализует свое категориальное значение в двух синтаксических конструкциях, обозначенных Л.В. Щербой в момент выделения категории состояния в самостоятельную часть речи, – *безличная* конструкция и конструкция *личная* [Щерба 1957: 74–75].

Безличные конструкции: модель ‘связка + слово на -о’

Традиционным грамматическим центром категории состояния являются слова на *-о* в безлично-предикативном употреблении, восходящие к качественным прилагательным и в современном русском языке сохраняющие с ними и с адъективными наречиями омонимическую связь [Виноградов 2001; Бабайцева 2000]. Продуктивность модели демонстрирует следующая статистика развития активного словаря предикативов, составляющих центр дативно-предикативных конструкций / структур (ДПС): «Если в 1800–1850 гг. основной корпус НКРЯ фиксирует около 200 предикативов ДПС, к 1900 г. их уже более 300, а в современном языке – около 500» [Циммерлинг 2017].

Маркером перехода в категорию состояния можно считать способность слова на *-о* создавать дативно-предикативные конструкции [Циммерлинг 2017]: любое прилагательное (форма на *-о*) и / или производное от него наречие, имеющее оценочную или потенциально-оценочную сему в лексическом значении, способно перейти в ряд предикативов – слов категории состояния. Именно такие лексемы впоследствии получают дополнительную валентность на дативный компонент [Циммерлинг 2017], который становится одновременно маркером *субъективизации* семантики слова.

Лексический фонд слов категории состояния продолжает пополняться за счет развития субъективной семы в наречиях на *-о*, например, о развитии нового значения лексемы *солнечно* – субъективного – свидетельствует реакция поисковой системы Яндекс на введенное сочетание *мне солнечно: от тебя / с тобой мне солнечно* (подсказки *_Яндекс*): ***Мне солнечно и снежно*** (Анастасия Мамонтова. *stihi.ru*); ***Мне солнечно сегодня. Мне легко.*** // *Мне празднично, свободно и отрадно* (Светлана Кузнецова. *litmir.me*); ***Мне солнечно сегодня и светло, / От тучки, что на небо набежала*** (Сергей Курбатов. *avtor.tululu.org*). Еще большее количество примеров дает Twitter: *Этот ананас прилетел в качестве благодарности с Фукуока и теперь мне солнечно!!* (Сон в летнюю ночь *@currant_mood* 13 дек 2017); ***Мне солнечно, беспокойно и хорошо*** (агент купер летит к чертям *@maethor_хорек* 1 окт 2018); *от тебя мне солнечно в любую погоду* (Anonim *@Anonim0_9* 12 нояб. 2019); *ты всегда позитивная и смотри на твои фотографии мне солнечно* (оля *@cozshima* 24 апр 2020).

Семантика слова отражает изменения в языковом сознании современного человека – носителя русского языка: изначально нейтральные лексемы, характеризующие природный объект, в результате метафоризации получают субъективные оттенки.

В современных социальных сетях слово чаще отражает психоэмоциональное состояние человека, нежели состояние окружающей среды, в отдельных случаях дифференциация невозможна (контаминированное значение: объективное + субъективное), поскольку в этом совмещении объективного и субъективного начала рождается эффект дополнительной экспрессии, важный для говорящего / пишущего.

Семантическая трансформация слова *солнечно*, имеющего функциональные омонимы – наречие, краткое прилагательное, категория состояния, первоначально была связана с поэтическими (чаще) текстами:

• в роли наречия²⁵ – образа действия или степени:

О как солнечно и как звёздно / Начат жизненный первый том! (М. Цветаева) ‘светло, радостно’; *Я получил волшебное кольцо. / Оно сверкало солнечно и живо* (Руслан Киреев, 1970) (‘ярко, живо’); *Только ты останься прежней – трепетно живи, / солнечно живи, / радостно живи!* (Роберт Рождественский, 1983) ‘счастливо, радостно’; *Передаю тебе по проходам / мой солнечно искрящий поцелуй... / и встретятся вечности года, / под трепетным наплывом томных струй...»* (Пара-Беллум, 2005) ‘чувственно, очень приятно’; *Возможно ль любовь сделать солнечно светлой, / Без темных желаний и тайных надежд? / Не ждать лихорадочно страсти ответной, / Не верить обманному блеску одежд?* (Ольга Партала, 2015) ‘очень ярко, хорошо’; *Солнечные ванны, / Солнечно теплы. / Солнце, дай нам манны, / Небеса светлы* (Хрусталик, 2014) ‘очень приятно’.

25. Ср. примеры наречий в исходном значении – объективном – ‘присутствие солнца’: *Сухо и солнечно в нынешнем августе / Кисти рябины от солнечной сладости / Альём огнем налились* [Инна Лиснянская, 2007]; *Кругом так славно, солнечно, / Куда ни поглядишь, / Над озером тихонечко / Кольцется камыш* [Екатерина Серова, 2001]; *Солнечно, снежно, морозно... / Льетса небес синева. / Как-то совсем несерьезно / В строчки ложатся слова* [mishal, 2017].

• в роли прилагательного встречается реже, что связано с общей тенденцией перехода слов на -о в категорию состояния: *Пока еще всё солнечно / Для глаз и для сердец. / Кончено. / Почти уже все кончено, / Почти уже конец* (Симеон Афонский, 1999). *Плевать на богатство и моды! / В футболке, / по горло в пыли, / Шагали тридцатые годы / Дорогами юной земли, / Я помню военные марши / И добрый утесовский джаз... / И всё-то нам было нестрашно, / **Всё солнечно** было у нас»* (Николай Добронравов, 2015).

Первый пример употребления слова в роли категории состояния, засвидетельствованный в НКРЯ, принадлежит Игорю Северянину – 1910 год: *Всем будет весело и солнечно, / Осветит лица милосердые... / И светозарно, ореолочно / Согреет всех мое бессмертье!*» (Игорь Северянин, 1910). В ряду однородных компонентов значение лексемы уподобляется значению других компонентов, то есть подчиняется закону «семантической аккомодации» (термин К.Я. Сигала).

В аналогичный процесс субъективизации семантики оказалась втянута лексема *пушисто*, популярная в молодежной речи, где она в позиции предиката в качестве слова категории состояния: *а мне **пушисто*** (Мем bloodthirsty // <http://risovach.ru/kartinka/2450124>); *Мне с тобой **пушисто**, / Мне с тобой тепло. Мы с тобой вместе, КАК МНЕ ПОВЕЗЛО!!!* (<https://diary.ru/~Poesia/r40143305>). Процесс трансформации семантики и активность распространения нового значения стремителен: первый случай, зафиксированный нами в сети, относится к 2010 году:

 Olga Veter @LadyVeter · Sep 30, 2010 ...
Тепло, дружелюбно и так хо-ро-шо! Жизнь воздушна! **Пушисто мне, пушисто!** :-)

 авыч (со стрелой в колене) @musta_muisto · Apr 15, 2020 ...
В гости опять пришла моя тупая дочь и спит прям у меня под боком. Окей, гугл, как отксерить кошку? **Мне** нужно 15 штук! Тепло! **Пушисто!** Ляпота!

 Olga J. Volotskaya (OJV) @DarkAngelorg · Mar 15 ...
Вот как **мне** было хорошо и **пушисто** с утра и как же **мне** дохло и чвяк сейчас. Давление, что ли упало и валяется? 😞

 Олечка Сомова @OlechkaSomova · Mar 10, 2019 ...
Мне снилось, что у меня на передержке десять разных котиков.
Я лежала на полу, они ходили по **мне** и мурчали. **Мне** было очень **пушисто** и счастливо! 😊❤️
#олечкинысны

 Nadia Potekhina @NadiaBlond · Apr 4, 2011 ...
От одной мысли о бане, молоке с медом и варениках **мне** становится **пушисто** и бархатно.

Общая линия семантического развития слов *солнечно* и *пушисто* – трансформация значений *объективных* («в том смысле, что они отражают реалии, находящиеся вне нашего сознания») в *субъективные* («в том смысле, что они отражают реалии, являющиеся порождением только нашего, человеческого опыта»²⁶) – синонимичные, с общей семей ‘приятно, весело, легко’ и общей положительной оценкой.

26. Н.Н. Холодов рассматривал в этом ракурсе субъективных и объективных воплощений семантику сочинительных союзов [Холодов 2015: 61].

Вписанные в речевую действительность сравнительно недавно, слова *фэنشуйно*, *атмосферно*, *кошерно* (в том числе в роли слов категории состояния) быстро распространяются в речи – благодаря неформальному общению в социальных сетях: *В этом доме я провожу лето / потому что здесь фэنشуйно* (Интервью с Андреем Лошаком // 2005 – единственный пример в коллекции НКРЯ). По запросу в устном корпусе НКРЯ слова *атмосферно* в предикативном употреблении примеры не найдены, однако «Яндекс» и соцсети предоставляют многочисленные примеры употребления, например: *Здесь так атмосферно И так комфортабельно, Изысканны дамы в мехах и шелках, А их кавалеры Все сплошь респектабельны* (Елена Малеева. Стихи.ру); *Так атмосферно! ... Получаю огромное удовольствие от посещения новых выставок* (Facebook, 12.03.2018); *У нас атмосферно. Бывает, смотришь на фотографию и улыбаешься* (ВКонтакте, 03.03.2018); *Здесь так атмосферно, что хочется всё запечатлеть и оставить в памяти* (Instagram. https://www.instagram.com/p/Bhl_9c6gkTc/).

Факт отсутствия в Национальном корпусе русского языка может быть объяснен тем, что многие новейшие разговорные слова не сразу попадают в поле зрения исследователей, поскольку находятся в ранге периферийных (оценочное слово *лампово* – из молодежного сленга), новейших и только входящих в активный словарь (*фэنشуйно*, *кошерно*) или окказиональных (*Светло, солнечно, замечательно – пятнично!* Рубен Акопян. Радио 7. На семи холмах. 16.03.2018, пятница). Тем не менее именно эти случаи демонстрируют способность языковой системы к развитию и пополнению лексического фонда – в ответ на запросы носителей языка.

Их семантику можно охарактеризовать как ‘состояние-оценка’ – говорящий выражает общую оценку текущей

27. Ср. метаязыковое восприятие семантики слова *атмосферно* носителями языка: «Мы часто слышим это слово в качестве оценки художественного произведения или чего бы то ни было: атмосферно. *Жить атмосферно...* Многие называют это состоянием гармонии с собой и миром. Кто-то считает это покоем. Кто-то – равновесием. Кому-то именно так видится счастье. Мне хочется назвать это *состоянием атмосферности* собственной жизни; (<https://www.myjane.ru/articles/text/?id=20699>).

28. См. исследования Н.И. Гришиной, показавшей системные отношения предложений разных типов с точки зрения характеристики субъекта (а не предиката) [Гришина 2002]. См. исследования А.В. Циммерлинга, в том числе в типологическом освещении – на материале индоевропейских языков: *Циммерлинг А.В. Древнеисландские предикативы и гипотеза о категории состояния // Вопросы языкознания. 1998. №1. С. 36–59; Циммерлинг А.В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с. Циммерлинг А.В. Именные предикативы и дативные предложения в европейских языках // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные*

ситуации (употребление с дательным косвенного субъекта *мне* не характерно), следствием которой является его состояние: ‘всё в порядке, так, как должно быть в моем представлении – следовательно, мне хорошо’. Притом что оценка обязательно сопровождает семантику состояния и входит в семантическую структуру любого слова категории состояния, вместе с тем занимает в значении в нем место *сопутствующей* семы. В словах *фэшиуйно, атмосферно, комфортно, кошерно* эта сема выходит на первый план: если сравнить этапы развития значения, то оценка для них была первичной, состояние – производное на базе положительной оценочной семы²⁷.

Итак, мысль о состоянии находит выражение в группе слов, объединенных общим названием – категория состояния, или предикативы, и участвующих в создании определенного типа предложения «без канонического подлежащего» [НКРЯ], и традиционно данный смысл закреплен за односоставными безличными предложениями – с дативом или без него²⁸. Вместе с тем активная роль принадлежит в современном языке личной конструкции.

Личные конструкции: модель ‘S + связка + предикативно-падежная форма’²⁹

Специфика таких построений заключается в особой роли субъекта – носителя состояния: не *наблюдатель* (*На улице тепло*), не пассивный участник ситуации, испытывающий определенное состояние (*Мне тепло*), но активный участник – *Я в шоке / в панике / на эмоциях / на нервах* и т.д. Коммуникативная ценность личной конструкции заключается в акцентировании субъекта – носителя состояния: ***Население в панике; министр финансов не у дел и проводит дни у известной Жанетты на Мещанской улице*** (Ю. Тынянов. Малолетний

Витушишников (1933); *Утром я бегу к нему. «Дед, у меня закапало».* **Он в панике** (Сергей Довлатов. Заповедник (1983); *Ни ответа, ни привета. Все в непонятках, родня в панике...* *Искали – не нашли* (Татьяна Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть (2011); *И вот мне нужно было первый раз забрать ее из школы, повозить по городу и вообще чем-то занять – помню, я был в панике и растерянности, прямо как мой герой, на которого неожиданно свалилась такая ответственность* (Евгений Гусятинский. Разные способы повзрослеть // «Русский репортер», № 45 (173), 18 ноября 2010); *Илья просто выключил звук и перевернул мобильный экраном вниз, чтобы она сама отступилась. Но она тоже была на взводе* (Дм. Глуховский. Текст (2017).

Конкретные лексические концепты и конкретные грамматические конструкции, связанные с построением слов состояния, специфичны для тех или иных языков. Например, «в отличие от категории состояния в русском языке, предикативно-оценочная лексика КЯ занимает промежуточную позицию между классами предикатов качества и состояния» [Сюй Юйвэй 2021: 22-23], то есть не выделяется в самостоятельную категорию. Р. Мароевич в сопоставительно-типологическом грамматическом описании русского и сербского языков отмечает отличия языков в отношении степени категоризации семантики состояния: «Предикативы (так называемая категория состояния) в русском языке сформировалась уже как особая лексико-грамматическая группа с признаками самостоятельной части речи, а в сербском языке они не в такой степени обособились от существительных и наречий» [Мароевич 2001, I: 22].

В русском языке для дальнейшего развития категории сложились благоприятные условия [Виноградов 2001; Исаченко 1955]. Грамматическую судьбу категории со-

технологии. Вып. 9 (16). Материалы международной конференции «Диалог 2010». М., 2010. С. 549-558 и др.

29. S – подлежащее, в роли которого выступает существительное или личное местоимение (чаще) со значением лица / человека или указания на лицо / человека. Семантическая роль – ‘субъект, носитель состояния’. Выбор термина *предикативно-падежная форма* не является в полной мере корректным – термин условный: переход предложно-падежных сочетаний в класс слов состояния сопровождается грамматикализацией формы, которая, следовательно, и формой (или словоформой) уже не является. Однако переходный грамматический статус единицы не позволяет выбрать адекватный термин. Возможные варианты: *предикативные формы / транспонированные словоформы / субстантивные предикаты*.

стояния В.В. Виноградов связывал с историей развития глагола *быть*: материальное отсутствие связки в формах настоящего времени приводит к формированию новой части речи [Виноградов 2001: 332–333]. Специфическая семантика формируется в определенных синтаксических условиях.

Современный этап развития морфологической категории и семантики состояния определяется также синтаксическими условиями и тенденциями в современном синтаксисе русского языка, в первую очередь – активизацией употребления в языке аналитических форм сказуемого и развитием *бисубстантивного типа* предложения – *связочно-субстантивных конструкций* [Герасименко 2012, 2018 и др. работы автора]. В рассматриваемых конструкциях, включающих предикативные предложно-падежные формы и представляющих собой один из вариантов бисубстантивных предложений, реализуется потенциальная предикативность имени существительного. В современном русском языке бисубстантивное предложение становится благоприятным синтаксическим условием развития новой синтаксической организации категории состояния и семантики состояния – двусоставного предложения, актуализирующего позицию субъекта как носителя состояния.

Определение Л.В. Щербы не ограничивает категорию состояния исключительно безличным употреблением и односоставными конструкциями, аналогичной точки зрения придерживались В.В. Виноградов и А.В. Исаченко [Виноградов 2001; Исаченко 1955]. Такой взгляд на важнейшие грамматические признаки категории состояния закреплен в тезисе, выдвинутом Н.С. Поспеловым: «Они образуют особую часть речи не потому, что выступают в синтаксической функции сказуемого, а потому, что им присущи специфические для них аналитические формы

выражения грамматических категорий времени и накло-
нения, причем связка или ее значимое отсутствие является
необходимым компонентом такой аналитической формы»
(выделено Н.С. Поспеловым. – М.М.) [Поспелов 2009: 26].

Многие логико-синтаксические типы семантики про-
стого предложения, такие как бытийность, номинация,
характеризация, интересующая нас семантика состояния
и др., не имеют непосредственной связи со структур-
но-семантическим типом предложения и «могут быть
выражены как двусоставными, так и односоставными
конструкциями» [Бабайцева 2004: 76]. Таким образом,
безличная предикативность – только одно из синтак-
сических значений, содержащее косвенное указание
на лицо как носителя состояния: аналогичную семанти-
ку – семантику состояния – могут выражать конструкции,
в которых носитель состояния актуализируется, а сама
мысль говорящего требует одновременной вербализации
субъекта и предиката.

Представляется, что способ оформления субъекта – да-
тив или номинатив – не является релевантным признаком.
В лингвистических исследованиях существует традиция
изучения соответствующих критериям предложно-падеж-
ных форм в составе класса *категория состояния* – см.
работы Р. Мароевича, Е.В. Сироты, А.В. Пряникова,
А.А. Калинина и др.³⁰ Рассматриваем отдельные транс-
понированные предложно-падежные формы имени су-
ществительного (в предикативном употреблении) как
принадлежащие категории состояния и относящиеся к ее
периферии. Более того, они становятся, наряду с тра-
диционными безличными конструкциями, активным
современным центром выражения мысли о состоянии.
Развитие смысла ‘состояние-оценка’ связано не только
с традиционными безлично-предикативными структура-
ми, но со структурами личными, до последнего времени

30. Сирота Е.В. Структурно-семантическая и функциональная характеристика категории состояния. : дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 160 с.; Пряников А.В. Семантика сказуемого, выраженного предложно-падежными сочетаниями имени существительного, в современном русском языке.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 167 с.; Калинин А.А. Семантика и предикативное функционирование предложно-падежных форм существительных в современном русском языке. : дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2003. 243 с.

периферийными, – модель ‘подлежащее со значением лица + связка + предложно-падежная форма существительного’ [Милованова 2018].

По справедливому замечанию Фр. Травничка, слова категории состояния выражают *разные* состояния [Травничек 1955]. А.В. Исаченко в истории категории состояния выделяет основные семантические «узлы» – слова с модальными значениями и отрицание [Исаченко 1955: 61–62]. Собственно, это и есть векторы, определяющие современное развитие этой грамматической категории, что в целом соответствует тенденции в русском языке, отмеченной В.В. Виноградовым, когда «новые оттенки модальности предложения всё чаще выражаются аналитически – сочетанием слов» [Виноградов 2001: 326]. Предложно-падежная форма существительного, обладающая сложной и объемной семантикой, является удобным и адекватным способом выражения актуальной мысли, связанной с обозначением состояния субъекта «в деталях». Стимулом для развития категории состояния в настоящий момент становится факт актуализации позиции субъекта, что приводит к расширению фонда слов, обозначающих состояние.

31. Процесс предикативации был связан с общей тенденцией отрыва форм существительных от управляющего глагола, отмеченной В.В. Виноградовым: «Предложно-именные сочетания, первоначально связанные с глаголом и зависшие от них, с развитием и усложнением грамматического строя, особенно в XIX в., стали непосредственно присоединяться к именам существительным, напр.: мандарины из Грузии, рамка из сосновых шишек, коренные поморы с севера» [Виноградов 1975: 225]. Этой новой тенденцией определяется упрочение позиций существительного в роли сказуемого («синтаксически имя также может быть сказуемым, как и глагол» [Виноградов 2001: 334]) и рост предикативности имени существительного (См.: [Герасименко 2012, 2018] – связочно-субстантивные конструкции; [Шаповалова 2020] – полупредикативный субстантивный оборот.

1.2. Актуальные предикативно-падежные формы

Такие конструкции не были известны древнерусскому языку. А.В. Исаченко отмечал формы с отрицанием *мне не по себе, он не у дел, он тебе не чета, он не в духе* как «еще не успевшие морфологически оформиться в предикативы, но выступающие только в функции сказуемого» [Исаченко 1955: 61–62]. Начиная с XIX века³¹ формы отдельных слов, имеющих значение ‘эмоциональное состояние человека’, входят в активное употребление: *Державин был в восхищении* (А.С. Пушкин. Table talk); – *Я в восхищении*, – *монотонно пел Коровьев*, – *мы*

в восхищении, королева в восхищении (М. Булгаков); – *Оставь меня, старушка: я в печали!* (к/ф «Иван Васильевич меняет профессию»).

Двусоставные синтаксические конструкции оформляют специфическую семантику *личностного / личного* состояния, – в противовес состоянию, мыслимому в разной степени отстраненно и безлично.

Активность употребления транспонированных форм отдельных слов относится к последнему десятилетию. Например, в диссертации И.П. Матхановой высказывание *Я в грусти* рассматривается как невозможное: **Я в грусти* [Матханова 2001: 12]. Тем не менее поиск в НКРЯ дает основания думать, что в индивидуальной речи форма использовалась в предикативной позиции. Примеры «чистого» употребления, то есть без участия полузнаменательных и знаменательных связок (*пребывать, оставаться, жить, молчать, думать, идти* и др.): *Сегодня мой орнитолог в грусти: подбил крупного сокола и не нашёл его; Старик Верхотуров в грусти, что его переводят в Заин-шаби* (П.К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. №4 (1925–1926); *Ты извини, я просто не знаю про это заболевание. Я вот тоже в грусти....* Ольга74, 2005.03 (форум) (2005).

Результаты интернет-мониторинга свидетельствует о частотности такого употребления: *Я в грусти, и, значит, Светлана появится ночью. / Влетит налегке, как улыбка чеширского барса* (Ринат Юнусов); *Когда мы в грусти и печали, / Прошу, не надо громких слов...; Когда ты в грусти и печали, / Ты громких слов не говори...* (Дмитрий Ахременко). Кроме того, предикативная словоформа *в грусти* может быть востребована при наличии однородных компонентов – аналогичных форм со значением состояния *в печали, в тоске, в испуге* и др.: *Я в грусти, в трауре, в печали* – «Дом-2» *закроют в Новый год!* (Влад

Нежный); *Да-да / я в грусти и печали / меня не ждут / меня не ждали* (Никита Данилов).

Таким образом, если не ограничивать категорию состояния безличным употреблением, то в современном русском языке можно выделить два центра, вокруг которых группируются новые лексические единицы, обладающие семантикой состояния: традиционный – односоставные безличные предложения и новый, стремительно развивающийся – двусоставные предложения с подлежащим, в роли которого выступает субъект (= ‘человек, лицо’). Центром системы грамматической категории являются слова на *-о*, обладающие полным набором дифференциальных признаков категории состояния, оторвавшиеся от исходной системы прилагательных / наречий [Бабайцева 2000], предикативно-предложные формы, сохраняющие связь с классом существительных, находятся на периферии системы категории состояния. Ср.: *Мне тревожно. – Я в тревоге; Мне грустно. – Я в грусти.*

Условием перехода существительного в категорию состояния становится предикативная позиция, то есть соединение с подлежащим, опосредованное глаголом-связкой, при этом консервации подвергается одна из форм парадигмы имени существительного или местоимения. Словоформы по-прежнему связаны с классом существительных, поскольку сохраняют способность иметь согласуемые слова, и занимают зону переходности. Вместе с тем нельзя не отметить сдвига в их категориальном значении: происходит трансформация значения предметности в новое и более абстрактное – значение состояния, в отличие от глагола – недействительного состояния, состояния качественного.

Словоформы, получившие в современной речи способность употребляться в предикативной функции, оказываются спорными с точки зрения выражения однозначной

семантики состояния. В приведенном ниже ориентировочном (отнюдь не полный – открытый) списке современных словоформ, обладающих смысловым потенциалом ‘состояние субъекта’, такие лексеммы нами выделены:

быть **без понятия** / без ума / **в ажуре** / в ауте / в беде / **в бегах** / в беспокойстве / в бреду / в веселье / в возмущении / в волнении / в восторге / в восхищении / в горе / в гневе / в грусти / **в делах** / в депрессии (в депрессняке) / **в жизни** / **в заботах** / в завязке / **в загуле** / в запаре (в запарке) / в запое / в задумчивости / в замешательстве / в замоте / в коме / в коматозе / **(не) в курсе** / в недоумении / в норме / в обиде / в одиночестве / в ожидании / **в осадке** / в отключке / в отпаде / в отрубке / в отчаянии / в панике / в печали / в подпитии / в порядке / в прострации / на протесте / в раздразе / в раздумьях / в размышлениях / в расстройстве / в растерянности / в скуке / в смущении / в сознании / в ссоре / в страхе / в стрессе (на стрессе) / в ступоре / **в теме** / в тоске / в трансе / в трауре / в тревоге / **в тренде** / **в трудах** / **в убытке** / в ударе / в ужасе / в унынии / **в фаворе** / **в форме** / в шоке / **в шоколаде** / в ярости / на взводе / на игле / на нервах / на ножах / на расслабоне / на эмоциях / под дозой / под кайфом / под шофе / **при деньгах** / **при смерти** и другие³²; новейшие и актуальные уже не только в молодежной среде предикативно-падежные формы:

быть **на движении** / **на стиле** / **на позитиве** / **в потоке** / **в моменте** / **в ресурсе** и т.д.: *Кто слушает Европу Плюс, тот в ресурсе и в моменте* (реклама радиостанции «Европа Плюс», ноябрь 2021); **Быть в ресурсе** – что это значит? И почему все так много стали об этом говорить? (<https://www.b17.ru/article/345247/>); **«Я не в ресурсе»**, что же это: новый тренд или реальная проблема, давайте разбираться (<https://snob.ru/profile/400024/blog/1000762>);

32. Потенциальным источником пополнения лексического фонда категории состояния могут быть не только профессионализмы, сленг и т.д., но и говоры [Васильева 2000], вместе с тем диалектная речь уже не играет такой роли: в настоящий момент лидирующая роль принадлежит молодежному сленгу.

Формы при связке включаются в синонимическую парадигму и вместе с маркерами категории состояния (безлично-предикативными словами на -о и другими традиционными средствами оформления семантики состояния) образуют синонимические ряды, демонстрируя многообразие смысловых оттенков: *лень* – (мне) *лениво*; *грустно* – *печально* – *тоскливо* / (я) *в грусти* – *в печали* – *в тоске* и т.д. Возникают синонимические пары и ряды: *не в обиде* – *не в претензии*; *в осадке* – *в ауте*; *не в духе* – *не в настроении*; *не в курсе* – *без понятия*; *в тренде* – *на ресурсе* – *в моменте* – *в потоке* и т.д.

Стабильно актуальным, по-видимому, остается обший смысл – *состояние субъекта*, лексический состав является величиной переменной. Например, в пассивном запасе оказались выражения *(не) быть* / *(не) состоять в переписке*, *быть в кураже*, *быть в духе* (в отличие от варианта с отрицанием *быть не в духе*): *Я ни с кем не в переписке* (А.С. Пушкин); *Помните нашего Платона, что в солдаты отдали, он сильно любил выпить, и был в этот день очень в кураже...* (А.И. Герцен); *Хозяин в духе и, весьма возможно, даст поддержать монтекристо* (В. Катаев).

Таким образом, если смысл «“ищет” специфическое для него средство выражения» [Виноградов 2021: 96], то он находит его в актуальной транспонированной форме имени существительного³³, включенной в синтаксическую конструкцию – ‘подлежащее со значением лица + связка + предложно-падежная форма существительного’ (модель ‘S + связка + предикативно-падежная форма’).

1.3. Семантика состояния и функция субъективной оценки

Лексемы, входящие в круг слов с семантикой состояния и входящие в состав данной модели, группируются

33. Сравним: роман Д.Г. Лоуренса *Women in love* в переводе на русский «Женщины в любви» (переводчик Е.П. Колтукова) и «Влюбленные женщины» (переводчик В.И. Бернацкая). При естественном и предпочтительном для русского языка – влюблённая женщина, существует два варианта перевода названия песни Барбары Стрэйзэнд *Woman in Love*: Женщины в любви <https://yandex.ru/video/search?text=%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD%D0%B0+%D0%B2+%D0%BB%D1%8E%D0%B1%D0%B2%D0%B8+%D0%BF%D0%B5%D1%81%D0%BD%D1%8F>; Влюблённая женщина https://en.lyrsense.com/barbra_streisand/woman_in_love.

под углом зрения выражения субъективной оценки: *хорошо – плохо – безразлично*: оценка – обязательная сема в семантической структуре слова категории состояния, если речь идет о грамматическом центре этой категории и личной конструкции ‘связка + слово на -о’. Каждое слово, втянутое в сферу обозначения состояния, вносит смысловые оттенки, заключенные в его индивидуальном значении, в общую семантическую сферу – состояние.

К примеру, слово *солнечно* в новом употреблении *С тобой мне солнечно* выражает не просто оценку *хорошо* (+), но сообщает этой оценке дополнительную экспрессию, изначально связанную с положительным образом солнца в русской языковой картине мира. Ср.: *Солнце, трижды светлое! С тобою / Каждому приветно и светло...* (Слово о полку Игореве. Переложение Н. Заболоцкого); *Будь же счастлива, Мери, / Солнце жизни моей!* (А.С. Пушкин. Из Barry Cornwall); *Будем как солнце!* (К. Бальмонт); *Любовь! Россия! Солнце! Пушкин! – / Могущественные слова* (И. Северянин); *Пусть всегда будет солнце, / Пусть всегда будет небо, / Пусть всегда будет мама, / Пусть всегда буду я* (Л. Ошанин); ср. распространенные в интимной разговорной речи обращения *Солнышко!* и *Солнце!:* *Понимаешь, мое солнышко, когда сладко, и радостно, и больно, и хочется плакать?* (Ф.К. Сологуб. Мелкий бес (1905)); *Всё равно с тобой, мое солнышко, и дни летят как минуты* (Мария Берсенева. Возраст третьей любви (2001)); *Солнце мое! Разве можно оставлять меня одного? Да еще так надолго?* (Лидия Вертинская. Синяя птица любви (2004)).

Положительные коннотативные семы стартового слова – существительного *солнце* сохраняют все его производные: прилагательное *солнечный* и в свою очередь производные от него наречие и слово категории состояния *солнечно*.

Слово *солнечно* в прямом значении фиксирует объективное положение вещей (*На улице солнечно*), однако субъективный компонент уже присутствует в его семантике, поскольку такая конструкция подразумевает *фигуру наблюдателя* [НКРЯ]. Субъект *мыслится*, и слово раскрывает его состояние, позицию и оценку происходящего: светит солнце – *и это хорошо*, то есть говорящий рассматривает такое объективное положение вещей как благоприятное для себя. Следующий этап – развитие субъективного компонента в слове категории состояния *солнечно*: *солнечно на улице* («объективное» значение) – следовательно, *мне хорошо* («я оцениваю такую ситуацию для себя как положительную») → *мне солнечно* (значение «субъективное»).

А.В. Исаченко, исследовавший историю русских предикативов (категория состояния), отмечает позднее появление «дифференцированной модальности», причем в некоторых индоевропейских языках смысл «модальная необходимость» выражался существительными, имевшими значение «отрезок времени, подходящий момент». Список субъективно-модальных оттенков, включая значение оценки, чувственного восприятия, состояния и т.д., расширялся постепенно [Исаченко 1955: 62–64]. Этот список продолжает расширяться за счет новых лексических единиц, вошедших в состав конструкции «S + связка + предикативно-падежная форма».

С.Н. Виноградов определяет набор элементов-признаков, необходимых для формирования и выражения семантики состояния, в который входят «носитель состояния, ситуация, характеризуемая данным состоянием, и бытийный признак, отражающий относительную устойчивость состояния и его изменения во времени» [Виноградов 2020: 176]. Синтаксические структуры, соответствующие модели «S + связка + предикативно-

падежная форма', в формальном отношении отвечают этим критериям.

Семантика *качественного состояния* слов категории состояния есть «то общее в их лексическом значении, что отличает их от других частей речи» [Бабайцева 1955: 4–5]. *Качественное состояние* – то есть способное к градации в выражении разной степени его интенсивности (мне *очень* любопытно / *страшно* грустно / *абсолютно* безразлично). В личных конструкциях оценка степени интенсивности состояния-настроения дифференцируется благодаря прилагательному-интенсификатору: в *таком* замате, в *страшной* грусти, в *ужасной* панике, в *полном* ауте, в *абсолютной* отключке. Ср.: Раскольников был в *чрезвычайном* волнении (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание). По существу прилагательное функционально сближается с наречием в традиционной безличной конструкции. Пример выше был *очень* в кураже (А.И. Герцен) демонстрирует функциональное сближение и связь интенсификаторов-прилагательных с интенсификаторами слов на -о в безличной конструкции.

Вместе с тем трудно определить, что составляет суть понятия *состояние* и как разграничить смежные и коррелирующие смыслы *состояние* и *оценка*. Во-первых, носители языка могут не иметь четкого или одинакового представления о содержании понятия *состояние* или расходиться в понимании значения конкретной единицы; во-вторых, многие современные лексические единицы имеют комплексное, нерасчлененное значение, в котором обязательные значения состояния и оценки включаются на равных с другими семами. Приведем комментарии пользователей интернета, мотивирующие содержание следующих коммуникативно-активных единиц и демонстрирующие

факты метаязыкового осмысления носителями языка новых выражений:

быть в ресурсе: «Итак, *ресурс* – это многогранное понятие, включающее в себя способности, навыки, внутреннее состояние человека, его интеллект и самооценку, психическое и физическое здоровье. По сути, это то, что *поддерживает его* внутри и снаружи, помогая ему эффективно и “качественно” жить. Очень важно, чтобы все эти элементы были на должном уровне, иначе человек не сможет полноценно взаимодействовать с окружающим миром» (<https://www.oops.ru/layfhak/chto-takoe-resurs-i-pochemu-vazhno-byt-v-nyom>);

быть в потоке – «это максимальное вовлечение в какую-либо деятельность, полное и глубокое погружение в своё занятие. Для состояния потока характерны глубокая концентрация, чувство легкости, радости, уверенности в себе и счастья» (<https://zen.yandex.ru/media/smotrivsebjja/chto-oznachaet-byt-v-potoke-5df771341a860800aeadb61>);

быть в моменте: «Но самое простое, что вы можете сделать прямо сейчас, – это попробовать найти несколько поводов, чтобы быть благодарным себе и своей жизни за всё хорошее, что вы сделали и имеете в этот момент. И через эту благодарность почувствовать себя более значимым и счастливым» (<https://style.rbc.ru/health/5b21747b9a79471d5b2d2d49>);

быть в тренде – «это уметь выделить для себя ключевые аспекты конкретного веяния и суметь воплотить их в жизнь наилучшим образом в текущий момент времени»; «каждый индивидуум пытается по мере сил и возможностей создать в себе дополнительную ценность для окружающих» (<https://my-busines.ru/useful/trend-i-byt-v-trende-chto-jeto-takoe-vidy-trendov>).

Общее в значениях всех выражений – значение **высшей оценки**, связанной с достижением цели – ‘поймать момент / волну / поток, уловить тренд, чтобы почувствовать связь с миром, свою значимость’. Для определения баланса сем ‘состояние – оценка’ в представлении носителей языка или доказательства невозможности их расчленения (наша гипотеза) необходимо экспериментальное исследование³⁴.

34. Экспериментальное исследование в процессе.

Предложно-падежные формы существительных с многообразием их значений – это потенциальные формы для обрастания смыслом состояния, в его варианте состояние-оценка или оценочным значением.

Быть в тоске / в депрессии / в ауте / в замоте и т.д. – это разные грани состояния, которое оценивается говорящим как *плохое*. Однозначные с точки зрения оценочной интерпретации *в тренде, в ресурсе, на стиле, на волне* и т.д. (оценка *хорошо*) имеют вариант с отрицанием (соответственно – оценка *плохо*), таким образом: *в тренде / в ресурсе / на стиле / на волне* [что хорошо] – *не в тренде / не в ресурсе / не на стиле / не на волне* [что плохо]. Существование параллелей можно объяснить тем фактом, что один и тот же человек в разные моменты жизни или в разной оценке окружающих может быть то в том, то в другом состоянии. Единицы антонимической пары *быть в ауте* (‘настолько всё плохо, что нет надежды’) и *быть в шоколаде* (‘настолько всё хорошо, что представить обратное невозможно’) не предполагают параллелей с отрицанием в силу абсолютности оценки. *Быть в плюсе / быть в минусе* в новом «субъективном» значении воспроизводит первичное антонимичное содержание, члены пары актуализируют в новом значении сему оценки, мысль о состоянии вторична: *быть в плюсе* [что хорошо] – следовательно, состояние радости / покоя; *быть в минусе* [что плохо] –

следовательно, состояние уныния / беспокойства. Ср.: *Если ты в минусе, напиши мне в личку, есть хорошее предложение* (vk.com). В следующих примерах обыгрываются значения слов: *Ты в Минусе – я в плюсе* (ozeroff.livejournal.com) – *Минус* – сокращенное название города Минусинска; рекламный слоган акции «Ростелеком» (осень 2017) *Не пропускать звонки – значит быть в плюсе* построен на игре слов, в основе которой соединение значений: 1) ‘иметь положительный баланс’, 2) ‘всё ок, всё хорошо’.

Значение выражений *быть на эмоциях* или *быть в шоке* можно определить как амбивалентное (точнее – расплывчатое), допускающее как вариант из диаметрально противоположных оценок, так и неоднозначную оценку: «“Я в шоке” – это речевой штамп, это уже почти междометие типа *ох!* и *ах!*. Испуг, страх, огорчение, сожаление, иногда даже восхищение (*Ну и платье! Отпад! Я просто в шоке!*) – словом, весь спектр эмоций вмещается в новое выражение» [Новиков 2016: 48].

Помимо положительной или отрицательной оценки, возможно состояние, которое говорящий оценивает как *никакое / среднее / безразличное*. *Безразличное для оценки* (Е.М. Вольф) также является очень важным смыслом для современного носителя русского языка. Эта семантическая группа хорошо представлена многочисленными лексическими и фразеологическими формами, раскрывающими разные экспрессивные оттенки такого состояния: *всё равно, без разницы, безразлично, индифферентно, параллельно, по барабану, до лампы, фиолетово* и т.д. [Вольф 2002; Воркачёв 1997; Голубцов 1999; Ившина 2010]. (О семантике безразличия см. следующий параграф – п. 2.).

Представляется, что актуальной становится как мысль о состоянии, так и комплексная, нерасчлененная мысль

о состоянии-оценке³⁵. В целом о рассмотренных моделях – безличной и личной – можно говорить как об *аксиологически маркированных* (степень продуктивности и актуальности в современной речи) и *аксиологически маркирующих*, то есть выделяющих важную для говорящего мысль, находящуюся в фокусе его внимания, для которой выбираются готовые языковые модели. Лексемы дифференцируют ситуацию и распределяют оценки *хорошо*, *плохо* или *безразлично*.

Появление новых оборотов и их устойчивое употребление может быть мотивировано не просто актуализацией определенного состояния в жизни современного русского человека, но и необходимостью соответствовать некоторому *эталону* требований, выдвигаемых жизнью в настоящий момент.

1.4. Экспрессия момента как коммуникативная ценность: *скриншот* состояния-оценки

Существование в языке определенных моделей снимает противоречие между рациональной, информативной стороной высказывания и его экспрессивно-эмоциональным содержанием: структура дает возможность связать с традицией, закрепленной в узусе, и обеспечить восприятие и понимание новой или экспрессивно-обновленной информации. (Об антиномии нормы / узуса и экспрессии новизны см. [Костомаров 2019]). Язык обладает моделями³⁶, степень продуктивности которых связана с экстралингвистическими факторами и определяется возможностями современной коммуникации. Например, появление и стремительное распространение многих лексических новшеств в языке непосредственно связано с пандемией, введением карантина / режима самоизоляции [Современная российская аксиосфера 2020] и (как следствие) распространением особого типа коммуникации – так называемой зум-коммуникации, т.е.

35. Для развития мысли о состоянии важным становится не только укрупнение самой категории – категории состояния, но и модификационные процессы, охватившие местоимение, в частности – местоимения *я / себя* как отражение индивидуализации сознания современного человека [Милованова, Шамсутдинова 2018].

36. Ср. словообразовательную модель – новые отыменные глагольные образования на *-ить* типа *узуальных* *облопотиться*, *объегорить*, *распоясаться*, *намарафетиться*: *Праздник, чтобы боржомить!* (реклама на т/к «Пятница», январь 2020); *Артём Королёв ушел в отпуск, так*

что в ближайшую неделю Саша будет **эфирить** за себя и за того парня (Радио 7 На 7 холмах, 27.07.20); ...А пока буду **шаманить** с музыкой (Радио 7 На 7 холмах, 24.08.20); Учитывая, что до дома шейха 7 минут пешком, то мы, конечно же, поедем на машине // **Пошейхуем!** (Поедем поедим, 27.03.21); **Приезжайте все сюда / омолодиться и оклеопатриваться** (Орёл и решка, 22.05.21). Ср. заголовочные варианты: **Отпегатагонят и бросят**: Захарова отреагировала на заявление США по Мосулу (Яндекс-новости, 29.03.17). Аналогичное явление было отмечено в 20-е годы XX века [Виноградов 2001: 367; Чуковский; Горнфельд 1922], когда оно стало заметным, активным, «ворвалось такой массой, так неоправданно и самодеvolmente» [Горнфельд 1922: 41]. Благодаря возможностям структуры возможен уход от стереотипов (известных и привычных слов и словосочетаний), экспрессия новизны, спонтанности и неожиданности. Многие из создающихся по модели образований – слова контекстуально и ситуативно зависимые (ср. индивидуальные новообразования Державина, Жуковского, Чехова; массово – в поэтическом языке футуристов *эскизить, элежить*,

коммуникации на экране компьютера или иного гаджета [Кронгауз 2020].

Язык как система содержит базовые схемы-модели, и свобода речевой организации заключается в возможности выбора из имеющихся вариантов. Выбор осуществляется носителями языка и определяется как необходимостью выразить актуальную мысль, так и языковым вкусом эпохи, модой на слова, синтаксические конструкции, словообразовательные модели, обладающие «коммуникативно-целесообразной экспрессией» [Костомаров 2014: 61].

Лексические новообразования, многие из которых соответствуют статусу *модных* (по выражению О.А. Лаптевой), с трудом поддающиеся систематизации и грамматической интерпретации и косвенно свидетельствующие об актуальных ценностях носителей языка, рассматриваются с точки зрения их принадлежности синтаксической языковой модели.

Активизация личной конструкции ‘S + связка + предикативно-падежная форма’ связана, во-первых, с ее способностью фиксировать актуальный момент, во-вторых, с условиями современной коммуникации, позволяющей стремительно распространить и тиражировать возникающий в рамках традиционной синтаксической модели неологизм: *Ну точно, **мы тут в возмущении!*** (из текста SMS-сообщения³⁷); *Просто **я тут в запаре** немножко, но к вечеру всё будет* (телефонный разговор 25.05.2021); *Пока **я в панике**, как это всё проводить* (из текста SMS-сообщения, 27.05.2021).

Такие модели – отнюдь не новый, но активированный способ категоризации мысли о состоянии, свидетельствующий об определенном этапе в развитии языка чувств, эмоций. Эти формы отличает коммуникативная заданность, ограниченность условиями конкретной ситуации,

распространенность в разговорном и сетевом дискурсах.

Коммуникативная платформа интернета и формат дисплейных текстов (по мысли В.Г. Костомарова – устно-письменных), обладающих мультиканальными ресурсами, обеспечивают массовость и тиражированность новообразований – слов и синтаксических структур: например, песни Димы Пермякова **Я в панике**, группы «Айкью» **На эмоциях (Прости / Я был на эмоциях)** или группы Джарахов & Markul **Я в моменте** можно смотреть / слушать / читать (текст) с экрана гаджета. Мультиканальность, или мультимодальность, – специфика устной коммуникации [Кибрик 2018]. Дисплейные / поликодовые тексты, занимающие промежуточное положение между устным текстом и традиционной письменной формой общения (бумажный носитель), имеют множество каналов воздействия и высокую скорость распространения информации.

По мысли С.И. Ожегова, новые слова в языке должны подвергаться регистрации [Ожегов 2001: 441–442]. Регистрация и систематизация может осуществляться по принципу выделения продуктивных структур, активизация которых происходила в последние три десятилетия, особенно заметно – в последнее, то есть на уровне *микродиахронии*. Таким образом, регистрации подвергаются не отдельные слова или словоформы, а определенные модели, предназначенные для выражения коммуникативно-ценностных смыслов: новые условия коммуникации требуют не столько новых языковых форм, сколько актуализации и модернизации имеющихся. Рассмотренная модель ‘S + связка + предикативно-падежная форма’ компактна (с точки зрения формы), экспрессивна (с точки зрения воздействия на адресата), отражает текущую ситуацию (с точки зрения ее актуальности). Это удобная форма выражения состояния

порфирить, клавишить, отуманить, оффалить, обриллантить, иудить; ср.: профессиональная лексика лётчиков: *звонить, спиралить, утюжить, фигурировать, штопорить* и др. [Ожегов 2001]). Многие отыменные глагольные производные – реакция на новую ситуацию (*карантинить, ковидить, зумить*) или обновление реакции на известную и ее моделирование в речи (*потюлентиться, нашампаниться, пришоколадиться*). Окказиональность (случайность, разовость) или частотность использования нового слова определяется актуальностью, воспроизводимостью самой ситуации. Ср. лавинообразный поток лексических единиц, ставших предметом осмысления в лингвистических исследованиях [Радибурская 2020; Кронгауз 2020; Зеленин, Буцева 2021a, 2021б; Активные процессы 2021; Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021]: частотность их в речи была обусловлена социально значимой ситуацией пандемии: *#карантин #КАРАНТИНИМ; А мы тут продолжаем карантинить, кстатти*); *Карантину в машине (instagram.com); Карантиним с умом: как развлечься, не выходя из дома (vk.com) Гото-*

вы ли вы "карантинить" после поездки за границу? (zen.yandex.ru); *Карантиним* (stih.ru) и т.д. В целом процесс возникновения таких слов напоминает механизм детского словообразования, в котором слово неразрывно связано с ситуацией: «Окружающий мир в сознании ребенка отражается в виде "образа ситуации", то есть предмета в действии (актуальном или потенциальном). Слово первоначально не выделяется из ситуации» [Шахнарович 1990: 10]. Ср. в детской речи: *оцплятятся, натабачить, налужить, залошадить, бигудиться, замталлить, намакарониться* [Чуковский; Харченко 1990].

37. Пример заимствован из: Голошубина О.К. Комплексное моделирование речевого жанра «разговор в мессенджере»: автореф. дисс... канд. филол. наук. Омск, 2017. 20 с.

и оценки «текущего момента», которое может смениться другим состоянием и другой оценкой, что фиксируется темпоральным компонентом *пока, сегодня, вчера, постоянно* и т.д. Говорящему / пишущему принципиально отметить актуальное состояние – это своеобразный *скриншот текущего момента*.

Стимулирующим фактором развития категории состояния становится субъективность, оценочность – *модальность* речи, в основе которой «мысль сердечная» (Н.С. Абрамова) современного носителя русского языка. Семантика состояния в сочетании с расширенной областью оценки (состояние-оценка) – та важная мысль, которую современному русскому человеку необходимо зафиксировать и декларировать и для реализации которой продолжает развиваться специализированная часть речи – категория состояния. В фокусе внимания находится *детализированное* состояние субъекта и оценка *хорошо, плохо* или *безразлично*, человек декларирует свою позицию по отношению к внешнему миру.

2. Семантика безразличия: нюансы оценочных интерпретаций

Антропологическая лингвистика, избравшая центром внимания проблему отражения человека в языке, обнаруживает интерес к вопросам отношения человека к фактам окружающего мира, которое находит отражение в оценке: отношение предполагает оценку. Субъективная мысль, связанная с выражением отношения, неизбежно сопровождается процедурой оценивания, человек же выступает в роли субъекта оценки. С другой стороны, он сам и все его действия, поступки являются объектом оценивания со стороны других людей и общества в целом. Понятие *оценка* и понятие *ценности* в совокупности составляют объект лингвоаксиологии: благодаря единству оценки

и ценности «обеспечивается аксиологическая “настройка” субъекта речи» [Сигал 2019: 236]. Безразличие, с одной стороны, является своеобразным результатом процесса оценивания, с другой – своеобразной ценностью для носителей русского языка. Таким образом, семантика безразличия находится в непосредственной связи с понятиями *оценка* и *ценности*. В центре внимания оказывается, во-первых, субъект оценки – человек, считающий необходимым засвидетельствовать свое безразличное отношение к объекту: безразличие рассматривается как состояние субъекта (семантика состояния). Во-вторых, сам субъект и носитель такого состояния становится объектом оценки со стороны социума.

2.1. Безразличие как оценка.

Безразличное для оценки состояние

Безразличие, о котором пойдет речь, рассматривается как *составная часть области оценки* в работах Е.М. Вольф, С.Г. Воркачёва, С.А. Голубцова. Е.М. Вольф отмечает два варианта понимания слова-термина *безразличие* по отношению к объекту оценки: «Следует различать объекты, безразличные для оценки, т.е. не находящиеся в сфере оценочной деятельности субъекта, <...> и нейтральную позицию на шкале оценок, где оказываются в известном равновесии признаки “хорошо” и “плохо”» [Вольф 2002: 49]. Следовательно, в первом случае получается линейная шкала, на которой безразличие занимает нейтральную зону между оценкой «хорошо» и оценкой «плохо» (возможно, и без смещения в сторону «плохо»).

Вместе с тем понятия *безразличие* и *безразличный* в данной статье применяются к *субъекту* оценки – человеку, настроение и состояние которого может быть интерпретировано как ‘выражающий свое отношение к предмету оценки именно как безразличное’.

В этом ракурсе и рассматривается безразличие – как один из смыслов прагмасемантического поля субъективности в выражении позиции субъекта – *согласия, несогласия* или *безразличия*.

Своеобразно положение этого смысла по отношению к двум другим – согласию и несогласию. Безразличие как смысл противостоит согласию (= «хорошо») и несогласию (= «плохо») на шкале *активность / пассивность*. В этом случае схема будет нелинейной: *её можно представить в виде перевернутого треугольника, в верхней части которого находятся отметки да / за и нет / против (позиция активная), третий угол, нижний, будет обозначать пассивную позицию не знаю / воздержался*. Ср. трехчленную шкалу голосования: *за – против – воздержался; да – нет – не знаю*. Третий компонент (= ‘затрудняюсь’ / ‘не могу ответить’) обозначает зону безразличия, имеющего причины подобной пассивности. Варианты: 1) объект не входит в круг интересов данного субъекта; 2) субъект не определился в отношении к данному объекту [Милованова 2016: 470].

Сема ‘пассивность’ становится основной в понимании специфики безразличия как смысла.

2.2. О взаимосвязи смыслов семантического поля отрицания-«отталкивания»

Семантика безразличия пересекается с другими смыслами, также входящими в прагмасемантическое поле субъективности, – семантикой субъективного отрицания, противительной семантикой, с семантикой согласия-уступки. Такие лексические средства, как *пусть / пускай / ладно (ну и пусть, ну и пускай, ну и ладно)*, могут маркировать зону синкретизма, в которой пересекаются сразу три субъективные семантики – безразличия (‘мне всё равно’), допущения-уступки (‘пусть будет’ – определенная

доля согласия) и скрытого несогласия-противительности ('я против, но приходится смириться'). Ср.: *В начале годов повелела мне барыня-графиня, Татьян, свет, Лексевна, "будь кузнецом", а спустя некоторое время приказывает: "Помогай садовнику". Ладно. В другое время она говорит: "Тебе, Петрушка, рыбу ловить!" А для меня всё едино, я и рыбу...* (М. Горький. Детство); *В первые же дни по приезду Наташа обошла всех своих старых подруг... Я держался от них в стороне, да, по правде говоря, меня они ни разу никуда не пригласили. Ну и пусть. Мне и без них было очень хорошо и весело* (Г. Скребицкий. От первых проталин до первой грозы).

Наиболее тесные связи семантика безразличия обнаруживает с такими субъективно-модальными смыслами, как субъективное отрицание, семантика волевого ограничения и семантика противительности. Объединяющим началом для всех перечисленных смыслов становится сема 'нет', входящая в структуру каждого из слов – представителей семантического поля отрицания-«отталкивания» [Милованова 2016].

Любой из членов синонимического ряда семантики безразличия включает отрицательный элемент: например, *всё равно* – это *нет*, скрытое за позицией безразличия, то есть завуалированное, пассивное *нет*: **бездействие / безучастие** = 'Я говорю *нет*': *Наше министерство – это министерство непротивления злу, – ответил Турченко с горечью. – Всем всё равно* (А.И. Куприн. Чёрная молния).

По мысли Е.М. Вольф, глубоко исследовавшей возможности языка в выражении оценки, «ценностные отношения закреплены в языке в семантических (а иногда и синтаксических) структурах» [Вольф 2002: 6]. О языковых формах, реализующих значение безразличия, можно сказать, что их множество, причем представлены они

38. Паралингвистические средства выражения семантики безразличия требуют специального освещения.

на основных уровнях языка – лексико-фразеологическом и грамматическом³⁸.

Мысль о безразличии как позиции субъекта находит воплощение прежде всего в лексических и фразеологических единицах – современных маркерах семантики безразличия: *всё равно, безразлично, без разницы, одинаково, индифферентно, ничем; до лампы / до лампы / до фонаря; параллельно, фиолетово; плевать / наплевать / я плюю / я плевать хотел; чихать / начихать* и т.д. Например, онлайн-словарь для лексемы *безразлично* предлагает 63 синонима и сходных по смыслу выражений синонимов [Онлайн-словарь русских синонимов]. Кроме того, в эту сферу втягиваются слова из других семантических систем, например, «аморфное» с точки зрения оценки слово *ничего*, демонстрирующее способность к выражению разных оценок, в том числе и безразличной. В любой морфологической позиции (пять функциональных омонимов и множество синкретичных и гибридных образований) слово *ничего* «сохраняет местоименную («размытую», предельно обобщенную) семантику, требующую уточнения» [Высоцкая 1993: 14]. Оценка также обнаруживает абсолютную зависимость от контекста – «плюс», «минус» или «безразлично», как в данном случае: *Жили они далеко, во флигельке, весь двор мастерицей занят, сорно, грязно, шумно, а они – ничего, ровно бы котят, веселые оба, мурлычат, играют* (М. Горький. Детство). Семантику и оценку *ничего* можно расшифровать, исходя из общего смысла высказывания: ‘а они не обращают внимания, равнодушны к окружающему, им всё равно, что сорно, грязно, шумно и пр.’

Семантика безразличия находит более глубокое закрепление в морфологических и синтаксических формах.

Так, категория состояния как морфологический класс, формировавшаяся со специальной целью – целью выра-

жения состояния лица в его оценке фактов действительности, включает в свой репертуар рассмотренные выше лексемы, ср.: *мне грустно* (то есть ‘плохо’), *мне весело* (то есть ‘хорошо’) и *мне всё равно*, то есть ‘для меня это не представляет интереса’.

Существуют и синтаксические средства – специальные формулы (фразеосхемы) для выражения оценки ‘безразлично’, которые функционируют как *ценностно-оценочные комплексы*³⁹: *Воля или неволя – всё равно / Что воля, что неволя – всё равно / Пусть воля, пусть неволя – всё равно*. Подобные сложившиеся структуры раскрывают мысль о безразличии в предложенном выборе, потому что предпочитается нечто совсем другое: *Цыбукин слушал и не шевелился. – Собственный дом или чужой, всё равно, лишь бы тепло было да бабы не ругались...* (А.П. Чехов. В овраге (1900); – *Что принести, резерпин или раунатин? // – Всё равно. Только обязательно* (Ю. Трифонов. Предварительные итоги (1970)).

Синтаксическая форма (фразеосхема) предназначена для выражения ценностного суждения, смысл которого состоит в ценности самой оценки «безразлично»: *Люди считают наготу соблазнительною. Правы они или нет, – всё равно* (Ф. Сологуб. Королева Ортруда (1909); [69, ученый-лингвист, Пётр Саввич Кузнецов, 1899, муж] *М... вы должны кхм... овладеть методами структу... м... изучения структуры языка как в данном состоянии / современном или древнем – всё равно / так и в преобразовании его во времени* (П.С. Кузнецов. Лекция по сравнительной грамматике индоевропейских языков (1968)). Противопоставление с выделением второго компонента актуализирует мысль о безразличии. Вместе с тем даже при изменении следования компонентов в случае, когда противопоставление между ними снимается, мысль о безразличии остается ведущей: *Всё им до лампы – прощай*

39. Терминологическое сочетание, введенное К.Я. Сигалом [Сигал 2019].

или здравствуй, / *Розы в снегу или розы в горшке* (А. Середин. Из сб. «Середина» (2020).

Тонкие наблюдения, посвященные дополнительным, сопутствующим субъективным смыслам, осложняющим или даже вытесняющим на второй план семантику безразличия, принадлежат С.Г. Воркачëву: «В семантическом составе единиц, его передающих, безразличие может занимать также и периферийное место, включаясь в число имплицитных смыслов: оно входит в семантический состав уступки, компенсации, смирения и пр.» [Воркачëв 1997: 116]. Например: – *Дед всегда ищет, за что меня бить...* / – *Что ты говоришь, отсохни твой язык!* – *сердилась бабушка.* – *Да как услышит дед твои слова!* – *Пускай!* (М. Горький. Детство). Действительно, это сложное соединение смыслов, которые «читаются» только в контексте ситуации – состояние мальчика, пытающегося за маской безразличия скрыть обиду и негодование. В данном случае слово *пускай*, демонстрирующее *внешнее безразличие*⁴⁰, скрывает истинное положение вещей и имплицитную мысль – мысль о несогласии и протесте: ‘я против, но приходится смириться и изобразить безразличие, чтобы сохранить лицо’.

40. О специфике демонстративного безразличия см. статью А.В. Рябовой [Рябова 2020].

2.3. Сема ‘покой’ на оценочной шкале *хорошо – плохо*

В первом словаре синонимов – словаре Н. Абрамова (1890) представлен ряд слов, актуальных и сегодня – их можно было бы объединить семой ‘покой’: *бесстрастие, хладнокровие, равнодушие, сдержанность, нечувствительность, спокойствие, холодность, апатичность, апатия* [Абрамов]. Каждое из слов дает производное прилагательное, встраивающееся в синонимический ряд, несколько расширенный на фоне существительных за счет слов *уравновешенный, ровный, сухой, нейтральный*.

Сема 'покой', 'спокойствие' входит в семантическую структуру любого слова из этого синонимического ряда. *Покой* как 'отсутствие движения и шума, неподвижная тишина' и 'спокойствие физическое и душевное, неподвижность, бездействие, отсутствие тревог, забот' [ТСУ]. Первую часть толкования значения можно охарактеризовать как *объективное* представление понятия *покой*, вторая, связанная исключительно с внутренним состоянием человека, является *субъективным* по сути, то есть предполагающим оценку. В значениях единиц синонимического ряда общим мотивирующим компонентом становится сема 'покой', нейтральная с точки зрения оценки. Именно по такому принципу отсутствия дифференцирующей оценки объединены слова в словаре Н. Абрамова.

По-видимому, оценочный диапазон в конце XIX века был еще не столь широк и члены ряда группировались вокруг оценки 'нейтрально', о чем свидетельствует иллюстративный материал: *Человек уравновешенный, ровный, владеющий собою. Быть (оставаться) равнодушным, не обращать внимания*. О таком подходе говорит и единый для всей группы антоним – *горячий*, раскрывающий противопоставительные отношения только по одному признаку *действие – отсутствие действия* (= *активность – пассивность*). Вместе с тем эта сема станет определяющей в развитии оценочных характеристик в группе синонимов и сопровождающих их коннотаций.

Рассмотрим отдельные этапы преобразований объективно-нейтрального значения *покой* в оценочно-коннотативное, результатом которых стало формирование многокомпонентного синонимического гнезда, возглавляемое словом *равнодушие*, и образование важного смысла – семантики безразличия, имеющего в структуре языка множественные средства выражения.

Обновление значений слов *безразличие* и *равнодушие* / *безразличный* и *равнодушный* происходило под влиянием французского *indifférent* ‘лишенный внутреннего интереса к чему-то, равнодушно-апатический’. Слово *безразличие* (калька) полностью впитало значение французского слова, прежнее значение, определявшееся антонимическими связями с прилагательным *различный* – ‘ничем не выделяющийся из ряда других, непримечательный, не имеющий резких различий’, – оказалось вытесненным. Аналогичные семантические преобразования происходили со словом *равнодушный*: значение ‘спокойный духом на всё взирающий’ было вытеснено новым ‘холодность, невнимательность к чему-либо, безразличие’. В это же время, в начале XIX века, прилагательное *индифферентный*, появившееся в русском языке в эпоху Петра, входит в активный оборот [Виноградов 1999: 55–57; 587].

Об отсутствии негативной коннотации в семантике слова *равнодушие* конца XVIII в. свидетельствуют синонимические замены в пределах аналитического сочетания *приводить / привести в равнодушие / в покой / в спокойство*: *Привесть себя в равнодушие* (Г.Р. Державин – П.А. Зубову. 17 мая 1794); *Должен был привести в спокойство / Свою разгневанную мать* (И.Ф. Богданович. Душенька. 1783). (Примеры из: [Филиппова 1968: 91].)

Отрицательно-оценочная сема формируется в семантике слова *равнодушный* в начале XIX века. Например, в языке Пушкина, в отличие от предшественников, слово *равнодушие* выступает уже в двух вариантах – нейтральном (‘спокойствие, хладнокровие, невозмутимость’) и производном оценочном: ‘отсутствие интереса, безучастное отношение, невнимание, холодность, безразличие к кому-, чему-н.’ [Словарь языка Пушкина]. Производные прилагательные наследуют это значение: **РАВНОДУШНЫЙ** (38). || *Выражающий безразличие, отсутствие интереса*

к кому-, чему-н. И наконец на свой позор / Вперил он **равнодушный** взор. С₃ 4.103. Но дева скрылась от меня, / Примолвя с видом **равнодушным**: «Герой, я не люблю тебя!» РЛІ 397. *Проникнутый безразличием, отсутствием интереса к кому-, чему-н.* [Там же].

Переходное значение ‘спокойствие, доходящее до невнимания, отсутствия жалости, сострадания к судьбам’: *Спокойно зрит на правых и виновных, / Добру и злу внимающая **равнодушно**, / Не ведая ни жалости, ни гнева...* (А.С. Пушкин. Борис Годунов (1825). Комментарий-дополнение *не ведая ни жалости, ни гнева* дает более точное представление об отношении Григория – это не ярко выраженный, но упрёк, само же сближение определяющих слов *спокойно* и *равнодушно* еще не прогнозирует негативного оценочного отношения. Субъективное оценочное значение оформилось под влиянием общей тенденции – внимание к «метафизической» стороне жизни человека, причем этой индивидуализации мысли сопутствовала индивидуализация жизни, сосредоточенность на себе как объекте внимания – явление, которое вошло в русскую жизнь в начале XIX века и было понятийно закреплено за словом *эгоизм*.

Словарь К. Горбачевича фиксирует ряд синонимов, возглавляемых прилагательным *равнодушный*, объединяющим группу синонимов (*безразличный – безучастный – глухой – холодный – бесстрастный – индифферентный*), и группу производных и словообразовательно родственных слов: *равнодушно, безразлично, безучастно, холодно, бесстрастно, индифферентно; равнодушие, безразличие, безучастность, холодность, бесстрастность, индифферентность*. Все члены синонимического ряда объединены по принципу негативной оценки, заключенной в толковании объединяющего их значения ‘не испытывающий или не выражающий интереса к окружающему,

происходящему'. Этот ряд, возглавляемый словом *равнодушный*, имеет отсылку к семантически близким рядам синонимов – *пассивный* и *бездушный* [Горбачевич 1996: 330]. *Пассивный* – 'бездеятельный, вялый, апатичный, безынициативный, инертный' [Там же: 275].

Таким образом, в пушкинский период формируется и приобретает основные черты синонимический ряд, члены которого актуальны и в современном русском языке, однако с большей определенностью оценки *хорошо* / *плохо*, маркирующей каждый член этого синонимического ряда: например, *равнодушный*, *холодный*, *индифферентный* – всегда со знаком минус. Оценочная трансформация стуктурообразующей семы 'покой', объединяющей лексические единицы синонимического ряда, связана с отрицательной коннотацией не-действия, бездействия. Состояние бездействия на шкале *активность* / *пассивность* противопоставляется семантике активного и целенаправленного действия.

2.4. Семантика безразличия и оценочные мотивы в художественном тексте

В данном параграфе предлагаем переключиться с отношения субъекта и его оценки на оценку общества такой позиции, как безразличие / равнодушие: ситуация противопоставления *действия* – *бездействию* как пассивному состоянию субъекта. В данном случае субъектом оценки выступает социум.

Одним из направлений исследования оценочных ориентиров общества становятся произведения устного народного творчества как некий конденсат мудрости и опыта народа. Например, этносемантический сопоставительный анализ паремий свидетельствует, с одной стороны, о широких репрезентативных возможностях семантики безразличия в русском и испанском языках, с другой – о том

факте, что эталоном оценки моральных качеств личности является равнодушное, безразличное отношение: «Равнодушие как жизненная позиция стороннего наблюдателя расходится с “нормой эмпатии” – сочувственного отношения человека к человеку» [Воркачѳв 1997: 120].

Думается, что «аксиогенные ориентиры бытия» [Карасик 2019: 6] сосредоточены в художественных текстах⁴¹. Художественная литература, особенно русская литература в силу ее особого статуса в общественной жизни, являлась источником мыслей о ценностях, в первую очередь связанных с общественным благом и всегда противопоставленных эгоистическим интересам: позиция безразличия, неучастия в момент, когда требуется активное действие, рассматривалась как недопустимая.

Проиллюстрируем этот тезис материалом двух произведений – Пушкина и Уэллса, чьи позиции в выражении несогласия с равнодушием и невмешательством, оказались близкими, что выражается и в избранной форме неоткрытого, непропагандистского выражения точки зрения.

В первых трех произведениях сквозной мотив угадывается достаточно легко: они о человеческих чувствах – скупости, зависти и любви, – но чувства изображены в той силе, что обычно называют *страстью*. И если «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» о разрушительности человеческих страстей, то о чем «Пир во время чумы», как связано произведение с предыдущими и о какой страсти идет речь?

В известном романе Ю. Тынянова «Пушкин» есть интереснейший фрагмент – Часть третья, Тетрадь Александра Васильевича Куницына: «Все просили меня говорить с ними о страстях. Я вспомнил свою прогулку с Иконниковым – и сказал, что буду говорить о гордости. Тут некоторые стали просить – Кюхельбекер, чтобы я прочел о справедливости, Горчаков – о мало-

41. Интересно замечание Б.И. Фоминых о финале романа в стихах «Евгений Онегин»: герои пережили «крушение надежд, но не идеалов» [Фоминых 2020: 249]. Идеалы – это, по сути, и есть ценностные ориентиры героев и автора романа.

душии, а Пушкин попросил прочесть о скупости. Кто-то засмеялся, но я нашел из всего названного скупость единственную страстью, потому что справедливость и малодушие не суть страсти в подлинном смысле, и обещал в следующий же раз говорить о скупости. Кюхельбекер с горячностью возразил, что справедливость есть страсть. Его поддержал и Вальховский, заявивший, что добро – страсть. Дельвиг пустился в софизмы и стал доказывать, что *самая сильная страсть – бесстрастие*, чем вызвал смех» (Ю. Тынянов. Пушкин). Думается, что эти строки дают возможность понять смысл последнего произведения из цикла: речь идет о бесстрастии.

Пусть это бесстрастие от страха и отчаяния, возможно, это даже своеобразная попытка противиться Чуме и смерти, но всё же это бесстрастие и бездействие вместо действия. Это равнодушие, точнее – равнодушное спокойствие, с которым пирующие воспринимают окружающие страдания. Именно в этом Священник упрекает Вальсингама, забывшего в своем буйном веселье о недавно умершей матери:

*Иль думаешь, она теперь не плачет,
Не плачет горько в самых небесах,
Взирая на пирующего сына,
В пиру разврата слыши голос твой,
Поющий бешеные песни, между
Мольбы святой и тяжких воздыханий?*

Авторская позиция выражена в финале пьесы – в ремарке: «Пир продолжается. Председатель остается погружен в глубокую задумчивость».

Так же не декларативно и не утомляя читателя собственными рассуждениями о нравственности выражает свою позицию Г. Уэллс: его герой не просто равнодушен, но он открыто в этом признается – именно таким человеком «крокетист представляется читателю». Слова,

завершающие повествование, принадлежат «крокетисту», и, по задумке автора, они должны вызвать у читателя неприязнь: *Я посмотрел ему в глаза твердым, спокойным взглядом и сказал:*

– А мне **наплевать!** Пусть мир провалится ко всем чертям. Пусть возвращается каменный век. Пусть это будет, как вы говорите, закатом цивилизации. Очень жаль, но сегодня утром я ничем не могу помочь. У меня другие дела. Что бы там ни было, но в половине первого я, хоть тресни, должен играть с тетушкой в крокет! (Г. Уэллс. Игрок в крокет. Пер. С. Займовского. В кн.: *Герберт Уэллс. Собрание сочинений в 15 томах. Том 12.* М.: Правда, 1964.)

Looked him in the face, firmly but politely. I said, “I don’t care. The world MAY be going to pieces. The Stone Age may be returning. This may, as you say, be the sunset of civilization. I’m sorry, but I can’t help it this morning. I have other engagements. All the same – laws of the Medes and Persians – I am going to play croquet with my aunt at half-past twelve today” (H.G. Wells. *The Croquet Player.* 1936 // (<http://gutenberg.net.au/ebooks05/0500411h.html>)).

Устойчивый оборот *I don’t care* (*Мне всё равно*) способен передать разные эмоциональные оттенки и разную степень экспрессии говорящего, поэтому его эквивалентом при переводе на русский язык может стать любой член развернутого синонимического ряда, включающего слова и фразеологизмы, – выбор также зависит от конкретной ситуации. Семантическая тонкость значения безразличия слова *наплевать* связана с позицией субъекта, которую А.Д. Шмелёв характеризует как *презрительное отрицание*: «“Философское” отношение к жизни в русском языке концептуализируется как ‘плевание’ и могло бы быть выражено максимой: *Не стоит тратить усилия: всё равно от тебя ничего не зависит*» [Шмелёв 2002:

368]. Именно такой специфически русский аналог, отличающийся особой экспрессией, связанной с внутренней формой слов *плевать / наплевать*, выбирает переводчик: для выражения авторской идеи, равнодушной позиции автора – Г. Уэллса это адекватный вариант.

Вот это бездействие в момент, когда требуется действие, активное вмешательство в ситуацию, называется равнодушием / безразличием и является поступком со знаком минус: общественный аксиогенный ориентир – равнодушие.

2.5. Мысль о безразличии в современном дискурсе

Равнодушие считается социальной проблемой, о существовании которой свидетельствуют ключевые слова текстов социальной рекламы и мини-текстов заголовков: акция «АНТИбезразличие», социальный проект «Победи в себе равнодушие», названия конкурсов социальной рекламы «Нам *не всё равно*», «Мне *не всё равно*»; социальный проект «Всё равно?!»; *Безразличие крадет будущее. Граждане! При нашем равнодушии эта сторона жизни наиболее ОПАСНА. Дети беззащитны перед равнодушием взрослых. Выбери, куда посадить ребенка. Всё равно?!* [Милованова, Рябова 2020].

Поликодовые тексты социальной рекламы, транслирующей, пропагандирующей и защищающей общественные ценности, декларируют душевное участие, теплоту, заинтересованное внимание как способ защиты от равнодушия.

Об актуальности проблемы свидетельствуют такие факты языка, как отфразеологические дериваты – номинации лица, обозначающие отрицательные свойства характера, среди которых равнодушие: *дофенист, толстокожий, хатаскрайник* [Ван Цзинхуэй 2019: 11]. Производные лексемы дополнили список существовав-

ших, таких как *пофигист* (с амбивалентной оценкой) и экспрессивное негативно-оценочное *подсебятник* (→ *подсебятничество*): *Если мы убеждены, что наш коллега **подсебятник**, мы будем знать, что всё его поведение, это **подсебятничество**, и, соответственно, видеть это в каждом его действии* (nlpr.ru). Слова *пофигизм*⁴², *дофенизм*, *подсебятничество*, обозначающие понятия отвлеченные (ср. *эгоизм*), в разговорной речи выступают в качестве экспрессивных синонимических замен слов-понятий *безразличие / равнодушие*. В этот ряд может быть включено слово *индифферентизм* со значением ‘безучастное, безразличное отношение к чему-л.; равнодушие’ [Онлайн-словарь русских синонимов], понятийно также близкое, однако ограниченное книжным употреблением.

Интересна судьба слова *толерантность*, в середине 90-х годов вышедшего за пределы книжной речи. Его понятийное содержание в специализированном контексте (область философии, социологии, политологии и т.д.), где слово реализует свое терминологическое значение, строго очерчено. За пределами узкоспециального употребления значение размывается. В обыденном понимании «толерантность – это спокойное отношение к окружающим» (Толерантность: плюсы и минусы. 9.02.2020 // *dnepnik-znaniy.ru*). Вот в этой зоне «спокойного отношения» пересекаются значения слов *толерантность* и *безразличие*. О таком смешении понятий в сознании носителей языка свидетельствуют, например, названия статей и тематических рубрик в интернете: *Как отличить безразличие от толерантности?* (*bolshoyvopros.ru*); *Толерантность – форма равнодушия* (*prav.mir.ru*); *Толерантность: терпимость или безразличие?* (*yandex.ru*); *Толерантность безразличия против толерантности сопереживания: проблема содержания опыта модернизации России* (*cyberleninka.ru*).

42. Слово имеет традиционные производные *пофигист / пофигистка, пофигистический, пофигистский* и новые – *коронапофигизм, коронапофигист* [Зеленин, Буцева 2020; Словарь коронавирусной эпохи 2021].

В условиях обыденного общения, в текстах СМИ, в целом – в новых дискурсивных условиях и в новом окружении слова *толерантность* и *толерантный* приобретают негативно-оценочное значение: *Татьяна Доронина, знающая толк в закулисных интригах, сказала: чем больше ее успокаивает толерантный Михаил Швыдкой, тем страшнее ей становится* (Лебедина Любовь. НЕМАЯ СЦЕНА // Труд-7, 2004.11.25); *Думаю, они будут стоять с высоко поднятой головой, и я горд, что это произошло», – разглагольствует толерантный лидер консерваторов* (Елена ЧИНКОВА. Гей-браки в Британии почти узаконили // Комсомольская правда, 2013.05.22); *– Всем гостям безумно рад толерантный Москвабад! – Москвабад – для русских ад, – подхватили национал-демократы из НДП под красно-белыми стягами* (Владимир Дергачёв. «Русский марш» стал фестивалем национализма // Известия, 2012.11.04).

Таким образом, заимствованное слово с размытым понятийным содержанием сближается со словами – носителями семантики безразличия: объединяющее начало – сема ‘покой со знаком минус’.

2.6. Парадоксы безразличия: семантика безразличия как ценность

При дифференциации состояния лексемы занимают позицию *хорошо* или *плохо*, то есть объект оценки уже маркирован говорящим как важный, заслуживающий внимания, – следовательно, оценка запрограммирована в значении состояния. Мысль о безразличии является важной при характеристике именно *объекта* оценки, в определении ценностных ориентиров субъекта в первоначальной системе координат: *важно – не важно, заслуживает внимания – не заслуживает*.

Сопоставительные исследования на материале испанского и английского языков свидетельствуют о том, что

безразличие как идея не является национально-специфичной (ср. также польские аналоги русскому *всё равно* – *Wszystko jedno! Wsio ryba!*⁴³). Можно говорить о важности для носителей языка семантики, продолжающей развиваться, о чем свидетельствует не только лексический состав, постоянно обновляющийся, но и новые (пусть и окказиональные) грамматические позиции слов – носителей семантики такого состояния, например: *Тёр ребра, ползал бессмысленно взглядом по разлинованной на квадраты стене. Стало равнодушно* (Дм. Глуховский. Текст (2017). Ср. сближающееся с зоной безразличия значение слова *лениво* в новой для него предикативной роли: *А / в кинотеатр... вы знаете / на это как-то времени не хватает. Лениво. Мы от кинотеатров отвыкли* (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Новосибирск) // Фонд «Общественное мнение», 2003); *Просто мне надо прочитать / а мне лениво* (Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2006); *Раньше было просто лениво / а сейчас время поджидает!* (Разговор ульяновских студенток о подготовке к экзаменам // Из коллекции Ульяновского университета, 2007); *Что это, если лениво, надо ли себя ругать за лень, бороться с ленью?* («А мне лениво»! // Livejournal, 22.08.2016); *Я в последнее время всё чаще встречаюсь с выражением «мне лениво...»* (блог интернет-журнала «Семь искусств», 4.07.2017).

Общественная оценка состояния безразличия определяется характером *объекта* безразличия. Если нет «противопоказаний», то сама семантика рассматривается как ценность, позволяющая выработать *философское* (по определению А.Д. Шмелёва) отношение к жизни, в которой не всё зависит от воли и желания человека и не всё входит в сферу его интересов. Следовательно, и явление, «схваченное» в понятии *пофигизм*⁴⁴, можно

43. – *Na urlop, to powinieneś wyjechać i to jak najdalej stąd. – I co miałbym tam robić? – Wszystko jedno, byle nie to samo co robisz tutaj. – В отпуск надо уехать, и как можно дальше отсюда. – И что мне там делать? – Всё равно, только не то, что ты делаешь здесь; ... to oberwałam, ale mnie już było wsio ryba, zawzięłam się i liczyłam tylko dni do końca sezonu... – ... мне досталось, но мне уже было всё равно, я упрямылась и считала только дни до конца сезона [KJP].*

44. «Новое русское (1990-е гг.) от сочетания *пофигу* ‘безразлично’ из *фига* ‘кукиш’ (нов. перен. знач. из заимств. ‘смоква, инжир’)» [Колесов 2014, II: 75].

охарактеризовать как амбивалентное, поскольку может восприниматься окружающими как резко отрицательное или, напротив, положительное – при условии, что соблюдается некая мера (ср. сопутствующие определения: *здоровый / умеренный / контролируемый* пофигизм и т.д.): *То, что называется медитацией-паузой, в городской языковой культуре обрело современный сленг такой, то есть **контролируемый пофигизм*** (Интервью с И. Хакамадой // <https://arigus.tv/news/item/18982/>). Ср. русский вариант заголовка и уточняющего подзаголовка книги Марка Мэнсона «Тонкое искусство пофигизма. Парадоксальный способ жить счастливо» (М.: Альпин Паблишер, 2021. Пер. с англ.; в оригинале *The Subtle Art of Not Giving a F*ck: A Counterintuitive Approach to Living a Good Life*).

Любая *семантическая информация*, по словам Г.В. Колшанского [Колшанский 1965], представляет собой *субъективный образ* явлений и отношений объективного мира. Отношение к фактам современной действительности может быть выражено целым рядом слов и выражений, обладающих семантикой безразличия⁴⁵. Экстралингвистические факторы активизации языковых элементов с семантикой безразличия (ср. новое в современном языке: *пофигизм, состояние пофигизма*) очень убедительно, на наш взгляд, сформулированы в статье Т.П. Ившиной: «Невозможность изменения ситуации, бессилие ведут к безразличию, которое становится одновременно маркером и способом противостояния и ограничивается лишь манифестацией позиции, поскольку действия оказываются безрезультатными» [Ившина 2010: 366].

Активность в использовании средств семантики безразличия, экспрессия которых усилена форматом поликодового (дисплейного) текста, активность социальной

45. Наиболее полные списки лексем и устойчивых оборотов см. в [Воркачёв 1997; Голубцов 1999].

рекламы, противодействующей позиции безразличия и равнодушия граждан, – всё это свидетельствует об актуальности смысла в сознании носителей русского языка.

Стремительному развитию категории состояния в определенной мере способствуют экстралингвистические факторы – развитие эгоцентрической позиции современного человека, которому свойственна сосредоточенность на себе как объекте мысли, наблюдение не за другими, а за самим собой и собственными ощущениями, концентрация внимания на себе (индивидуализация сознания), чему во многом способствует новая платформа коммуникации – сеть интернет, в частности – социальные сети и мессенджеры. Общение в мессенджере и соцсетях провоцирует на откровенность и «откровения». Такие вопросы, как *О чем вы думаете? Как вы себя чувствуете? Что вы чувствуете?*, стимулируют переписку, заставляя рассказывать о сиюминутном состоянии, определение которого содержится в готовых подсказках: *состояние хуже некуда, в экстазе, в нетерпении, вне себя от злости, в причудливом состоянии, на седьмом небе, в восхитительном / чудесном / праздничном настроении, в непонятном состоянии, в скуке, в беспокойстве* и т.д.

Если в языке героев художественных текстов Толстого и Достоевского раскрывается движение, изменение «в своеобразных состояниях душевной жизни мелкой или, наоборот, глубокой натуры» [Винокур 2017: 100], а переживание представляется в художественном образе, то в современной жизни моменты, бывшие объектом изучения и описания литературы и психологии, стали предметом внутреннего анализа любого человека и – всеобщего обсуждения. «Опыт самопознания обеспечивает

превращение абстрактной информации в осмысленное знание» [Абрамова 2002: 102]. Это действительно новый этап в развитии субъекта познания, в овладении новым полезным опытом – в новых условиях коммуникации.

С углублением представления / понятия о предмете познания, каковым становится сам субъект, развивается категория состояния с новым (оценочный акцент) или актуализированным содержанием. Современная мысль не только категоризуется в родовом понятии – *состояние субъекта* и массой разновидностей этого состояния, но и расширяет эту семантическую сферу за счет семантики оценки. Семантика состояния, обнаруживающая способность к развитию за счет новых лексем и актуализированных синтаксических моделей, отражает специфику русского мыслечувствования, а происходящие в речи современников изменения свидетельствуют об определенных изменениях в их восприятии мира и себя – о новых деталях в образе мира, в котором *человек оценивающий* занимает важное место.

Р.Р. Шамсутдинова

ГЛАВА III.

Субстантивация местоимений: отражение меняющихся ценностных установок в современной речи

Современный мир стремительно меняется. Изменения, происходящие в окружающей действительности, постоянны: всегда происходит, изобретается, открывается что-то новое. Однако темп изменений достиг, пожалуй, максимальных масштабов, что не могло не отразиться на ценностно-концептуальном восприятии мира современным человеком. Представляется, что мы пока не можем говорить о глобальной перестройке аксиосферы, характерной для российского общества, вместе с тем невозможно отрицать неравномерно протекающие трансформационные процессы, затрагивающие концептуальную сферу, – наметившийся *апгрейд* сознания современного носителя языка (см. с. 9 настоящего издания), о чём свидетельствуют экспериментальные данные [Милованова, Шамсутдинова 2019]. Одним из проявлений фиксируемых изменений является популяризация идеи *личного*, что оказывает непосредственное влияние на современную речь.

Стремление к самовыражению стимулирует современных носителей языка постоянно обращаться к инструментам экспрессивизации. Сюда можно отнести и употребление суффиксов субъективной оценки (1), и регулярное использование оценочной лексики (2), и окказиональное словоупотребление (3), и смешение стилей (4):

(1) *я постараюсь его потом прописать хотя писатель из меня **никакущий** (twitter.com). Когда вернусь в блог, то покажу **бомбезные** кадры с фотосессии (Telegram).*

(2) *Что такое скатка я читала в каком-то **душном** блоге, а потом немедленно открыла форточку, чтобы*

проветрить дом. Но это бомбэ, пацаны, отвал башки и улёт! (Telegram). Фотка просто огонь, хорошо тебя в моменте уловили (Telegram).

(3) Наверное, пушисто стульчику, когда на нем котик сидит (Instagram). Ребят, я хочу, чтобы мне было хюгге! (Instagram).

(4) Причин на это несколько, одна из них – совершенно другая тематика блога. Да и ссыкотно чет (Instagram).

Всё это оказывается возможным благодаря максимальному погружению носителей языка в цифровую среду. Будучи в перманентном использовании, социальные сети и мессенджеры, с одной стороны, становятся площадкой для языковых экспериментов, с другой, способствуют мгновенному распространению различных инноваций или удачных интерпретаций уже имеющихся языковых явлений. Так, со временем всё более привычным становится нетипичное употребление местоименных единиц – в сочетании с определением, в связи с чем можно говорить о фиксируемом процессе субстантивации: *Смотрите сегодня продолжение эфира в 18:30. Вот такие красивые мы будем танцевать (Instagram). чтобы ни происходило есть ты как самое важное, ты – целая единица, все твои желания и решения – то что имеет цену, ибо все относительно. желаю искренне – подумать о любимой себе. никто кроме нас самих себе не нужен на все 100 (twitter.com). твои ошибки это признак того, что ты стараешься, твоё плохое прошлое не определяет тебя настоящего, у тебя всё получится (twitter.com). спокойной ночи, котики. надеюсь, вы как и я научитесь сегодня чему-то. люблю вас: з + красивая картиночка от меня для красивых вас с: (twitter.com). Типичная я воскресным утром (Instagram).*

Учитывая эмпирические данные, можно утверждать, что отмеченный процесс связан со следующими ме-

стоименными единицами: *я, ты, мы, вы, себя*. Все эти местоименные единицы относятся к группе местоимений-существительных [Русская грамматика 1980: 529] и, как следствие, имеют в своей семантической структуре предметную сему. Что же тогда позволяет говорить о субстантивационном процессе? Как отмечает Е.Н. Сидоренко, категориальная соотносительность местоимений и знаменательных слов опирается на наличие единого категориального значения, но вовсе не означает полного тождества морфологических и синтаксических категорий [Сидоренко 1990: 45]. Значение предметности, безусловно, роднит названные местоимения с существительными и – служит семантической предпосылкой, обуславливающей саму возможность субстантивации [Бабайцева 2000: 189]. Однако возможность участия в атрибутивных отношениях для отмеченных местоименных единиц не является нормой [Химик 1991: 115; Сидоренко 1990: 74]. Типичное синтаксическое поведение в данном случае – субъектно-предикативная связь: *ой да это тогда нормально !!!! если нет воспаления, то ты счастливая, честно (twitter.com). Напоминаю, что мы красивые, вдруг вы забыли (twitter.com)*. В приведенных же выше примерах наблюдается расширение синтаксической дистрибуции, а это свидетельствует об актуализации в семантической структуре данных единиц предметной семы. Таким образом анализируемые единицы втягиваются в процесс субстантивации.

Как соотносится указанный процесс с поворотом в сторону *личного*? Подписывая фотографию, опубликованную в социальных сетях, пользователь отмечает: *Говорят, в профиле должны быть личные фото на случай, если что-то пойдёт не так. Так что вот – счастливая я после стоматолога (Instagram)* – и тем самым делает акцент на *себе*, снабжает *себя* как некий объект каким-либо до-

полнительным – или даже дополняющим – признаком, выделяет *себя*, что вполне коррелирует с идеей *самовыражения*. Вместе с тем немало примеров субстантивации личных и возвратного местоимений встречается среди рекламных текстов – здесь акцент на *личности* потребителя делает адресант: ***Новая ты*** этой весной в *Danceology!* (Instagram). ***Познакомьтесь с настоящей собой*** на фотосессии от @mishur0v (Instagram). Выдвинем предположение о том, что рекламный «вариант» данного грамматического явления вторичен и стремление к *личному* выражению стало основанием для актуализации свойственных местоимениям субъективного потенциала – нестандартной конкретизации посредством семантического наслоения, которое обеспечивает емкость местоименной семантики. Пролить свет на реальное положение дел может специальное исследование в ретроспективе – прежде всего, с позиции микродиахронии [Милованова 2020: 122]: набирать обороты данный процесс стал в последние 5–10 лет.

Как уже отмечалось выше, рассматриваемое явление переходности актуально только для личных местоимений 1-го и 2-го лица, что может быть обусловлено их вовлеченностью в коммуникативный акт. Особенно явно это читается в адресных рекламных контекстах, где важно само обращение к пользователю: ***Когда маленькая ты*** осталась наедине с маминкой косметичкой (Instagram). ***Больше никакой сутулости, холки, головной боли, отеков. Только легкая, подтянутая и помолодевшая вы*** (Instagram). Личные местоимения *я* и *мы* чаще звучат, когда речь идёт о самовыражении (ср. *Не знаю, как вышло, что настолько разным людям так хорошо вместе. Но точно знаю, что благодарна за то, что раскрываешь другую меня* (Instagram). ***Просто гулятельная я*** (Instagram), однако и здесь ключевое значение играет коммуникативная

природа: «Осознание себя возможно только в противопоставлении. Я могу употребить я только при обращении к кому-то, кто в моем обращении предстанет как *ты*» [Бенвенист 1974: 294]. Личные местоимения 3-го лица, напротив, остаются за пределами речевого акта, занимая «пассивную коммуникативную позицию объектов речи» [Химик 1991: 13]. Вместе с тем встречаются и случаи, когда в подобных контекстах указывается лицо, не участвующее в процессе коммуникации: *И только потом участницу отводят в волшебную комнату стилистов. Новую себя она увидит только в зеркале студии (д/ф «Александр Васильев. Всегда в моде»)*. По-видимому, говорящий прибегает здесь к использованию возвратного местоимения *себя* в силу его универсальности – в классификации местоименных исходов данная единица характеризуется как неточечная, неопредельная – способная обозначать любое из трех лиц [Шведова 1998: 13]. Имеющийся иллюстративный материал показывает: по частотности употребления испытывающее субстантивацию *себя* встречается чаще, чем личные местоименные единицы.

Актуализированная предметная сема не притупляет свойственное местоимениям значение указательности, в связи с чем стоит говорить о синкретичном характере рассматриваемых лексем в подобных контекстах: прономинальные субстантиваты не уподобляются существительным, а занимают промежуточное положение между последними и местоименными единицами. Так, семантика указательности довольно ярко прослеживается в контекстах, где подверженная субстантивации местоименная единица в результате соотнесения с конкретным денотатом наполняется однозначным содержанием [Милованова, Шамсутдинова 2018: 91]. В таких случаях субстантивированное местоимение указывает на автора публикации – поста или видеоролика – в социальных

сетях, писателя, который приводит какие-либо фрагменты своей биографии (1), адресата реплики говорящего, скажем, блогера или интервьюера (2), а также лицо, которое не участвует в коммуникации, но описывается говорящим (3):

(1) *Мой новый стиль! Новая фигура! **Новая я!** (название видеоролика блогера Swasti Ji). Я понимаю, почему мне было некомфортно быть без макияжа: потому я без мейка заметно отличалась **от накрашенной себя** (Instagram). Немного красивой Москвы и **сумасшедших нас** (Instagram). Меня ужасал этот образ **пожилой и немогущей меня**, в конце жизни вдруг осознавшей, что все предыдущие годы были будто черновиком (Е. Резанова, *Никогда-нибудь*).*

(2) – *А мы уже пишем? – Да, все! Можно включать **неестественных себя** (обращение к гостям ведущего подкаста «Серезжа и микрофон»). ну что, жду встречи на летнем стрите 2013 года, посмотрю **на нового тебя** (twitter.com).*

(3) *Хотя если Игорю нужно свыкнуться с **новым собой**, подождать пока, то пусть (twitter.com). там есть такая деталь: разбитое зеркало. когда тело адама преобразуется он не может смириться с **новым собой**. это пробуждает сочувствие к нему (twitter.com).*

В силу специфики указания местоименных единиц в данных контекстах мы группируем их под условным названием «контексты конкретизации» [Шамсутдинова 2020б: 441]. Поскольку значимым здесь является идея самовыражения (в том числе и при обращении к адресату или при описании другого лица, когда самовыражение осуществляется за счет «украшения» своей речи), признаковые слова, вступающие в атрибутивную связь с местоимениями, могут быть самыми разными: *Когда я вышла в рекавери после нескольких лет РПП,*

*ограничений, розовой лысинки по проборам и аменореи, единственное, что заботило **меня** тогда ещё **раненую** – это мой вес (Instagram). Ожидания Аи умноженные на мои ожидания от этого дня дали ядрёную смесь из психующего ребенка и **рыдающей меня** (Instagram). 10 консервированных тунцов из азбуки вкуса из 10 по мнению редакции в лице **уставшей меня** (Instagram). Саша наверное никогда больше с **сумасшедшими нами** никуда ни ногой (twitter.com). И пускай все мои истории будут **о странном тебе**, которого на самом деле не существует, пускай сигаретный дым будет всего лишь моей выдумкой (twitter.com). Объединяющим фактором будет оценочное значение: выделяя определенным образом себя или другого, говорящий неизбежно прибегает к оценке – столь важному в сознании современного человека способу взаимодействия с окружающей действительностью. В связи с этим можно говорить об аксиологическом содержании данной конструкции [Шамсутдинова 2020а: 198]: признаковое слово является носителем оценочной семантики, в то время как местоимение предстает в качестве языковой реализации аксиологизированного понятия «личность».*

Значимость аксиологического содержания особенно возрастает в контекстах, где местоимение указывает на обобщенного адресата. Здесь можно выделить две подгруппы – собственно воплощенное в местоименной лексеме обращение к массовому адресату (1) и – условно – «рекламные» тексты (2):

(1) *Истина застаёт тебя врасплох. Когда ты нагой и в полном хаосе. Например в какой-то адекватный как казалось с утра понедельник, но тут начало второго ночи и тебя выворачивает от того, что ты познакомился с **новым собой**. Но уже не бежишь к зеркалу ибо точно ощущаешь YES! (twitter.com). прекрасный тортик*

для прекрасных вас хорошо проведите день, не забывайте пить водичку и улыбаться ♥ (twitter.com).

(2) *Для того чтобы идти к **настоящему себе**, не обязательно идти в сто процентов правильном направлении (Instagram). **Успешный Я** (название серии тренингов для развития детей дошкольного возраста). **Роскошная Я!** (название группы в социальной сети ВКонтакте). Новый аромат @kenzoparfums со слоганом #ПокажиСебяНастоящую как раз для тех, кто знает – **настоящая ты** это не твои исходные данные, а то, какой ты создала себя сама :) (Instagram). **Для яркой тебя** (Samsung). И ничего не получится до тех пор, пока эти отношения не перестанут быть **для измученных и израненных нас** единственной опорой (Instagram). Наша общая задача – сделать все, чтобы закон был принят, а жертва знала, что она не виновата и она не одна: за ее спиной есть **многие Вы, многие мы**. Вместе – сила! (Instagram).*

В первой подгруппе контекстов обобщенности / адресатности адресант ставит перед собой задачу обратиться ко многим: или абстрагируясь – тогда субстантивированное местоимение входит в контекст обобщенно-личного односоставного предложения или двусоставного предложения с субъектом, выраженным местоимением 2-го лица, которое подчеркивает обобщенный характер адресата [Шелякин 1986: 22], или акцентируя внимание на индивидуальности каждого адресата, входящего в многочисленную аудиторию (так блогер может обратиться к подписчикам). Во второй подгруппе личность адресата становится инструментом установления контакта с пользовательской аудиторией: делая акцент на уникальности, значимости каждого пользователя, покупателя, клиента, адресант стремится заинтересовать его и фактически «продать» тот или иной товар, контент или услугу, а потому в подобных случаях мы можем говорить о явлении *эксплуатации личного* [Болдышева, Шамсутдинова 2019:

140], когда внимание к личному используется в манипулятивном ключе.

Большую роль здесь играет именно признаковое слово, поскольку оно способствует формированию в сознании потребителя-адресата *идеального образа личности*. Текущее состояние личности адресата может оцениваться негативно (1), тогда как «рекламируемый» продукт обеспечит возможность присвоить *себе* желанное качество или состояние (2):

(1) *Через 10 лет вы скажете спасибо себе сегодняшнему, если начнёте сегодня (Instagram). Читайте внимательно и добавляйте к себе в Закладки! Хоть один из этих признаков ТОЧНО есть у вас! Узнаю в них и себя прежнюю (Instagram).*

(2) *Я выберу 3-х людей для своего реалити, чтобы показать, как можно совершить метаморфозу и стать настоящим собой (Instagram). Ведь ты же знаешь, что помимо знаний на экзамен нужно привести здорового себя? Береги себя, и не забивай на своё здоровье во время подготовки (Instagram). Главное – не будьте информационными пылесосами! Развивайтесь в направлении идеального себя! (Instagram). Женская одежда для новой тебя (Instagram). Овен: гороскоп работы для успешной тебя (twitter.com). Быть в высокой энергии, счастливым и с высокими результатами – это норма, страдание – это отклонение от настоящего себя (Instagram).*

Значительное количество подобных контекстов представляет эксплицитно выражаемый желанный образ, а потому неслучайно частотное употребление мелиоративных лексем наподобие *новый, настоящий, успешный, идеальный* и т.д. Вместе с тем акцент на уникальности адресата часто сочетается с идеей *любви к себе*, пользующейся сегодня огромной популярностью: *Представьте себя той девочкой (подростком). <...> Найдите её, обнимите*

*и скажите то, что ей нужно знать о вас-сегодняшней (Instagram). Модели BelleYOU созданы из комфортных, эластичных тканей с продуманным силуэтом для безупречной посадки. Нижнее белье не акцентирует внимание на себе, а лишь подчеркивает достоинства вашей фигуры. BelleYOU – это белье, которое показывает **тебя настоящую (BelleYOU).***

Итак, нетипичное синтаксическое поведение личных местоимений 1-го и 2-го лица, а также возвратной местоименной единицы *себя* – употребление в рамках атрибутивной подчинительной связи с признаковой оценочной лексемой – позволяет говорить об актуальном процессе субстантивации данных местоимений. Отмеченная конструкция, возникающая в результате этого явления, оказывается на сегодняшний день крайне востребованной, поскольку служит, с одной стороны, способом выразить *себя*, сделав свою речь более разнообразной, с другой, привлечь *к себе* – в широком смысле – внимание пользователя-адресата, сделав акцент на его уникальности, выделив его *личность*, что в совокупности соотносится с трансформационными процессами в ценностной картине современного носителя языка, а именно – с поворотом общественного сознания в сторону *личного*.

ЧАСТЬ III
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ
ОРИЕНТИРЫ
ТЕКСТА / ДИСКУРСА

Глава I.

Аксиология классического текста

1.1. Ценности и ценность классического текста

«Онегин» диалогичен или даже полилогичен. Однако это – полилог, пересказанный в авторском монологе. Поэтому текст «Онегина» как таковой может восприниматься и как многоголосие – при таком подходе будут активизироваться признаки, характеризующие текст как контрапунктное столкновение много-образных форм чужой речи, и как авторский монолог, в который «чужие голоса» входят как показатели широты диапазона голоса повествователя.

Ю.М. Лотман

В трудах В.Г. Костомарова осмысляется широкий круг лингвометодических проблем, сопряжение языка и культуры, в которых красной нитью проходит мысль об уникальной способности общения людей, создания смыслов и чувств, обмена ими.

С этим связан и выбор темы, предлагаемой в последующем изложении.

Поэтический текст романа в стихах «Евгений Онегин» можно рассмотреть с точки зрения его композиции – авторское членение художественного материала, систему действующих лиц, динамику сюжета (развитие сюжета, последовательность смены значимых элементов содержания); ещё Ю.М. Лотман отмечал, что «композиция “Евгения Онегина” – образцовый пример обдуманного, геометрически законченного и отчётливого сюжетного построения... главы строятся по системе парных противопоставлений... Онегин диалогичен или полилогичен» [Лотман 1995: 75].

Действительно, диалог пронизывает весь текст романа (его содержательный и структурный уровни), становясь сквозным литературным приёмом, на основе которого и строится повествование: автор – Онегин; Онегин – автор; Онегин – Ленский; автор – Татьяна; Татьяна – автор; Татьяна – Ольга; Онегин – Татьяна...

Возникает лабиринт сцеплений, определяющих композиционную организацию взаимообусловленных, образующих текст ситуаций и действующих лиц. По своей сути – это диалог: диалогичность – одно из свойств текстообразования романа. С точки зрения М.М. Бахтина, объёмные речевые отрезки вступают в диалогические смысловые отношения с другими высказываниями [Бахтин 1975: 141]. Такие диалогические отношения представляют собой гораздо более широкое, чем диалогическая речь в узком смысле, понимаемая как особая форма непосредственного, контактного речевого взаимодействия субъектов.

Композиционно-стилистическая организация романа позволяет выделить в нём такие диалогические тексты, которые, имея формальные признаки монолога, содержат значимые для реализации прагматической цели языковые средства, ориентированные на адресата.

Они отражают зеркальную композицию романа: зарождение любви Татьяны к Онегину в третьей главе и страсть Онегина к Татьяне в восьмой; две отповеди: Онегина – в начале четвёртой главы и Татьяны – в восьмой. Эти монологи отделены временем и пространством, однако образуют диалогическое поле «Татьяна – Онегин, Онегин – Татьяна»: два письма, наполненные реминисценциями, и два устных ответа-реплики.

Обратимся к письмам, открывающим такой диалог, содержащим общие коммуникативные цели. По своей

форме – это особые нестрофические единицы, отличающиеся от четырнадцатистрочной онегинской строфы. По своему содержанию – это письма любви, объяснения в ней, «символические отражения» [Виноградов 2000: 247], имеющие много общего.

1. Оба автора сознают деликатность ситуации, в которой начинается их общение, и говорят об этом в начале писем:

<i>Татьяна</i>	<i>Онегин</i>
Теперь я знаю, в вашей воле	Какое горькое презреньё
Меня презреньем наказать.	Ваш гордый взгляд изобразит!

2. Оба вспоминают непонимание их в обществе, своё одиночество:

<i>Татьяна</i>	<i>Онегин</i>
Вообрази: я здесь одна	Чужой для всех, ничем
Меня никто не понимает...	Не связан...

3. В обоих письмах говорится о муках любви:

<i>Татьяна</i>	<i>Онегин</i>
Перед тобою слёзы лью,	И зарыдав у ваших ног
Твоей защиты умоляю	Излить мольбы, признания, пени...

4. Оба автора подчёркивают бесполезность, тщетность спора разума и чувства, рассудка и страсти:

<i>Татьяна</i>	<i>Онегин</i>
Рассудок мой изнемогает...	Пылать – и разумом всечасно
	Смирять волнение в крови...

5. Оба фатально обостряют жизненную ситуацию, вручая судьбу адресату:

Татьяна

Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю..

Онегин

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах
боле;
...я в вашей воле
И предаюсь моей судьбе.

И всё же письма-монологи различны. Простота, безыскусность, признание «доверчивой души» – так одинаково характеризуют письмо Татьяны и автор романа, и адресат. Но это касается лишь первой части, до слов «Другой!.. Нет, никому на свете не отдала бы сердца я!». Затем начинается иной стиль письма, которому удивляется автор: «Кто ей внушил и эту нежность, И слов любезную небрежность? Кто ей внушил умильный вздор, Безумный сердца разговор, И увлекательный и вредный? Я не могу понять».

Действительно, состояние восторга, страстное увлечение героини сменяется спокойным чувством, сомнениями, предположениями. И Татьяна неожиданно переходит на «ты» (на 12 «вы» – 17 «ты»):

– Я к вам пишу...

– в вашей воле

Меня презреньем наказать...

– Вы не оставите меня...

– Но мне порукой ваша честь

И смело ей себя вверяю

– То воля неба: я твоя...

– Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой...

– Ты хранитель мой...

– Перед тобою слёзы лью,

Твоей защиты умоляю...

Такой переход создает симметрию «вы – ты», которая представляется семантически обусловленной при переводе части вертикального текста в линейный: «Я к вам пишу – То воля неба... Жизнь была залогом... Ты мне послан Богом; ... никто меня не понимает – *Но мне порукой ваша честь ...*» – чем создаётся вертикальный контекст письма Татьяны.

Особенностью второй части письма является и то, что не только встреча с Онегиным, но и супружеский союз представляется Татьяне как что-то предначертанное судьбой. И поэтому Онегин выступает в качестве активного деятеля (грамматического субъекта): «...ты мне послан Богом... ты хранитель мой... ты в сновиденьях мне являлся... Твой чудный взгляд меня томил...».

Идея предначертания объясняет и многочисленные вопросы: «Не правда ль? Я тебя слыхала...», «Не ты ли... в прозрачной темноте мелькнул...». «Не ты ль... Слова надежды мне шепнул?». Большинство вопросов риторические, но доля сомнения в них очевидна, что содержится в альтернативном вопросе: «Кто ты, мой ангел ли хранитель, Или коварный искуситель...».

Эта часть письма имеет явно элегическое звучание, которое усилено многократным повторением глагольных рифм: *-аю* (умоляю, вручаю, замираю, вверяю), *-ался* (являлся, раздавался), *-ала* (слыхала, помогала, услаждала).

В классической пушкинской рифме существует тенденция к их звуковой адекватности, начиная от ударного слога и далее вправо. На рифмующееся слово в большинстве случаев падает словесное ударение. Такие слова участвуют в эстетической организации текста, в котором присутствует система вертикальных связей рифменных отношений [Черемисина 1984:

195], создающих своеобразный рифменный контекст: мелькнул – шепнул, к изголовью – с любовью, хранитель – искуситель... В связи с этим вспоминаются слова Н.В. Гоголя: «Какая точность во всяком слове! Какая значительность всякого выражения! Как всё округлено, окончено и замкнуто!» [Гоголь 1951: 135].

Проповедью-наставлением является ответная реплика-монолог Онегина: «В благом пылу нравоученья Читал когда-то наставленья...», «И нынче – Боже! – стынет кровь, Как только вспомню взгляд холодный И эту проповедь...». На это указывают и авторские слова, предвещающие устный ответ: «Прямо перед ней, Блистая взорами, Евгений Стоит подобно грозной тени, И, как огнём обожжена, остановилась она».

И прагматическом смысле письмо достигло своей цели – оно было понято и вызвало сочувствие адресата; «Но, получив посланье Тани, Онегин живо тронут был...», хотя оно и не дало ожидаемого результата.

Заметим, что то же самое произойдёт и с письмом Онегина: оно понято, прочувствовано, но остаётся без того ответа, на который рассчитывал адресант. Отрицательность объединяет и их устные отпеты.

Татьяна выслушала проповедь Онегина (молча!), но слушающим эту проповедь был и сам Онегин, упивающийся собственным монологом, который построен по правилам ораторского искусства, с использованием риторических приёмов:

вступление – «Мне ваша искренность мила...»; *главная тема* – возможность брака в форме периодической речи: «Когда бы жизнь домашним кругом...»; *отказ* от этого в силу личных причин: «Но я не создан для блаженства...»; *подкрепление* своей аргументации общими положениями: «Что может быть на свете хуже

Семьи, где бедная жена...»; *возвращение* к исходной теме, допускающей альтернативную перспективу: «Полюбите вы снова, но...»; *заключение* – нравственное назидание: «Учитесь властвовать собою: Не всякий вас, как я, поймёт; К беде неопытность ведёт».

Это назидание является семантической доминантой, вертикально соотносимой с предшествующим текстом: 1. «Вы ко мне писали. Не отпирайтесь. Я прочёл Души доверчивой признанья, Любви невинной излиянья...»; 2. «Судите ж вы, какие розы нам заготовит Гименей И, может быть, на много дней»; 3. «и того ль искали Вы чистой, пламенной душой. Когда с такою простотой, С таким умом ко мне писали? Ужели жребий Вам такой Назначен строгию судьбой?» – «*Учитесь властвовать собою; Не всякий вас, как я, поймет; К беде неопытность ведёт*».

В таком монологе-ответе присутствует мотив собственного разоблачения, что, казалось бы, с проповедью несовместимо, но зато совместимо с представлением об Онегине, о чём, вероятно, свидетельствует эпиграф к роману: «Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того ещё особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием как в своих добрых, так и дурных поступках, – следствие чувства превосходства, быть может мнимого».

Второй диалог: письмо Онегина – устный ответ Татьяны. Несмотря на общие исходные положения (мотивы!), письмо Онегина существенно отличается от письма Татьяны.

Татьяна знает, что хочет, и говорит об этом: «То воля неба: я твоя», а Онегин этого не знает: «Чего хочу? с какою целью Открою душу вам свою?». Поэтому в его письме очевидна незаконченность, смена настроения,

что отражается на ритмико-синтаксическом строении стиха: на шестьдесят строк письма Онегина приходится тринадцать переносов, несовпадений интонационно-фразового ударения с метрическим: «...вас оскорбит Печальной тайны объяснение», «...для вас Тащусь повсюду наудачу», «Когда б вы знали, как ужасно Томиться жаждою любви». Один перенос приходится на 4–5 строк, а в письме Татьяны один – на 10 строк. Соотношение «один к 4–5 строкам» является следствием актуализации поэтической формы как изобразительно-выразительного средства.

Обратим внимание на то, что, не спрашивая о чувствах Татьяны, Онегин говорит о ней, как о прямом или косвенном объекте: «...видеть вас, ...внимать вам... пред вами замирать...».

Впечатление предмета страсти усиливается высокой частотностью употребления инфинитива – 17 форм! Такое сгущение помогает актуализировать «я» образа автора, который сливается с «я» героя.

Такой синтаксический изобразительный инфинитивный ряд (видеть, следовать, ловить, внимать, понимать...) синкретичен: он неявно, но содержит доводы, отрицающие ошибочное мнение Онегина о счастье (даже не о счастье, а его замене), когда одновременно указывает на состояние, которое может привести к счастью – «блаженство».

Письмо Онегина открывается блоком восклицательных и вопросительных предложений, передающих сильное эмоциональное наполнение героя, затем оно названо «смирной судьбой», хотя на самом деле весьма эгоцентрично («Когда б вы знали, как ужасно Томиться жаждою любви...») в отличие от альтруистичного письма Татьяны («Хоть вам и рады простодушно»).

Эгоистичность Онегина, его нетерпение звучат в словах: «Я знаю: век уж мой измерен; Но чтоб продлилась жизнь моя, Я утром должен быть уверен. Что с вами днем увижусь я...». Герой словно стремится опередить время, и Пушкин, ломая привычные представления, допускает лексико-семантический сдвиг: утром – днём – (вечером!), что создаёт эффект нетерпения, оскорбительной мотивации.

И в этом тексте можно назвать вертикальный контекст, который является афористической сентенцией: «Всё решено: я в вашей воле, И предаюсь моей судьбе», соотносимой со значимыми мыслями письма: 1. «Чего хочу? С какою целью Открою душу я свою? Какому злобному веселью, Быть может, повод подаю!»; 2. «Он думал: вольность и покой Замена счастью. Боже мой! Как я ошибся. Как наказан.»; 3. «Нет, поминутно видеть вас, Повсюду следовать за вами. Улыбку уст, движенье глаз Ловить влюбленными глазами»; 4. «Когда б вы знали, как ужасно Томиться жаждою любви. Пылать – и разумом всечасно Смирять волнение в крови».

Ответ Татьяны на письмо Онегина начинается с продолжительного молчания, когда к её ногам «упал Евгений». И первые же слова определяют характер встречи-ответа: «Довольно, встаньте. Я должна Вам объясниться откровенно». Это слова уже не Тани, не Татьяны, а Татьяны Дмитриевны, чем и определяется суть её речи: к прошлому возврата нет. А это находит отражение в обилии вводных конструкций, восклицательных и вопросительных предложений: «Что в вашем сердце я нашла?», «Что ж ныне меня преследуете вы?», «Зачем у вас я на примете?», «Как с вашим сердцем и умом Быть чувства мелкого рабом?»... Вопросы позволяют выразить, показать не результат раздумий, а

сам ход размышлений, сложную мыслительную деятельность, зачастую эмоционально окрашенную, что приводит к обилию переносов: «Вам была не новость Смиренной девочки любовь?», «Но вас я не виню», «Но судьба моя уж решена...» – их двадцать один, а у Онегина тринадцать.

Безусловно, доминантой ответа Татьяны является заключительное двустишие: «*Но я другому отдана; Я буду век ему верна*», которое, как и в ответе Онегина «Учитесь властвовать собою...», является главной, композиционно значимой, соотносимой с контекстом строфы: «А счастье было так возможно, Так близко!...», «Вы должны, Я вас прошу, меня оставить...», «Я вас люблю...».

Можно согласиться с мнением литературоведа А.В. Чичерина: «Она осталась верна своей любви. И ещё более – верной тому, что считала своим нравственным долгом. Сокровенная внутренняя жизнь женщины в её развитии, раздвоении, внутренняя борьба и нравственная победа никогда ещё в литературе не были представлены так ярко» [Чичерин 1984: 64].

Так, сюжетно-композиционный перекрёсток романа определяет его диалогичность; в диалогах – суть конфликта героев: выявление невозвратно утерянной возможности счастья.

Пушкинское повествование объясняет сюжетную незавершённость произведения, которая выявила основное в романе – незавершённую завершённую судеб героев, крушение их надежд, но не идеалов.

46. Свои письма И. Пущин именует листками; в знак прочности союза лицейстов первого выпуска директор лицея Е.А. Энгельгардт раздал им чугунные кольца, и поэтому И. Пущин перволицейстов называет чугунниками.

1.2. Исповедальность листков чугуника⁴⁶

Если даже смотреть на убеждения декабристов как на безумие и политический бред, всё же справедливость требует сказать, что тот, кто жертвует жизнью за свои убеждения, не может не заслужить уважения соотечественников.

Кто кладёт свою голову на плаху за свои убеждения, то истинно любит Отечество.

Княгиня М.Н. Волконская

В жизни А.С. Пушкина лицейская дружба оставила неизгладимые следы, и среди его друзей был Иван Иванович Пущин, о котором поэт написал: «Мой первый друг, мой друг бесценный!», – как думают и пишут о первой, незабываемой любви.

В одном из писем поэт-декабрист К.Ф. Рылеев заметил: «Кто любит Пущина, тот уж непременно сам редкий человек». Такие люди, как Иван Иванович Пущин, воистину редкие: они ничего не хотят для себя и не умеют бравировать этим. Небывалое хладнокровие и острый ум Пущина сбивали с толку членов Следственного комитета по делам декабристов, обезоруживали тюремщиков в Петропавловской крепости, в Шлиссельбурге, в Сибири; вливали силы в измученных декабристов.

Тридцать один год провёл Пущин в тюрьме, на каторге, в ссылке, а когда воротился, все заметили, что духом он ничуть не постарел, ничем не поступился, ни перед какой бедой не опустил голову, ни на йоту не потерял прежней доброты и остроты ума. Вот почему А.С. Пушкин «судьбу благословил», встретившись с ним в Михайловском, вот почему звал его в свой последний час: «*Как жаль, что нет теперь здесь ни Пущина, ни Малиновского, мне было бы легче умирать*» [Гессен 1972: 11].

О его мужестве свидетельствует то, что во время следствия он не выдал никого из своих товарищей; Верховный уголовный суд отнёс его к первому разряду государственных преступников и приговорил к смертной казни отсечением головы – впоследствии Указом всемилостивейше был освобождён от смертной казни, заменённой ссылкой в вечные каторжные работы.

И на каторге, и в ссылке он вёл обширную переписку с родными, прежними петербуржцами и московскими знакомыми, с товарищами по ссылке: *«Он переписывался со всеми частями Сибири, и когда надо что-нибудь узнать или сделать, то обращаются обыкновенно к нему. Он столько оказывал услуг лицам разного рода, что в Сибири, я думаю, нет человека, который бы не знал Ивана Ивановича хоть по имени»*, – рассказывал Е.И. Якушин, сын декабриста И.Д. Якушина.

И. Пущин хотел, чтобы его товарищи по событиям 14 декабря, разбросанные по глухим углам Сибири, продолжали считать себя единым коллективом, чтобы никто из них не был потерян и забыт. Люди, познавшие тяжесть изгнания, обретали в переписке радость взаимного общения, духовную силу и бодрость. Он писал также родственникам, некоторым друзьям по лицу и директору Е.А. Энгельгардту, которого полюбил ещё лицеистом за его ум, знания и с которым у него впоследствии установились дружеские отношения.

Переписка для И. Пущина была и формой общественной деятельности, и большой потребностью души: *«Горе тому и той, кто живет без заботы сердечной, – это просто прозябание!»* – заметил он в письме к Н.Д. Фонвизиной. За неусыпное попечение о товарищах Пущина любовно прозвали Маремьяной-старицей согласно пословице «Маремьяна-старица обо всех печалится». И сам он не раз в письмах называл себя этим прозвищем. А когда

хлопочет о нуждающихся в помощи, то напишет: «марьянствуую несознательно»; в конце письма иногда поставит: «Верный вам Маремьяна-старица».

И. Пущин причастен к литературе своими «Записками о Пушкине» – выдающимся мемуарным памятником, созданным после возвращения из Сибири (по настойчивой просьбе Е.И. Якушина) в 1858 г. незадолго до смерти. Эти воспоминания согреты искренним чувством дружбы к гениальному другу и содержат драгоценный материал для изучения жизни Пушкина в лицее.

Но письма И. Пущина также интересный историко-литературный памятник, хотя он однажды заметил в письме к Е.А. Энгельгардту: *«Я не писатель и очень строг в этом отношении, особенно к самому себе. Надобно говорить дельно или ничего не говорить – и самый предмет должен быть некоторой особенной занимательности»* [Пущин 1927: 159]. В то же время, несомненно, его письма являются образцом эпистолярной литературы, которая в то время начинает рассматриваться как историко-литературный факт.

Есть много свидетельств, говорящих о том, что письма мастеров этого жанра ходили по рукам и читались в литературном кругу не меньше, чем остальные литературные произведения. И, конечно, письма способствовали выработке норм литературного языка, так как разрушали сложившиеся языковые каноны, включали живую разговорную речь, ломали давно устоявшиеся литературные жанры. Не будет преувеличением сказать, что письма, переписка, относящиеся к этому времени, способствовали выработке норм прозы, имели значение в закреплении достижений гибкого литературного языка, «который после Пушкина стал общепринятым языком не только художественной, но и практической речи» [Степанов 1966: 93].

Письма И. Пущина – это диалогические монологи со всеми особенностями свободной повествовательной манеры, содержащей особенности речи адресанта. Большинство писем построено по жесткой эпистолярной рамке, содержащей традиционные формулы приветствия и обращения, но они различны, так как непременно учитывают личность адресанта.

Письма к друзьям открываются непринужденным обращением: *«Любезный друг Евгений, вчера получил добрый твой листок от 7-го августа. Не стану благодарить тебя за снисходительную дружбу ко мне: она нас утешала обоих и будет утешать в разлуке неизбежной»; «Ты удивляешься, друг Оболенский, что до сих пор я не говорю тебе словечка: надеюсь, с полной достоверностью, что ты меня не упрекаешь в чем-нибудь мне не свойственном»: «Спасибо тебе, друг Иван, за отчет обо всех, с кем ты дорогой повидался...»; «Доброе письмо ваше, почтенный мой Иван Дмитриевич, дошло до меня за несколько дней до Нового года, который мы здесь очень грустно встречаем» [Пущин 1927: 131–144].*

Иное начало в письмах к родным: *«Здравствуйте, милые мои, я опять благодарю Бога, нашел возможность писать к вам...»; «Шесть тысяч верст между нами, но я при всех малых ожиданиях на помощь правительства не теряю терпения и иногда даже питаю какие-то надежды»; «Пишу роковое число (13 декабря) и, невольно забывая все окружающее меня, переносюсь к вам, милым сердцу моему» [Пущин 1927: 124–145].*

Или обращение к бывшему директору лицея Энгельгардту: *«Вот два года, любезнейший и почтенный друг Егор Антонович, что я в последний раз видел вас, и увы!», «На днях получил доброе письмо ваше, почтенный, дорогой мой друг Егор Антонович! Оно истинно меня утешило и как будто перенесло к вам, где бывал так счастлив»;*

«В последних днях прошлого месяца вечно юный ваш Жаппот получил доброе июльское письмо старого своего Директора. Почтенный друг Егор Антонович, кажется, вы нарочно медлили отправлением вашей грамотки, чтобы она дошла до меня около того времени, когда чувства имели мои больше обыкновенного с вами и с товарищами первых моих лет. Сердечно благодарю вас за верную ко мне дружбу и не берусь выразить моей признательности; вы меня знаете и не потребуеете уверений, которые не передаются бумаге» [Пуцин 1927: 141–161].

Информативная часть писем наполнена повествовательно-разговорной интонацией: *«Будьте вполне убеждены, что я умею чувствовать вашу дружбу»; «Очень жаль, любезный друг Кюхельбекер, что мое письмо тебя рассердило»; включением бытовой лексики: «Вильгельма на несколько дней заарестую»: «...рано утром пишу тебе эти бредни», «худо лонись начал мое новоселье»; «Заболтался я с тобою, мой друг»; «И то пора честь знать»; «Всё так перепуталось, что аз, грешный, ровно ничего не понимаю», «...пора нам начинать опять прощаться, хотя горько, но надо благодарить Бога, что и так удалось покалякать, не знаю только, разберете ли вы это маранье» [Пуцин 1927: 154].*

Некоторые письма являются монологами-хрониками, представляющими собой образцы функционально-смысловых типов текста: описания, повествования и рассуждения.

47. Ялуторовск – город в Тюменской области, родной город автора главы [прим. редактора].

Так, о своей ялуторовской⁴⁷ жизни и жизни маленького сибирского городка в пространном послании к Е.А. Энгельгардту И. Пуцин подробно описывает расположение городка, повествует о событиях, которые происходят у ссыльных, рассуждает об экономическом преимуществе Сибири перед Европейской частью в связи с тем, что в Сибири нет крепостных – *«это благо всей Сибири, и такое*

благо, которое имеет необыкновенно полезное влияние на край и без сомнения подвинет ее вперед от России» [Там же].

Конечно, ценно то, что И. Пущин засвидетельствовал множество фактов из жизни ссыльных декабристов. В посланиях из Туринска И.Д. Якушину рассказывается о трагических событиях семейства Ивашевых. Сначала неожиданная кончина Камиллы, совсем молодой женщины: *«Вы представить не можете, как этот жестокий и внезапный удар поразил нас всех. До сих пор не верится, что ее нет с нами, без нее опустел наш малый круг. Эта ранняя потеря набросила ужасную мрачность на все окружающее. 2-го Генваря мы отнесли на кладбище тело той, которая умела жить и умереть с необыкновенным спокойствием, утешая родных и друзей до последней своей минуты. Вы с участием разделите с нами скорбное чувство. Ивашев с покорностью переносит тяжелую потерю» [Пущин 1927: 129].*

Но через год – кончина самого В.П. Ивашева, который не смог справиться с горем – потерей любимой жены. Описание его ухода – яркая драматическая картина: *«Ивашев был спокоен, распорядился насчет службы в кладбищенской церкви к 30-му числу... Отдавши все приказания по дому, пошел перекрестить сонных детей, благословил их в кроватках и отправился наверх спать. Прощаясь с Марьей Петровной, сказал, что у него болит левый бок, но успокоил ее, говоря, что ничего не значит. Между тем, пришедши к себе, послал за доктором и лег в постель. Через полчаса пришел Карл. Тронул его пульс – рука холодная и пульс очень высок. Карл пошел в комнату взять ланцет. Возвращается и видит Ивашева на полу. В минуту его отсутствия Ивашев привстал, спустил с кровати ноги и упал без чувств... Бросают кровь, кровь нейдет. Трут, качают – все бесполезно: Ивашев уже*

не существует» [Пушкин 1927: 139] – в этом лаконичном описании – сдержанный драматизм и напряженность; переданы тяжелая драма семьи, теряющей отца, беспомощность сирот и старой женщины.

В листках-письмах И. Пущина содержится портретная галерея многих декабристов: Е. Оболенского, И. Якушина, М.И. Муравьева-Апостола, А. Ентальцева, И. Тизенгаузена и др. Вот, например, начало повествования о В. Кюхельбекере: *«Три дня прогостил у меня оригинал Вильгельм. Проезжал на жительство в Курган с своей Дросидой Ивановной, двумя крикливыми детьми и с ящиком литературных произведений. Обнял я его с прежним лицейским чувством. Это свидание напомнило мне живо старину: он тот же оригинал, только с проседью в голове. Зачитал меня стихами донельзя; по праву гостеприимства я должен был слушать и вместо критики молчать, щадя постоянно развивающееся авторское самолюбие... Он как-то странно смотрит на самые простые вещи, все просит совета и делает совершенно противное. Напрасно покойник Рылеев принял его в общество»* [Пушкин 1927: 155].

И. Пушкин проявляет большое умение выразительно обрисовать человека с его характерными чертами, нравственным обликом, иногда и манерами. Так, глубокая, психологически тонкая характеристика дана Александре Григорьевне Муравьевой, которая, наряду с Е.И. Трубецкой и М.Н. Волконской, в историю России вошла как одна из самых замечательных русских женщин.

Все, писавшие об этой женщине, отмечали, что она была воплощением лучших женских качеств: моральной чистоты, душевности, доброты, отзывчивости и самоотвержения. Декабристы, отбывавшие каторгу в Читинском остроге, называли её «ангелом-хранителем». И в письме к сестре А.Г. Муравьевой И. Пушкин был искренен: *«Тут*

она явилась мне существом, разрешающим великолепно новую трудную задачу. В делах любви, дружбы она не знала невозможного: всё было ей легко, и видеть ее была истинная отрада... Душа крепкая, любящая поддерживала ее слабые силы. В ней было какое-то поэтически возвышенное настроение, хотя в сношениях она была необыкновенно простодушна и естественна... Непринужденная веселость с доброй улыбкой на лице не покидала ее в самые тяжелые минуты первых годов нашего исключительного существования. Она всегда умела успокоить и утешить, придавала бодрость другим... Во цвете лет она нас покинула. Много страдала, но всё переносила безропотно. Письмо заканчивается картиной посещения им могилы А.Г. Муравьевой: *«В 1849 г. я был в Петровском; подъезжая к заводу, увидел лампадку, которая в часовне над ее могилой; я помолился на ее могиле... Вот уже слишком 20 лет, что светится память нашей первомученицы! Там ей хорошо!»* [Пуцин 1927: 173].

Очень выразительны и краткие характеристики товарищей по борьбе и ссылке: один штрих – и образ оживает: *«помнишь, как в лицее Кюхельбекер Вильгельм танцевал мазурку, и как мы любовались его восторженными движениями»* [Пуцин 1927: 165] – представляется рассеянный, несколько нескладный, длинный «Виленька», над которым часто подшучивали его лицейские товарищи.

Добродушная шутка вообще довольно часта у И. Пуцины о товарищах. М.И. Муравьев-Апостол провёл десять лет в крепостях, после чего был отправлен на поселение в Ялуторовск без отбытия каторги, и Пуцин прибегает к сравнению: *«Он не был в наших сибирских тюрьмах и потому похож на сочинение, изданное без примечаний, – оно не полно...»* [Пуцин 1927: 192].

С годами в листках проскальзывали нотки печали: то один, то другой из его соратников оканчивал в Сибири

своё земное существование: *«Кончились страдания бедного нашего Краснокутского»* [Пушкин 1927: 171]; *«Меня удивил твой вопрос о Барятинском и Швейковском. Один кончил свою жизнь в Тобольске, а другой – в Кургане»* [Пушкин 1927: 152]; *«Вы спрашиваете меня о кончине нашего бессеребренника Степана Михайловича Семенова. Кончина святая! Несколько времени до того он жаловался, что чувствует какую-то слабость и не может по-прежнему путешествовать...»* [Пушкин 1927: 165]. И. Пушкин подводит грустный итог: *«Вообще мы не на шутку заселяем сибирские кладбища. Редкий год, чтобы не было свежих могил»* [Пушкин 1927: 166]. А о себе он неоднократно метафорически говорит как о часовом, который продолжает оставаться на своем посту: *«Видно, не пришла еще пора сходить с часов, хотя караул наш не совсем исправен... Редеют наши ряды, грустно переживать друзей, но часовой не должен сходить со своего поста, пока нет смены»* [Пушкин 1927: 144].

Часто письма отличаются большим изяществом стиля. Получив от Е.А. Энгельгардта письмо с литографическим изображением лица, растроганный И. Пушкин отвечал: *«Взглянуть на эти знакомые места, вспомнить все, что так живо во мне, было истинное наслаждение. Часто я всматриваюсь в милый рисунок и мысленно беседую с вами и с теми, которые делили со мной впечатления молодости. Спасибо вам, от души спасибо за счастливую мысль навестить меня этою неожиданностью. Я перелетел к тому счастливому времени, когда начал питать к вам благодатное чувство – оно навсегда останется моим утешением»* [Пушкин 1927: 130].

И. Пушкин обладал широкими гуманитарными знаниями. Он не только стремился «в просвещении стать с веком наравне» (А. Пушкин), но и весьма преуспел в этом. Он, например, хорошо знал русскую и всеобщую историю,

откуда черпал образцы и сравнения. Так, свои работы в Ялуторовском огороде он называл «цинциннатством», уподобляя себя государственному деятелю Древнего Рима Цинциннату, который, отойдя от государственных дел, жил в деревне и занимался сельским хозяйством. А узнав, что его брат ведет земельную тяжбу, шутливо заметил: *«Я в полном смысле Иоанн Безземельный»*, сопоставив себя с английским королём из династии Плантагенетов, утратившим большую часть континентальных владений.

В ссылке И. Пущин всеми способами старался добывать книги, журналы («Современник», «Петербургская газета»), романы, переводил сочинения французского писателя-гуманиста М. Монтеня: *«Читаю все, что попадется лучшее, – писал Е. А. Энгельгардту, – друг другу пересылаем книги замечательные, даже имеем те, которые запрещены. Находим дорогу: на ловца зверь бежит»* [Пущин 1927: 153]. Он был знаком с современным ему литературным движением, читал «Историческое обозрение Сибири» П.А. Соловцова, стихи П.П. Ершова, при посредстве которого в «Современнике» были впервые напечатаны посвященные И. Пущину стихи А. Пушкина – «Мой первый друг...», «В альбом Пущину», «Взглянув когда-нибудь...».

В Тобольске, Туринске, Ялуторовске А. Пушкин был частой темой воспоминаний и рассказов И. Пущина. Взволнованно, с большой душевной скорбью воспринял на каторге И. Пущин известие о гибели А. Пушкина. По прошествии нескольких лет после этого трагического события из Туринска он писал лицейскому другу И.В. Малиновскому: *«Последняя могила Пушкина! Кажется, если бы при мне должна была случиться несчастная его история и если б я был на месте К. Данзаса, то роковая пуля встретила бы мою грудь: я бы нашел средство сохранить поэта – товарища, достояние России»* [Пу-

щин 1927: 133]. Но при мысли о безвременной кончине Пушкина И. Пущин находил утешение в мыслях о том, что *«поэт не умирает и что Пушкин... всегда жив... в бессмертных его творениях»* [Пущин 1927: 133].

На каторге и поселении И. Пущин остался верен декабристским убеждениям. В его письмах нет и тени раскаяния в раз и навсегда избранном пути. А когда он высказывается по поводу политической жизни страны, тогда в письмах ощущается острая сатирическая струя. Ясно проявляется непримиримо-отрицательное отношение к царю: то он называет Николая I иронически-фамильярно «Никсом», то «нашим приятелем».

Часты у И. Пущина насмешливые выпады, саркастические замечания в адрес власти. Когда шеф жандармов приказал, чтобы декабристы писали свои письма разборчиво и хорошими чернилами, он иронизировал: *«Это замечание довольно позднее, но тем не менее оригинально. Вследствие этого я хотел бы написать письмо между двух линеек, как бывало, мы писали дедушке поздравительные письма...»* [Пущин 1927: 163]. Его насмешку вызвала медлительность губернской администрации, когда обстоятельства требовали энергичных и быстрых действий: *«На днях сюда приехал акушер Пономарев для прекращения язвы, которая давно кончилась. В этих случаях, как и во многих других, правительство действует по пословице: лучше поздно, чем никогда»* [Пущин 1927: 150].

Постоянен интерес старого декабриста к новым общественным веяниям, к приходящим в движение новым революционным силам. С неослабным вниманием он следил за революционными событиями 1848 года и горячо отзывался о них в письме к Д. Завалишину: *«В Европе необыкновенные события. Ты можешь себе представить, с какую жадностью мы следим за их ходом, опережа-*

ющим все соображения. Необыкновенно любопытное настает время». Его очень интересовала деятельность кружка петрашевцев, и он старался понять цели, задачи и содержание утопического «комюнизма».

И. Пущин глубоко любил Россию и русский народ. Горячее патриотическое чувство живёт в его письмах, связанных с драматическими событиями Крымской войны. Он скорбит о трудностях, которые испытывали русские солдаты. С сердечной болью он узнаёт о тяжёлых днях осаждённого врагами Севастополя: *«Севастополь с ума и сердца не сходит... Сейчас видишь наши сады в крови, покрытые бесчисленными жертвами. Небывалая оборона»* [Пущин 1927: 167]. Даже из сибирской глуши он видит *«громадные усилия народа»*, восхищается мужеством русских солдат и матросов: *«Спасибо безответным русакам, что они держатся на славу»* [Там же].

Отдавая должное героизму простых воинов, И. Пущин вместе с тем возмущается плохой организацией и бездарностью командования: *«Плохо наши правители и командиры действуют. Солдаты и вообще Россия – прелесть!»* [Пущин 1927: 168]. Николаю I декабрист ставит в вину тяжёлое положение, в котором оказалась Россия в Крымской войне: *«Все-таки ясно одно, что Россию поставили в довольно глупое положение. Кто сидит во главе, тот должен уметь заглядывать вперед, а если слеп, то виноват»* [Там же].

В письмах И. Пущина ясно ощущается личность автора. Он представляется человеком, наделенным большой духовной красотой, стойкостью в убеждениях, а его эпистолярный стиль свидетельствует о литературно одаренной языковой личности, что отчётливо проявилось в «Записках о Пушкине».

Глава II. К вопросу о трансформации культурно-языковых норм в современном социуме

Коммуникативная ситуация в современном обществе характеризуется неоднозначностью оценок существующей на данном этапе речевой культуры, полярностью «языковых» настроений – от восторженного отношения к лексическим новшествам и изменениям до крайнего их неприятия, а также разнородностью представлений различных социальных групп о нормах общения в реальном и виртуальном пространстве. Значительное число появившихся исследований говорит не только о внимании специалистов к языковым процессам, но и позволяет ученым фиксировать происходящие в языковом сообществе изменения. Современное коммуникативное пространство представляется как совокупность социоречевых сфер, в которых реализуются различные дискурсивные практики, представленные многочисленными жанровыми формами (см., например, публикации в научных журналах «Современная коммуникативистика» <https://naukaru.ru/ru/nauka/journal/16/view>; «Медиалингвистика» <https://medialing.ru> и др.).

2.1. Ценностно-этические реалии современного российского медиадискаурса

С одной стороны, очевидное для носителей языка и культуры стремление к сохранению языка заставляет членов языкового сообщества регулярно и публично заявлять о важности поддержания традиционных ценностей, языковых норм и общественных конвенций. С другой стороны, мы становимся свидетелями явных изменений,

которые невозможно игнорировать: это трансформация формата общения вследствие влияния интернет-среды (например, модификация этикетных норм), изменение принципов передачи информации в связи с возможностями технических средств, а также увеличение числа конфликтных и агрессивных ситуаций в медиaprостранстве (телепередачи, ток-шоу, политические выступления, даже спортивные события и пр.), чего ранее (в доперестроечный период) невозможно было даже представить.

Агрессивный посыл массмедиа, безусловно, привлекает внимание массовой аудитории, но вместе с тем создает негативную коммуникативную среду в социуме, порождая споры групп сторонников и противников тех или иных событий и заявлений, а также транслируя примеры конфликтного коммуникативного поведения.

Вместе с тем традиционные культурно-этические и этикетные нормы, подкрепленные законодательными требованиями (ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», ФЗ «О СМИ» и пр.), не позволяют представителям публичного пространства демонстративно выходить за рамки сложившихся правил вербального и реального поведения. Это заставляет участников медиакommunikации проявлять некоторую осторожность в выборе языковых средств. В этом отношении эвфемизмы являются мощным инструментом речевой манипуляции и потому чрезвычайно востребованы в современном медиаполитическом дискурсе [Торопкина 2015]. Эвфемизмы нашли широкое применение в средствах массовой информации как способ воздействия на аудиторию: они позволяют не только замаскировать или скрыть неприятную действительность, но также манипулировать сознанием людей. «Слова-заменители», помогая влиять на реципиентов и участвуя в формировании речевого облика медиаресурса, способствуют внешнему соблюдению языковой толерант-

ности, но вместе с тем нередко порождают подтекст и двусмысленность сообщения. При этом агрессия, жестокость и конфликтность остаются. Это хорошо понимает аудитория, даже если формально явлению присваивается «культурная оболочка».

Эвфемизмы в медиадискурсе используются в следующих целях:

- для сокрытия проблем в социальной сфере, а также для «сохранения лица» представителями общественно-политических институтов, чтобы избежать конфликта с электоратом (девальвация национальной валюты, монетизация льгот);

- для подмены понятий: чтобы завуалировать действия, нарушающие права человека, разного рода аморальные поступки, и избежать таким образом осуждения общественности (нейтрализация, подавление вместо «уничтожение», особый метод допроса вместо «пытка»; отсутствие бытовых условий в лагере беженцев вместо «антисанитария», «бесчеловечные условия»);

- для обозначения непрестижных профессий или наименования представителей маргинальных групп (кофеледи, хозяйка кассы, клининг-менеджер, деклассированные элементы, девушки с пониженной социальной ответственностью);

- как отрицание ответственности вследствие перераспределения вины (мы не могли предполагать, что наши партнеры не выполнят свои обещания);

- для нейтрализации различных видов дискриминации: расово-этнической (афроамериканец, иудеи/семиты); половой (they как гендерно-нейтральное обозначение); денежно-имущественной (малоимущие, малообеспеченные, люди с материальными проблемами, нуждающиеся); возрастной (люди пенсионного возраста, люди почтенного возраста); по состоянию здоровью (человек с ограничен-

ными возможностями, люди с особыми потребностями, особые дети, дети с особыми нуждами, слабослышащие, слабовидящие люди).

Стоит отметить, что журналистской речи, в отличие от политической, свойственна большая свобода выражения и, соответственно, образности. Это связано с тем, что характер журналистской речи зачастую предполагает и косвенную авторскую оценку. Речь журналистов создается исходя из принципов определенного воздействия на адресата и с целью повлиять на принятие адресатом такого решения, которое необходимо отправителю сообщения [Прядильникова 2009]. Здесь отметим, что нередко журналисты используют дисфемизмы, создавая откровенно агрессивно-провокационный контент.

Владимир Познер «*Может быть, наступило время?*» <https://pozneronline.ru/1998/07/12183/> (дата обращения: 07.06.2021). Статья посвящена проблеме расизма и ксенофобии в России. Журналист не стесняется грубых дисфемизмов, стремясь описать жестокую действительность, такой, как она есть. Тем не менее, дисфемизмы противопоставляются эвфемизмам, на контрасте создавая иллюстрацию современного автору нетолерантного мира. Сам Познер берет все эвфемизмы и дисфемизмы, которые использует, в кавычки, выделяя их в тексте графически, привлекая тем самым внимание к проблеме использования слов-заменителей в речи и актуальности использования корректных высказываний по отношению к людям другой национальности и расы: *«Что до русских, то они не питали особо дружеских чувств к “хохлам”, “чуркам”, “чернозадым” и прочим “братьям и сестрам” по Союзу. ... Сегодня опасно иметь так называемые “кавказские” черты лица в Москве, да и не только в Москве, сегодня опасно иметь черный цвет кожи в нашей стране, которая не так давно клялась в дружбе “угнетенному негритянскому народу”.*

Политкорректность и толерантность являются одними из важных требований современного медиадискурса как совокупности речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации. Однако нельзя не сказать о явной иронии, насмешке и даже издёвке, заключенной во многих высказываниях. Они не только разрушают мнимую корректность, но напротив, вводят дополнительные намеки, нередко обеспечивая откровенно злобный подтекст.

Негативными являются различные ток-шоу (тематика – от политики до бытовых разбирательств), где агрессия уже не вуалируется, а аккумулируется в качестве основного привлекательного формата: *«Ты поступил как жулик. Ты обещал... Это обыкновенный фашист... Это обыкновенный фашизм... Какие там мозги – там ветер гуляет!... Он хочет показать, что он самый крутой негодяй, самый крутой мальчиш-плохиш...; это надо обсуждать не только политикам, но и психиатрам... это сумасшедшие люди... Это является абсолютным бредом и враньём...»* (Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым от 08.08.21).

Является ли данная ситуация нормой? С точки зрения этикетного общения, о котором писала Н.И. Формановская, это абсолютное нарушение и разрушение традиционных форм вежливости [Костомаров 2014; Формановская 1984]. Однако на сегодняшний день подобное, став привычным, не вызывает удивления, а напротив, воспроизводится и повторяется в других ситуациях и форматах. Хотя, повторимся, формально подобное коммуникативное поведение отрицается и осуждается.

Медиадискурс советской эпохи был приближен к книжно-письменной речи, ориентированной на «высокие» морально-этические, поведенческие и коммуникативные нормы. В СМИ использовался формат кодифицированной

речи с избеганием разговорной лексики, опорой на традиции риторики и акцентированием внимания слушателей на ключевых аспектах и ценностных установках. Современная медиаречь нередко не только актуализирует языковые новшества, но и демонстрирует в концентрированном виде те отклонения от норм и традиций, которые раньше допускались лишь на уровне разговорной речи в ситуативно ограниченных контекстах:

1. Слова и выражения, содержащие субъективную оценку и эмоциональную окраску с ярким дополнительным оценочным значением одобрения/неодобрения: *мошеничество, разгильдяйство, казенщина, по уши в долгах, решится на отчаянные шаги/меры, покончить с главным кошмаром, завязла в мозгу, не стоит ломаного гроша и пр.;*

2. Слова и выражения, заимствованные из сниженной разговорной и жаргонной лексики: *кошмарить бизнес, мочить..., дармоеды, фабрика фурычит до сих пор, они плюнули в душу, дебилы, заткнись, куча сумасшедших, вас порвут ваши подельники, бардак и т.д.;*

3. Иносказательные выражения: *мы с вами везде пролезем, мы с вами известные... юристы; девушки... с пониженной социальной ответственностью;*

4. Общественно-политические неологизмы, детерминологизированная лексика, смешение стилей: *медиатизация войны, электорат заточен, пассионарии рассеяны по всей стране, главный хулиган шоу-бизнеса и т.д.;*

5. Неологизмы, заимствования-варваризмы и жаргонизмы, пришедшие из социолектов и профессий: *титестер, коуч, гуглить, юзеры, сити-брейк, ньюсмейкер, бэкграунд, фитбэк и пр.*

Необходимо сказать еще и о том, что сегодня в медиадискурсе монологичность сменяется диалогичностью. Непременный атрибут даже новостных сегодняшних жанров – интерактивность. Выборочная информация

комментируется зрителями и сторонними участниками (например, в сюжет встраивается комментарий пользователей соцсетей). В.В. Миронов также отмечает это, говоря, что «принцип завершенности подвергается разрушению. Целостное восприятие мира дефрагментируется, уступая место клиповому сознанию, основанному на поверхностном восприятии фрагментов реальности. <...> Деформируются семиотические условия диалога. Коммуникация из состояния некоего фона, фиксирующего события, превращается в стержень современной культуры, подчиняя и формируя особенности восприятия информации, а значит, безусловно, оказывая влияние на механизмы смыслообразования. Например, событием в современном мире может выступать не реальный факт, а его медийная конструкция даже в отсутствие реального факта» [Миронов 2019: 44].

Так, например, современные ток-шоу строятся по принципу фатической коммуникации – «общение ради общения», а не ради того, чтобы разобраться в каком-либо проблемном вопросе. интернет-каналы, мгновенно дублирующие и интерпретирующие информацию, добавляют «пестроты» в эту медиакартину, уточняя и сужая целевую аудиторию и ориентируя на нее свою подачу новостей. И аудитория, в свою очередь, начинает говорить этим языком.

Таким образом, традиционным представлениям о культурно-этических принципах коммуникации в социуме, позиционирующимся в качестве правил и норм, нередко противостоят агрессивно-конфликтные речевые варианты и языковые явления, нарушающие принципы культуры речи, активно функционирующие в массовом и медийном дискурсе.

2.2. Изменения культурно-речевых норм под влиянием интернет-коммуникации⁴⁸

Принципы общения в интернет-среде определяются взаимодействием ряда социальных, коммуникативных и технических факторов: 1) условиями опосредованного общения; 2) установкой на быстрый обмен информацией в течение неограниченного времени; 3) приверженностью неформальному взаимодействию в соцсетях и мессенджерах.

Обобщая исследования разных лет (см., например, [Иванов 2000; Богомолова 1988; Колокольцева 2012; Йылмаз Метхап 2018; Гончарова, Ковшова 2020; 2021] и др.), можем выделить основные характеристики опосредованного общения в сетевом пространстве:

– использование технических средств, вовлеченность больших социальных групп, необязательность непосредственной обратной связи;

– взаимодействие разрозненных коммуникантов, которые могут общаться анонимно, не зная друг друга в реальной жизни [Богомолова 1988]. Анонимность позволяет участнику коммуникации чувствовать себя свободно и раскованно [Иванов 2000];

– разница сетевого и внесетевого времени, что приводит к практически круглосуточному общению участников (измененные временные рамки привели к появлению новых этикетных форм, например «*доброго времени суток*»);

– общение с несколькими коммуникантами одновременно (что позволяет письменная форма) [Сидорова 2006], а также возможность сделать параллельную рассылку одного сообщения сразу нескольким участникам;

– установка на скорость получения ответа: имитация живого диалога происходит именно в силу технической возможности мгновенной передачи сообщений;

48. Результаты исследования частично опубликовались ранее в статье: Гончарова Л.М., Ковшова Н.В. Языковые новообразования в интернет-коммуникации // Гуманитарные технологии в современном мире: Сборник статей VIII международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Калининград, 28–30 мая 2020 года / Составители Л.М. Гончарова, Т.В. Нестерова, Э.А. Китанина. – Калининград: РА Полиграфичъ, 2020. – С. 73–80.

– устно-письменный характер сообщений, сближающий письменную речь с неформальным устным общением, смешение стилей и гибридизация жанров;

– ослабление чувства такта, чуткости, корректности и деликатности по отношению к партнеру, связанное, на наш взгляд, с опосредованностью общения и отсутствием «живого» контакта. Интересно, что многие люди признаются сегодня в том, что им легче решать текущие вопросы в мессенджерах посредством переписки, нежели в личной беседе (даже по телефону). По-видимому, письменное общение даже в «псевдоустной» манере не требует от человека эмоциональных усилий для поддержания взаимоотношений;

– комментарийность (нередко экспрессивная) интернет-сообщений, что дает дальнейшее развитие темы и расширение коммуникации за счет привлечения новых участников: пространство интернет-среды позволяет высказывать свою точку зрения даже там, где при непосредственном контакте человек оставил бы ее при себе;

– полиинтерпретативность сообщений пользователей;

– нацеленность авторов сообщений на оценочность со стороны участников интернет-дискурса и ожидание реакции на свои сообщения и комментарии (с помощью лайков и эмодиконов).

Отметим, что соблюдение в таком коммуникативном пространстве культурно-речевых норм, отнимающих дополнительное время, становится просто излишним. В особенности, когда подобное общение приобретает такую массовость. Йылмаз Метхап приводит слова П. Келли: «... в виртуальной среде вы вообще можете быть кем хотите, выглядеть как угодно, быть существом любого пола по выбору, – словом, у вас нет ограничений, характерных для материального мира» [Цит. по Йылмаз Метхап 2018: 18]. Эти особенности «приводят

к выработке новых форм и стилей взаимодействия и возникновению своеобразного интернет-этикета» [Минаков 1999]. Пользователи социальных сетей и мессенджеров настолько привыкли общаться при помощи упрощений, что даже при непосредственном речевом взаимодействии применяют варианты сокращений, присущих сетевой коммуникации, «сглаживая» требования к этикетным и социально-ролевым ситуациям в процессе устного общения и перенося этот порядок обратно в письменную речь, в том числе и в деловую ее разновидность [Гончарова, Ковшова, 2020]. Так, например, манера «разговора» в сети переносится пользователями и на общение в социально значимых ситуациях. Ф.О. Смирнов говорит о статусном равноправии участников [Смирнов 2004: 17]. Подобная свобода интернет-коммуникации приводит пользователей к неразличению статусно-ролевых позиций и в других обстоятельствах (например, в профессионально-деловой сфере) – опускаются конструкции обращения, формулы вежливости; коммуниканты оставляют исключительно информационную часть сообщения, сводя до минимума этикетно-фатическую составляющую (это особенно явно прослеживается в бизнес-среде): *«Добрый день, нужно подать информацию о составе сотрудников. Елена»*; *«Приветствую. Вышлите, пож. коммерческое предложение. Евгений»*⁴⁹. Ответные письма нередко начинаются не с приветствия, а прямо с ответа на предыдущее сообщение, фактически воспроизводя формат непрерывной устной беседы.

Новые формы общения, порождающие неформальность коммуникации и демонстрирующие принадлежность пользователей к интернет-сообществу, прослеживаются на разных уровнях языка. В частности, это процессы:

49. Из переписки пользователей по электронной почте. Орфография и пунктуация сохранена.

- языковой компрессии;
- искажения графического облика слова с целью передачи эмоций;
 - собственно лексические новообразования, в том числе трансформация англоязычных заимствований из латиницы в кириллическую систему путем транскрибирования или транслитерации и последующей адаптации иностранного слова к русскому языку через словообразовательные модели;
 - активизация разговорных синтаксических моделей в письменном интернет-общении;
 - ненормативное использование знаков препинания;
 - использование эмотиконов как знаков пунктуации [Гончарова, Ковшова 2020].

Рассмотрим последовательно.

1. «Языковая компрессия» присутствует на графемном, лексико-семантическом, синтаксическом уровнях. Возможность вести несколько параллельных диалогов одновременно или участвовать в полилогах (в чатах) ведет к упрощению пользователями речевых конструкций, использованию «свернутых» словоформ и «телеграфному» характеру речи. В рамках графемного и лексического уровней исследователи [Атягина 2014; Колокольцева 2012 и др.] описывают одни и те же явления: «*чо-нить*» (*что-нибудь*), «*чѐта (что-то)*», «*щя*» (*сейчас*), «*ничоси*» (*ничего себе*), «*чесслово*» вместо «*честное слово*» и др.: «*И интересные, и замечательные, и выглядящие ничессе*»; «*...когда с подругами где-нить зависнете...*».

Языковая компрессия на графемном уровне служит также для передачи фонетической редукции на письме: «*А где вы видели щас чистую травку?*», «*Здрассте...*» «*...А чѐ за дела?*»), «*Ничѐ плохого*». При этом вариант написания может быть различным: «*чо-нить*», «*чѐ-нить*», «*чо-ни-буь*», «*ничѐси*» и «*ничессе*» – неустойчивость сокращения

и лингвокреативный подход искажают слово до неузнаваемости, а количество вариантов может разрастаться.

2. Искажение графического облика слова с целью передачи эмоций.

В ряде случаев в неформальном общении интернет-пользователей наблюдаются намеренные ошибки: искажение графического облика слова, то есть неканоническое написание слов, которое нельзя отнести ни к опечаткам, ни к неосознанным орфографическим ошибкам. Это делается авторами умышленно, в первую очередь, для передачи эмоций и максимального приближения к устной речи. Можно отметить противоречащие правилам случаи использования заглавных букв, которые также выполняют функцию экспрессии. К ним можно отнести:

- графическую передачу «удлинения» гласных, например: «*воот*» вместо «*вот*» («**Воот**, я про это и говорю...»);
- графическую передачу «усиления» согласных звуков в случае аффрикат, например, звука [чʰ]): «*очччень*» вместо «*очень*» («...а они **очччень** прилично получают...»);
- написание слов заглавными буквами для передачи экспрессии;
- неправильное написание слова, для передачи насмешки, иногда довольно язвительной («*прынци*», использованном вместо узуального «*принц*») и др.

На уровне графического оформления текста также появились новшества, выходящие за рамки «прописных» норм. Использование заглавных букв в середине предложения в нарушение всех традиционных правил является средством выражения эмоций, приравняемых к повышению тона голоса вплоть до крика. Кроме того, подобные приемы используются для акцентирования наиболее важных, по мнению адресанта, мыслей.

3. Собственно лексические новообразования.

В отношении частотных словообразовательных явлений в интернет-коммуникации Е.Б. Штукарева отмечает множество «новообразований посредством префиксации и суффиксации» [Штукарева 2012: 298–299]. Трансформация англоязычных заимствований и последующая адаптация иностранного слова к русскому языку осуществляется через русские словообразовательные модели: *аватарка*, или *авчик* (от *аватар*), *юзать*, *лайкать*, *постить*, *репостить*, *загуглить*, *выгуглить*, *прогуглить* (от названия поисковой сети Google), *креативить*, *сабжесвый*, *сабжануть* (от *subj* ‘тема сообщения’), *спамить* (от *спам*), *респектую* – ‘уважаю’; усечения: *инфа* – ‘информация’, *прога* – ‘программа’.

В процессе перехода английских лексем из латиницы в кириллическую систему путем транскрибирования или транслитерации при орфографической незакрепленности неологизма появляются спорные случаи написания: *флэшка* / *флешка*, *девайс* / *дивайс*, *спаминг* / *спаминг*, *блоггер* / *блогер* и т.д. В принципе орфографическая вариативность при адаптации иноязычных слов – явление вполне обычное. Однако учитывая свободу использования лексических средств и пренебрежение к языковым нормам в сетевом общении, варианты могут транслироваться годами, даже если данные лексемы уже приобрели на письме закрепленный характер. К этой же категории можно отнести и вопрос, связанный с орфографическим оформлением сложносоставных наименований с неизменяемым атрибутивным компонентом, а именно – проблему выбора между отдельным, дефисным и слитным написанием этих номинаций: *веб камера*, *веб-камера*, *вебкамера*.

Процессы аббревиации, сокращения русских (*спс*, *пжл* и пр.) и транслитерация английских слов (*ИМХО*)

знакомы почти всем, и многие пользователи соцсетей активно используют их в своем общении.

Ноообразования, происходящие из намеренного изменения слов, используемые в молодежном сленге, также становятся «трендами», входят в моду и активно транслируются в сети: *котейка*, *котэ (кот)*, *любимка (любимый/ая)*, *вкусняшка*, *крутяк* и пр.

Нужно сказать, что подобные слова из виртуальной среды легко переходят в реальную, закрепляясь в словаре активной лексики носителей языка.

4. Активизация разговорных синтаксических моделей в письменном интернет-общении.

В синтаксисе интернет-общения очевидна активизация разговорных конструкций:

- рост сегментированных высказываний с явным игнорированием пунктуационных знаков (вместо единой логически связной конструкции используется прерывистая «телеграфная» цепочка простых предложений, отражающих последовательность мыслей пишущего и нередко являющихся частями сложного, но намеренно разрываемых отправителем);

- тенденция аналитизма: «смысловые отношения между словами и предикативными конструкциями выражаются не специальными синтаксическими средствами, а исходя из лексической семантики соединяемых компонентов. Характерными чертами общения в Интернете является рематизация высказываний путем изменения порядка слов» [Штукарева 2012: 298–299].

Н.В. Кузнецова выделяет так называемые «умеренно разговорные языковые средства»: конструкции с незамеченными синтаксическими позициями (эллиптизированные, неполные предложения); эллипсис союзов; отражение на письме сильной редукции слов; рематизацию высказываний путем изменения порядка слов; межфразовые скрепы *а* и *ну* [Кузнецова 2008: 17–19].

5. Ненормативное использование знаков препинания.

Значительно участилось использование восклицательных и вопросительных знаков, точек, тире, многоточий в случаях, когда это не обосновано пунктуационной нормой. Имитируя «живой разговор», пользователи сети используют знаки препинания для отражения эмоционального состояния: размышления (множественные многоточия), паузы и акценты (тире), эмоционального вопроса при выражении удивления или восклицания вплоть до раздражения (восклицательные знаки расцениваются собеседником в сети как крик и повышение тона, как и использование прописных букв). Вместе с тем в диалоге в мессенджерах при быстром обмене фразами общающиеся могут вообще не ставить в конце знаки препинания, и точка, поставленная в диалоге в конце фразы одного из коммуникантов, будет обозначать раздражение или желание завершить разговор. Ср.:

- Я поеду на дачу в выходные - Я поеду на дачу в выходные.
- Ок - ОК.

Таким образом, ненормативное использование знаков препинания в интернет-коммуникации диктуется прагматикой общения и придает письменным текстам более яркую эмоциональную окраску. Избыточное использование знаков препинания в виртуальной коммуникации призвано передать дополнительную информацию – часто интонацию, которую иным образом нельзя выразить на письме: «Ставлю лайк // Спасибо любимочки за лайки!))))) // класс!!)) уже 7 лайков// я вот думаю, ставить ему лайк? злорадствую // твой котэ соберет сотни лайков!!!! Ты использовала мой излюбленный приём – завершение беседы лайком) // 20лайков в первый день! Крутяк».

6. Эмотиконы в языке интернет-пользователей.

Наряду с особенностями пунктуации в интернет-общении, нельзя не отметить использование невербальных компонентов. Письменная коммуникация лишена тех смыслоразличительных средств, которые присущи живому общению – интонация, мимика, жесты и т.д. Передача интонации, пауз и других паралингвистических средств важна на письме, так как паралингвистические средства сопровождают вербальное сообщение и участвуют в передаче его коннотативной части [Клюканов 1983; цит. по Йылмаз Метхап 2018: 96].

Использование эмотиконов позволяет пишущему выразить различные эмоции: радость, грусть, иронию – и передать собственное настроение, а также положительное или отрицательное отношение. Как пишет М.Ю. Сидорова, смайлы «служат выражением дружелюбия» [Сидорова 2006: 180], «разряжают напряжение, помогают отличить иронию или улыбку от серьезности высказывания» [Там же: 58]. Отметим, что на сегодняшний день эмотиконы «отвечают основным функциям знаков препинания» [Там же: 182]. Часто используется два символа (без использования дефиса) и одиночная скобка или несколько скобок подряд. При этом нередко скобки заменяют использование точки или запятой, то есть служат знаком окончания мысли. В интернет-среде они уже стали неотъемлемой частью построения фраз.

В итоге, соединяя в себе вышеназванные особенности, интернет-язык приобрел неформальный характер, что не могло не сказаться на общей тональности, в которой общаются пользователи. интернет-среда становится своего рода транслятором новообразований, которые входят в моду, фиксируются и тиражируются в письменной и устной форме, выходя за рамки виртуального мира. Как следствие, изменение формата общения происходит не

только на уровне интернет-коммуникации. Фактически интернет является благодатной средой для формирования языковых новшеств, социолектов, выработки обобщенных рече-поведенческих форм, отличающихся от закрепившихся в языке.

2.3. Трансформация правил этикетного поведения в условиях цифрового общества⁵⁰

50. Результаты исследования частично опубликовались ранее в статье: Гончарова Л.М., Ковшова Н.В. Трансформация правил этикетного поведения в условиях цифрового общества // Гуманитарные технологии в современном мире: Материалы IX Международной научно-практической конференции (3–5 июня 2021 г.). / Составители Л.М. Гончарова, Т.В. Нестерова, Э.А. Китанина. - Калининград, 2021. – С. 63–68.

Принятые в обществе поведенческие нормы, регулируемые правилами этикета, с течением времени претерпевают изменения. Это проявляется на вербальном и невербальном уровнях и находит выражение в новых формах обращений, изменяющихся формулах вежливости, в поведении членов социума. Практически всегда это последствия воздействий внешних факторов. Так, например, в XX веке изменения после политических событий происходили дважды: кардинальные – после революции 1917 года, частичные – в 1990-е гг. Сегодня новые рече-поведенческие реалии формируются под влиянием научно-технического прогресса, социальных и экономико-политических процессов. Цифровые технологии и интернет-среда обогатили не только лексический состав языка, но и привели к необходимости создания новых правил поведения. Например, при введении пароля гаджета или наборе человеком пин-кода электронной карты хорошим тоном считается отвернуться, невербально подтверждая безопасность и сохранность персональных данных партнера.

Относительно недавно появившиеся в языке номинации «сетевой этикет», «сетикет», «нетикет» (от англ. net «сеть» + фр. etiquette «этикет») – неологизмы, обозначающие правила поведения и общения в Сети. То есть можем говорить о цифровой культуре, которая складывается в настоящее время и проявляется на вербальном

и невербальном уровнях. Этикетное общение, которое вслед за Н.И.Формановской мы трактуем как «национально специфичную систему устойчивых выражений, применяющихся в стереотипных ситуациях вступления коммуникантов в контакт и для поддержания общения в избранной тональности» [Формановская 1984], в электронной среде приобретает новые черты, причем уже не только свойственные одной культуре, но выходящие в глобальное коммуникативное пространство. Меняются речевые, этикетные, языковые традиции – пока это **не изменения норм, но их модификация.**

Необходимость регулирования коммуникации в сети породило не только набор правил, постепенно создаваемых пользователями [Правила цифрового этикета 2021], но и ряд противоречий, отражающих приспособление цифровой реальности к традиционным нормам общения [Гончарова, Ковшова 2021].

Антиномии цифровой среды можно представить следующим образом:

1. Антиномия представления и сокрытия лица связана с опосредованным форматом коммуникации в сети. Отдавая дань традиционному непосредственному общению, мы подразумеваем необходимость личного знакомства, когда коммуниканты имеют представление о визуальном облике друг друга. Как следствие, сегодня хорошим тоном является размещение фотографии профиля, а в нетикете появилась рекомендация пользователям «иметь хоть одну приличную фотографию». Вместе с тем фотография может не принадлежать данному человеку, а являться просто заставкой, отражающей настроение человека, его увлечения или его представления об идеальном образе. Противоречие данной ситуации состоит в создании псевдореальности формально-визуального знакомства.

2. Антиномия закрытости и доступности личной информации в цифровой среде. Иными словами – разделение приватности и публичности. Это этикетное правило появилось в силу различных факторов. По-прежнему нормой поведения считается невмешательство в личное пространство человека – раньше это были записные книжки, дневники и пр., а сегодня они практически полностью заменены смартфонами и ПК. Обозначенное противоречие включает в себя, с одной стороны, «запароленность» любого доступа к информации, но вместе с тем легкость распространения личных сведений в цифровом пространстве: от соцсетей и различных мессенджеров до обычного считывания экрана у стоящего рядом в транспорте или общественном месте человека. Кроме того, свободное время в дороге и доступность связи позволяют осуществлять звонки как по рабочим, так и по личным вопросам. Как результат возникло правило: чтобы окружающие вынужденно не оказывались в информационном пространстве индивида, следует сводить к минимуму коммуникацию в общественных местах. Конвенциональность – договоренность о времени контактов (деловых и бытовых) стала хорошим тоном в социуме.

3. Антиномия «третьего лишнего» заключается в парадоксальности ситуации, когда при встрече друзей или во время свидания наличие телефона делает собеседника-человека «третьим лишним». В этой связи появилось новое правило хорошего тона: держать при общении телефон экраном вниз, чтобы приходящие сообщения не отвлекали внимание партнера, а также не пользоваться телефоном при собеседнике. Н.В. Ковшова отмечает, что эти «новоэтикетные» проявления получили социально-психологическую оценку: сегодня заговорили о новом явлении, которое получило наименование фаббинга (*eng. Phubbing – the act of ignoring someone you are with and*

giving attention to your mobile phone instead [Cambridge dictionary 2021]) – это привычка постоянно отвлекаться на телефон при собеседнике. Общественность оценивает данное явление как разновидность «хамства XXI века» [Гончарова, Ковшова 2021].

4. Антиномия кода и текста (по аналогии с антиномиями М.В. Панова [Крысин 2006]). Данное противоречие порождается рядом факторов: стремлением к краткости высказываний, множественными сокращениями при переписке и в то же время большим объемом информации и практически непрерывным обменом сообщениями. В современном сетевом дискурсе наблюдается трансформация связного речевого потока в парцеллированные конструкции, которые могут быть отдельными репликами, замечаниями, комментариями и т.д. Нетикет диктует не отправлять множество сообщений, жестко различать формальное и неформальное общение, не пользоваться сокращениями (т.е. намечена тенденция к восстановлению размытых за последние 20 лет границ деловой и бытовой коммуникации в сети).

5. Антиномия скорости и комфортной среды при передаче и информации. Новые этикетные правила возникли в связи с техническими возможностями гаджетов передавать голосовые сообщения, которые в силу обстоятельств не всегда может прослушать собеседник. Извиняясь за причинение возможных неудобств в связи с передачей голосовых сообщений, собеседник признает создание дискомфорта, но задает таким образом временные рамки, апеллируя к необходимости ускорения (или облегчения) процесса общения. В противовес в сетях используются конструкции, быстро становящиеся языковыми шаблонами для пользователей: «*мне не удобно слушать*», «*перезвоню позже*», «*напишу позже*», «*сейчас не могу*» и др.

Таким образом, мы не можем не отметить адаптацию речеповеденческих норм к современной жизни: мы всё больше подчиняемся правилам цифровизации. Оценки данных явлений часто неоднозначны. Вместе с тем В.Г. Костомаров приводит в своей монографии слова Б. Гавранека: «Историю правильного языка «в целом характеризуют две общие, противоположные друг другу тенденции развития: 1) стремление к сохранению и укреплению действующей в нём нормы и 2) стремление к преобразованию сложившейся нормы» [Навранек В. Приводится по: Костомаров 2014: 9]. По-видимому, происходящее следует воспринимать как нормальное следование результатам научно-технического прогресса, который неизбежно будет проявляться в новых реалиях цивилизационного общества.

В заключение отметим, что говорить об изменении правил и культурно-речевых норм сегодня пока рано. Но уже нельзя не задуматься о трансформации правил этикетного поведения и адаптации речеповеденческих норм к реалиям современной жизни. И как бы ни хотелось нам сохранить классические формы вежливости, общество все больше подчиняется правилам публичного медиадискурса, ориентируясь при этом на рейтинговые передачи, подчиняющие свой формат жанровым чертам бытовых скандалов и склок.

Данную ситуацию нельзя оставлять без внимания, поскольку она постепенно разрушает культурные традиции страны и речевые нормы общества. Об этом говорят представители науки и культуры: «Сейчас мы являемся свидетелями новой волны деструкции норм. Способствуют этому и интернет, и общая обстановка в стране, вызывающая накал эмоций. Всё это порождает новую моду и на ненормативное поведение, и на речь (свободу выражения, а не только точек зрения). Наше отношение

к такой «свободе» остаётся принципиально негативным. Как нам кажется, борьба с нормами – безумие. Насаждение ненормативного – это не свобода мнений, которая необходима, а показатель низкой культуры человека. Это очень опасно и для языка, и для общества в целом» [Кормилицына 2017: 15].

Оценивая современные средства массовой коммуникации (СМК), мы можем с уверенностью констатировать, что формируемая ими медиалингвистическая «картина мира» порождает множество противоречий: в ценностной трактовке информационного контента, в транслируемых языковых средствах, а также с точки зрения эстетического восприятия подаваемых сообщений.

Сегодняшние тенденции массмедийного дискурса, а также изменения, происходящие в языке, очень точно еще 20 лет назад охарактеризовал В.Г. Костомаров в книге «Языковой вкус эпохи»: наблюдается «расширение границ литературного стандарта, размытость и вариативность норм, жадное обновление средств выражения. <...> Заметны сдвиги в привычных соотношениях нейтральных и маркированных средств выражения, в традиционных принципах выбора и композиции, в изменении их окрасок (чаще всего в сторону нейтрализации и детабуизации)» [Костомаров 1999: 292, 293]. Там же В.Г. Костомаров высказывает мысль и о том, что «эти сдвиги уже явно относятся к системе, а не просто к сиюминутной и преходящей специфике функционирования языка» [Костомаров 1999: 293].

Действительно, сегодня изменения настолько очевидны, что можно говорить не только о полном обновлении всего медиаформата, но и сопутствующих этому серьезных языковых сдвигах.

Противоборствующие тенденции, создающие современный медиадискурс, можно представить в перечне противоречий, в которых проявляются лингвистические

и экстралингвистические параметры медиакоммуникации. Так, в современном медиадискурсе наблюдаются следующие антиномии.

Антиномии современного медиадискурса

Огромный объем информации.	vs	Максимально краткая ее передача.
Наличие общего перечня новостей и событий.	vs	Интерпретация, порождающая вариативность массмедийного дискурса.
Внешняя толерантность по отношению ко многим событиям в мире.	vs	Явная оценочность данных событий, порождающая модальную комментарийность.
Требования к высокой нормативности речи.	vs	Доминирование разговорности в силу так называемой «интерактивности» массмедийного дискурса.
Традиционно «консервативные» жанры СМИ.	vs	Новые формы подачи новостей, привносящие значительный элемент оценочности.
Подчеркнуто традиционное отношение к ценностям.	vs	«Аксиологические провокации», которые СМИ подают под видом обсуждения «острых вопросов».

В.И. Карасик называет базовую триаду ценностей, включающую «совокупность концептов «Истина», «Добро», «Красота», которые аккумулируют в себе три измерения человеческого бытия – познание, жизнь по законам

морали и способность эстетической оценки действительности» [Карасик 2013: 34]. Помимо этого, называются и другие ценности. Отметим, что национальная культура, в том числе и речевая (это отражается в языке – его лексике, фразеологической системе, пословицах, притчах и пр.), базируется на определенных установках, основанных на традиционных представлениях о ценностях, в которых воспитывались многие поколения людей в нашей стране.

Между тем современная система ценностей трансформировалась в следующие реалии (в основном утилитарного характера):

- успешность, позиционирование успеха через материальные показатели: недвижимость, престижный автомобиль, использование брендовых вещей;
- самостоятельность и независимость (финансовая состоятельность, возможность жить по «модным» моделям – жилье, путешествия и пр.);
- «вечная» молодость и сексуальность (это прослеживается не только во внешности публичных личностей, но и в языке – «подстраивании» высказываний под модные языковые тенденции, например, использование неологизмов, жаргонизмов, заимствованной лексики, используемой молодежью и пр.);
- свобода выражения мыслей, смешение стилей, отсутствие языковых и этико-эстетических запретов – то, что В.Г. Костомаров назвал «карнавализацией» языка.

Научно-технический прогресс, порожденные и поддерживаемые им современные средства массовой коммуникации (СМК), способствующие упрощению контактов между людьми, привели к тому, что традиционные культурно-речевые, этикетные и этические и нормы меняются, а постоянное подражание в сетевом письме устной речи приводит систематическому нарушению сложившихся кодифицированных языковых норм.

Таким образом, можно утверждать, что современная картина мира в значительной мере формируется через СМК и интернет-среду, и подаваемая по этим каналам информация изменяет ценностно-этические реалии современного мира как в целом, так и прагматически трансформируя культурные коды каждой отдельно взятой нации.

Л.М. Гончарова

Глава III. Рекламные тексты в контексте ценностных ориентиров национальных культур (на материале сферы туризма)

Рекламные тексты сферы туризма представляют собой один из видов туристического дискурса, который объединяет масштабную и разнообразную коммуникацию участников туристских практик и включает в себя разноцелевые группы участников и продуцируемые ими речевые произведения. Участники данного дискурса – туристы, сотрудники туристских компаний (они же рекламодатели), составители путеводителей и информационных изданий, блогеры и путешественники, создающие тексты отзывов о турах и описаний туристских дестинаций – словом, все те, кто тем или иным образом передает специфику туристических маршрутов, а также рассказывает о нюансах взаимодействия и контактов с иным социокультурным пространством. В.А. Митягина классифицирует разножанровые тексты, связанные со сферой туризма, следующим образом:

- информационные издания, информационно-рекламные материалы туристических агентств, которые представляют собой определенный текстовый минимум, необходимый для адекватной коммуникации участников дискурса;

- путеводители, энциклопедические статьи и книги об определенных странах, городах, достопримечательностях; статьи в периодических изданиях, на сайтах туристических агентств и т.п., которые существенно расширяют дискурсивный кругозор туриста и создают предпосылки для его участия в других ситуациях и контекстах коммуникации, задают иной «горизонт» референции;

- дневники путешествий, частные впечатления туристов, выражаемые на интернет-форумах, «заказные» впечатления известных личностей о совершенных путешествиях и т.п., которые отражают и создают такие коммуникативные контексты, которые представляют личностное измерение дискурса [Митягина 2008: 281].

Кроме того, рекламные тексты сферы туризма, представленные разными жанрами, задают начальное представление о ценностных ориентирах национальных культур, составляющих информационный и коммуникационный посыл для начального ознакомления будущего туриста с инокультурой.

Следует отметить, что туристические рекламные тексты выстраиваются как в общем контексте мировых представлений и стереотипов, закрепившихся за определенными странами (Париж – столица моды и любви; Китай – загадочная Поднебесная), так и в ракурсе ориентиров национальных культур, ценностей и традиций. Рекламодатели стараются показать продвигаемую destination так, чтобы она была интересна представителям определенной страны. Так, например, туристам из стран с православной религиозной культурой туроператоры обязательно пообещают посещение соответствующих святынь. Рекламные тексты для китайских туристов отражают направления, наиболее часто запрашиваемые ими: посещение Мавзолея Ленина, экскурсия по музейно-усадебке «Горки Ленинские», экскурсия в музей Сталина «Бункер-42», экскурсия в Московский Кремль, экскурсия в Новодевичий монастырь и на Новодевичье кладбище к могилам вождей коммунизма.

Еще одно наблюдение: рекламные тексты для российских туристов содержат больше конкретики и экстремальных «завлечений» с приведением впечатляющих цифр и метафор («Небесные лестницы «Сто Драконов»»; «Про-

гулка по самому длинному стеклянному мосту в мире! Он был построен совсем недавно над обрывом между двух скал (218 метров). Прогулка по этому мосту захватывает дух!»; «Спустимся по 999 ступеням лестницы «Небесных врат»»; «У каждого воина – свое телосложение, прическа, одежда, черты лица и даже линии жизни на ладонях!»; «Тропа смерти» и пр., пр.), чем, скажем, аналогичные польские рекламные тексты, являющиеся более описательными.

Таким образом, можно сделать несколько выводов.

1. Информация подается в контексте запросов представителей определенной страны, на которых ориентирован рекламный текст.

2. Рекламные тексты сферы туризма ориентированы на интеллектуальные, познавательные возможности путешественников.

3. Ценностный потенциал туристской дестинации становится основным «продуктом», обеспечивающим интерес к рекламным текстам.

3.1. «Ценности не продаются. Ценности продают»: к вопросу об использовании аксиологических реалий в рекламе сферы туризма

Неотъемлемой частью культуры страны, народа является система ценностей, которая сохраняется веками и передается из поколения в поколение. Как отмечает В.И. Карасик, в эту систему включаются как материальные, так и духовные модели представлений о том, что было сформулировано еще Аристотелем в виде аксиологической триады – благо, счастье, удовольствие [Карасик 2013]. Культурные компоненты и ценности цивилизации предстают в свете тех оценок, которые даются им представителями социума в ту или иную эпоху. Однако в определенные периоды времени ценность, которая

почиталась ранее, может лишиться своей значимости. Кроме того, можно говорить о ценностях, признаваемых всем человечеством и ценностях, существующих в культуре определенного народа. Эту же мысль высказывали и В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин со ссылкой на Ю.М. Караулова: «культура всегда национальна. Это не значит, что нет понятия общечеловеческой культуры, но в нем не содержится ничего, чего не было бы в культурах национальных [Караулов 2002. Приводится по: Верещагин, Костомаров 2005].

Знакомство с ценностями человек начинает с познания своей страны, постепенно расширяя границы до мирового охвата. В.В. Миронов определяет культурные материальные ценности как предметы, «которые созданы человеком в результате его творческой деятельности и многие из которых затем хранятся в музеях. Духовные ценности – это все, что создано в результате творческой интеллектуальной деятельности человека во всем ее многообразии» [Миронов 2019].

Знание культуры предполагает принадлежность человека к данной нации.

Как ни парадоксально, в эпоху глобализации в мировом сообществе все больше очевидно стремление народов к сохранению своей самобытности, уникальности культуры и национальных ценностей и транслированию принадлежности к определенному этносу. Это, в свою очередь, приводит к формулированию основных характеристик, через которые этническая общность стремится к осознанию своего своеобразия, национальных отличительных черт – через понимание национального характера, символы, стереотипы, язык. Все это является частью ценностной картины мира, к познанию которой человек стремится, обретая знания и расширяя свой тезаурус. В этом плане туризм, посещение других стран

можно рассматривать как возможность для человечества знакомства с мировыми цивилизационно-гуманитарными ценностями.

Важным мотивом для иностранных туристов является возможность знакомства с историко-культурным наследием страны, народа. Знания об этих аксиологических реалиях считаются показателем образованности индивида, а личное их посещение поднимает человека на некий престижный уровень в представлении окружающих. При этом следует понимать уникальность туризма и путешествий, в процессе которых происходит бережное и интеллектуальное познание инокультуры (в отличие, скажем от современных миграционных процессов, когда, прибывая в страну огромным потоком, люди не стремятся познавать чужую культуру, не интегрируются в нее, а просто внедряют собственную, фактически взламывая традиции той земли, которая их приняла).

Ценность культурного наследия возрастает с течением времени. В первую очередь это связано с его физическим старением, изменением, разрушением и утратой. Культурный туризм, развиваясь, поддерживает цивилизационно-гуманитарные ценности, такие как познание традиционных культур, охрана и возрождение исторических объектов, диалог культур. Вместе с тем есть и «обратная сторона медали»: туризм также способствует разрушению и видоизменению культурного наследия народов в силу его коммерческого использования.

Однако даже несмотря на некоторые негативные моменты, туризм продолжает оставаться весьма «продаваемым товаром». Во-первых, познавательные возможности туризма обеспечиваются целой индустрией, включающей профессиональные экскурсионные услуги. Во-вторых, престижность посещения многих известных туристических дестинаций (Париж, Венеция, Рим, Иерусалим

и др.) также весьма велика. В-третьих, необходимость увидеть собственными глазами то, что может исчезнуть с лица земли из-за влияния множества факторов, также стимулирует посещаемость многих мест и достопримечательностей.

В свою очередь, распространение информации об этих реалиях осуществляется различными способами, одним из которых является **реклама**.

Реклама рассматривается сегодня не только как источник информации, но и как фактор, способствующий формированию моды, стандартов потребления, поведенческих стереотипов и образов. При этом ее распространение выходит далеко за границы одной страны.

Реклама использует множество возможностей, чтобы транслировать привлекательную в туристическом плане информацию, обеспечивая интерес к ней уже на этапе прочтения рекламного текста: познавательность, полнота и достоверность информации, эстетичность, оптимальность маршрута и многие другие. Помимо этого, рекламный текст «переводит» предложение на язык спроса, включая его в рамки привычной коммуникации той страны, где будет работать туроператор: описываются интересующие потенциальных клиентов достопримечательности, природные ресурсы, бытовые подробности и пр. Подобная рекламная коммуникация подразумевает ориентированность турпродукта на национальный лингвокультурный сегмент рынка потребителей, межкультурный принцип отбора информации о представляемой инокультуре.

Поскольку реклама – это коммуникационный процесс передачи и восприятия информации между рекламодателем и адресатом рекламного текста при помощи разных коммуникативных средств, то рекламное сообщение, помимо передаваемой информации, часто несет в себе

ряд культурных символов, которые в свернутом виде отображают ценностные реалии данной культуры, визуально и вербально отождествляют представление о ней через некие устойчивые образы. Образ-символ наиболее удобен для этого, так как с его помощью можно, во-первых, сжать информацию, во-вторых, воздействовать как на сознание, так и на подсознание адресата. Следовательно, как особо организованное средство коммуникации, символ является средством передачи рекламной информации, а в сочетании с вербальной частью оказывает большее воздействие на адресата. Символ, отображающий определенные сущности той или иной культуры, является приемом ее воссоздания в рекламном послании. Символы наделяются смыслами и интерпретируются в соответствии с ними в контексте. «Символ – знак, который связан с обозначаемой им предметностью так, что смысл знака и его предмет представлены только самим знаком и раскрываются лишь через его интерпретацию» [Кох 1995: 4]. Главная особенность символа заключается в способности заменять реальные предметы или явления и сообщать заключенную в них информацию. Нередко символы столь прочно закрепляются в представлении людей, что становятся стереотипами. Это однообразие закрепляется в сознании человека в виде стандартных схем и моделей мышления (см. [Сорокин 1978; Грушевицкая, Попков, Садохин 2003]).

Символическое проявление национальных особенностей в рекламе, нередко воспринимаемое на уровне стереотипов, рассмотрим далее на конкретных примерах.

Среди большого разнообразия символов с национальной спецификой, отображающих ценностные реалии страны/региона и используемых в рекламе сферы туризма, можно выделить различные хорошо читающиеся

визуальные элементы, которые становятся еще и своего рода маркерами, привлекающими внимание адресата и позволяющие связать «картинку» с содержанием рекламы еще до ознакомления с текстом:

- **символы, связанные с памятниками, культовыми сооружениями и прочими архитектурными строениями различных стран** (московский Кремль, лондонский Биг-Бен, египетские пирамиды, статуя Свободы и пр.);

- **символы-животные** – ассоциируются с определенной страной (использование изображения слона и медведя в качестве символов индийской и русской культур соответственно и т.п.);

- **символы-личности** – использование известных личностей как образов, устойчиво связанных с определенными странами или культурами (образы полководцев и правителей: Наполеона, Кутузова, Мао Цзэдуна, Петра Первого; культовых актеров или певцов: Чарли Чаплина, Мэрилин Монро, Шалапина и др.);

- **символы-узоры, орнаменты, шрифты как символы национальной самоидентификации** – стилизация шрифтовых надписей, они призваны нести культурный код, зрительно дополнять текстовые сообщения;

- **символы государственной власти: гербы, флаги, эмблемы** – являются ярко выраженными национальными идентификаторами рекламного сообщения;

• **национальные виды спорта** как символы страны и культуры (сумо, коррида и т.д.);

• **продукты и национальная кухня**, принадлежащие различным странам и культурам (например, пицца и паста – символ Италии, рис – символ Японии, квас – символ России, хамон – символ Испании и пр.);

• **символы-ремёсла**: традиционные узоры как символ ремесел, традиционные промыслы и соответствующие нациям ремесла, роспись и изделия художественных промыслов;

• **символы-одежда** – национальная одежда выступает как показатель принадлежности к культуре и подчеркивает принадлежность к данному этносу.

Следует отметить, что в современной международной рекламной практике использование атрибутов национальной культуры в виде национальных символов, показа черт характера, языковых проявлений становится излюбленным приемом при создании определенного имиджа товара, выделения его отличий и конкурентных преимуществ, а также дает возможность потребителям почувствовать и правильно понять рекламируемый образ. Данные символы используются не только в рекламе сферы туризма, но и в коммерческой рекламе: продуктов, одежды, косметики, автомобилей и т.д.

Помимо вышеназванных визуальных символов, нельзя не упомянуть о **вербальном наполнении рекламы**. В большинстве случаев описываются цивилизационно-гуманитарные ценности страны и культуры, транслируемые в контексте рассказа о туристической дестинации

и использующиеся в качестве основного рекламируемого объекта. Именно эти ценности становятся смысловой доминантой, на которой строится последующий рекламный текст. Ценностями туристической дестинации могут выступать:

- **антропогенные ценности** – созданные человеческим трудом – могут быть исторические и современные (архитектурные и археологические достопримечательности, историко-культурные памятники и реликвии): *Нотр-Дам-де-Пари, или собор Парижской Богоматери, это старинный католический собор, который находится в самом центре французской столицы. По туристической привлекательности Нотр-Дам-де-Пари способен потягаться с Эйфелевой башней и Лувром;*

- **культурные ценности, связанные с именами великих людей, живших в данном регионе:** *Ясная Поляна – одно из самых дорогих мест земли Русской. В Ясной Поляне родился, жил и похоронен великий исполин русского духа и светило всемирной литературы Лев Николаевич Толстой;*

- **событийные ценности городских агломераций,** которые одновременно являются ведущими центрами культурной жизни: *Венецианский карнавал, Октоберфест (в Германии), Фестиваль фольклора горных земель в Закопане (Польша);*

- **природно-рекреационные ресурсы:** *Природа Камчатки – одна из самых своеобразных и интересных в мире. Расположение полуострова на разломах тектонических плит, на берегу Тихого океана обеспечили полуострову поистине уникальные особенности. Доминантой камчатской природы являются вулканы, которых здесь более сотни. 29 из них активны, поэтому постоянные извержения служат фоном для всей жизни. Каждый раз, извергаясь, вулкан так или иначе меняет ландшафт;*

· **этнические традиции:** Вы будете гостем на настоящей **черногорской свадьбе** — яркой, шумной, веселой. Увидите местные традиции, национальные танцы, национальные костюмы, услышите любимую музыку и песни черногорцев;

· **экзотические элементы литературного мифотворчества местной культуры:** Историческая и легендарная гора Греции, обитель древних могущественных богов – Олимп. Отсюда могущественный Зевс вершил своё правосудие, метал гром и молнию. Здесь жили мудрая Афина, прекрасная Афродита и хитрая Гера, а также другие боги. Смертным сюда ход был заказан, только великие герои древности могли вознестись на Олимп;

· **культово-религиозные ценности:** Иерусалим – святое место для каждого верующего, объединяющее христиан, мусульман и иудеев;

· **гастрономические ценности, традиции национальной кухни:** Не пропустите **Тур** на праздник молодого вина «Божоле Нуво»;

· **коммерческие и экономические возможности страны или региона:** **Шоп-туры в Стамбул** из Москвы по ценам 2019 года позволят вам забить свои чемоданы до отказа. Покупатели везут домой турецкую одежду (особенно джинсы, кожу и меха), ковры, антикварные и ювелирные изделия, фаянсовую посуду и сувениры, самым известным из которых считается оберег «синий глаз» («назар бонджук»). Лучший шопинг будет ждать вас в промышленном районе Зейтинбурну, с его многочисленными торговыми центрами;

· **спортивно-развлекательные возможности региона:** Горнолыжный отдых – один из самых популярных способов провести активный отпуск, получить массу запоминающихся воспоминаний и заряд бодрости. 400 километров трасс в итальянских Альпах!;

· *оздоровительный потенциал региона: Термальное озеро Хевиз, лечебная сила которого была известна еще с римских времен, а в наше время всемирно известно как уникальный бальнеологический курорт [Гончарова 2019].*

Мы провели небольшое исследование – опрос, в процессе которого соотечественники-респонденты (100 опрошенных, 38-76 лет, мужчины и женщины) отвечали на вопросы, связанные с критериями поиска туров. Результаты опроса показали, что 16% потребителей выбирают отдых в привычных местах, где проверенное обслуживание гарантирует комфортный отдых.

84% респондентов ответили, что ищут тур не только по принципу «отдых на море», «отдых в горах», но задает поиск по ключевым словам, отражающим названные нами выше ценностные реалии страны или региона: достопримечательности, мероприятия, природные или культурно-исторические объекты, о которых слышали, видели, читали в тех или иных рекламных сообщениях. И только. Это подтверждают и данные сайта <https://wordstat.yandex.ru>. Поисковые запросы «Что искали со словом «достопримечательности» показывают 2 723 083 показа в месяц. Можно также привести статистику запросов по мероприятиям или культурным объектам:

Данные сайта <https://wordstat.yandex.ru>

Статистика по словам	Показов в месяц	Статистика по словам	Показов в месяц
октоберфест	131 051	достопримечательности Санкт-Петербурга	52 424
октоберфест 2019	53 420	Санкт-Петербург достопримечательности фото	4 112
октоберфест даты	14 042	достопримечательности Санкт-Петербурга +с названиями	2 917
октоберфест 2019 даты	12 794	Санкт-Петербург достопримечательности куда	2 536

Необходимо отметить фактор сезонности поисковых запросов, поскольку, например, в период с апреля по август цифры по поиску достопримечательностей Санкт-Петербурга значительно выше: апрель – 119058, май – 169537 поисковых запросов и т.д.

Кроме того, респонденты отмечали, что также при визуальном знакомстве с рекламой отмечают те «символы-визитки», которые включает в сообщение рекламодатель для быстрой идентификации страны или региона.

Таким образом, можно сделать несколько выводов:

1. Ценности, имеющиеся на уровне фоновых знаний человека, становятся нередко катализатором и отправной точкой, обеспечивающей интерес к рекламе сферы туризма (и лежат в основе последующей покупки). Сами же рекламные тексты, «существенно расширяя дискурсивный кругозор туриста и создавая предпосылки для его участия в других ситуациях и контекстах коммуникации, задают иной «горизонт» референции» [Митягина 2008: 281].

2. Соотечественники по-прежнему испытывают интерес к культурным ценностям, не заменяя возможность духовного развития на чисто прагматические потребности.

3. Рекламодатели активно используют ценностные реалии, делая их доминантой рекламного текста и обеспечивая, таким образом, интерес к рекламному тексту, рекламируемым объектам и, как следствие, продаваемость туров.

3.2. Инкультурация как аксиологический эффект тревел-текстов

Под термином **тревел-текст** (далее – ТТ) понимаются тексты о путешествиях, посвященные стране или какому-то месту, описываемому в совокупности всех признаков: географического положения, природного мира, населения, языка, национальных ценностей, обычаев и традиций, истории и культуры.

ТТ появляется в результате путешествия, совершенного автором, в нем представлено описание поездки и полученные от нее впечатления. Автор стремится зафиксировать и передать не только последовательность маршрута и увиденные объекты, но культурные коды и национальные стереотипы, креолизованные элементы этно- и межкультурной коммуникации. ТТ становится результатом взаимодействия автора с окружающим миром, отражением культурных ценностей в процессе восприятия и постижения им национально-культурного опыта страны.

Адресат ТТ, воспринимая информацию о путешествиях, странах, этносах и пр., одновременно изучает новые культуры, вычлняя для себя ценностные характеристики и социальные нормы инокультур, которые необходимо осознать, сопоставить с собственными взглядами и установками и пр. и, как результат, принять или не принять.

Инкультурация, или освоение новой культуры, как процесс подразумевает вхождение человека в конкретную культурную среду. Это изучение им системы ценностных ориентаций и предпочтений, принятых в данном обществе, этикетных норм поведения в разных жизненных ситуациях, отношение к различным явлениям и событиям, знакомство с основами социально-политического устройства, приобретение познаний в области национальных и сословных традиций, господствующей морали, нравственности, мировоззрения, обычаев, обрядов, моды, интеллектуальных и эстетических течений, понимание политической и культурной истории данного народа, основных символов национального достоинства и пр.

Фактически ТТ предлагает виртуальное путешествие, поэтому интерес к подобному сообщению читателя/слушателя/зрителя будет определяться спецификой его восприятия как инкультурированного или неинкультури-

рованного адресата, «выраженностью» в нем принципов этноцентризма или культурного релятивизма.

Современная информационная среда ускоряет социальные и экономические процессы. Это ведет не только к глобализационным процессам, но и к культурной гибридизации, когда в существующие культурные практики активно проникают «чужие», «иноземные» элементы [Александрова 2019]. Как результат, туристы, заранее знакомясь с данным местом, могут легче адаптироваться в инокультурной среде и будут менее подвержены культурным стрессам во время поездки.

Тревел-текст ориентирован не просто на передачу информации о какой-либо стране или местности, в его задачи входит демонстрация отличительных свойств данного региона, а также опыт, впечатление, переживание, приключение, пережитое в результате знакомства с ним (об этом также свидетельствуют названия популярных телевизионных тревел-шоу: «Жизнь других», «Непутевые заметки»).

Тревел-тексты могут быть описательного, информативного или рекламного характера. Соответственно, жанры, через которые реализуется ТТ, включают статьи, обзоры, рецензии, авторские комментарии, консультации специалистов, интервью, отзывы и рассказы туристов, рекламные заметки, рекламные статьи и пр. [Гончарова 2016: 48]. Принимая во внимание классификацию тревел-текстов Т.Ю. Редькиной [Редькина 2013], основываясь на собственных исследованиях и учитывая целый ряд факторов, как то: характер описываемого путешествия, специфика канала передачи, коммуникативные намерения автора текста, – мы выделяем несколько типов ТТ:

- **информационно-познавательные ТТ** (например, в журнале «Вокруг света»);

- **информационно-развлекательные ТТ** (тексты в журнале «Всемирный следопыт»; тексты на сайтах турагентств, фигурирующие в качестве информационного контента и дающие информацию о предлагаемых туристских дестинациях; сопроводительные авторские тексты в передачах о туризме («Жизнь других», «Непутевые заметки», «Орёл и решка» и пр.), а также тексты на страничках тревел-блогеров);

- **информационно-рекламные ТТ** (журнал «Турнавигатор», сайты экскурсионных и турагентств).

При этом, как справедливо отмечает Т.Ю. Редькина, любой тип ТТ ориентирован на «речевое представление безэквивалентных реалий и специфических национальных концептов неинкультурированному адресату» [Редькина 2013].

О.А. Афанасьев и А.В. Афанасьева вводят термин «концептуальное туристское пространство», под которым понимается «такого вида туристское пространство, в котором все его компоненты объединены и подчиняются одной общей теме, а стратегия его развития строится на формировании туристского впечатления на основе сочетания традиционной туристской инфраструктуры и нематериального компонента – туристской легенды (или их группы) и/или истории (сторителлинга)» [Афанасьев, Афанасьева 2019]. Основная идея ТТ – передать весь комплекс этих впечатлений вместе с легендой и эмоциональным восприятием. Сюда входит и демонстрация ценностей иной культуры, и создание «национального колорита» речевыми средствами, и передача сильных эмоционально окрашенных впечатлений – все это сложная речевая задача, для решения которой автор тревел-текста использует значительное количество стилистических приемов, тропических средств и речевых тактик. В ТТ активно номинируются историко-архитектурные ценности,

этнические и религиозные отличия, объекты культурного наследия, технические и экономические достижения, а также предметы и объекты «туристического любопытства». Для решения этих коммуникативных задач автор использует экзотизмы, варваризмы, окказионализмы, эвфемизмы.

Тревел-текст строится таким образом, чтобы постоянно поддерживать интерес адресата к описываемому региону и его особенностям, познакомить с ценностями инокультурной среды. В ТТ прослеживается характерное образное описание, установка на визуализацию, чтобы «опредметить» создаваемую виртуальную реальность, формируется поликодовый текст. Кроме того, в этих целях автор включает в ТТ описание традиций, обрядов, ценностей страны и ее жителей через вербализацию национально-культурных концептов; использует национальные стереотипы; представляет носителя иной культуры – инокультурного персонажа; старается передать динамичность и событийность путешествия. Культурно значимая информация, поданная автором в ТТ, дает адресату возможность познакомиться с туристской дестинацией, подтвердить/не подтвердить известные стереотипы или уже имеющиеся впечатления от нее; принять или не принять особенности инокультуры. В этом ключе инкультурацию через ТТ можно представить как процесс вхождения индивида в другую, новую для него культуру с усвоением новой системы ценностей, поведенческих шаблонов, в результате чего он приобретает способность свободно ориентироваться в пределах новой культурной модели.

Рассмотрим в качестве примера информационно-развлекательный ТТ, взятый с сайта компании «Ну и тур» из раздела «Рассказы туристов» (<http://www.nuitour.ru:8080/stories/239/264>). Отметим, что подобные рассказы

размещаются агентствами для создания информационного контента в рекламных целях.

Что такое Фаршанг и Бушояраш?

Знаете ли вы, что слово «карнавал» произошло от словосочетания «carne vale», что дословно переводится как «прощай мясо». Это связано с тем, что практически все подобные мероприятия устраивались накануне Великого поста, и люди перед длительным периодом смирения и воздержания предавались чревоугодию, устраивали себе праздник веселья и разгула (рис. 1).

Рис.1

Рис.2

Рис.3

Как правило, почти все карнавалы устраивались зимой, стараясь ускорить приближение весны таким ярким действием. Есть свое собственное такое торжество и в Венгрии – это Farsang (Фаршанг).

Фаршанг – это праздник провода зимы и встречи долгожданной весны. Начинается он в день Богоявления и длится до Пепельной среды (это канун Великого Поста). По всей Венгрии проходят многочисленные пышные празднества, балы, маскарады и шумные парады. Главная цель всего этого веселья, буйства красок, шума и гама – прогнать зиму и ускорить тем самым приход весны. Все это действие завершается традиционным сжиганием чучела из соломы (рис. 2).

Но самый яркий и веселый карнавал происходит в городе Мохач, он называется Бушояраш. Истоки этого праздника берут свое начало с 16 века, когда

Венгрия оказалась под игом Турецкой империи. По легенде, на островах окрестных болот скрывались борцы за независимость, и однажды их посетил старец. Он призвал партизан сделать деревянные маски и ждать условного знака. Через некоторое время разразилась сильнейшая буря, и взявшийся ниоткуда всадник повел смельчаков в город. Надев маски, и гремя колотушками, они распугали турецких солдат, которые большие никогда сюда не возвращались.

На этом карнавале предполагается использование определенных костюмов: деревянные маски и лохматые овечьи шубы. Это бушары (или «бушо») – главные герои и действующие лица праздника. Они приплывают на лодках с острова и своим видом, также битьем в колотушки изо всех сил пытаются напугать глазееющую на это действо честную публику. Одно из главных развлечений веселящихся от всей души зрителей – дотронуться до шубы «Бушо». Это не так-то просто – их охраняют «Янкели», которые отгоняют желающих мешками с опилками. Праздник предполагает переодевания, парады и танцы под народную музыку. Местные жители верят, что зима испугается толпы таких страшилищ, громко распевающих песни и гремящих в ужасные колотушки, и уступит место весне. Апофеоз карнавала – большой костер на главной площади города, где торжественно сжигается гроб – символ зимы (рис. 3).

Проходит Бушоюраиш, как правило, в феврале в течение шести дней и начинается всегда в четверг. С 2009 года праздник занесен в Мировое наследие Юнеско. В эти дни Венгрию посещает рекордное количество иностранных туристов (сохранена авторская орфография, пунктуация и стилистика. Источник: <http://www.nuitour.ru:8080/stories/239/264>).

Отметим, что данный ТТ многократно апеллирует к фоновым знаниям адресата (знаниям о карнавалах во-

обще): *Знаете ли вы, что слово «карнавал» произошло от словосочетания «carne vale» и т.д.*

Культурно значимая информация внедряется по ходу всего повествования: о времени проведения карнавалов, о Фаршанге – венгерском празднике встречи весны, об исторически сложившихся традициях и легендах, с ним связанных, о главных героях и пр.

Описание традиций праздника, поведения участников и проводимых обрядов осуществляется через введение безэквивалентной лексики с пояснительным текстом: *«деревянные маски и лохматые овечьи шубы. Это бушары (или «бушо»).... Они приплывают на лодках с острова и своим видом, также битьем в колотушки изо всех сил пытаются напугать глазющую на это действие честную публику. Одно из главных развлечений веселящихся от всей души зрителей – дотронуться до шубы «Бушо». Это не так-то просто – их охраняют «Янкели», которые отгоняют желающих мешками с опилками».*

В данном тексте ценности венгерской культуры описываются на материале одного праздника. Подобный нарратив («нарративное измерение ценностей» – В.И. Карасик [Карасик 2020: 160]) позволяет автору ТТ нарисовать в сознании адресата историко-культурную картину, воссоздать неповторимую атмосферу. Аксиологическая составляющая также подчеркивается автором: *С 2009 года праздник занесен в Мировое наследие Юнеско.*

Нельзя не отметить, что аксиологические фрагменты показанной в ТТ картины мира иной культуры всегда подаются автором ТТ в ключе эмоций удивления и восхищения, выражаемых как эксплицитно в прямой речи автора ТТ (например, в текстах тревел-блогеров это выражения *«Круто», «Ребята, это космос», «А вот такого я вообще нигде не видел!»*) (<https://youtu.be/6DVGHER-S3U>), так и имплицитно, через заложен-

ные в тексте многочисленные гиперболизированные эпитеты: *ярким* действием; *многочисленные пышные празднества, балы, маскарады и шумные парады; самый яркий и веселый карнавал и т.п.*

Языковые средства, выбираемые авторами ТТ, призваны вызвать удивление – эмоциональное состояние, являющееся ответом адресата на определённый стимул – вербальный (высказывания о ситуации, содержание сообщения) и невербальный (сама жизненная ситуация, реалья действительности), не соответствующий его жизненному опыту и представлениям о мире (его наивной картине мира) [Михайлова 2011]. Именно неожиданность, несовпадение известного по собственному жизненному опыту, ожидаемого и преподносимого в ТТ обеспечивает удивление – как стимул, и интерес – как реакцию. Познавательная ценность ТТ также оказывается весьма велика, благодаря чему текст прочитывается легко: *...толпы таких страшилищ, громко распевających песни и гремящих в ужасные колотушки...; Анофеоз карнавала – большой костер на главной площади города, где торжественно сжигается гроб – символ зимы.*

Отметим, что именно поэтому ТТ являются весьма привлекательными (в том числе и в рекламном плане), т.к. их размещение притягивает аудиторию рассказами о необычных вещах, заманивая туристов и приглашая воспользоваться редким и уникальным предложением, – принять участие в экзотическом приключении (реальном или виртуальном). Индивидуальность автора может быть вербализована в большей или меньшей степени: с использованием личных местоимений, авторского комментария или в показе интересной автору инокультурной реальности с ее экзотическими ценностями. Например, в рекламной аннотации к тревел-блогу Гончарова С. четко просматриваются эти интенции:

«Иди со мной!» – это больше чем просто проект. Это путешествия в самые интересные уголки мира. Цель проекта доказать, что путешествовать по миру – это дешево, просто и очень интересно! Смотрите мои выпуски и путешествуйте моими маршрутами (https://vk.com/video272576370_456239250).

Семантика подобного дискурса – четкая тематическая отнесенность с ситуативно-личностными уточнениями [Карасик 2020: 272] для решения главной цели автора – вербализовать в тревел-тексте комплекс впечатлений вместе с легендой и эмоциональным восприятием, обеспечив виртуальное вхождение адресата в инокультурную реальность с познанием ее аксиологического «капитала».

3.3. Способы транслирования культурного богатства как туристического потенциала страны в рекламных текстах

Постоянно увеличивающееся количество предложений на туристическом рынке, конкуренция в сфере экскурсионного и туристического обслуживания, возрастающие запросы туристов – все это определяет особые требования к рекламным текстам, несущим информацию о туристических объектах, дестинациях, достопримечательностях. Рекламодатели включают в тексты сведения о ценностях данной страны и культуры, об уникальных возможностях региона, используя их в качестве ключевого смыслообразующего и привлекающего внимание элемента рекламного текста (РТ). Подобный РТ имеет особые жанровые характеристики с точки зрения категории модальности – выражения особого соотношения жанра с действительностью (подход, предложенный Т.Г. Добросклонской применительно к текстам медиадискурса) [Добросклонская 2008]. Ранее [Гончарова

2016] мы предложили подход к классификации жанров рекламных текстов сферы туризма с этих позиций.

1) **Отражение** – жанры, констатирующие действительность и отражающие факты (рекламное объявление, рекламная заметка, рекламная листовка, прейскурант), в которых изложена краткая фактическая информация, отражающая: название турфирмы, контактные телефоны, адрес, сайт, e-mail, основное предложение компании.

2) **Конструирование** – жанры, допускающие интерпретацию, комментарий со стороны адресанта (рекламное интервью, рекламная консультация, буклет). В данном случае рекламодатель не просто отражает фактическую информации, но дает ей собственную интерпретацию, выражает свою точку зрения в удобном ему ключе.

3) **Мифологизация** – целенаправленно созданный и отдаленный от реальной действительности образ (рекламная статья, рекламная листовка, рекламный буклет). Такие жанры наиболее близки к публицистическим по своей структуре, разворачиванию информации, языку и стилю.

В данной статье в качестве материала использованы РТ второго и третьего типов. Именно их получают туристы от сотрудников турагентств для ознакомления с предлагаемыми экскурсиями и дополнительными услугами. И в них рекламодатель детально описывает «непреходящие ценности»: то, что, по его мнению, представляет этно-культурные, исторические и пр. достоинства данной страны или региона. Эти РТ имеют ряд особенностей, среди которых обязательными являются:

– рассказ о туристической дестинации, упоминаемой в рекламном тексте;

– описание возможностей для туристов в целях получения ими максимальных впечатлений от рекламируемого объекта (РО) при контакте с иным социокультурным пространством в рамках совершаемой поездки;

– привлечение внимания читателя / туриста к РО с помощью языковых и речевых средств, создающих эмоционально окрашенную виртуальную реальность, определенную жанром РТ.

Последняя составляющая особенно актуальна в связи с нематериальностью туристической сферы, где основу когнитивно-аксиологической составляющей социокультурной компетенции адресата РТ в туристическом дискурсе создают соответствующие историко-культурные знания, ценности, параллели.

Будущий турист, читая рекламный текст, выделяет интересующие его информационные аспекты, воспринимает рекламируемую туристическую дестинацию с ее национальными ценностями через культурные стереотипы, актуализирует при этом собственную этнокультурную принадлежность в сопоставлении с инокультурой, а также выделяет либо рекомендуемое следование конвенциям поведения в чужой культуре, либо отвергает приемлемость для себя самой возможности побывать в данной стране.

Таким образом, рекламный текст, несущий в себе некую, нередко мифологизированную информацию о туристических достопримечательностях, нацелен на обеспечение адресату визуализированной и эмоционально окрашенной, иногда до гиперболизации, картины путешествия (или его фрагментов). РТ должен вызвать в соответствующем типе адресата (прагматик, семьянин, эстет, любитель приключений) нужный эффект (особенно, если он – адресат – уже имеет социокультурный и межкультурный опыт познания феноменов инокультуры).

Каковы же лингвоаксиологические способы транслирования культурного богатства как туристического потенциала страны в рекламных текстах сферы туризма?

Туризм удовлетворяет, прежде всего, вторичные потребности человека: в отдыхе; в интеллектуальном самосовершенствовании – в познании нового; в социальном самоустановлении – позиционировании себя как развитой, свободной и независимой личности; в эстетическом развитии, включая гедонические потребности; в духовном плане – паломничество, поклонение святыням и т.д. Это хорошо прослеживается в видах туризма, которых сегодня стало значительно больше.

Вместе с тем, увеличивается потребность туристов в рекламной информации, через которую осуществляется их завлечение (рекламные листовки, буклеты, путеводители, статьи на сайтах туристических агентств, «заказные» впечатления известных личностей о совершенных путешествиях и т.п.). Рекламные тексты, «существенно расширяя дискурсивный кругозор туриста и создавая предпосылки для его участия в других ситуациях и контекстах коммуникации, задают иной «горизонт» референции» [Митягина 2008: 281]. Соответственно, нередко в основу рекламного текста рекламодатель кладет аксиологический аспект, обеспечивая его реализацию соответствующими языковыми средствами.

Однако целесообразно разделить эксплицитно и имплицитно **выражаемые через РТ ценности на две группы:**

1. Ценности страны и культуры, транслируемые в контексте рассказа о туристической дестинации и использующиеся в качестве основного РО, содержательно заложенные в РТ;

2. Ценности, которые обеспечивает РТ как информационный продукт, внедряемый в сознание адресата.

Итак, рассмотрим обе группы последовательно.

1. Ценности страны и культуры, транслируемые в контексте рассказа о туристической дестинации и использующиеся в качестве основного РО, содержательно заложенные в РТ.

Ценностями туристической дестинации выступают названные нами в п.3.1. аксиологические возможности региона, среди которых мы называли: архитектурные и археологические достопримечательности, историко-культурные памятники и реликвии (антропогенные ценности – исторические и современные); культурные ценности, связанные с именами великих людей, живших в данном регионе; городские агломерации, которые одновременно являются ведущими центрами культурной жизни, событийные ценности; природно-рекреационные ресурсы; этнические традиции и др.

Помимо этого о культуре каждой страны или региона в массовом сознании складываются некие стереотипизированные представления, реализующиеся в мифах и суждениях об истории, обычаях, менталитете жителей и пр. Такие стереотипы восприятия выражаются в штампах, речевых клише, эпитетах. Они дают возможность рекламодателю упростить передачу информации, облекая ее в понятный большинству образ, сформировать у туриста ожидания и даже предотвратить культурный шок. Распространенное и устоявшееся в виде стереотипа представление о каком-то месте поддерживает у читателей впечатление, причем зачастую ложное, о том, что место является знакомым и понятным.

***Франция.** «Париж.... В первую очередь это город любви»; «Франция – земля романтики и красоты, культуры и стиля. Здесь любовь, вино и мода превратились*

в религию, которой поклоняются не только французы»; «Для одних Париж – это город любви, а для кого-то – столица мировой моды»; «Франция – страна романтики и любви, древней культуры и утонченной кухни, страна знаменитых художников и философов, страна высокой моды и шарма» – стереотип восприятия Парижа и Франции как города и страны, традиционно связывающихся с романтическими настроениями. В рекламных текстах подчеркивается, что Франция страна – законодательницы моды, красоты. Но также находим упоминания о знаменитых философах, прославивших эту страну в эпоху Просвещения. Таким образом, стереотип представления Франции здесь не только позволяет сжать информацию, подать ее в виде некоей устоявшейся «картины страны», но апеллирует к фоновым общекультурным знаниям адресата.

Китай. *«Вы увидите загадочный Китай, посетите столицу Поднебесной...»* – находим в тексте стереотипное описание азиатской культуры, непонятной для европейцев, а также устойчивое перефразированное наименование столицы Китая Пекина.

Греция. *«... если вы впервые намереваетесь отправиться на родину Олимпийских Богов и древнейший мифологии...»; «Греция – страна Богов. Греция – ее мечтает увидеть каждый живущий на свете...»* – активно позиционируется мнение о Греции как о стране, связанной с истоками мировой истории и культуры.

Россия. *«...традиционное русское гостеприимство»* – стереотипы о хлебосольности русских и их открытой душе;

Кавказ. *«...удивительная родина кавказских долгожителей»* – стереотип, подчеркивающий мнение о жителях Северного Кавказа как людях, обладающих крепким здоровьем, обеспечивающим им долголетие.

Испания. *«Испания – страна туризма и праздного образа жизни»; «Страна корриды и фламенко, спелых апельсинов и темпераментных красавиц...»* – Испанию традиционно отождествляют с национальными танцами и экзотическим зрелищем боя быков.

Финляндия. *«Финляндия как нельзя лучше подходит для того, чтобы весело и интересно провести отпуск с семьей. Маленьким туристам надолго запоминаются экскурсии по городам Финляндии, а также путешествие в Лапландию, где находится деревня Санта-Клауса <...>. Туристы с детьми также с удовольствием посещают тематический парк «Долина Муми-Троллей» – герои мифов, легенд и литературных произведений становятся олицетворением стереотипного представления о достопримечательностях Финляндии.*

Италия. *«Все дороги ведут в Рим. Страна-музей с многовековой историей и культурой, традициями и устоями, уходящими своими корнями во времена Римской Империи, колыбель всего католического мира. Рим – город с потрясающими воображение памятниками архитектуры: знаменитым Колизеем, Римским форумом, Собором Святого Петра, древнеязыческим храмом Пантеон и множеством других впечатляющих достопримечательностей»; «В Италии так много интересного! Памятники «Ромео и Джульетты» в Вероне, «Пизанская» башня в Пизе и, конечно, Колизей в Риме! Италия – это страна любви, пасты, пиццы!»* – стереотипное описание Италии как страны, сохранившей наследие римской культуры, а также родины широко распространенных по всему миру блюд – пасты и пиццы, – находит проявление во многих рекламных текстах.

Таким образом, можно отметить, что практически во всех случаях в РТ используются некие доминанты –

слова-маркеры, узнаваемые адресатом и соотносимые с культурными стереотипами, закрепившимися за данной страной или регионом и существующими на уровне общекультурной фоновой памяти: карнавал – Бразилия или Венеция, мировая столица моды – Париж или Милан, город влюбленных – Верона или Париж; столица католицизма, Папа Римский – Ватикан и т.д.

Вышеназванные ценности выражаются эксплицитно. Однако имплицитно РТ формирует *ценности второй группы, которые внедряются в сознание адресата в результате знакомства с информационным контентом:*

- *информативная* – ценность информации является неоспоримой, поскольку именно она обеспечивает пользователям доступ к общемировой информационно-интеллектуальной базе данных;

- *образовательная (познавательная) ценность* – РТ обеспечивает когнитивно-познавательные потребности человека, дает возможность реципиенту рекламного текста узнавать новые факты, повышать свой уровень, выяснять, какая страна славится теми или иными достопримечательностями или артефактами;

- *экономическая* – помимо интересов рекламодателя, данная функция обеспечивает продвижение туристической дестинации, ее историко-культурного, рекреационного и этнонационального потенциала.

В целом же, во всех вышеперечисленных случаях основная ценностная функция РТ заключается в удовлетворении информационных потребностей и повышении культурного уровня туриста, а также в возможности приобщения путешественника к социально-статусной группе людей, имеющих доступ к подобным ценностям.

3.4. Приемы создания рекламных наименований в сфере туризма: лингвоаксиологический аспект (на материале нейминга экскурсионно-туристических маршрутов)

Изучение сферы туризма связано не только с социально-культурными и экономическими показателями отрасли. Данная область деятельности привлекает также социологов, рекламистов, культурологов, историков и, конечно, лингвистов. В многочисленных коррелирующих научных исследованиях определяется специфика коммуникации сферы туризма как вида институционального дискурса [Редькина, 2013; Митягина, 2008]; изучаются особенности рекламы сферы туризма [Чудновский, Жукова, 2014; Тихонова, Гиниятова, 2014; Дурович, 2012]; обсуждаются принципы описания лингвистических ландшафтов – перспективное направление для развития туристической отрасли через создание положительного языкового имиджа туристской дестинации [Голикова, 2020; Гончарова, 2021 и др.]; рассматриваются языковые характеристики рекламы и рекламного нейминга туристической сферы [Гафарова, Шигапова, 2020; Гончарова, 2016; Гончарова, Капцова, 2021] и т.д.

В контексте лингвоаксиологических исследований большой интерес вызывает рекламный нейминг российских экскурсионно-туристических маршрутов, особенно востребованных в последние три года на рынке внутреннего туризма. Усилившийся в период пандемии интерес к поездкам по стране поставил российскую туристическую отрасль перед фактом необходимости разработки новых туров и экскурсионных маршрутов, следовательно, прагматический аспект их продвижения напрямую связан с привлекательностью предлагаемых рекламных названий.

Рекламное имя транслирует потребителю первичную информацию о предлагаемом туре, выполняет ряд аксиологических функций и обеспечивает рекламное продвижение турпродукта. При этом важно отметить, что название тура нередко сопровождается пояснением: развернутым перечнем ключевых точек и объектов маршрута, представляющих интерес для туристов.

С позиций лингвоаксиологического подхода классификацию нейминга экскурсионно-туристических маршрутов можно предложить по двум направлениям, которые мы последовательно рассмотрим далее:

1) с точки зрения функций, реализуемых в отношении адресата;

2) по тематической организации предлагаемых на современном туррынке экскурсионно-туристических маршрутов [Гончарова, Капцова, 2021].

Первое направление – классификация с точки зрения функций рекламных наименований, реализуемых в отношении адресата.

• **Информационно-познавательная** функция нацелена на сообщение адресату через наименование тура ключевой информации о предлагаемых маршрутах, способах передвижения, направлениях. Подобные названия предельно ясно отражают суть предложения и ориентированы на интересы адресата⁵¹: *«Выходные в Санкт-Петербурге»*, *«Автобусные туры по Золотому кольцу»*. Нередко это номинативные конструкции – наименования городов, регионов и туристических объектов: *«Москва – Золотое кольцо»*, *«Пушкинские горы»* *«Великий Новгород, Псков, Изборск, Печоры и 3 крепости»*.

• **Образовательно-воспитательная** функция – формирует интеллектуальное, духовно-нравственное, творческое развитие личности, в том числе в целях просвещения и воспитания патриотических чувств. На-

51. Здесь и далее: наименования маршрутов взяты с сайтов компании «Tez tour» («Экскурсионные туры по России»: <https://www.tez-tour.com/restTypeExcursion.html?id=21&countryId=150601#moscow>); «tutu.ru» («Открой новое в России»: https://go.tutu.ru/tury/ekskursionnye/country_russia/); «Магазин путешествий» (подборки экскурсий: <https://magput.ru>); «Кругозор» (<https://krugozor.ru/index.php>).

звания туров включают прецедентные тексты, лексику, обозначающую историко-культурные реалии. Подобное название является в известной степени броским и интересным, но обычно рекламодаделец привлекающему внимание нейму дает пояснение в виде подзаголовка, в котором детализируется маршрут и предлагаемые дополнительные услуги.

К данной группе можно отнести тематические туры, «отсылающие» к знанию литературных произведений, песен, стихов, а также связанные со знаковыми событиями российской истории и культуры, известными людьми: *«Волшебное путешествие на трамвае 302-БИС: Эпоха бессмертной классики Булгакова»*; *«Московских окон негасимый свет... (вечерняя обзорная экскурсия по Москве)»*; *«К королеве русской сцены. В особняк Ермоловой (с прогулкой по Твербулю и чаепитием в старинных интерьерах)»*; *«А превратились в белых журавлей... (Мемориал Советскому солдату во Ржеве — главный храм Вооруженных сил в Кубинке)»*.

• **Развлекательно-досуговая** функция – обеспечивает игровой аспект, привлекает внимание возможностью отдыха и неформальностью предстоящей поездки. Для передачи этой функции в названиях туров используются эпитеты, метафоры, гиперболы, окказионализмы, имена сказочных персонажей, неожиданные риторические приемы и пр.: *«Сладкие сказки Коломны»*, *«Масленичное веселье в Мелихово»*; *«Масленица у Конька-Горбунка»*; *«Не всё коту Масленица...»*; *«Углич – широкий разгуляй в Мышгороде»*; *«Масленица в Сапожном царстве у Змея Горыныча»*; *«Мир сказочной природы Карелии»*; *«Обнимашки с живой природой: уникальное лесное сафари»*.

• **Эстетико-гедонистическая** функция нацелена на активизацию эстетических чувств у потенциального клиента, обеспечивает нужные эмоции и ассоциации,

связанные с получением удовольствия от красоты объекта посещения и позитивных впечатлений от предстоящего путешествия. Языковыми приемами создания неймов выступают тропеические обороты, прецедентные тексты, книжная лексика: *«Московский Версаль для гуляний» (парк Петровского Путевого дворца); «Волшебство зимних гор» (с посещением геотермальных источников, 8 дней + ж/д или авиа, зима); «Восхитительная Карелия»; «Жемчужины в короне Алтайского края»; «Романтика двух столиц»; «Величественные замки Мир и Несвиж».*

• **Коммуникативная** функция – позволяет создать эффект обратной связи: подчеркивается двусторонний контакт туриста с экскурсоводом и с объектом посещения. Данный аспект реализуется через включение в название тура вопросительных предложений: *«Что скрывает остров Балчуг (с посещением музея путешественника Федора Конюхова и чаепитием)»;* глаголов, усиливающих динамику конструкции, эксплицирующих оферту или приглашение к совместному совершению действия: *«Познакомим Вас с Янтарным Краем»; «Перевернём страницы истории»;* дружеское приглашение к диалогу, предполагающее неформальное общение: *«В гостях у главного дирижёра Большого театра», «В гостях у водочного короля Смирнова».*

• **Художественная** функция обеспечивает формирование визуализированных образов, создает общую атмосферу, усиливая впечатления туриста, и осуществляется через использование метафор, окказионализмов, языковой игры, привлечение историко-культурных реалий и имен исторических личностей: *«Улыбка Сталина. Тайны дома на Набережной» – посещение музея-квартиры высокопоставленного сотрудника НКВД; «Гнездо Вождя» – посещение бункера Сталина, «Московский тучерез (экскурсия в Дом Нирнзее, с чаепитием на крыше*

первого небоскреба столицы и посещением старинных жилых интерьеров)»; «Чистая-пречистая Пречистенка: пешеходная экскурсия».

Необходимо также назвать еще две функции, которые являются обобщающими для всех предыдущих, и обеспечивают важнейший для сферы туризма ценностный аспект и ключевой для рекламы – продающий: это аксиологическая и рекламно-коммерческая функции.

• **Аксиологическая** функция выступает в качестве объединяющей: в нейминге экскурсионно-туристических маршрутов она проявляется через экспликацию ценностных реалий (нередко в лингвокреативном варианте), способствует правильной оценке исторических данных, национальных ценностей и культурных традиций, поскольку в сам жанр экскурсии заложена именно познавательно-аксиологическая функция. Осуществляется информирование и просвещение адресата с целью пополнения его знаний либо их актуализация) об осматриваемых объектах и формирование ценностной картины той части бытия, которая относится к экскурсионному объекту. Кроме того, нельзя забывать о том, что неосвязаемость как ключевая характеристика любой услуги, в том числе экскурсионно-туристической, повышает значимость ее вербализации.

• **Рекламно-коммерческая** функция – неотделимая ныне практически ни от одной, даже интеллектуальной и социокультурной сферы деятельности, – нацелена на продвижение и реализацию предлагаемых продуктов и услуг.

Второе направление, позволяющее классифицировать рекламные наименования экскурсионно-туристических маршрутов, связано с **тематической организацией** предлагаемых на современном рынке турпродуктов и их возможностей **с точки зрения транслируемых ценностей.**

1. **Наименования туров, в которых содержится информация о национальных промыслах и центрах, где они зародились:** «Хохломская роспись – гордость России», «Кружевная столица России», «Синь России: Гжель», «Тула – город мастеров», «Кострома – Моп атоир! (с посещением императорской Льяняной мануфактуры и музея сыра)», «К Жар-птице на русской тройке (Жостово – Федоскино)», «Хрустальное чудо и готическое диво», «Северное кружево Вологды», «Киржач – Кольчугино – Покровский ювелирный завод ‘Блеск благородных металлов’».

2. **Паломнические туры.** Названия апеллируют к ценностям религиозного дискурса. Наименования таких туров включают религиозные антропонимы – имена ирелигиозных деятелей («К старице Феодосии Скопинской. Матушка Человек Божий», «Муром к святым мощам Петра и Февронии»); лексику, связанную с религиозной философией – религиозные ценности, принципы и символы, а также религиозные действия – причастие, молебен, соборование («Обители Русских чудотворцев. Рай небесный на Земле!», «Сергиев Посад. Гефсиманский Скит. Соборование»; «Молитва об убиенных младенцах во чреве»); топонимы, связанные с местонахождением святынь («Русская Палестина – Новый Иерусалим», «Святыни Земли Псковской. Богом зданные пещеры и остров Залит»); религиозные системы и направления: христианство, иудаизм, ислам и пр. («К православным святыням земли Русской»; «От местечка до столицы: синагоги Москвы»). Стоит отметить, что с религиозной тематикой могут быть связаны не только паломнические, но и познавательно-экскурсионные маршруты («Религии мира. В поисках истины»: с посещением Главной Мечети, Католического и Баптистского соборов, Буддистского центра и Синагоги, Елоховской

церкви, с экзотическим обедом в индийском ресторане и подъемом на минарет).

3. Историко-литературные туры с посещением городов или мест, связанных с литературными произведениями, знаменитыми писателями и поэтами: «Волшебный вкус Серебряного века» – Шахматово: парк и усадебный дом А. Блока и Тараканово: музей А. Блока; «Литературная шкатулка» – Спасское-Лутовиново и г. Орёл (И.С. Тургенев).

4. Тематические туры, связанные со знаковыми событиями российской истории и культуры. Данные наименования маршрутов включают прецедентные тексты – строки песен или стихотворений: «Этот День Победы порохом пропах!»; «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет» и др.

5. Названия туров, связанные с историко-политическими событиями и персоналиями: «Улыбка Сталина. Тайны дома на Набережной», «Иосиф, он же Сосо, он же Коба, он же Сталин или тайная жизнь вождя (авторская экскурсия о неизвестной жизни Сталина, с посещением грандиозного подземного бункера и дегустацией любимого вина вождя)», «Последний путь последнего царя».

6. Туры-посещения рекреационных природных заповедников, природно-оздоровительных комплексов, составляющих природную ценность: «Целебные воды Кавказа»; «Кунгурская ледяная пещера»; «Все краски Байкала»; «Древние водопады и каньоны Карелии» и пр.

7. Событийные туры, посвященные какому-либо празднику, являются сейчас одним из популярных предложений на рынке, поскольку разрабатываются под календарные, государственные, религиозные праздники: «Вербное Воскресенье в Дубровицах»; «Пасхальное чудо Сольбы»; «Салют Великой Победы в порту пяти морей»;

«Масленица в Костроме»; «На Масленицу к Бабе-Яге в Калязин (с праздничным обедом и дегустацией наливок “От Ягуси”» и пр.

Подводя итоги, можем сказать, что рекламные наименования экскурсионно-туристических туров в большинстве случаев транслируются рекламодателем не самостоятельной фразой, а включают подзаголовок, расшифровывающий маршрут и предлагаемые в процессе поездки услуги. Рекламное наименование включает в себя: 1) информационно-прагматическую доминанту – основную идею экскурсии и ключевые слова темы с кратким описанием маршрута; 2) эмоциональную составляющую, включающую конкурентные преимущества: ради каких знаний и впечатлений стоит идти на данную экскурсию.

При огромной конкуренции в сфере туризма рекламодатели стремятся привлечь внимание через апелляцию к ценностям культуры, истории, природы и общефоновым знаниям клиентов, а также сделать название привлекательным с помощью языковых средств: антропонимов, мифонимов, топонимов, окказионализмов, тропеических оборотов, прецедентных текстов и т.д.

В целом же, рекламные тексты сферы туризма приобщают будущего путешественника как реципиента информации к новым для него знаниям о языках, знаках, реалиях и средствах социокультурной коммуникации. Рекламная коммуникация помогает туристу ориентироваться в незнакомой для него информации социокультурного пространства, в иерархической соотнесенности его элементов, задает критерии оценочных суждений и приоритетов выбора. Реклама, сообщая некую информацию о другой стране с ее отличающимися ценностями, позволяет туристу подготовиться и избежать

нежелательных реакций – от простого непонимания, дискомфорта, раздражения до ложного понимания, подозрения в существовании подтекста, заниженной самооценке из-за неудач в понимании, культурного шока и культурного стресса.

Отметим, что лингвоаксиологические исследования туристической деятельности являются важными не только в языковом плане, но и с позиций того, какие социально-культурные, исторические и пр. аспекты являются востребованными у представителей нации. Вопрос представляется еще более глобальным: грамотное проектирование нейминговой политики и изучение туристской рекламы стратегически необходимо, чтобы показать ценностные ориентиры не только в рамках отдельно взятого государства, но и в масштабах мирового туризма, привлекая внимание к ним через рекламные тексты.

Н.А. Боженкова

Глава IV. Аксиологические параметры православного и протестантского дискурсов: традиционность vs трансформация vs со-функционирование

Как известно, глобальная социетальная система состоит из множества культурных пластов, сформированных в лоне *различных мифолого-религиозных представлений*⁵², которые напрямую определяют многоплановость, разноречивость и явную «пестроту» полотна современной цивилизации.

Современной науке, как свидетельствуют исследования, известно около пяти тысяч религий⁵³, при этом разнообразие религиозных форм и языковые различия при выражении этих форм в многообразных культурах делают чрезвычайно трудной проблему поиска характерных признаков религиозных явлений и определения религии⁵⁴ в целом. Так, в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой религия определяется как «одна из форм общественного сознания – совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения» [Ожегов, Шведова 2005: 675]. Словарь иностранных слов и выражений Е.С. Зеновича расширяет данное определение: «Религия – одна из форм общественного сознания – совокупность духовных представлений, основанных на вере в существование мифического мира, Бога или богов, сверхъестественного, которые являются предметом поклонения, а также применения на практике в форме организованного культа, комплекса подобных

52. Отметим, что миф на заре человечества был первым и единственным способом рефлексии действительности. «Миф – первая форма рационального постижения мира, его образно-символического воспроизведения и объяснения, выливающегося в предписание действий. Помимо того, мифу присущи важные социальные и мировоззренческие функции, определяющие духовное развитие личности и ее ценностно-нравственные ориентиры. Интерпретация сущности мифа антропоморфна: он наделяется теми качествами, которые окрашивают бытие индивида и его взаимосвязи с другими людьми. Соответственно, символизм, так или иначе присутствующий во всех ее категориях религии, составляет ее неотъемлемую характеристику» [Боженкова 2015: 71].

53. Этимологическое описание слова *религия* до сегодняшнего дня является небесспорным. Е.С. Элбакян утверждает, что наиболее вероятным источником «служит латинское слово *religio* — 'совестливость, благочестие, обязанность, предмет куль-

та» [Элбакян 2001: 448]. Однако есть и другое видение «истоков» данной лексемы: первая точка зрения принадлежит М.Т. Цицерону, который производящим словом считал латинский глагол *relegere* – ‘вновь собирать, снова обсуждать, откладывать на особое употребление’, в переносном же смысле – ‘благоговеть или относиться к чему-либо с особым вниманием, почтением’ (отсюда сущность религии Цицерон видел в благоговении перед высшими силами); Лактанций исходил из значения глагола *religare* – ‘связывать, привязывать’ (поэтому религию он определял как союз человека с Богом); подобным образом объяснял содержание религии и блаженный Августин, однако в его понимании слово *religare* означает ‘воссоединять’, и сама религия является воссоединением, возобновлением когда-то утерянного союза между человеком и Богом [Жокемякин 2011].

54. Сегодня насчитывается более 250 определений, и число это постоянно увеличивается.

верований, возникающее в результате некоторых эмоциональных переживаний и ставящее себе те или иные практические задачи» [СИСВ 2002: 527–528]. Согласно дефиниции Большого толкового Оксфордского словаря английского языка, «религия – это то, что люди думают о Боге или богах, и как они поклоняются им; особая система верований и вероисповедания» [БОТСАЯ 2007: 566]. Полный православный богословский энциклопедический словарь дает определение религии как взаимоотношения между Богом и человеком: «религия есть искони присущая человеку потребность общения с Богом. ... Она имеет неотразимое влияние на весь исторический ход жизни человечества, на его обычаи, государственные учреждения, семейный быт и нравы, на законодательство, науку и искусство. Умственное, нравственное и общественное развитие народов, выдающиеся черты в их мирозерцании находятся в тесной и существенной связи с религией» [ППБЭС 1992: 415–416].

Предпринимались попытки выразить сущность религии термином «священное» (или «сакральное» – от лат. *sacrum* – ‘священное’) через противопоставление его мирскому (М. Вебер, Э. Дюркгейм и др.). Главной характеристикой «священного» является его обособленность и запретность, в силу чего предполагает *особое к себе отношение*. Р. Отто более точно определил характерные черты «священного» – оно есть нечто таинственное, вызывающее трепет и очарование (*mysterium tremendum et fascinans*) [Отто 2008: 18]. М. Элиаде пришел к выводу, что объектом религиозного почитания служит не столько само священное, сколько та или иная конкретная форма его проявления – иерофания [Элиаде 1996: 139], причем если Р. Отто признаком священного называл двойственное состояние – страх и замороженность, – вызываемое

священным у человека, то М. Элиаде считал главным чувством, возникающим при встрече с иерофанией, *обретение смысла*⁵⁵, иначе – аксиологической значимости.

В этой связи важно отметить, что религия – это не только вера в сверхъестественное, но еще и деятельность⁵⁶, поэтому А.В. Апанасенок трактует религию как «систему идей и действий, основанных на вере в сверхъестественное» [Апанасенок 2012: 12], где связи между составными частями (идеями и действиями) играют важнейшую роль и обуславливают ее целость. Неслучайно А.М. Прилуцкий, используя семиотический подход к определению объема понятия «религия», понимает ее как код (особый, не сводимый к вербальному, язык), обеспечивающий коммуникацию между человеком и миром *sacrum'a*, принципы общения между человечеством и божеством [Прилуцкий 2008: 11].

Определение внутренней сущности религии как веры в сверхъестественное несколько не мешает научному исследованию религии, поскольку ученый исследует не само сверхъестественное, а *представления о сверхъестественном*, а также отношения между людьми, которые возникают на основе этих представлений. И сами представления, и отношения, возникающие на их основе, не сверхъестественны, а *принадлежат миру культуры*. Соответственно, с социокультурных позиций религия является (1) общественным институтом, занимающим важное место в структуре общества; (2) представляет собой форму общественного сознания, выражающую определенные идеи и регулирующие общественные отношения; (3 – самое значимое!) существует в виде *системы норм и предписаний поведения человека в обществе*. При этом «формальной рамкой» религиозного верования, где актуализируются его структурно-содержательные

55. Назвав «священное» «абсолютным», М. Элиаде вернул священному – как предмету религиозной веры – статус сверхъестественного.

56. См. также определение Е.В. Бобырёвой: «Религия есть определенное мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение индивида и определенные культовые действия, основанные на вере в божественное, в существование высшей силы» [Бобырёва 2007: 5].

и аксиологические компоненты, оказывается *религиозный дискурс*, который закрепляет, сохраняет и воспроизводит основные устои и каноны религии, организуя «формирование индивидуального опыта в соответствии с предписываемом религиозным учением порядком общественной жизни, миропониманием и саморазвитием» [Кожемякин 2011: 4].

Религиозный дискурс, с нашей точки зрения, является *особым видом коммуникативного взаимодействия*, детерминированным прежде всего двуединой природой церкви⁵⁷, выражающейся «через различение церкви как духовного события и церкви как земной институции» [Кырлежев 2001: 281], и, соответственно, имеет *институционально-персональный статус*.

Так, церковь – это конкретная, «видимая» религиозная структура (с социальными лидерами, профессиональными служителями и рядовыми членами, материальной базой и «корпоративными» интересами) и институциональное сообщество верующих христиан (чьей объединяющей силой выступает Дух Божий, составляющий одушевляющее начало религиозной коммуникации). Внешняя церковная организация создает объективные условия – преемственность священнической иерархии, вероучения и дисциплины, совершения богослужения и таинств для того, «чтобы каждый человек мог осуществлять свое спасение в соответствии с христианской традицией» [Там же: 323].

Однако в концептуально-содержательном плане главенствует персональное начало: предметную область религиозного дискурса составляют категории духовной жизни человека, а ее центральным понятием, выражающим средоточие всей человеческой жизни, выступает лексема «*душа*». Задачи утешения, преобразования, спасения человека и есть цель любой религиозной интеракции, тем

57. Как отмечает М.В. Крылова, церковь, с одной стороны, предстает как «духовная власть», инструмент обеспечения и регуляции социального порядка, с другой – как пространство, в котором раскрывается внутренний мир человека, его личностные характеристики при общении с Богом, сокровенном молении или беседе прихожанина со священником [Крылова 2013 : 5].

самым религиозный дискурс развивает идею человека прежде всего как духовной личности, сообразующей свою жизнь с неким Божественным идеалом и таким образом реализующей ценностно-нравственные качества собственного внутреннего мира.

Вопрос смыслообразования в религиозном дискурсе также обнаруживает двойственность решения. С одной стороны, рождение новых смыслов противоречит цели церкви сохранить незыблемую основу истинной веры и противостоять «лукавым соблазнам» отойти от уже принятых религиозных понятий и символов. С другой же – нельзя не согласиться, что познание Бога закономерно открывает новые грани в Его образе и социальном устройстве в целом. Соответственно, по мере приобщения к вере «внутренний мир» человека необходимо обогащается новыми смысловыми цепочками, создающими некое «надздание», обретаемое личным опытом духовного переживания⁵⁸.

Таким образом, религиозный дискурс, реализуя ряд важнейших социальных функций и развиваясь вместе с развитием общества, *аккумулирует аксиологические константы человечества* (определяющие бытие как верующих, так и неверующих людей), которые содержатся в сакральных текстах и постоянно актуализируются в речи участников религиозной коммуникации. С другой стороны, сущность данного *институционально реализуемого духовного феномена* составляет совокупность многообразных структурно-содержательных и прагматико-аксиологических компонентов⁵⁹. Более того, представляется, что религиозные дискурсивные практики являются одной из важнейших категорий деятельности человека, поскольку вербально удовлетворяют его существенную потребность – потребность в вере⁶⁰ как *средоточии ценностной ориентации внутри лин-*

58. Справедливо отметить, что Священные тексты веками подвергались непрерывному переосмыслению и поиску новых смыслов, следствием чего и явилось нынешнее разделение христианства на три догматически и концептуально дифференцируемые ветви.

59. См., например [Боженкова, Атанова 2013, 2014, 2016 и др.].

60. Думается, что даже в случае атеизма (отрицания Божественного начала) констатируется *вера в отсутствие сверхъестественного*.

звокультурного пространства. Сосуществуя с другими коммуникативными сферами, проникая в них, дополняя и во многом обогащая, данный тип общения составляет (и должен составлять) такую систему ценностей, которую верующий человек сохраняет в неизменном виде, и, соответственно, – некую ориентационную точку отсчета для формирования полноценной жизни представителей социума [Bozhenkova, etc. 2020].

Ценностные позиции религиозного дискурса составляют особую концептосферу. Так, С.Ф. Анисимов утверждает, что «благодаря своей дидактической направленности религиозный дискурс остается бесконечным источником ценностных предписаний человеку. Большая часть ценностей религиозного дискурса представлена абстрактными сущностями – акцентируются ценности *добра, веры, истины, мудрости, любви* и др. В религиозном дискурсе находят реализацию и ценности, представленные вполне конкретными субстанциями: ценностно окрашенным может стать любой фрагмент мира, например, *пустыня*» [Анисимов 1988: 36]. Е.В. Бобырева предлагает представить ценностную картину религиозного дискурса «в виде оппозиционных пар, образованных по модели «ценность – антиценность»: *добро – зло, жизнь – смерть, истина / правда – ложь, божественное – земное*» [Бобырева 2007: 5].

Важно, что значение общечеловеческих ценностей отражено в концептосфере всех существующих конфессий, однако их смысловое развитие обнаруживает значительные расхождения, что обусловлено историческими, социальными и культурными особенностями. Подход к культуре как динамичной системе позволяет предположить, что, несмотря на «универсальный характер» той или иной мировой религии, имеющей некий базисный фундамент (например, текст Библии), данная

религия будет по-разному восприниматься в зависимости от сущностных характеристик культурного единства: за общими категориями и смысловыми структурами у носителей разных культур будет неизбежно стоять нетождественное содержание.

Как утверждает Л.А. Кузьменко [Кузьменко 2003], наибольшую трудность при анализе религиозного дискурса составляют случаи взаимодействия между культурами, в которых распространена одна и та же мировая религия (в нашем случае – христианство). Становление христианства относится к I веку н.э., зародилось оно в Палестине, далее распространилось в Римской империи, затем – по всему миру. Однако в результате неприятия некоторыми христианскими общинами решений III и IV Вселенских Соборов во II тысячелетии произошло отделение Римской Церкви, повлекшее в дальнейшем связанное с Реформацией внутреннее разделение западного христианства⁷⁰.

Сегодня христианство включает в себя три основные конфессии – католицизм (католичество), православие, протестантизм (протестантство), – характеризующиеся определенными догматическими и, соответственно, аксиологическими различиями. Безусловно, имея общую вероисповедальную основу, три названные ветви демонстрируют много общего⁷¹, однако содержание христианского вероучения в разных культурах представлено различными истолкованиями, поскольку специфичность преломления в социальной интеракции ценностных доминант религиозного дискурса напрямую зависит от принципов и способов (в широком смысле) организации определенного универсума. Нетождественность национально-культурных традиций порождает далеко не одинаковые способы мировосприятия модели поведения, что в свою очередь

70. Представляется, что в основе выбранной этносом веры и, соответственно, в формировании концептуального содержания коллективного религиозного сознания значительную роль сыграл культурно-исторический фактор. Согласно многим исследованиям [Астапов 2014], прежде того, как принять христианство, князь Владимир тщательно ознакомился с различными вероисповеданиями, однако этнокультурная база Древней Руси – выработанные славянским народом поведенческие схемы и принципы мировоззрения – соответствовали в большей степени «идеологическим» позициям православной ветви христианства. В свою очередь, Реформация – мощное антикатолическое движение, развернувшееся в XVI веке в Европе, – обусловила появление протестантизма. В широком смысле протестантизм ассоциируется с социально-политическим и нравственным протестом поднимающегося, но все еще бесправного третьего сословия против отживших средневековых порядков и католической церкви, стоящей на их страже. В общем контексте Ре-

формации М. Лютер составил программу радикального преобразования Западно-Христианской Церкви, тем самым протестантизм окончательно отделился от Святого Престола [Лебедев, Прилуцкий, Викторов]. 71. Например, вера в Единого Бога, троичного в Лицах, иначе во Святую Троицу; вера в Иисуса Христа, Сына Божьего, Спасителя нашего; принятие Его заповедей любви; вера в воздаяние, в воскресение мертвых, в вечную жизнь, в Церковь, созданную Иисусом Христом и т.д.

72. Эмпирическим материалом исследования послужили проповеди, составленные патриархом Московским и всея Руси Кириллом, митр. Антонием Сурожским, прот. В. Ермаковым, прот. В. Резниковым, прот. В. Ильенко, архим. Рафаилом (Карелиным), свт. Ф. Затворником, и англоязычные обращения к протестантам, прочитанные К. Бенджаминном, С. Грутхофом, Дж. Ноордхофом, Р. де Ланжем, Б. Туининга и другими последователями Христианской Реформатской Церкви Северной Америки / Christian Reformed Church in North America.

вызывает резкую реакцию неприятия чужих традиций и обязательную манифестацию своего видения как единственно верного.

В этой связи религия, призванная к регулированию, упорядочению жизни человека, оказывается искусственным конфликтогенным фактором. Однако, как нам представляется, данный конфликт незатруднительно нивелируется при нахождении неких «точек пересечения» способов трансляции и (что важнее!) понимания реципиентами вероисповедальных традиций различных культурно-национальных систем, которые и представляют собой ценностную концептосферу определенной религии.

Так, анализ более 1500 проповеднических текстов, репрезентирующих, с нашей точки зрения, содержательно-понятийные особенности православных (русскоязычных) и протестантских (англоязычных) коммуникативных практик⁷², позволяет утверждать, что в качестве их лингвокультурных маркеров могут быть выделены концепты 'утешение' / 'comfort', 'радость' / 'joy' и 'смирение' / 'humility' ('meekness'), 'призвание' / 'vocation', 'грех' / 'sin', 'покаяние' / 'repentance', 'прощение' / 'forgiveness'. При этом семантическая «плотность» экспликации разных концептов и, как следствие, их ценностная характеристика, безусловно, оказывается различной, что дает возможность смоделировать некую матрицу аксиологических доминант, иерархически маркирующую⁷³ совпадение / расхождение ценностных составляющих христианской концептосферы.

К *первому уровню* доминант проповеднической практики мы относим концепты 'утешение' / 'comfort', 'радость' / 'joy' и 'смирение' / 'humility' ('meekness'). И в русскоязычной, и в англоязычной религиозных сферах *утешение* мыслится как Сам Бог и все Его действия,

направленные на помощь человеку, его поддержку. Это иллюстрируют слова прот. В. Ермакова: «*Есть великая сила – Бог всегда за вас, Бог вас хранит, защищает, и будет защищать, только вы-то станьте ближе к Богу. Трудно? – Трудно! А утешение – в Боге, в молитве, в радости и благополучии*» (В. Ермаков. Не проклиняйте мужей). Мысль о **радости** как об утешении Святым Духом получает развитие в рассуждениях митр. Антония Сурожского: «*Какое же утешение нам нужно от Святого Духа...?*»; «*Дух Святой – это действительно Тот, Кто приносит утешение, но это также Тот, Кто приносит крепость, это Тот, Кто приносит радость*» (Антоний Сурожский. Радость покаяния). В работе священнослужителя семантическая близость обоих слов становится очевидной: русское слово *утешение* и славянское *утеха* в значении ‘*радость*’ являются однокоренными. Святой Дух, дающий человеку радость, а в радости – утешение, выражается производным словом *утешитель* (англ. *comforter*) [Bozhenkova, etc. 2015].

В англоязычной протестантской проповеди Джона Ноордхофа последовательно развивается учение о том, что единственным утешением в жизни человека может быть только его верный Спаситель Иисус Христос: «... *the only comfort we need is Jesus Christ*» / ‘*Единственное утешение, в котором мы нуждаемся, это Иисус Христос*’ (John H. Noordhof. My only comfort). При этом подобным образом упоминание концептов ‘*Father*’ / ‘*Бог*’, ‘*Jesus Christ*’ / ‘*Иисус Христос*’, ‘*Holy Spirit*’ / ‘*Святой Дух*’ обязательно сопровождается понятиями ‘*pleasure*’ / ‘*удовольствие*’, ‘*love*’ / ‘*любовь*’, ‘*joy*’ / ‘*радость*’: «*When we look up and fix our eyes on Jesus, the grace of Christ breaks into our lives and our joy level increases*» / ‘*Когда мы смотрим вверх и устремляем взгляд к Иисусу, благодать Христа входит в наши жизни и приносит нам радость*’

73. Первый уровень матрицы демонстрирует максимальное совпадение содержания концепта, а третий – максимальное расхождение.

(Bill Tuininga. The Position for Prayer). Интересно, что существительное *comfort*, помимо множества значений, допускает и такие, как ‘ободрение, улучшение настроения’, ‘положительный опыт’, что так же связывает понятия *утешения* и *радости* [БОТСАЯ 2007: 132].

Идея **смирения** как одной из главных христианских добродетелей с одинаковой степенью полноты раскрывается в духовно-религиозной системе русско- и англоязычного социумов. Православное учение о смирении представлено в культурно-нравственной модели социальных взаимоотношений, разрабатываемой православной Церковью. По словам Святейшего Патриарха Кирилла, «**смирение, которое есть послушание** воле Божьей, является подлинной силой человека. Такого человека нельзя сломить, потому что, будучи открытым, дружелюбным и уважительным ко всем, он одновременно настолько силен, что способен выдержать любое жизненное испытание. Его не выведет из равновесия человеческая грубость, непочтительность, хамство. У него хватит сил справиться со своими эмоциями и правильным образом вразумить согрешающего» (<http://www.gazetaprotestant.ru>). См. также: «Предстоятель РПЦ отмечает, что для современного человека смирение зачастую ассоциируется со слабостью и тем самым характеризует православие как религию деградации. Патриарх доказывает несостоятельность подобных ассоциаций, говоря, что “нередко кажущаяся человеческая сила оборачивается бессилием, в то время как **смиранный** человек способен преодолевать жизненные невзгоды, срывы в карьере, неудачи, болезни, потому что он не один – рядом с ним Бог, с которым он соединен через **послушание**”» (<http://www.gazetaprotestant.ru>).

В свою очередь в протестантском учении понятие **смирения** связывается с умением прощать. Ричард де Ланж в своей проповеди так же говорит о смирении как

о силе, противостоящей малодушию: «*Remind yourself that to be tenderhearted doesn't mean being sentimental. That being kind doesn't mean being a soft touch. That **humility** isn't the same thing as low self-esteem. That **meekness** is not weakness, but is what you get when a powerful wild horse has been tamed (all the same power, but now under control). That large-heartedness doesn't mean letting everyone do what they want with you*» / 'Быть добросердечным не значит быть сентиментальным. Быть добрым не значит быть слабохарактерным. **Смирение** не то же самое, что низкая самооценка. **Смирение** не есть слабость, но то же самое, что происходит, когда вы приручаете сильную дикую лошадь (та же сила, но теперь под контролем). Великодушие не означает позволять людям делать с вами все что угодно' (Richard de Lange. A Call to Forgive).

Эти слова разграничивают понятия, которые в наше время зачастую совмещаются, подменяя тем самым добродетели лже-ценностями. Проповедь Р. де Ланжа перекликается со словами Патриарха Кирилла, создавая единую модель благочестия и человеколюбия⁷⁴ на позициях смирения, прощения, любви.

Среднюю ступень (*второй уровень*) культурного сближения занимает концепт '**призвание**' / '**vocation**'. И с православной точки зрения, и в протестантском учении его сущность раскрывается в единой формуле: истинное призвание христианина заключается в служении Богу в мирской жизни, однако истолкование данной установки обязательно предполагает две интерпретации. В православной концепции человек призван *благовествовать*, свидетельствовать о Боге, по словам Антония Сурожского, «*идти во весь мир, то есть во все места, где протекает наша жизнь – семья, работа, друзья – и принести туда Бога, Его слово, Его любовь, Его заботу*» (Антоний Сурожский. Труды). Для последователей протестантизма призвание реализуется

74. Неслучайно обращение Предстоятеля РПЦ нашло размещение на страницах газеты «Протестант».

в исполнении определенного Богом своего предназначения, *самораскрытии*, использовании данных Богом возможностей для достижения своей жизненной цели.

На уровне интенционального наполнения уже можно говорить о корневом различии трактовок: если в первом случае концептуальное содержание раскрывается в понятии о служении Богу через «служение человечеству»⁷⁵ (позволим себе так выразиться), то во втором варианте развитие идеи, следуя «прагматической» установке протестантского учения, получает двойное истолкование – (1) служение Богу эксплицируется через *самореализацию «для людей»* и (2) служение Богу есть *исполнение призвания только «для себя»*, для достижения своих личных (возможно, и тщеславных) целей. В данном случае ключевым оказывается вопрос: играют ли определяющую роль в исполнении призвания личностные или общественные ориентиры?

В этой связи оказывается весьма характерной трактовка православного и протестантского *отношения к труду*, предлагаемая старокатолическим митрополитом П. Бегичевым. С его точки зрения, протестанты любой труд полагают служением Богу и ближнему, тогда как для православного «*труд* – это чаще всего проклятие Божье. Временная и тяжкая обязанность»⁷⁶ (www.gazetaprotestant.ru). Опорой для данного вывода священнослужителя является наличие в русской лингвокультуре многообразных ироничных шуток / афоризмов / паремий, изображающих лень, пренебрежение работой и беспечное отношение ко всякому труду как (якобы) свойственные русскому человеку качества (см. например: *Работа дураков любит; Пусть работают те, кто больше ничего не умеет; Ты меня, работушка, не бойся, – я тебя не трону; Пилось бы, да елось бы, да работа не шла б на ум* и т. п.). Однако при обращении к историческим трудам о становления

75. Под формулировкой «служение человечеству» мы понимаем реализацию общечеловеческих ценностей – добра, любви, сострадания и др. через воплощение Божьего слова, а именно исполнение Христовых заповедей.

76. Считаю, что столь резкие, «обвинительные» слова не лишены основания, которое кроется в историко-социальной обусловленности: несоответствующие физические условия труда, низкий уровень заработной платы, тяжелая психологическая атмосфера, высокие объемы работы всегда так или иначе характеризовали социально-трудовую устроенность российского государства, что вызывало недовольство и волнения в рабочих массах.

и развития русского – православного – национального характера, находим множество примеров проявления несравненной силы духа (силы воли) и безмерного трудолюбия⁷⁷. Неслучайно в русском языке столько пословиц, отражающих важность и ценность труда: *Бог трудников любит; Добрые люди день начинают работой; Человек велик трудом; Работай боле – тебя и помнить будут доле*⁷⁸ и т.п. [Атанова 2019].

Наконец, о работе как о Божьем предопределении пишет свт. Феофан Затворник: «А вам следует ... о *житийских делах* хлопотать, но как о Господнем поручении и как пред Господом» [ЛМД 2014: 31]. Представление об отношении к труду русских христиан замыкает православное вероучение, что русский народ в своем высшем предназначении и подлинности – это народ-труженик (С. Тимченко, <https://www.slavianka.com>).

Важно отметить, что понятие ‘труд’ в ранней христианской традиции имело негативную характеристику и вызывало стойкую неприязнь. Средневековые писатели-монахи рассматривали работу, особенно тяжелый физический труд как унижительную деятельность, которую «лучше всего оставить для социальных и духовных низов» (<http://www.aktsent.info/publ/599>). Однако с Реформацией подобные воззрения изменились и в протестантской трудовой этике *работа* стала *призванием*, подтверждение чему находим в текстах англоязычных проповедей: «*If we ignore the work <...> in the different areas of our lives, we are likely not going to live much differently than those who are not devoted to Jesus*»./ ‘Если мы игнорируем *работу* в разных областях нашей жизни, то мы, вероятно, не станем преданны Иисусу’ (Colin VanderPloeg. The Church in Acts: Formula for Success or Faithfulness?). Подобным образом и в православной культуре концепт ‘труд’, несмотря на некие

77. Сама история древних славян говорит о том, что наши предки жили в особенно суровых климатических условиях, поэтому, чтобы выжить, им приходилось трудиться от зари до зари.

78. Даже пословица *Работа не волк – в лес не убежит* вопреки расхожему стереотипному убеждению учит ответственному и добросовестному отношению к работе, не теряющей отлагательств, быстрому и своевременному ее выполнению [Атанова 2019: 71].

79. Здесь же актуализируется и смыслообразование важнейшего религиозного символа – *крест / cross*. Так, для протестантизма предметы поклонения как святыни неприемлемы: если православные верят, что материя может как освящаться, так и оскверняться, то есть может воспринимать на себя, сохранять и сообщать (передать, источать) благословение и освящающую Божью благодать [Кобзарь 2004: 18], то протестанты решительно отказываются принять эту мысль и отвергают сущностное для православия значение креста, основанием для чего послужил фрагмент из Библии: «Бог не требует служения рук человеческих» [см. Деяния апостолов, 17:24–25]. Другим мнением, поддерживающим протестантское неприятие символа креста, стали слова Е. Пушкова, который пишет о ношении крестика и осенении себя крестным знаменем: «Крест – орудие казни, на котором убили Господа, подобное гильотине или виселице. Как считают протестанты, чествовать крест, как делают это православные, и так благоговейно к нему относиться не просто глу-

социальные «наслоения» в значении лексем, является одним из главных добродетелей, в то время как лень (*леность*) – греховное качество души. Соответственно, труд в аксиологическом пространстве православия нельзя расценить как некое Божье наказание, поэтому с учетом оговорки относительно социальной обусловленности восприятия считаем справедливым отнести концепт ‘труд’ / ‘work’ ко второй ступени взаимодействия православной и протестантской конфессий.

Третий уровень представлен концептами, расхождения между которыми создают культурный разрыв, то есть некую «брешь» в понимании и, соответственно, деятельностном единении, что зачастую грозит открытым неприятием и полным отторжением друг друга. С нашей точки зрения, наибольшую разницу между православием и протестантизмом создает полярность понимания концептов ‘грех’ / ‘sin’⁷⁹, ‘покаяние’ / ‘repentance’, ‘прощение’ / ‘forgiveness’. Протестанты верят, что через искупительную жертву Иисуса Христа Бог уже простил людям все грехи, посему грех мыслится как долг перед Господом, вина, от обременения которой можно избавиться в одном акте покаяния («раз и навсегда»). Убеждение в этом содержится в молитве Всевышнему: «*We thank you that in Jesus our sins are forgiven!*» / ‘*Благодарим Тебя за то, что в Иисусе наши грехи прощены!*’ (Bill Tuininga. The Position for Prayer).

Для православных грех – это прежде всего закон смерти, болезнь, убивающая человека, поэтому покаяние нужно совершать от своего первого обращения к Богу и до самой смерти. Если протестантов заботит освобождение от греха как снятие вины, то православных – избавление от греха и от *желания грешить* в дальнейшем. Таким образом, для православного покаяние есть содержание и образ жизни, настроение духа до конца своих дней [Кобзарь 2004: 168].

Концепты *греха* и *покаяния* как освобождения от него развиваются в концепте ‘**спасение**’ / ‘**salvation**’, представления о котором так же являют значительные различия между позициями протестантизма и православия. В первом учении «искупление грехов в Иисусе» уже обеспечило человечеству спасение, которое гарантируется «по вере». То же самое утверждает и проповедь: «... *we know from the Bible that **salvation** is by grace through faith not through our own achievements, like forgiving others. Jesus is not saying we have to prove ourselves worthy of forgiveness by forgiving others*» / «...мы знаем из Библии, что **спасение** дается по благодати через веру, а не через наши собственные достижения, например, прощение других. Иисус не говорит, что мы должны доказывать, что достойны **прощения, прощая** других» (Richard deLange. A Call to Forgive). Отсюда – непонимание и осуждение православных, постоянно обращающихся к Богу с молитвой о прощении и спасении «**Спаси и помилуй**». Мольбу о прощении выражают и бесконечно повторяемые слова *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного*. Неслучайно С.А. Кобзарь обращает внимание на то, что само слово «помилуй» имеет в греческом один корень со словом «елей» [Кобзарь 2004: 168], который использовался в древнем мире для лечения. Таким образом, смысл просьбы «*Господи, помилуй*» состоит не столько в просьбе простить, сколько в просьбе об исцелении. Грех разрушает душу человека, причиняет ей рану, и Православная Церковь учит, что мы не просто виноваты перед Богом, но **больны** грехом, а больному нужно не только прощение, но и исцеление, то есть спасение.

Выявленные концепты, демонстрирующие и фиксирующие точки пересечения аксиологических систем русскоязычного православного и англоязычного про-

по, но и оскорбительно для Бога, ибо может ли сын, отца которого убили ножом, чтить, целовать и с такой любовью относиться к этому ножу? Нет, конечно же. Для него это предмет, на который невозможно смотреть, орудие убийства родного отца, постоянное напоминание о трагедии» [Пушков 2002: 12]. Иначе, крест для протестантов – символ позорной казни, орудие, которым Спасителю причинили великую боль. Соответственно, такие ценностные знаки, как крест / распятие, и крестное знамение как элемент церковного ритуального поведения, их важность и необходимость вызывают непримиримые споры между протестантами и православными, которые не утихают и по сей день.

80. Здесь имеется в виду невозможность абсолютно полного совпадения ценностных констант: сугубо индивидуальное прочтение тем или иным народом того или иного вероисповедания напрямую определяет становление уникального культурного универсума.

81. Так, обнаруживающие, по нашему мнению, концептуальное пересечение православные и протестантские категории *смирения / humility* и *призвания / vocation* можно было бы заявить главенствующими пунктами конструирования партнерских отношений по реализации культурных (в широком смысле) проектов. Однако эта задача усложняется, превращаясь в сверхзадачу, если принять во внимание, что по ценностно-интенциональному признаку данные концепты полярно расходятся: первый означает 'кротость, послушание' и, соответственно, воплощается в сфере духовности; второй же – 'предназначение, самореализация, требующая упорства, настойчивости в своем исполнении' – относится к миру прагматичности, что предполагает активную, практически полезную деятельность. Принципиальной становится

тестантского подтипов религиозного дискурса, можно представить в виде следующей матрицы (рис. 1):

Рис. 1. Соотношение нормативно-ценностных позиций православной и протестантской конфессий

Обозначенные три уровня культурного взаимодействия показывают как сближение по морально-идеологическим устоям, максимально возможное полное⁸⁰ / частичное (с некоторыми различиями⁸¹), так и абсолютное расхождение в нормативно-ценностных позициях, ведущее к непониманию и отказу от диалога. Представляется, что нахождение точек пересечения концептуальных полей в различных национально-культурных системах и одновременное преодоление возможных противоречий между ними является условием экспликации общечивилизационных ценностей в мировой культуре и организации «производительного» международного сотрудничества как в аспекте духовной жизни, так и в сфере разнообраз-

ных экономических отношений, однако реализация столь значительной задачи сталкивается со сложнейшими лингвокогнитивными процессами, детерминирующими всю человеческую бытийность – актами понимания и интерпретации знаковых (вербальных и невербальных) единиц (являющимися, бесспорно, движущей силой глобальной коммуникации).

Поскольку религия – первооснова социальных коммуникаций, успех общецивилизационного диалога зависит от достижения понимания прежде всего в религиозном дискурсе: неслучайно проблема понимания впервые встала именно в сфере религии [ЛМД 2014]. Понимание – *разумение*, – будучи важнейшей дискурсивной категорией, одновременно оказывается составляющей разумной веры⁸² и внутренней сущностью религиозной коммуникации, структуру которой можно представить следующей схемой (рис. 2):

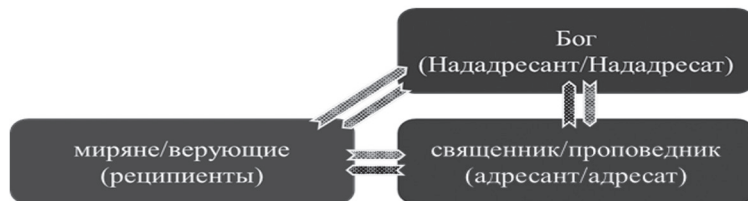

Рис. 2. Структура религиозной коммуникации

Как видно, религиозный дискурс состоит из нескольких уровней⁸³ организации коммуникативного акта, в результате чего в религиозной коммуникации устанавливаются двусторонние связи, выстраивающие процессы мысле- и речепроизводства, с одной стороны, и понимания как многогранного феномена – с другой. При этом производство предполагает семиотическую поликодовость взаимодействия участников религиозной коммуникации: обращение к Нададресату требует использования как

ся разница в категориях внутреннего и внешнего мира человека – духовном и прагматическом аспектах оперирования концептами. Следовательно, мы имеем дело с противоположными понятиями, тогда как в совокупности они призваны служить общей идее продуктивного дискурсивного со-функционирования. Полагаем, что в данной противоречивой ситуации ведущую, определяющую роль должно играть **‘призвание’**, а **‘смирение’** (как послушание воле Божьей) тогда выступает сдерживающей силой. Смирение формирует поведение, отвечающее дискурсивной компетенции человека, не могущего допустить эмоционального всплеска, не позволяющего себе резких слов, проявления агрессии, неуважительного отношения, одним словом, всего того, что позволяют нам амбиции и что может расстроить самые прогрессивные планы. Идея совместного воплощения общих категорий смирения и призвания порождает новую сверхзадачу мирового значения – соединить духовность Востока и материалистичность Запада.

82. По словам И.А. Ильина, «настоящая вера сама по себе уже раз-

умна, а не безразумна и не противоразумна, и поэтому осторожность разума включена в нее и сомнения разума преодолены в ней, и вопросы разума не затрудняют ее, и пристальность разума радуется и утешает ее» [Ильин 2006: 125].

83. 1 уровень – Бог ↔ посредник (священнослужитель / проповедник); 2 уровень – Бог ↔ верующие / миряне; 3 уровень – Бог ↔ посредник ↔ верующие.

84. Имеется в виду понимание составляющих пресуппозиционного фонда религиозного дискурса.

вербальных, так и невербальных средств, предваряемого грамотно построенными мыслительными акциями. Неотъемлемой частью такого коммуникативного акта является обратная связь с Нададресатом, которая может выражаться видимым (знаковым) или невидимым образом, но ответная реакция уже как Нададресанта неизменно имеет место быть, в чем и заключается смысл религиозной коммуникации.

Непосредственно от *разумения* зависит успех установления контакта с адресатом, равно как и с Нададресатом. Мыслительные операции, вербальное и невербальное поведение организуются должным образом именно с учетом *предварительного понимания* сути религиозных реалий⁸⁴, к которым относятся прежде всего предмет веры (во что и зачем мы верим), иначе – религиозные истины, цель и задачи религиозной коммуникации, однако при этом аксиомой является тезис о принципиальной непознаваемости сущности Бога. Тем самым понимание религиозных реалий, *элиминирующее их интерпретацию*, становится необходимым условием полноценного функционирования религиозного дискурса. Исключая индивидуальное прочтение канонов религии и основ веры, столкновение с ложным учением и, как следствие, с заблуждениями (а в конечном счете – сбой коммуникации с ее Главным Участником), процесс понимания *предшествует* акту мысле- и речепорождения, и *служит результирующим этапом* в акте восприятия ответной реакции. Тем самым понимание играет определяющую роль как на первом, так и на последнем этапе религиозного коммуникативного процесса и детерминирует его результативность.

В этой связи становится чрезвычайно важной «пошаговость» акта понимания, т.е. те когнитивные «процедуры», которые обеспечивают достижение результата – понимания – с минимальными семантическими, эмоцио-

нальными и аксиологическими «потерями» у субъектов социально-культурной интеракции. Так, понимание непосредственно связано с опознанием того смысла, который был заложен адресантом (автором) в продуцируемый текст (письменный или устный) и который напрямую обуславливает доминантные проявления вербального и невербального поведения носителей той или иной лингвокультуры. Соответственно, задача адресата сводится не столько к раскрытию смыслового содержания религиозных концептов, сколько к извлечению *лингвокультурного смысла* языкового знака, включающего в себя объективно-истинное знание⁸⁵ и субъективную ценность, предполагающую значимость предмета для каждого конкретного индивида⁸⁶ [Боженкова 2015].

Полагаем, что смысл-сообщение как некое обобществленное и в некотором роде энциклопедическое знание является первой ступенью понимания текста проповеди, тогда как смысл-ценность и есть тот концепт, во имя реанимации которого и строится проповедь; он обеспечивает глубинное – деятельностное – понимание, детеминирующее становление и последующее развитие доминантных вербальных и невербальных поведенческих норм и стандартов в определенной лингвокультуре. Более того, процесс понимания вероучительного текста (письменного и устного) предполагает реконструкцию лингвокультурных смыслов только *через те же знаковые* (в широком смысле) *единицы*, которыми пользовался автор и которыми располагает именно эта лингвокультура. Отсюда – правила построения и преподнесения проповеднического текста регулируют выбор композиционных и лингвистических средств, активизирующих в сознании верующих *нужные* концептуальные смыслы.

Вместе с тем для понимания существенным оказывается воспроизведение не просто лингвокультурного

85. Получившее одобрение и подтверждение представителей национально-культурной системы и закрепившейся в их национальной памяти.

86. В нашей интерпретации применительно к религиозному дискурсу субъективная ценность трансформируется в *ценность коллективного религиозного сознания*, определяемой набором концептуальных значений конкретной лингвокультуры.

смысла, но общей структуры лингвокультурной ситуации, в которой был создан текст, содержащий концептуальные значения. Воссоздание лингвокультурной ситуации предполагает как мысленное «включение» в понимаемую лингвокультурную ситуацию, так и моделирование лингвокультурных ситуаций путем последовательного анализа оснований, могущих служить базисом для возникновения определенного концептуального окружения (например, рождение многих протестантских лингвокультурных смыслов обусловлено основаниями религиозной трудовой этики, в соответствии с нормами и правилами которой строится любое дискурсивное взаимодействие в культуре протестантизма).

Немалое значение для понимания имеют самооценка и взаимная оценка «идеологических принципов» партнеров по коммуникации, напрямую влияющие на саму возможность принять / не принять иные ценности: поскольку протестантская конфессия утверждает, что православные догматы не согласуются с Библией и верой первых христиан и именно протестантское учение восстановило истинную, Православием утраченную веру, представители православия нередко именуют это демонстрацией (неоправданной) превосходства, искажающего восприятие православного концептуального пространства⁸⁷.

Значимым для акта понимания является и знаково-предметный символизм, который, будучи представлен миром лингвокультуры, оказывается условием результирующего понимания. В этой связи русскоязычные православные и англоязычные протестантские тексты насыщены различными изобразительными средствами языка, обеспечивающими образность, выразительность текста и символическое, «сверхъестественное» восприятие концептуальных значений. Так, в православных, равно как и в протестантских, проповедях семантическими

87. Более того, консервативные протестанты в отстаивании собственных идеологических позиций предпочитают так называемую «наступательную тактику», выступая обвинителями православного вероучения. Однако и православные, считая настоящей верой догматы своей конфессии, постоянно указывают на заблуждения второй стороны.

признаками религиозных концептов наделяются понятия из светской жизни (яркий тому пример – отождествляемые понятия *грех / sin* и *болезнь / disease*). Более того, кластер вербальных знаков объединяет многообразные единицы, относящиеся ко всем ярусам русской/английской языковой системы: фонетико-фонологическому (*специфическое просодическое оформление*), лексико-семантическому (*синонимы, антонимы, метафоры, перифразы, синекдохи, фразеологизмы, паремии* и др.), лексико-синтаксическому, включая орнаментальные языковые конструкции (*градация, антитеза, сравнительные обороты, разнообразные повторы, парцеллированные / эмфатические / инверсионные / усилительные конструкции, риторические вопросы, предложения с императивной модальностью* и др.), – и обнаруживает явную соотнесенность эмоционально-эстетических приемов воздействия, где особое место принадлежит *языковым паттернам текста*, что в совокупности (1) свидетельствует о строгом соблюдении канона жанра проповеди и, как следствие (несмотря на расхождения идеологических воззрений), идентичности «рисунка» русскоязычных православных и англоязычных протестантских проповеднических текстов, (2) реализует задачу проповеди как истинного средоточия общечеловеческих ценностей передать людям вне зависимости от расовой, национальной, религиозной и проч. принадлежности сакральные смыслы вероучения.

Тем самым, понимание в религиозной коммуникации как сложный процесс непрерывного смыслового обмена и производства ценностно-мотивированных лингвокультурных продуктов является многоярусной поликодовой операцией элиминирования «внутренних» дискурсивных (национальных / конфессиональных / социокультурных) границ, при этом достижение *взаимопонимания* парт-

неров становится возможным лишь при условии (хотя бы) частичного совпадения поля культурных значений и смыслов, генератором и хранителем которых является лингвокультурное сознание как система лингвокультурных норм, предоставляющая средства для успешного продуцирования и понимания текстовых единиц. Степень же *принятия* данных лингвоаксиологических доминант религиозных интеракций – концептуальных единиц, которые рождаются в религиозном учении, в соответствии с этнокультурной спецификой получают развитие в религиозном дискурсе и в форме вербальных и невербальных реализаций функционируют в коммуникативно-культурном социальном действии – определяется категориями *смысла-ценности* в рамках лингвокультурного универсума, что и является необходимым базисом со-функционирования разноязычных и разноконфессиональных реципиентов. Соответственно, выявленные в процессе исследования элементы содержания культурно-смысловых полей, присутствующие в обеих религиозно-нравственных концепциях, дают возможность «балансирования» в межличностном, межконфессиональном и – шире – межкультурном типах коммуникативного взаимодействия, обеспечивая тем самым «совместное движение в русле» соприкасающихся аксиологических констант, устойчивость вектора развития религиозного дискурса и оптимизацию глобальной дискурсивной деятельности человечества в целом⁸⁸.

88. Автор выражает благодарность Д.В. Атановой за предоставление англоязычных материалов исследования.

*П.А. Катышев,
П.К. Иванов*

Глава V. ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РИТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ В ДИСКУРСЕ БЛОГОСФЕРЫ

1. Риторическая критика как деятельность: теоретическая модель. Термин «риторическая критика» (далее – РК) многозначный. С одной стороны, им обозначается самостоятельное направление риторической (социальной) герменевтики и одновременно раздел риторики, рассматривающий особенности риторического понимания в связи с культивированием стандартов перцептивной деятельности критика (РК₁), а с другой – дискурсивная деятельность субъекта, понимающего воздействующий потенциал и целесообразность коммуникативного акта и словесно формулирующего их оценку (РК₂) [Катышев, 2018, с. 18].

Общим компонентом для первого и второго значений термина «РК» выступает представление о риторическом понимании критика как умении разбирать и рационально оценивать воздействующий потенциал речевой коммуникации с точки зрения сообщения, адресанта и адресата. Иными словами, деятельность субъекта РК₂:

- имеет дискурсивный характер (осуществляется через текст);
- ориентирована на оценку коммуникации (как правило, речевой);
- связана с разбором субъективных и ситуативных составляющих коммуникации, т.е. с рассмотрением сообщения в аспекте риторических способов его организации, с интерпретацией мира адресанта с точки зрения его коммуникативных намерений и стратегий, с осмы-

слением мира адресата в плане присвоения и применения им значений коммуникативного акта.

Очевидно, что предметом РК₁ выступает РК₂. Иными словами, РК₁ является теорией и методологией квалифицированного понимания коммуникативных артефактов, а РК₂ – специальной (профессиональной, экспертной либо творческой) деятельностью (дискурсивной практикой), направленной на понимание и оценку речевого воздействия. В рамках РК₁ изучается понимание специального субъекта (критика), разрабатываются и культивируются стандарты и образцы критического отношения к речевому воздействию.

Одним из важных теоретических моментов РК₁ является создание структурной модели критической деятельности. Состав, или структуру, этой деятельности принято осмыслять с учетом таких систематических компонентов, как субъект, объект, предмет, цель, повод, средства, процедуры, формы и продукт РК₂.

Отсылая к работам В. В. Смолененковой, в которых дается подробное описание структурных особенностей деятельности критика [Смолененкова, 2018, с. 10–32], остановимся на ключевых моментах в характеристике каждой из указанных составляющих критической деятельности.

Субъект: критик – лицо профессиональное (в идеале), поэтому ему присущ ряд специальных компетенций, а именно: знание опыта написания и оценки речей и коммуникативных явлений, осведомленность в проблематике анализируемой коммуникации, беспристрастный учет интересов адресанта и адресата (например, оратора и аудитории), вкус и талант, а также тактичность.

Объект: к нему можно отнести любой целесообразный продукт человеческой дискурсивной деятельности, но в первую очередь – публичную речь.

Предмет: в сферу действия критической рефлексии попадают различные аспекты коммуникативных феноменов, причем ядром проблематики изначально выступал воздействующий потенциал сообщения (использование закономерностей и уровней его организации для изменения сознания и поступков адресата).

Цель: считается, что цель РК₂ связана с активностью по прояснению смыслов, заложенных в коммуникативных феноменах. Эта цель может быть соотнесена с академической, этической, политической и другими социальными сферами, для которых разбор коммуникативного артефакта имеет собственную значимость. Так, для академической сферы реализация цели РК₂ способствует процессу осуществления риторических исследований; для этической сферы – служит лучшему пониманию культурной ценности каких-либо коммуникативных феноменов и моральности отдельных социальных явлений, стимулируемых дискурсивной средой; для политической сферы – выступает способом оценивания речевого поведения политика и тех последствий, которые оно за собой влечет.

Повод: его можно определить как некий социокультурный и/или исторический фон, или же как социальную среду, из которой критик черпает вдохновение, находит материал для реализации своего критического потенциала.

Средства: поскольку деятельность критика имеет дискурсивный характер, то ее средствами выступают прежде всего сам язык, а также жанровые формы, приспособленные для выражения оценки, и речевые стратегии представления оценочного суждения, например, ирония.

Продукт: это определенное критическое выступление или произведение как отклик на некоторое коммуникативное событие.

Процедуры как способы разбора, необходимые для выявления и квалификации значимости коммуникативных феноменов, в том числе речевого воздействия: они располагаются на дескриптивно-прескриптивной шкале примерно следующим образом: описание → классификация (с точки зрения коммуникативно-семиотической формы) → анализ → объяснение → оценка. При этом за счет описания критик создает образ воспринятого коммуникативного события, а посредством классификации – подводит его под какую-либо обобщающую категорию (род словесности, жанр, дискурсивную практику, коммуникативную стратегию и т.д.). С помощью анализа субъект критики устанавливает взаимодействие текстовых структур с целью и стратегиями реализации коммуникативного акта. Используя объяснение (рассуждение о причинах случившегося), критик пытается ответить на ряд вопросов (например, почему адресант построил речь определенным образом, почему выступление имело столь серьезные последствия и т.д.), с этой целью привлекая знания о феномене речевого воздействия, а также обращая внимание на более широкий исторический и культурный контекст события. В ходе применения процедуры оценки активируются аксиологические критерии (стандарты), значимые для осмысления критикуемого артефакта, вследствие чего коммуникативным феноменам могут приписываться ценности, квалифицирующие исходный объект по достигнутому им результату; его общественной пользе / вреду; его целесообразности, заданной характером речевого акта; воплощенным в нем качествам хорошей речи; соответствию представлению о свойствах национального языка и речевой культуры; его причастности к *последующим историческим событиям и т.д.*

Формы: деятельность субъекта критики может быть воплощена через разнообразные дискурсивные формы, определяемые по нескольким основаниям – по характеру субъекта, доминирующей процедуре и жанру. В плане жанрового состава деятельность критика характеризуется преимущественным использованием таких форм, которые свойственны публицистической, научной, научно-популярной и научно-деловой речи. По субъекту критики можно выделить «спонтанную» критику, осуществляемую *через газетные публикации* журналистом; «профессорскую» критику, выполняемую участником образовательного процесса, представителем научного сообщества; критику мастеров, демонстрируемую представителями экспертного сообщества. В соответствии с доминирующей процедурой предлагается выделять импрессионистическую критику (с доминантой на эмоциональную реакцию критика); аналитическую критику, в которой используются главным образом процедуры прагмалингвистического анализа артефактов; синтетическую критику (с преобладающим описанием коммуникативного события); рассудительную критику, реализующую установки на объяснение и обоснованную оценку особенностей и эффектов речи.

Таким образом, теоретическое осмысление РК₂ свидетельствует о целом комплексе специальных компетенций и обстоятельств, без учета которых невозможно создание критического произведения.

Вместе с тем стоит отметить, что развитие теории, осмысляющей деятельность субъекта РК₂, предполагает выход за пределы академической традиции, на основе которой во многом и формируются представления о специфике критической деятельности (напомним, что В.В. Смолененкова в конечном счете определяет РК₂ как

«науку, анализирующую (выделено нами. – *Прим. авторов*) произведение слова в его сложных взаимосвязях и взаимодействиях с создателем и получателем речи и с контекстом» [Смолененкова, 2018, с. 32]). Возможная диверсификация теоретической модели, представленной на данный момент обобщениями, построенными в основном за счет осмысления стандартов и образцов так называемой «профессорской» (по большей части аналитической) критики, в нашем случае связана с описанием современных дискурсивных практик «спонтанной» (прагматизированной) критики, осуществляемой блогерами как акторами социальных медиа для утверждения в интернет-сообществе частной точки зрения, противопоставленной ценностям оппонентов. Деятельность критика, как правило реализующаяся по отношению к коммуникативным событиям, явлениям и поступкам, актуальным для текущего момента, не только свидетельствует о многообразии проявлений РК₂, но и конкретизирует ее составляющие, набор и характер которых мотивируется гетероглоссией интернет-среды и устанавливается по отношению к предмету авторской рефлексии (т.е. «голосу» оцениваемого персонажа, в том числе его смысловой позиции), фактору аудитории (читателей блога), а также (иногда явно) в связи с модернирующей инстанцией, которая контролирует соблюдение правил блог-платформы (третий компонент разноголосной среды иногда может становиться отдельной темой для размышлений критика и часто называется блогерами *алгоритм*). Иными словами, размещаемая в блоге критическая заметка создается как полифонический феномен и, как таковой, она представляет собой одну из сцен социальной жизни, на которой автор:

– заявляет о себе как о носителе социального статуса, позволяющего делиться мнениями, заслуживающими внимания аудитории;

- демонстрирует проактивность в оценке коммуникативных феноменов, привлечших его внимание;
- при создании текстов исходит из приписанной адресату статусно-смысловой позиции;
- упорядочивает свое речевое поведение исходя из принятых (но не всегда разделяемых пользователями) правил коммуникационной площадки.

РК₂, имеющая сетевой формат блога, свидетельствует об относительности следующих теоретических положений, бытующих в РК₁. Перечислим некоторые из них (и опишем претерпеваемые ими изменения).

1. РК₂ представляет собой *дискуссию (сотворчество)* преимущественно «двух мировоззренческих позиций – автора и критика» [Смоленкова, 2018, с. 10]. Вместе с тем в дискурсивной практике блогера-критика закрепляется полемически-софистическое (в понимании А.А. Ивина [Ивин, 1997, с.329-330]) отношение к слову оппонента – автора критикуемого речевого поступка (на фоне подчеркнутой солидарности с позицией тех персон, чью точку зрения критик разделяет).

2. Адресат и объект критики могут *совпадать*, если критик является современником создателю критикуемого «слова», находится с ним в одном общественно-культурном хронотопе. В случае с РК₂, реализуемой через блог, оценочное суждение ориентировано на сетевую аудиторию; в свою очередь объект критики мыслится скорее как предмет интеракции, устанавливаемой между блогером и подписчиками/читателями, и выносится из пространства откровенного диалога с адресатом (что, конечно, не исключает использования приемов прямого обращения к критикуемому лицу как средств выражения к нему определенного отношения и преподнесения авторской позиции в подчеркнuto живой манере).

3. Критик руководствуется *объективностью, всесторонностью и полнотой* в разборе коммуникативного артефакта: критик «стремится к эффективному и последовательному анализу» [Смолененкова, 2018, с. 12]. В противовес этой установке в блогерской версии РК₂ культивируется «облегченный» вариант авторской аналитики (преимущественно описание коммуникативного события + оценка) с гипостазированием субъективного, личностно окрашенного подхода к представлению и характеристике предмета критики, размышлению по поводу его, с вполне допустимым отказом от всестороннего его исследования и конвенционализированным отступлением от требований полноты при работе с информацией, имеющей отношение к разбираемому случаю.

4. *Стандарты* критической деятельности указывают на ее рассудочный характер («оттого она <критика> оказывается отмечена личностным знанием своего автора – но автора, прошедшего через безличную аскезу “объективного” знания и научных техник» [Старобинский, 2002, с. 48]), а потому «если бы требовалось определить “идеальный тип” критики», то он отличался бы «методологической строгостью (связанной с техниками анализа и их поддающимися проверке приемами) и рефлексивной непредвзятостью (свободной от всякой систематической ограниченности)» [Там же, с. 47]. Иными словами, стандарты РК₂ сосредоточены на соблюдении требований *аналитической строгости* разбора, *достаточной обоснованности* авторской позиции, а также на поиске *социально-прагматической* и *культурно-эстетической* ценности коммуникативного артефакта. Об этом свидетельствуют такие гносеологические регулятивы, декларируемые РК₁, как экспертные компетенции субъекта РК₂ (об этом см. выше); проце-

дуры разбора, предполагающие сбалансированность герменевтических процедур, сдерживающих вкусовые пристрастия критика (ср.: *описание* > ... > *оценка*); критерии оценки коммуникативных феноменов, настраивающие критика на осмысление проблем и потребностей современного общества [Смоленкова, 2018, с. 16], утверждение нравственно-этических ориентиров, значимых для консолидации коллектива, сохранения его культурного кода [Аннушкин, 2000, с. 13].

Симптоматично, что критическая деятельность блогера связана с более или менее последовательной реализацией *эгоцентрической установки*, состоящей в приписывании компонентам текста тех отношений, которые субъект речи проецирует на позиции участников интеракционального фрейма, лежащего в основе модусно-диктумной организации критической блог-записи. При этом конструируемая семиотическая реальность отображает аксиологические трансформации критического идеала, предполагающие:

а) модификацию критериев оценки объекта (в крайнем случае – их сведение к личным пристрастиям автора);

б) выдвижение деинституционализованного образа критика, в силу чего его профиль может складываться из биографических деталей жизни автора, его предпочтений, стремления к свободе самовыражения и интерпретации социальных феноменов, определенного авторитаризма при выборе критикуемого объекта из ряда актуальных (поэтому адресату предлагается ровно то, что находится в центре внимания автора, интересно лично ему);

в) приписывание адресату статусной роли собеседника, имеющего общую с адресантом познавательную установку.

5. В соответствии с традицией представления компонентов РК₂ ее адресат (потребитель) занимает по отношению к критикуемому коммуникативному явлению прежде всего *надличностную позицию*, поскольку его профиль представлен обобщенно – через интерес, проявляемый к обсуждению и решению социальных проблем, в том числе проблемы улучшения качества национальной речевой культуры [Смолененкова, 2018, с. 16]. В блогосфере дистанция между интерактантами (продуцентом и реципиентом критического высказывания) сокращена и конкретизирована до роли собеседников, обсуждающих вынесенные в тему отдельные актуальные коммуникативные явления как симптомы тех социальных проблем, которые волнуют акторов сетевого взаимодействия.

6. В РК₁ язык рассматривается как *основное средство* реализации намерений субъекта РК₂. Положение, которое РК₂ занимает в блогосфере, указывает на то, что язык, как и речевые формы, обеспечивающие его употребление, выступают инструментами установления социальных отношений, средствами формирования, поддержания и расширения комьюнити как дискурсивных сообществ, в которых использование языка служит объединению рассредоточенных в пространстве индивидов на основе специфических интересов [Swales, 1990, p. 21], в том числе обсуждения речевых поступков «другого» как актуальных событий текущего момента.

2. Дискурс блогосферы. Векторы трансформации РК₂, представленные выше, неслучайны. Являясь частью публичной сферы, критические тексты как результат деятельности блогеров, несомненно, отражают свойства коммуникативной среды, в которую они оказываются погружены. В связи с этим представляется

необходимым, во-первых, несколько подробнее остановиться на тех характеристиках интернет-коммуникации, которые способны определять наблюдаемые или мыслимые изменения стандартов РК₂, и, во-вторых, указать на специфические черты блогов как особой сферы дискурсопорождения в веб-пространстве.

С конца 1990-х гг. в научной (изначально – социологической) традиции развитие сети интернет обычно осмысляется через концепт *информационной революции*, который описывает «глубокие качественные изменения во всех сферах жизнедеятельности общества, происходящие в результате широкого внедрения новых средств хранения, обработки и передачи информации» [Большая ...; см. *Информационная революция*]. Согласно классической точке зрения, представленной в [Drucker, 1998; Еляков, 2003], появление микропроцессора в 1971 г. ознаменовало новый этап развития информационных технологий, определивший в конечном счете и современное состояние Интернета⁸⁹. В противовес данной сугубо технологической классификации Д. Вольтон предложил критерии, в большей степени связанные с коммуникационным прогрессом. Называя XIX столетие «веком информационной революции, сопровождавшейся завоеванием свободы», он подчеркивает, что «XX в. стал веком триумфа информации и информационных технологий, с появлением коммуникаций, ставших доступными всем», и далее приходит к выводу: начало третьего тысячелетия должно стать «веком совместного существования, в смысле создания условий для возможного сосуществования рядом различных точек зрения в очень тесном мире, где индивиды знают все, и откуда им некуда бежать» [Вольтон, 2011, с. 3].

Такое рационально-этическое понимание коммуникационного прогресса представляется небезоснова-

89. Первая информационная революция в [Drucker, 1998] связывается с появлением письменности; вторая – с началом истории рукописной книги-кодекса; третья – с изобретением книгопечатания. П. Дракер специально не отмечает роль первых электронных средств передачи информации – телеграфа, телефона, радио; по-видимому, этим обусловлены встречающиеся различия в классификациях: некоторые теоретики считают компьютерную эпоху продолжением эры электроники, начавшейся в конце XIX в. [Большая ...; см. там же], другие все же относят современные IT к пятому, качественно новому этапу.

тельным. Заимствуя у Т. ван Дейка один из параметров, по которым он описывает социальные и дискурсивные отношения, современную интернет-коммуникацию можно противопоставить всем прежним формам взаимодействия по критерию *доступа к (публичному) дискурсу*, подразумевающему способность того или иного социального субъекта (лица, группы и т.п.) занимать активную позицию в (вос)производстве коммуникативных событий [Дейк, 2013, с. 32]. В этом смысле нынешнему развитию интернет-среды присущи две тенденции: с одной стороны, демократизация в отношении адресанта (производство публичного дискурса может осуществляться любым пользователем); с другой стороны, *ретиализация*⁹⁰ фактора адресата, приводящая к росту и потенциальной неограниченности группы пользователей, воспринимающих то или иное сообщение. Рассматривая интернет-коммуникацию сквозь призму других аспектов аналитической модели Т. ван Дейка, следует указать и на интерактивность интернет-среды, подразумевающую возможность управления информационным потоком со стороны реципиента и возможность обратной связи. Таким образом, вне зависимости от своего ценностного взгляда на коммуникацию, Д. Вольтон, разумеется, прав, указывая на полифоничность коммуникативного веб-пространства.

Данные свойства интернет-среды и процессы, характеризующие ее развитие, имеют несколько важных следствий. Во-первых, в Интернете перестраиваются и преобразуются экстралингвистические, «реальные» характеристики коммуникантов: они присутствуют лишь в той степени, в какой индивид сам желает их перенести, и, кроме того, могут быть сфальсифицированы. Это касается как активных участников взаимодействия (пользователей, производящих тот или иной контент),

90. Идея разделения коммуникативных процессов на аксиальные и ретиальные принадлежит А.А. Брудному. Если «*аксиальная коммуникация* (от латинского “axis” – ось) соединяет тех, кто отправляет и получает точно адресованные сообщения», то «*ретиальная коммуникация* получила свое название от латинского слова “rete” – сеть, невод». Ее автор характеризует при помощи следующего сравнения: «Как количество рыбы, попавшей в сеть, зависит от того, куда сеть была заброшена, и от размера ее ячеек, так и количество получателей ретиально направленного сообщения зависит от того, находились ли они в зоне передачи, и от их внимания к содержанию сообщений» [Брудный, 2005, с. 89].

так и их аудитории, о которой при отсутствии обратной связи (комментариев, репостов и т.п.) и вовсе нет информации⁹¹. В связи с этим исследователи говорят о виртуальности⁹² и анонимности как конститутивных признаках сетевого общения [Сидорова, 2014, с. 19]. Такая лакунарность приводит к реорганизации самой структуры коммуникативного акта, в котором центральными элементами становятся субстанциально семиотические компоненты: содержание сообщения, в том числе его фатическая сторона, информационный контекст, в котором оно производится и воспринимается, а также знаковые средства, используемые для передачи информации. Иными словами, акцент с межличностной сущности коммуникации, подразумевающей наличие реальных адресанта и адресата как инициальной и финальной точек взаимодействия, смещается в сторону интерперсональности, при которой недостаток знаний о говорящем и его реципиенте и преобладающее отсутствие синхронного контакта компенсируется моделированием образов коммуникантов в тексте.

Во-вторых, в сети действуют особые принципы организации информационного потока. Помимо поисковых систем, призванных удовлетворять потребности в доступе к контенту исходя из запросов, формулируемых самими пользователями, в Интернете (особенно в рамках блог-платформ) используются системы рекомендаций, которые на основе закладываемых разработчиками алгоритмов анализа контента и пользовательской активности формируют для каждого посетителя сайта набор материала, оцениваемого как наиболее интересный (предпочтительный) для данного адресата [Гомзин, 2012]⁹³. Такой подход способствует кластеризации публикуемых записей и целых блогов, вследствие чего автор, желая сохранить и приумножить ауди-

91. За исключением формируемой сервисами статистики, так же ориентирующейся на данные, указанные самими пользователями (пол, возраст, регион проживания и т.п.).

92. Виртуальность в данном случае рассматривают как свойство чего-л., чему нельзя приписать объективное существование [Лутовинова, 2006, с. 21].

93. Разумеется, в свободном доступе нет точной информации о современных системах рекомендаций, применяемых крупными сервисами (Яндекс, Google, Facebook и т.п.), однако общие принципы, изложенные в данной статье, не потеряли актуальности и составляют основу алгоритмов, используемых в наше время.

торию, вынужден не только контролировать тематику своего контента, но и следить за его регулярностью и качеством. При этом объективная оценка качества формируется за счет прямых откликов аудитории (комментариев, функции «нравится» / «не нравится»), а также на основе статистики посещений и возвратов на страницу (учитывается также количество пользователей, просмотревших запись до конца). Очевидно, что эти параметры во многом определяют принципы работы автора с материалом. Так, в этом свете вполне объясним тезис об изменении стандарта объективности, всесторонности и полноты: гораздо более важным свойством текста в интернет-среде оказывается его эффективность с точки зрения отклика адресата (что снова подразумевает интенсификацию интерперсональной стороны текста), а также направленность на поддержание интереса к сообщению в процессе его чтения. Вполне справедливым представляется здесь вывод И. Г. Сидоровой о том, что динамика интернет-среды связана с общим увеличением интернет-ресурсов коммуникативного и развлекательного типа в ущерб информационно-тематическим [Сидорова, 2014, с. 17]. В контексте данной тенденции можно констатировать, что *с содержательностью блог-записей конкурирует или же смешивается развлекательная установка в подаче материала.*

Наконец, сам блог как особая форма интернет-коммуникации обладает своей спецификой, с проявлением которой также связана предполагаемая трансформация РК₂.

В Рунете блог-платформы появились в начале 2000-х гг. и стали именно тем типом интернет-ресурсов, распространение которого ознаменовало «конец эпохи Web 1.0», т.е. «концепции проектирования цифрового медийного пространства на базе традиционной коммуникаци-

онной модели “один → многим”, при которой контент создается профессионалами, публика отделена от процесса создания и распространения контента» [Алгави, 2013, с. 77]. Последовательному научному осмыслению блога стали подвергаться в конце 2000-х – начале 2010-х гг. В исследованиях этого времени блог рассматривался как специфический жанр (гипержанр⁹⁴) персонального дискурса, имеющий дневниковую природу [Баженова, 2012; Сидорова, 2011, 2014; Фокина, 2014], при этом анализ, как правило, проводился в контексте лингвоперсоналогического подхода и прагмалингвистики. Кроме того, ученые интересовали лингвокультурологические аспекты блогерской коммуникации [Черкасова, 2012]. Стоит подчеркнуть, что некоторые авторы специально оговаривают выделение персонального блога в качестве одной из разновидностей гипержанра, отмечая при этом, что «в широком понимании блог не сводится к личному дневнику: блог может создаваться коллективом авторов (блог-сообщество), быть посвящен одной теме (например, кулинарным рецептам, путешествиям, воспитанию детей), состоять из цитат и отсылок к другим блогам или интернет-ресурсам, содержать только фото- или видеоинформацию» [Баженова, 2012, с. 127].

В более поздних исследованиях дискурс блогосферы Рунета был подвергнут ретроспективному анализу. В результате изучения большого массива блогов, публикуемых на платформе LiveJournal, М. О. Кочеткова выделила четыре этапа существования этого интернет-ресурса, каждый из которых характеризовался особой доминирующей жанровой формой. Если в первые годы (2001–2007 гг.) подавляющее число блогов действительно представляли собой блоги-дневники (1-й этап), сохраняющие «признаки “классического” дневника, меняясь только в “образе адресата”», и блоги – житейские исто-

94. Под гипержанром в данном случае «понимается жанровое макрообразование, сопровождающее социально-коммуникативные ситуации в сети интернет и объединяющее в своем составе несколько жанров» [Деметьев, 1998, с. 8]. Имеется в виду, что, во-первых, записи в блоге могут относиться к различным (речевым) жанрам, и, во-вторых, сама структура блог-записи, как правило, представляет собой макрожанр, объединяющий пост и комментарий к нему.

рии (2-й этап), демонстрирующие «увеличение уровня “публичности” блоговых записей» и признаки более тщательного моделирования образа автора, то в дальнейшем наблюдалась постепенная институционализация данной коммуникативной сферы [Кочеткова, 2016, с. 192]. Автор подчеркивает при этом, что, несмотря на формирование новых жанров, характеризующихся смесью типичных интенций, «выбором социально значимого диктума и его оценкой» (3-й этап: блоги-СМИ), а также «использованием блогосферы как площадки для политических, экономических и гражданских дискуссий» (4-й этап: множество жанров институциональных дискурсов таких, как блог-фельетон, блог – политическое обращение, блог – рекламная заметка и др.), на всех четырех этапах функционирования блогосферы *сохранялась изначальная лично-ориентированная природа* блога как формы интернет-коммуникации [Там же, с. 193–194].

Таким образом, специфика дискурса блогосферы определяется тремя ключевыми факторами: абсолютной ретивальностью интернет-коммуникации, при которой сообщения ориентированы на то, чтобы быть прочитанными потенциально любым пользователем сети; наличием систем рекомендаций и кластерной модели формирования информационного потока, стимулирующих автора формировать свои высказывания так, чтобы создавать и поддерживать интерес аудитории; направленностью жанра блога на представление персональной позиции автора в качестве центрального элемента содержания как отдельных публикаций, так и всего их комплекса.

3. РК₂ в блогосфере: вовлечение и лингвоаксиологический профиль адресата. Каково содержание

дискурсивной деятельности риторического критика в блогосфере? Он моделирует ценностно окрашенный (идеологизированный) образ объекта, задает свое положение в социальной системе, выстраиваемой в сети, регулирует ментально-поведенческую, эмоционально-волевою активность адресата как потребителя оценочной информации, определяет характер (тематический и жанровый репертуар) блога, который, в свою очередь, диктует автору-пользователю общие правила отбора, распространения и подачи контента.

Исследование аудитории как антропокомпонента, образующего отдельное поле в аксиосфере РК₂, предполагает особый набор аналитических операций, большинство из которых было разработано в парадигме критических дискурсивных исследований. Специфика аналитических процедур исследования задается опосредованной публичной коммуникацией, в процессе изучения которой, в сущности, невозможно говорить об адресате как о *реальном* участнике коммуникативного события. Если объектно-предметная и субъектная составляющие РК₂ существуют в блог-записях на референциальном уровне, в связи с чем возможна типология аксиологических параметров по признаку эксплицитности (при которой ценностная установка транслируется напрямую – в непосредственном содержании речевых отрезков) / имплицитности (при которой возможна инференция ценностной установки по принципу логического следствия), то адресат как участник взаимодействия и сам чаще всего выступает в качестве лишь *подразумеваемой* части коммуникативного процесса, а следовательно, любое не прямое выражение ценностной установки значительно осложняет процесс ее выявления. В связи с этим представляется необходимым сфокусироваться в первую очередь на таких особенностях

текста, существование которых так же сопряжено с трансляцией «чужого слова» [Бахтин, 2002, с. 212–215], но при этом не связано с отражением позиции критикуемого субъекта.

Прежде всего следует отметить, что блог-платформы обычно предоставляют аудитории ряд возможностей для обратной связи и взаимодействия с автором. Помимо стандартной опции, позволяющей читателям оценить блог-запись⁹⁵, а также возможности «поделиться» постом (в случае «Яндекс.Дзен» – опубликовав ссылку на него), пользователь может, авторизовавшись в системе «Яндекс», оставить свой комментарий. Автор, в свою очередь, имеет возможность комментировать блог-запись от имени администратора блога, в том числе отвечать на комментарии аудитории.

Таким образом, дискурс блогосферы включает в себя по меньшей мере три коммуникативных режима, в рамках которых проявляются те или иные, в том числе ценностные, параметры позиции адресата:

– прямой диалог автора с читателем, развивающийся в комментариях под блог-записью. Эта разновидность коммуникации может составить предмет отдельного исследования и не рассматривалась в настоящей работе, поскольку подразумевает включение в поле внимания коммуникативных артефактов, имеющих качественно иную природу, нежели собственно блог-запись;

– реплики-реакции автора, помещаемые в «тело» блог-записи и служащие ответом на комментарии читателей к предыдущим постам. В выбранном материале такой экземпляр встретился лишь единожды: *Так вот, я ж о Каспарове хотела. А то сейчас опять начнется в комментариях: “О чем статья?” Откуда я знаю, о чем она? О чем прочитали, о том и статья. У меня нет плана. Я, когда начинаю, никогда не знаю, чем закончу.*

95. На «Яндекс.Дзен» эта опция реализована кнопками «Нравится» и «Не нравится», при этом информация о количестве негативных откликов доступна только автору, если читатель не пользуется дополнительным программным обеспечением – к примеру, расширением для браузера (такая же схема действует сейчас на YouTube); нередко интерфейс других платформ предполагает возможность только положительной реакции (например, долгое время такой политики – до введения дифференцированных реакций в августе 2021 г. – придерживались владельцы социальной сети «ВКонтакте»).

И знать не хочу. Оно мне надо? Пусть окружающие анализируют ощущения. А мне лень [№ 5]. Стоит отметить, что в этом метакоммуникативном фрагменте уже формируется обобщенный образ адресата, к которому автор обращается, имея в виду, что вопросы вида “О чем статья?” достаточно частотны и характеризуют интересы всей или большей части аудитории. Вероятно, это свойственно и всем иным обращениям к адресату в таком режиме;

– содержательно независимые метадискурсивные⁹⁶ компоненты, включающие в себя речевые отрезки, которые тематически или прагматически направлены на самопозиционирование автора, и те фрагменты, появление которых, вероятно, обусловлено представлениями автора о читателе и свидетельствует о попытке каким-либо образом организовать процесс взаимодействия с ним. Комплекс этих средств и был выбран в качестве материала для анализа лингвоаксиологического профиля адресата. Эмпирической основой исследования стали 12 текстов, половина которых была опубликована на площадке «Яндекс.Дзен» от имени канала «Дилетант о политике» (https://zen.yandex.ru/1political_amateur), а другая – размещена на канале «Конунг Инг» (<https://zen.yandex.ru/id/5bf68acde6a7b500aae4b298>)⁹⁷.

С исследовательской точки зрения поиск основы для вычленения коммуникативных и ценностных особенностей аудитории уместно начать с жанрово-стилистического анализа текстов. Главной особенностью выборки является то, что, вне зависимости от статуса объекта критики⁹⁸, всем экземплярам свойственна общая сниженность коммуникативного регистра, которая вполне закономерна для поля неофициального интернет-общения в условиях личностной ориентированности блога как формы коммуникации. Наиболее наглядно она

96. В научном сообществе не существует единого мнения относительно использования нами терминов *метакоммуникация* и *метадискурс*, которые после определенных оговорок могут оказаться даже взаимозаменяемыми. В связи с этим подчеркнем, что в данном случае предлагается различать их следующим образом: если *метакоммуникация* понимается узко – как особый тип взаимодействия, выделяемый на основании рекурсии референта (т.е. буквально: коммуникация о коммуникации), то *метадискурс*, напротив, трактуется широко – в соответствии со взглядом К. Хайленда, который объединяет в эту категорию все лингвистические средства, используемые автором для выстраивания взаимодействия с читателем как носителем некоторой социальной (а в нашем случае – ценностной) позиции [Hyland 2005; 2017]. Нельзя не отметить, что такому пониманию близка отечественная теория регулятивности, использующая категорию диалогичности для описания примерно тех же текстовых явлений [Болотнова, 2021, с. 17–18].

97. К сожалению, ко времени подготовки издания к печати большинство текстов, опубликованных

на его канале, были удалены, в связи с чем список источников включает в себя ссылки на посты лишь одного из блогеров. То же относится и к отсылкам в аналитической части работы.

98. Под объектом критики здесь и далее имеется в виду субъект, совершивший речевой поступок, который подлежит критике.

проявляется в использовании ряда разговорных и даже табуированных языковых и речевых единиц. К таковым можно отнести:

– частицы, использующиеся для введения новой темы высказывания, а также приобретающие значение эпистемических маркеров; большинство из них можно отнести к разговорному и просторечному пластам лексики: ***Вот*** как у “Царьграда”; ***Вот*** буквально вчера [№ 6]; ***Я тут*** в ФБ наблюдал; ***Вот*** ему Путин, ***небось***, ***виагру*** не предлагал [№ 6]; ***Она***, ***во-первых***, ***неумна***. ***Там*** с генами сбой вышел;

– сниженные фразеологические единицы с эпистемическим значением: ***Сейчас он заслуженный аксакал подписных цидулей***. ***А как же***; ***То, что Маша – марионетка, человек на веревочке – и ежу понятно***;

– обсценцизмы, которые авторы, стремясь соблюсти правила блог-платформы, маскируют при помощи замены кириллических букв на латинские: ***К счастью, Президент от этих тупоРылок был далеко***; ***И для доL-боСтупов, которые работали с журналистами – чтобы парочку пинком выгнали***; ***Но ведь с какой помпой молодая дуРында оповестила весь интернет об этом..***;

– игру слов, построенную на дисфемизме: ***А способ остался один – он доносит свои богатые идеи через “Щептун Эхо Москвы”, над которым не глумился только ленивый*** [№ 5];

– цитацию «неприличных» прецедентных текстов с интеграцией в них предмета речи в качестве одной из частей: ***А почему? А потому что приличный человек наш президент. А американский, как говорится, мимо тециного дома без шуток не ходит – то печенек даст, то красным флагом помашет <...>*** [№ 6].

Наличие в текстах подобных элементов свидетельствует о том, что сами авторы позиционируют свои

публикации как такие, которые более близки к неформальной устной речи, нежели к какому-либо канону риторической критики.

Признаки устной речи проявляются и на уровне структуры текста. Так, в исследуемом материале почти не используются привычные для письменной, в том числе критической коммуникации, текстоорганизующие элементы (вводные, вводно-модальные слова и пр.), сравнительно редко употребляются сложные предложения, а следовательно, и подчинительные союзы. Вместо этого авторы предпочитают контролировать метадискурсивную сторону высказывания с помощью ряда приемов диалогизации⁹⁹, в основе которых лежат как классические риторические приемы, так и иные лексические и синтаксические средства, формирующие потенциальную адресованность высказывания. Так, из классических приемов в материале имеются:

– парцелляция, при помощи которой акцентируется основная идея текста: *В общем – большой, нежный и сильный человек. **И умный очень*** (речь идет о В. Кличко, часто допускающем несуразные публичные высказывания; в данном случае автор выражает свое мнение об интеллектуальных способностях объекта критики);

– остранение идеи, изложенной в критическом тексте ранее: *Хотя.. хотя. а нет ли в этом высказывании большого смысла? Для новых свершений? Может быть, отринув лопаты, Кличко хочет новое море сделать для Украины? Чтобы рядовой украинец и покупался и позагорал, и горилки испил на берегу какого-нибудь такого - рукотворного моря? Например, Харьковского? Ну или Черниговского? Великий человек – он же всегда с великими задумками.* (продолжается речь о В. Кличко; уже высказав свое мнение об объекте критики, автор развивает текст так, будто бы эта оценка отменена, тем са-

99. Этот термин наследует понятию диалогичности как текстовой категории, подробно рассмотренному на примере публицистики в [Дускаева, 2012].

мым интенсифицируя иронический модус и закрепляя первоначальную оценку);

– сравнение: *Вот только мне очень бы хотелось задать вопрос этим бравым подписантам - так кто настрочил сколько-то там миллионов доносов в сталинскую эпоху? Вот и сейчас - ну почему нет ни единого письма, подписанного каким-нибудь другим конгрессом? Почему не пишут в едином порыве письма Симоньян, Соловьев, Шахназаров, Михалков, Бурляев? Почему мне никто не звонит и таинственным шепотом не предлагает подписать очередное письмо, например, для немедленного лишения гражданства Шендеровича? А у них всегда чернила наготове. И так было всегда* (сравнение, дискредитирующее субъекта речи посредством уподобления доносчикам, а также посредством указания на систематичность такого поведения); *По своей сущности – это болезнь. Юродивость. Вот камлающего на паперти юродивого, который кричит о конце света – ведь никто не потащит же штрафовать? В лучшем случае – от вшей избавят – в приемнике. Вот и здесь так* (речь об «антиваксерах»¹⁰⁰, которые в данном случае выступают совокупным объектом критики; посредством сравнения они соотносятся с лингвокультуремой «юродивый», за счет чего происходит перенос ряда смыслов, в частности, установки на снисходительное отношение);

– эмфатическая пауза, выраженная многоточием: *В баке для супа.. стали купаться* (подчеркивает степень несоответствия поступка норме);

– умолчание, при котором табуированный элемент фразеологической единицы заменяется многоточием, симулирующим заминку в речи, а затем – на социально приемлемый эквивалент: *От них вреда в десять раз больше, чем пользы. Лезут в эту Думу, как мухи на ...*

100. Люди, выступающие против вакцинации от COVID-19.

на мед, я хотела сказать, и заседают [№ 5]; Затем – вакцинация. Эта старая ... женищина, которая горстями в себя забрасывает ренитеки, капотены <...>.

Иные приемы диалогизации можно распределить по следующим категориям:

– употребление диалогических регулятивов, свойственных устной коммуникации и выполняющих функцию привлечения внимания адресата к тому или иному суждению: *Шахматисту Гарри Каспарову очень не повезло с родиной. Понимаете, всю сознательную жизнь он мучился! [№ 5]; Но энтузиазм, скажу я вам, не пропьешь [№ 5]; От Думы я не в восторге, честно вам скажу [№ 5];*

– использование инклюзивных местоимений первого лица, которые, в зависимости от предмета критики, реализуют следующие значения: ‘мы – российские политики, действующие от лица российского общества’ (*Но мы за ними <украинскими политиками> угнаться не пытаемся – у ребят все идеи рождаются под действием какого-то интересного зелья со множеством составляющих, рецептом которого они ни с кем не делятся. Ну и не надо. Может, там урина девственниц. Наши такое пить точно не будут! [№ 3]*), ‘мы – россияне’ (*У нас не принято мыть друг другу ноги, даже если пятки выглядят так себе; На старости лет он мучился еще сильнее, ибо играть приходилось за авторитарную Россию Путина. Поскольку наши царь большой либерал (чего лично я совершенно не приветствую), можно было и плевать, и мазать <...> [№ 3]*), ‘мы – автор и единомышленники’ (*Он не обманул наши ожидания – по поводу санкций США Лавров четко разъяснил товарищам, почему Володька сбрил усы, и пояснил, что Россия никогда не будет просить, чтобы их отменили [№ 3]*);

– реплики-объяснения, направленные на уточнение смысла высказываний, которые из-за двусмысленности могут быть истолкованы читателем не в пользу автора: <...> и решила говорить об умном. И понесла о пы@ках. **Нет, вы поймите меня правильно** - это очень серьезная, большая и больная тема. Важная. Ее нельзя замалчивать! О ней нужно говорить, с этим нужно бороться, причем на самом высоком уровне и всеми возможными способами [№ 1]; Впрочем, может, если бы ко мне на встречу приехал Джо Байден и разговаривал со мной о вечном, я бы тоже радовалась, как президент в изгнании Света Тихановская. **А что?** Она третий день не умолкает и делится впечатлениями [№ 6]; Кличко (мэр Киева): «Я хочу, чтобы мне подарили все ядерные бомбы мира.» **Не-не, не думайте, что Кличко такой же кровожадный, как его соратники;** Там их много – городских сумасшедших. **А как их можно по другому называть?** Это ж только городские сумасшедшие могут кликушествовать по любому поводу; Молодые жертвы Тик-тока. **Это я не от стариковской брюзгливости.** Это уже на поверхности.

Последняя группа обнаруженных в ходе анализа приемов диалогизации заслуживает особого внимания, поскольку включает в себя только вопросительные высказывания, которые при этом существенно различаются с точки зрения их отнесенности к субъекту / объекту / аудитории критики, а также в зависимости от коммуникативной цели, сопровождающей их использование. Так, различаются:

– собственно риторические вопросы, т.е. прагматически маркированные утверждения в форме вопроса, который не предполагает ни озвученного ответа, ни адресата: *А куда деваться? Стараются люди, собира-*

ют. И ничего при этом не ждут. Как не прийти? [№ 4]; Единственное упущение – надо было станцевать, конечно. Ну что за праздник без гопака? [№ 4]; Ну что за неугомонное существо? Опять повело кобылу в щавель... [№ 5]; Впрочем, на то и рассчитан интернет – раскачивать психику. Эти уже субстраты. За что их наказывать?; Как не зайти в денежный ручеек – напиться?;

– квазириторические вопросы, т.е. такие высказывания, которые не являются собственно прагматическими утверждениями, но из их постановки ясно следует предпочтительная ценностная позиция: *По мне, так вообще не надо им интервью давать. Пусть сидят и пугают друг друга рассказами о том, что в Москве по Красной площади гуляют медведи. Разубеждать их, что ли? [№ 2]; Ну неужели эта совокупность возраста, ума и образования, а также жизненный опыт не подсказывает ей, что в подобных сферах она выглядит как Зеленский во главе государства? [№ 1]; Вот буквально вчера был скандал – все осуждали тетеньку, которая выгоняла с детской площадки в Питере особенных детей. Мы все ее порицали и высказывали свое “фи”. А особенных президентов, по-вашему, можно дразнить? [№ 6]; Вот и сейчас - ну почему нет ни единого письма, подписанного каким-нибудь другим конгрессом? Почему не пишут в едином порыве письма Симоньян, Соловьев, Шахназаров, Михалков, Бурляев? Почему мне никто не звонит и таинственным шепотом не предлагает подписать очередное письмо, например, для немедленного лишения гражданства Шендеровича?;*

– вопросы, напрямую адресованные аудитории, призванные наладить взаимодействие позиций автора и реципиента, актуализовать общую для них инфор-

мацию и побудить к самостоятельному ее осмыслению, вне зависимости от того, относится ли она к фоновым знаниям или была ранее введена в этой же публикации: *Вы не знаете, кого он имеет в виду? Рината Ахметова?* [№ 4]; *Теперь вы видите это золотое сердце? Я просто воочию вижу эту душераздирающую картину; Вот камлающего на паперти юродивого, который кричит о конце света - ведь никто не потащит же штрафовать?;*

– вопросы, формально адресованные объекту критики, которые, как правило, замыкают выражение позиции автора и тем самым, в случае если адресат считает заявленную точку зрения оправданной, способствуют его сближению с автором на фоне дистанцирования от объекта критики: <К. Собчак по поводу ее участия в пресс-конференции Президента РФ> ***Но к серьезным людям-то зачем лезть? Им неудобно в силу воспитания отправить вас туда, откуда вы появились, а вы пользуетесь...*** [№ 1]; <М. Чангу – интервьюеру А. Г. Лукашенко – по поводу вопроса о желании президента РБ извиниться перед гражданами Белоруссии> *Может, народ сам как-нибудь разберется со своим президентом, без помощи журналистов?* [№ 2]; <Ему же> *Ну и стоило ехать в такую даль? Семиминутный ролик могли бы и у себя смонтировать, чего деньги тратить?* [№ 2]; *Вот только мне очень бы хотелось вопрос задать этим бравым подписантам - так кто настрочил сколько-то там миллионов доносов в сталинскую эпоху?*

Многообразие рассмотренных приемов диалогизации, многие из которых включают в себя стилистически маркированные элементы, свидетельствует о трансформации жанрово-стилистических стандартов РК₂ в дискурсе блогосферы. В частности, именно эта

особенность подтверждает высказанное нами предположение о том, что в условиях интернет-коммуникации формируется иная модель взаимодействия между критиком и его аудиторией: надличностная позиция субъекта классической РК₂, строящего свою речемыслительную деятельность на базе конвенциональных ценностных максим, изначальное согласие с которыми со стороны реципиента является предпосылкой *создания* текста (и текст, таким образом, часто оказывается адресован именно объекту критики как личности, отступающей от конвенции), сменяется более персоналистическим статусом носителя некоего личного мнения (что подразумевает и существование других мнений, в том числе внутри аудитории). В связи с этим трансформируются и стандарты, применяемые к продукту критической деятельности. Одной из ключевых задач последнего становится выражение субъективной позиции автора. Вторая же задача связана с имитацией диалога с читателем, коммуникативная роль которого приобретает признаки условного *собеседника* – носителя иной точки зрения.

На фоне этого нетрудно заметить, что все тексты в рамках исследуемой выборки демонстрируют установку на вовлечение¹⁰¹, которое преимущественно проявляется в виде стремления автора достичь аксиологической близости с адресатом, склонить того к принятию постулируемой ценностной парадигмы (в этом процессе активно участвуют и приемы диалогизации, о чем будет подробнее сказано ниже). При этом каждый из авторов, по-видимому, имеет предпочтительную стратегию вовлечения, организующую почти все тексты, вошедшие в эмпирическую базу исследования. Так, «Дилетанту» более свойственна структура, предполагающая расчленение критикуемого события на группу

101. Вовлечение здесь трактуется, в духе других работ одного из авторов, как речемыслительная активность, направленная на стимулирование у адресата таких консенсуальных состояний и действий, которые отвечают установкам адресанта [Катышев, 2015, с. 90].

небольших и относительно законченных фрагментов, постепенно вводимых в критический текст в качестве отдельных тем и перемежающихся комментариями автора. Важно заметить, что, несмотря на преобладание субъективно-оценочных смыслов в целом, передача хода критикуемого события зачастую ведется (или, по крайней мере, начинается) в достаточно объективной манере, практически исключая высказывания от своего имени (ср., например, один из таких фрагментов, в котором субъективная составляющая проявляется лишь к концу высказывания: *В общем, Сергей Викторович сказал много интересного - и про беженцев, и про санкции, и про власти Мали, которые обратились к частной военной компании (ЧВК) за помощью в борьбе. Но мне было интересно, что там с санкциями. Скажет ли он то, что у всех нормальных людей в голове?*). Кроме того, в трех текстах из шести «Дилетант» использует цитаты. Не менее значимой особенностью публикаций на данном канале является частое введение прецедентных текстов – от частушек (*мимо тещино дома без шуток не ходит [№ 6]*) и интернет-мемов (*Абыдна, да? [№ 5]*) до цитат из фильмов (*Вот молодец, Василий Алибабаевич! Молодец! [№ 6]*; *почему Володька сбрил усы [№ 6]*) и литературы (*И никто не бежит к пруду с изменившимся лицом. И со спокойным тоже не бежит [№ 3]*). Наконец, для ввода основной темы поста блогер нередко пользуется вовлекающими вопросами (*Как вам интервью Лукашенко солнцеликому Мэтью? [№ 2]*; *А вы слушали новогоднюю речь Зеленского? [№ 4]*), которые так же, как и прецедентные феномены, призваны актуализовать индивидуальные представления адресата с тем, чтобы уже на их основе ввести субъективную точку зрения, тем самым расположив адресата к ее принятию.

Таким образом, данные тексты предполагают уравнивание статусов автора и реципиента, при котором создание и восприятие публикаций включено в единый процесс *сотворчества*, нацеленного на формирование комплекса представлений – предпосылок для оценки критикуемого явления, в то время как сама оценка, как правило, вводится на фоне иронической модальности.

Материал, опубликованный на канале «Конунг Инг», демонстрирует иной подход к достижению близости с адресатом. Этим публикациям присуща более сложная структура, основанная не на расчленении освещаемого коммуникативного события, а, напротив, на включении нескольких не связанных, но схожих критикуемых (коммуникативных) событий, многие из которых относятся к историческому прошлому. Почти все выделенные ранее риторические приемы встретились именно в текстах «Конунга Инга», что свидетельствует о большей рациональности стратегии вовлечения: она построена на логических и риторических аргументах и предполагает использование убеждения в качестве основной формы воздействия.

Тем не менее обе стратегии, несомненно, имеют общее основание в том, что автор и адресат изначально находятся в некоторой степени близости (что в целом свойственно ретивальной коммуникации). Помимо таких очевидных базовых условий, как сколько-нибудь развитый интерес реципиента к политике и некоторое уже имеющееся представление о современных институциональных политических субъектах, в исследуемом материале адресату приписывается также солидарность с рядом аксиологических максим, к которым с помощью приемов диалогизации и апеллирует критик, стремясь организовать вокруг группу единомышленников.

Все ценностно маркированные апелляции можно распределить по двум комплексам. В рамках первого из них задействуются те критерии, которые обусловлены включенностью адресата в какое-либо сообщество. К таковым можно отнести:

– апелляцию к лингвокультуре, реализующуюся посредством актуализации прецедентных текстов. Этот критерий соблюдается почти только «Дилетантом». Учитывая характер первоисточников (сатирический роман «Золотой теленок», фильмы-комедии «Джентльмены удачи», «Бриллиантовая рука»), он направлен не только на сближение коммуникантов, но и на поддержание иронического модуса общения, что, в свою очередь, тоже является одним из методов вовлечения. К этому же классу можно отнести и прием умолчания – замены табуированных элементов фразеологических единиц;

– апелляцию к исторической памяти, посредством которой ценностная конвенция, сложившаяся вокруг событий прошлого, проецируется на современность. Именно на актуализацию этого критерия направлены сравнения «Конунга Инга», в которых адресату предлагается быть столь же снисходительным к «антиваксерам», сколь и к юродивым, а к интеллигенции, систематически подписывающей открытые письма против решений действующей власти, напротив, относиться резко негативно – так же, как к доносчикам в сталинскую эпоху;

– апелляцию к групповой идентичности, реализующуюся, как правило, тогда, когда объектом критики является субъект международных отношений (институциональный политик или иностранный журналист), и направленную на принятие реципиентом позиции автора на основании общности политических/соци-

альных условий. В рассматриваемом материале этот критерий соблюдается при использовании инклюзивных местоимений первого лица (*Он не обманул наши ожидания – по поводу санкций США Лавров четко разъяснил товарищам <...> [№ 3]*), а также с помощью вопросительных высказываний (квазириторический вопрос: *Пусть сидят и пугают друг друга расскажем о том, что в Москве по Красной площади гуляют медведи. Разубеждать их, что ли?*; вопрос объекту критики: *Может, народ сам как-нибудь разберется со своим президентом, без помощи журналистов? [№ 2]*);

– апелляцию к активной роли реципиента, контроль за которой способствует принятию картины мира автора. Здесь различаются два механизма. Первый направлен на модальное сближение коммуникантов посредством введения риторических вопросов, содержащих иронию, за счет чего успешная интерпретация достигается посредством двух схожих мыслительных операций, произведенных с одной речевой единицей (ср. фрагмент *А куда деваться? Стараются люди, собирают. И ничего при этом не ждут. Как не прийти?* [№ 4], где риторический вопрос *Как не прийти?* подразумевает утверждение формы *Следует прийти*, которое, в свою очередь, в контексте передает противоположный смысл: ‘приходить не следует’), в связи с чем адресат вынужден принять промежуточную ироническую позицию для распознавания конечного смысла фразы. Похожую роль играет и парцелляция, посредством которой внимание адресата привлекается к иронической характеристике В. Кличко: *И умный очень*. Второй механизм апеллирует также к фактуальной стороне высказывания и реализуется посредством вопроса, касающегося ранее введенной информации об объекте критики, к которому выражено негативное от-

ношение; при этом вопрос не является риторическим, а обращен напрямую к аудитории, что автоматически приводит к помещению информации в пресуппозицию высказывания (*«А как мы напугали олигархов? Впервые они боятся закона. Одного закона», – продолжал президент Украины. Вы не знаете, кого он имеет в виду? Рината Ахметова? [№ 4]*).

Второй комплекс связан с универсальными нормами и, несмотря на большую частотность реализации, представлен лишь двумя категориями. В него входят:

– апелляция к здравому смыслу, который является одним из основных критериев, поскольку наиболее часто применяется ко всем составляющим РК₂. В рамках актуализации аксиологического профиля аудитории механизм вовлекающего воздействия реализуется при помощи вопросительных высказываний, включающих в себя все их разновидности, кроме вопроса аудитории (риторический вопрос: *Ну что за неугомонное существо? Опять повело кобылу в щавель... [№ 5]*; квазириторический вопрос: *Ну неужели эта совокупность возраста, ума и образования, а также жизненный опыт не подсказывает ей, что в подобных сферах она выглядит как Зеленский во главе государства? [№ 1]*; вопрос к объекту критики: *Но к серьезным людям-то зачем лезть? Им неудобно в силу воспитания отправить вас туда, откуда вы появились, а вы пользуетесь... [№ 1]*;

– апелляция к стандарту сообразности поведения, которая производится при помощи эмфатической паузы, позволяющей сделать смысловой акцент на действии объекта критики, при этом действие объекта квалифицируется автором как неожиданное / неуместное, на что он и настраивает реципиента: *В баке для супа.. стали купаться.*

Анализ, проведенный в аспекте рассмотрения аксиологического профиля адресата, показал, что риторическая критика как дискурсивная деятельность субъекта, понимающего воздействующий потенциал и целесообразность коммуникативного акта и словесно формулирующего их оценку, претерпевает ряд трансформаций в современной блогосфере. Изменения отражаются на свойствах текста – продукта РК, рассматриваемого как коммуникативное событие. Особенности интернет-среды – такие, как незамкнутость ряда потенциальных адресатов, отсутствие институциональных ограничений, накладываемых на речь субъекта критики, а также специфические правила и алгоритмы блог-платформ – обуславливают изменение целеустановок автора: основными приоритетами для него выступает выражение собственной субъективной позиции и формирование круга единомышленников внутри аудитории блога посредством речевого вовлечения.

В условиях неопределенности адресата особое значение приобретает интерперсональная сторона коммуникации, в рамках которой автору доступны ресурсы для моделирования взаимодействия с потенциальным читателем. В результате исследования был выявлен ряд приемов диалогизации, при помощи которых авторы формируют аксиологический профиль аудитории и апеллируют к нему в процессе создания текста. Дискурсивная операция апелляции к ценностям становится основой для достижения близости коммуникантов.

Список источников

№ 1: Ксюша на конференции // Дилетант о политике: [блог]. [Б. м., б. г.]. URL: https://zen.yandex.ru/media/1politic_amateur/ksiusha-na-konferencii-

61c5a71669d8312ddec2f8cd. Дата публикации: 24 декабря 2021 года.

№ 2: Сергей Лавров и его выступление в ООН // Дилетант о политике: [блог]. [Б. м., б. г.]. URL: https://zen.yandex.ru/media/1politic_amateur/sergei-lavrov-i-ego-vystuplenie-v-oon-614fe616f54fdelaeb27ca3. Дата публикации: 26 сентября 2021 года.

№ 3: Лукашенко дал интервью // Дилетант о политике: [блог]. [Б. м., б. г.]. URL: https://zen.yandex.ru/media/1politic_amateur/lukashenko-dal-interviu-61597dfd76d7c56781594259. Дата публикации: 3 октября 2021 года.

№ 4: Новогодняя речь президента Украины // Дилетант о политике: [блог]. – [Б. м., б. г.]. URL: https://zen.yandex.ru/media/1politic_amateur/novogodniaia-rech-prezidenta-ukrainy-61d115faa0418aba7aad7ce0. Дата публикации: 2 января 2022 года.

№ 5: Гарри Каспаров требует бойкотировать выборы // Дилетант о политике : [блог]. [Б. м., б. г.]. URL: https://zen.yandex.ru/media/1politic_amateur/garri-kasparov-trebuat-boikotirovat-vybory-611b9a598952902f8a6b7e5b. Дата публикации: 17 августа 2021 года.

№ 6: Джо Байден встретился со Светланой Тихановской // Дилетант о политике: [блог]. [Б. м., б. г.]. URL: https://zen.yandex.ru/media/1politic_amateur/djo-baiden-vstretilsia-so-svetlanoi-tihanovskoi-6102617f31724048ef24c27d. Дата публикации: 29 июля 2021 года.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вера Васильевна Бабайцева была одним из первых исследователей, кто обратил внимание на *оценочные слова* в их особой синтаксической роли синкретичных образований, реализующих свое лексическое значение в определённых синтаксических конструкциях: оценочные слова – специализированное лексико-грамматическое средство выражения мысли об оценке. Вместе с тем оценочная функция принадлежит языку в целом, оценка является потенциальным значением любой языковой единицы. Процесс актуализации семантики оценки связан с речевой деятельностью и коммуникативной ситуацией – дискурсом¹⁰².

102. В широком понимании этого термина и в соответствии с определением, предложенным Н.Д. Арутюновой: *речь, погруженная в жизнь*.

Новая виртуальная действительность и новый дискурсивный формат (дисплейный текст) потребовали пересмотра и переактуализации многих ценностей – язык стремительно реагирует на этот запрос его носителей. Ценности интернет-эпохи вступают в сложный диалог с традиционными, привычными ценностями эпохи «до-революционной» – переформатирование представлений человека осуществляется под углом зрения *важно – не важно (= безразлично)*; в свою очередь важно подразумевает шкалу диаметрально противоположных оценок с размытой зоной переходных случаев или с возможностью соединения оппозитивных оценочных смыслов (и *да* и *нет* / и *хорошо* и *плохо* одновременно). В движение пришла вся ценностно-оценочная система представлений человека, в которой оценочные слова – лишь вариант репрезентации мысли, связанной с оценкой: дело в том, что изменения коснулись как лексического уровня языка, так и его грамматической системы¹⁰³.

103. Причины трансформационных изменений в грамматической системе языка – «разнообразные и сложные явления действительности и связи между ними и всё растущее стремление точнее и полнее отразить их языковыми средствами» [Бабайцева 2000: 167].

Например, в определенных типах современного дискурса – рекламном и сетевом – развивается «эгоцентрический» потенциал местоимений, прежде всего – личных местоимений *я, ты* (наиболее важных для коммуникации)

и возвратного *себя*. Если языковая семантика местоимения дополняется речевой – например, с получением возможности определяться: *настоящий я, такая разная я, открыть новую себя*, – то категориальное значение указательности трансформируется под влиянием нового осмысления себя как «уникальности», «единственности», или *самости*, по определению Г.Г. Шпета: «Самость субъектов здесь, данных в конкретном имени, закрепляемых именем и признаваемых в имени и по имени, не скользкий и ускользающий термин безличия: “я”, “самосознание” и под., а вещь, социальная вещь. **Конкретность ее – в том, что “я” здесь всегда некоторый имрек, не местоимение, а само имя субъекта, и “самосознание” – не просто сознание себя как сущего, а себя как такового, а не иного, и притом вместе с признанием того же со стороны других и с сознанием этого признания**»¹⁰⁴. (Выделено мной. – М.М.)

Такое социально-активное содержание формируется в современной коммуникации и закрепляется за «именем субъекта» *Я*, репрезентирующим представление человека *о себе как личности*. Именно понятие *личность* в сетевом общении выдвинулось на первый план, аккумулируя в своем обновленном содержании значения близких слов *субъект – индивидуум – особь*¹⁰⁵, каждое из которых обладает собственным набором индивидуальных семантических признаков, отделяющих его от других членов синонимического ряда в определении и уточнении понятия *человек*.

Специфика «текущего момента» заключается в том, что социализация современного человека протекает не только в условиях реальной (непосредственной) коммуникации, но и – активно – в виртуальной среде, в которой преобразуется значение слова *личность*, а ргіогі включающего социально-нравственную характеристику как

104. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. С. 191.

105. По Шпету, *особь* – ‘человек как представитель мира живых существ’, *субъект* – ‘человек вообще как наделенный сознанием, в отличие от прочих живых существ’, *индивидуум* – ‘единичный представитель человеческого рода без учета биологических, социальных и прочих особенностей’ (там же).

результат определенной внутренней работы над собой. В обновленном содержании слова сохраняется высокая положительная оценка, традиционно сопровождающая слово *личность*, вместе с тем представление о воспитании и нравственном взрослении нейтрализуется и на первый план выходит обновленное значение ‘субъект и объект (само)познания, способный к самореализации’, фиксирующее также смену вектора оценивания с декларации тезиса ‘**ты / он** – личность’ (независимая оценка) на тезис ‘**Я** – личность’ (субъективная самооценка).

106. Система ценностей любой лингвокультуры включает прежде всего нравственные ценности как основу социального взаимопонимания и взаимодействия, как основу коммуникации между членами национального коллектива.

Система традиционных ценностей¹⁰⁶ не рухнет (как представляется на первый взгляд), но включается в сложный процесс *адаптации*. Образ современного человека, каким он представляется по данным языка, – это образ *человека оценивающего*. Мысль об оценке становится определяющей состояние, текущее и перспективное, и дальнейшие действия.

По-видимому, системные изменения в языке коммуникативно, дискурсивно и когнитивно обусловлены: это новый способ представления и актуализации средствами языка *уникального Я*, каким видит себя сейчас каждый участник сетевого общения.

107. «Апгрейд сознания», как мы определили общий процесс переформатирования сознания современного человека в условиях цифровой революции (см. *Предисловие*).

Возможно, изменения, связанные с переактуализацией ценностей в сознании носителей языка, окажутся такими глубокими, что речь будет идти о трансформации национального кода, однако данные языка, полученные в ходе проведения исследования на таком незначительном для языка периоде, не свидетельствуют об этом. Вместе с тем следует признать, что изменения в речи, объективирующей *актуальные* мысли современного человека, существенны. Цифровая революция в сочетании с идеями массовой культуры вызвала стремительные изменения в сознании говорящих¹⁰⁷ – осциллирующие весы языка сдвинулись в известном направлении на целое деление.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамова Н.Т. Несловесное мышление. М.: Институт философии РАН, 2002. 236 с.

Абушенко В.Л. Аксиология // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ; Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. С. 21-23.

Аверинцев С.С. Филология // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 544–545.

Акимов Э.Б. «Скупой рыцарь» – «The Covetous knight» // Вопросы литературы. 2012. №1. С. 288–300.

Активные процессы в современном русском языке. Национальное и интернациональное: сб. н. ст. / Отв. ред. Л.В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. 940 с.

Алгави Л.О. К вопросу о периодизации российской онлайн-журналистики / Л. О. Алгави // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2013. № 3. С. 76–85.

Александрова А.Ю. Впечатления туриста как результат взаимодействия с инокультурной средой // Сервис в России и за рубежом. 2019. Т. 13. №3. С. 6–23.

Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М.: Мысль, 1988. 255 с.

Аннушкин В.И. Современная русская словесность: проблемы риторической критики / В.И. Аннушкин // Речевое общение: Специализированный вестник. Вып. 2 (10). 2000. С. 12–19.

Аннушкин В.И. Филология – словесность – языкознание в классической русской традиции и современном научно-педагогическом процессе // К 80-летию Ю.В. Рождественского / под ред. А.А. Волкова, А.Ю. Овчинникова, О.Э. Хазановой. М., 2006. С. 53–79.

Апанасенок А.В. Религии народов мира: учебное пособие. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2012. 208 с.

Ардов М. Монография о графомане. М.: Захаров, 2004. 525 с.

Аристотель. Этика. М.: АСТ, 2010. 496 с.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.

Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1964. 315 с.

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.

Астапов С.Н. История религий: учебник / С.Н. Астапов, Е.В. Бурлуцкая, А.Н. Бурлуцкий. Ростов н/Д: Феникс, 2014. 318 с.

Атанова Д.В. Роль фразеологических единиц в реализации коммуникативно-прагматической цели религиозного дискурса (на материале русскоязычных православных и англоязычных протестантских текстов проповедей) // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2019. №4. С. 67–73.

Атягина А.П. Твиттер как новая дискурсивная практика: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2014. 22 с.

Афанасьев О.Е., Афанасьева А.В. Сторителлинг дестинаций как современная технология туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. №3. С. 7–24.

Афанасьев О.Е., Афанасьева А.В. Туристские легенды как составляющая экономики впечатлений и процесса формирования опыта путешествий // Современные проблемы сервиса и туризма. 2019. №2 (Том 13). С. 7–20.

Бабаева Е.В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 21 с.

Бабайцева В.В. Понятие о функциональных омонимах // Русская словесность. 2003. №3. С. 34–39.

Бабайцева В.В. Предложения с безлично-предикативными словами в современном русском языке (без инфинитива): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. 12 с.

Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. М.: Дрофа, 2004. 504 с.

Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.

Бабенко Л.Г. Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмоциональной лексики. Екатеринбург–М., Кабинетный ученый. 2021. 432 с.

Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.

Баженова Е. А. Блог как интернет-жанр / Е. А. Баженова, И. А. Иванова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 4 (20). С. 125–131.

Бакалова З.Н. Русский союз «зато»: семантическая и стилистическая специфика с антропологических позиций // Вестник ВГГУ. Филология и искусствоведение. 2009. № 4. С. 12–14.

Балахонская Л.В. Нейминг как составляющая брендинга: критерии выбора удачного имени // Петербургская школа PR: от теории к практике. Вып. 7: Сб. статей / Отв. ред. А.Д. Кривоносов. СПб.: Роза мира, 2009. С. 61–73.

Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев: Next, 1994.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1975. 375 с.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Собрание сочинений: в 7 т. / М.М. Бахтин. Т. 6. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. С. 5–300.

Белозерова Е.В., Слышкин Г.Г. Концепт «реклама» в сознании носителей русского языка (на материале психолингвистических экспериментов) // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 192–212.

Белунова Н.И. Комфорт речевого общения (дружеское письмо) // Русский язык в школе. 1996. №5. С. 80–84.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Бердышев С.Н. Рекламный текст. Методика составления и оформления. М.: Дашков и Ко, 2008. 252 с.

Бернадская Ю.С. Текст в рекламе: учебное пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 288 с.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. 3-е изд. М.: Астрель; АСТ; Люкс, 2005. 926 с.

Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 37 с.

Богомолова Н.Н. Массовая коммуникация и общение. М.: Знание, 1988. 80 с.

Боженкова Р.К. Понимание текста в аспекте лингвокультурологии. Raleigh, North Carolina, USA: Lulu Press, 2015. 153 с.

Боженкова Р.К., Боженкова Н.А., Атанова Д.В. К вопросу об истоках некоторых дискурсивных констант в русской и европейской культурах // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. №2 (53). С. 193–198.

Боженкова Р.К., Боженкова Н.А., Атанова Д.В. Конституенты текстового пространства в дискурс-аналитических

исследованиях: цели, ценности, идеологемы религиозного дискурса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика». 2013. №4. С. 88–93.

Боженкова Р.К., Боженкова Н.А., Атанова Д.В. Концептуальное сопоставление русскоязычной православной и англоязычной протестантской социально-культурных систем // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика». 2016. №3 (20). С. 7–13.

Болдышева А.Ю., Шамсутдинова Р.Р. Личность как актуальная ценность в современном российском обществе // Гуманитарные технологии в современном мире: Материалы VII Международной научно-практической конференции (30 мая – 1 июня 2019 г.). Калининград, 2019. С. 139–141.

Болотнова Н.С. Категория диалогичности медиатекста как отражение идиостиля автора / Н.С. Болотнова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 2. С. 16–25.

Большая российская энциклопедия: [сайт] / гл. ред. Кравец С.Л. 2005-2019. URL: bigenc.ru (дата обращения: 01.03.2022).

Бондаренко В.Т. О варьировании пословично-поговорочных выражений в речи // Русский язык в школе. 2009. №5. С. 88–92.

Брудный А.А. Психологическая герменевтика: учебное пособие / А. А. Брудный. М. : Лабиринт, 2005. 336 с.

Будагов Р.А. Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени. М.: Наука, 1978. 248 с.

Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. М.: Высш. шк., 1967. 376 с.

Булгаков С.Н. Философия имени. СПб.: Наука, 1998. 447 с.

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.

Ван Лиган. Синтаксические построения со словом «зато» и вопрос о его значении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново: ИГУ, 1994. 20 с.

Ван Цзинхуэй. Отфразеологические дериваты в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 23 с.

Васильева О.В. Личные предикативы в псковских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bd000050303/view> (дата обращения 25.08.2021).

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. М.: Языки славянской культуры. 2001. 288 с.

Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование. М.: МАКС Пресс, 2016. 416 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1040 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеведческих тактик. М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999. 84 с.

Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка) // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

Виноградов В.В. История слов. М., 1999. 1142 с.

Виноградов В.В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. II. М.: Учпедгиз, 1938. 591 с.

Виноградов С.Н. К вопросу о категориальном значении состояния в русской грамматике // Вестник Нижегород-

ского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. №1. С. 176-180.

Виноградов С.Н. Процессы категоризации в системе частей речи // Активные процессы в современном русском языке. Национальное и интернациональное: сб. н. ст. / Отв. ред. Л. В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. С. 76–99.

Винокур Г.О. Русский язык // История русского литературного языка. М., 2017. С. 11-161.

Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 240 с.

Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо / плохо» // Вопросы языкознания. 1986. №5. С. 98–106.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 278 с.

Вольтон Д. Информация не значит коммуникация / Д. Вольтон; пер. с фр. Н. Н. Цветковой. 2 изд. М.: ПОЛПРЕД Справочники, 2011. 34 с.

Воркачёв С.Г. «Реликтовое чувство»: *порядочность* по данным корпусной лингвистики // Вестник Кемеровского университета. 2016а. №3. С. 111–116.

Воркачёв С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // Вопросы языкознания. 1997. №4. С. 115–124.

Воркачёв С.Г. Воплощение смысла: *conceptualia selecta*: монография. Волгоград: Парадигма, 2014. 331 с.

Воркачёв С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007а. 284 с.

Воркачёв С.Г. Наполнение концептосферы // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007б. С. 8–93.

Воркачёв С.Г. Российская лингвокультурная концептология как научное направление // Мир в языке и культуре. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 5–14.

Воркачѳв С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.

Воркачѳв С.Г. Lumen naturale: аксиология интеллекта в языке: монография. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2016. 296 с.

Воробѳѳв В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.

Высоцкая И.В. Морфологический статус и синтаксические функции слова «ничего»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 16 с.

Гаджигурбанов А.Г. Различение этических и интеллектуальных добродетелей в моральных доктринах Аристотеля и Спинозы (сравнительный анализ) [Электронный ресурс] // Философская мысль. 2016. №3. С. 1-22.

Гальперин И.Р. Избранные труды. М.: Высш. шк., 2005. 255 с.

Гафарова Л.А., Шиганова Ф.Ф. Лексико-стилистические особенности туристической рекламы [Электронный ресурс] // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2020. №05 (61). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/leksiko-stilisticheskie-osobennosti-turisticheskoy-reklamy.html> (дата обращения: 31.05.2020).

Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 292 с.

Герасименко Н.А. Связочно-субстантивное сказуемое как отражение динамических процессов в русской языковой картине мира // Русский язык за рубежом. 2018. №3. С. 37–42.

Гессен А.И. Жизнь поэта. М., 1972. 115 с.

Гибатова Г.Ф. Аксиология в языке // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. №2. С. 127–132.

Гоголь Н.В. В чём же наконец существо русской поэзии и в чём её особенности. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1951. Т. 7. 527 с.

Голикова Т.А. Методология лингволандшафтных исследований в России: аналитико-тематический обзор // Вестник ТвГУ. Серия «ФИЛОСОФИЯ». 2020. №4 (54). С. 149-166.

Головачева А.В. Категория посессивности в плане содержания // Категория посессивности в славянских и балканских языках / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1989. С. 44-111.

Голошубина О.К. Комплексное моделирование речевого жанра «разговор в мессенджере»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2017. 20 с.

Голубцов С.А. Семантика и прагматика показателей безразличия: сопоставительный аспект (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1999. 21 с.

Голяк С.В., Матрусова А.Н. Славянская песня – аксиологическая и онтологическая константа: анализ ключевых слов. Русский язык за рубежом. 2019. №5. С. 63–70.

Гомзин А.Г. Системы рекомендаций: обзор современных подходов / А.Г. Гомзин, А.В. Коршунов // Труды Института системного программирования РАН. 2012. Т. 22. С. 401–418.

Гончарова Л.М. Рекламное имя в сфере туризма // Русский язык за рубежом. 2011. №5 (228). С. 82–88.

Гончарова Л.М. Культура речи и речевой этикет: изменения в современных социокультурных условиях // Актуальные проблемы культуры речи: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. И.С. Папуша. М.: МГОУ, 2019. С. 56–60.

Гончарова Л.М. Лингвистический ландшафт в ракурсе коммуникативных исследований // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2021. Т. 10. №1. С. 83–88.

Гончарова Л.М. Непреходящие ценности: способы транслирования культурного богатства как туристического потенциала страны в рекламных текстах // Гуманитарные технологии в современном мире: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Калининград, 2019. С. 149–151.

Гончарова Л.М. Рекламная коммуникация сферы туризма: Монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 158 с.

Гончарова Л.М., Катцова А.П. Приемы создания рекламного имени в сфере туризма: лингвоаксиологический аспект (на материале нейминга экскурсионно-туристических маршрутов) // Гуманитарные технологии в современном мире: IX Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора педагогических наук, главного редактора научного журнала «Современная коммуникативистика», профессора Оскара Яковлевича Гойхмана (3–5 июня 2021 года). Калининград: Издательство «РА Полиграфычъ», 2021. С. 245–253.

Гончарова Л.М., Ковшова Н.В. Трансформация правил этикетного поведения в условиях цифрового общества // Гуманитарные технологии в современном мире: IX Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора педагогических наук, главного редактора научного журнала «Современная коммуникативистика», профессора Оскара Яковлевича Гойхмана (3–5 июня 2021 года). Калининград: Издательство «РА Полиграфычъ», 2021. С. 63–68.

Горнфельд А.Г. Новые слова и старые словечки. Петербург: Колос, 1922. 64 с.

Грейдина Н.Л. Траектории современного изучения публичного дискурса (на примере англоязычных и русскоязычных текстов ковидной тематической направленности) // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2021. Т. 10. №2. С. 11–16.

Гришина Н.И. Предложения с дативным субъекта в современном русском языке: семантико-синтаксическая структура и парадигматические связи. Дисс. ... д-ра филологических наук: 10.02.01. М., 2002. 404 с.

Громов Д.В. Гостеприимство как антропологическая категория // Грамматика гостеприимства / Отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2015. С. 11–35.

Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. М.: Юнити-Дана, 2003. 352 с.

Губман Б.Л. Ценности // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 342–343.

Гулыга А.В. Искусство истории. М.: Современник, 1980. 288 с.

Дейк, Т. ван. Дискурс и власть : репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. ван Дейк; пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Аmatoва. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. 513 с.

Дементьев В.В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров / В.В. Дементьев, К.Ф. Седов. Саратов, 1998. 107 с.

Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал ком, 2013. 336 с.

Дементьев В.В. Речезанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи: монография. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2016. 396 с.

Демьянков В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сборник научных трудов. М.; Калуга: ИП Кошелев А.Б., 2007. С. 26–33.

Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. №1. С. 35–47.

Дербышева З.К. Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры: монография. Бишкек, 2012. 176 с.

Дзюба Е.В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре. Екатеринбург: Уральск. гос. пед. ун-т, 2003. 222 с.

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). М.: Флинта: Наука, 2008. 288 с.

Долевец С.Н. Динамика морально-этических концептов *скупость* и *щедрость* в русском литературном языке XIX – начала XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 29 с.

Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. М., 1984. Т. I. 736 с.

Дурович А.П. Реклама в туризме: Учебное пособие. Минск: Новое знание, 2012. 254 с.

Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров : монография / Л.Р. Дускаева; под ред. М.Н. Кожинной. Изд. 2-е, доп. и испр. СПб: Филол. факультет, 2012. 274 с.

Дьячкова Н.А. Асимметричные простые предложения как модельно осложненные // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2004. Т. 4. №7. С. 99–105.

Дьячкова Н.А. Новый русский афоризм // Филологический класс. 2005. № 14. С. 24–29.

Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка. Т. 1. М.: Астрель; АСТ, 2003. 680 с.

Емельянова О.В. Об одной модели выражения ценностных представлений в современном английском языке (Life is about people) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. №2. С. 105–112.

Есенова Т.С. Этническое содержание калмыцкой концептосферы // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики: материалы постоянно действующего семинара, 17–21 апреля 2007 г. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. С. 12–17.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд. М.: Русский язык, 1991. 534 с.

Залевская А.А. Проблемы психолингвистики. Калинин: КГУ, 1983. 135 с.

Залевская А.А. Функциональная основа разграничения парадигматических и синтагматических связей при анализе материалов ассоциативных экспериментов // Структурно-семантические исследования русского языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. С. 5–13.

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

Зеленин А.В., Буцева Т.Н. Лексико-семантические и словообразовательные особенности наименования лиц в период пандемии коронавируса // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. №1. С. 74–85.

Зеленин А.В., Буцева Т.Н. От сидидомцев до коронапофигистов (Наименования лиц в период пандемии коронавируса) // Русский язык в школе. 2021. №81(6). С. 97–106.

Зинченко В.П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. №8. С. 85–97.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 368 с.

Иванов В.Е. интернет в формировании диалогического пространства в социокультурной среде // Мир психологии. 2000. №2. С. 52–56.

Ивин А.А. Основы теории аргументации: учебник / А.А. Ивин. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 1997. 352 с.

Ивин А.А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы // Философский журнал. 2010. №1. С. 66–78.

Ившина Т.П. «Фиолетовое» безразличие: новое содержание в старой наречной форме // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 360–367.

Идеи в России. Idee w Rosji. Ideas in Russia. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski. Red. A. de Lazari. T. 1. Warszawa: Semper, 1999; T.2. Lodz: Ibidem, 1999; T.3. Lodz: Ibidem, 2000; T.4. Lodz: Ibidem, 2001. T.5. Lodz: Ibidem, 2003.

Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Белорусский Экзархат, 2006. 592 с.

интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 324 с.

Инькова-Манзотти О.Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование). М.: Информэлектро, 2001. 432 с.

Исаченко А.В. О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках // Вопросы языкознания. № 6, 1955. С. 48–65.

Исупов К.Г., Савкин И. Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб: Ганза, 1993. 512 с.

Ишханова Д.И. Противительные отношения на различных ярусах синтаксиса. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь: СГУ, 2007. 204 с.

Йылмаз Мехман. Комплексное описание речевого общения в русскоязычном интернет-пространстве (на ма-

териале женского блога «Бэбиблог»): дис. ... канд. филол. наук. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018. 289 с.

Кавелти Дж.Г. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 33–64.

Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.

Калинин А.А. Семантика и предикативное функционирование предложно-падежных форм существительных в современном русском языке. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2003. 243 с.

Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Карасик В.И. Языковые картины бытия: Монография. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2020. 468 с.

Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.

Карасик В.И. Языковые мосты понимания. М.: Дискурс, 2019.

Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // Методология современной психолингвистики / Под ред. В.А. Пищальной. Москва – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 50–57.

Катышев П.А. Риторическая критика в гносеологическом и онтологическом измерениях / П.А. Катышев // Русский язык за рубежом. №2 (267). 2018. С. 18–23.

Катышев П.А. Вовлечение с позиций риторической критики / П. А. Катышев, Б. Е. Кильдибекова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4. С. 89–96.

Кафтанджиев Х. Мифологические архетипы в коммуникации. Харьков: Гуманитарный центр, 2016. 268 с.

Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления. Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.

Кацуба Л.Б. Лицо глагола в русских пословицах: семантико-грамматические и лингвокультурологические аспекты. М.: МЭСИ, 2015. 240 с.

Кессельман В. На кого упало яблоко. Настоящая история великих открытий. М.: Ломоносовъ, 2014.

Кибрик А.А. Русский мультимедийный дискурс. Часть I. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. Т. 89. №1. С. 70–80.

Климовская Г.И. Об одном из фундаментальных эстетических принципов (феномен выделения) // Вестник Томского гос. ун-та. 2004. № 282. С. 215–219.

Клобуков Е.В. Поговорим про «про» и «о», или особенности функционирования русских делиберативных предлогов в XXI веке // Язык, сознание, коммуникации: Сб. статей. Вып. 47. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 255–268.

Кобзарь С.А., иер. Почему я не могу оставаться баптистом и вообще протестантом. 5-е изд., исправл. Житомир: Издательский отдел НИ-КА СМП «Житомир-РИКО-ПРЕСС-РЕКЛАМА», 2004. 308 с.

Ковшиова Н.В. «Краткость – сестра таланта»: о сокращениях в интернет-языке XXI века [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы и современные тенденции развития социально-экономических наук в XXI веке: взгляд молодых ученых (г. Москва, 18 декабря 2019 г.): Сборник статей Всероссийской научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов. М.: Мир науки, 2019. С. 211-217. URL: <https://izd-mn.com/PDF/05MNNPK20.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).

Кожемякин Е.А. Религиозный дискурс: методология исследования // Научные ведомости Белгородского

государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2011. №2(97) / Т. 15. С. 1–16.

Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.

Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.

Колшанский Г.В. Логика и структура языка. М.: Высшая школа, 1965. 240 с.

Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990. 120 с.

Кононова И.В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 38 с.

Кормилицына М.А. Факторы риска для языка в медиа-среде // Медиалингвистика: Материалы II Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 2–6 июля 2017 года / Ответственный редактор А.А. Малышев. СПб.: Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», 2017. С. 14–15.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

Костомаров В.Г. Рассуждения о формах текста в общении. М.: Гос. ин-т русского яз. им. А.С. Пушкина, 2008. 82 с.

Костомаров В.Г. Стилистика, любовь моей жизни. СПб.: Златоуст, М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2019. 184 с.

Костомаров В.Г. Язык текущего момента: Понятие правильности. СПб.: Златоуст, 2014. 330 с.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.

Кох Р. Книга символов. Эмблемата. Книга 1. М., 1995. 342 с.

Кочеткова М.О. Жанровая динамика дискурса блогосферы: социолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. н. / М.О. Кочеткова. Томск, 2016. 252 с.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.

Кронгауз М.А. **Screenlife** в эпоху карантина // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. №4. С. 735–744.

Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 216 с.

Крылова М.В. Стратегии речевого воздействия в дискурсе англоязычного протестантизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 24 с.

Крысин Л.П. М.В. Панов как социолог языка // Общественные науки и современность. 2006. №6. С. 115–121.

Ксензенко О.А. Лингвистические основы рекламной коммуникации: монография. М.: Издательство МБА, 2011. 320 с.

Ксензенко О.А. Прагматические особенности рекламных текстов // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 334–354.

Ксензенко О.А., Робустова В.В. Динамические процессы в этикете профессиональной и деловой коммуникации // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2021. Т.10. №5. С. 58–63.

Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Когнитивная лингвистика. 2004. №1(001). С. 6–17.

Кузнецова Н.В. Структура и стилистика языковых средств в текстах интернет-форумов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 26 с.

Кузьменко Л.А. Национально-культурная специфика функционирования религиозного знания в языковом сознании русских и американцев: экспериментальное исследование: дис. ... канд. филол. наук. Курск: КГУ, 2003. 170 с.

Куссе Х. Культуроведческая лингвистика. Введение / пер. с нем. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 372 с.

Ларец мудрости духовной. М.: Издательство Летопись, 2014. 256 с.

Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Избранные статьи. Л.: Худож. лит., 1973. 287 с.

Лассан Э. Союз «зато» как средство реализации психологической компенсации в русском языке // *Respectus philologicus*. 2011. №20. С. 170–180.

Лебедев В., Прилуцкий А., Викторов В. Религиоведение [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/oteknik/religiovedenie/religiovedenie/7> (дата обращения: 27.10.2021).

Лекант П.А. Аналитическая часть речи *предикатив* в современном русском языке // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2011. №2. С. 20–27.

Лемонте П.-Э. Из «Предисловия» к изданию басен Крылова на французском и итальянском языках // Крылов И.А. Басни. М.: Художественная литература, 2008. С. 243–246.

Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов. М.: Тезаурус, 2011. 352 с.

Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2019. 856 с.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 280–287.

Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. 448 с.

Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. 204 с.

Лопатин В.В. Многогранное русское слово: Избранные статьи по русскому языку. М.: Азбуковник, 2007. 743 с.

Лосский Н.О. Характер русского народа. М.: Дарь, 2005. 336 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера [Электронный ресурс]. СПб.: Искусство-СПб, 2000. URL: https://royallib.com/book/lotman_yuriy/semiosfera.html#0

Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 1995. 845 с.

Лутовинова О. В. К проблеме категорий виртуального дискурса / О. В. Лутовинова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 3 (16). С. 20–25.

Малинович Ю.М. Иерархия ценностей внешнего мира и внутреннего мира человека // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: Тезаурус, 2011. С. 77–98.

Мароевич Р. Русская грамматика. Сопоставительная грамматика русского и сербского языков с историческими комментариями. В 2 т. М., Белград, 2001.

Марьянчик В.А. Аксиологический потенциал формы медиаполитического текста // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 6. С. 151-156.

Матрусова А.Н. Концептуально-семантическое поле радость в контексте русского языка и русской литературы // Славянская письменность и культура как фактор единения народов России: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Северо-Осетинский

государственный университет имени К.Л. Хетагурова (Владикавказ). 2014. С. 197–202.

Матрусова А.Н. Фундаментальная семантическая оппозиция «жизнь – смерть» в русской песне XX века // Русский язык за рубежом. 2020. № 6.

Матханова И.П. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке: дисс...д-ра филол. наук. СПб., 2001. 337 с.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 2006. 406 с.

Микерова М.С., Слышкин Г.Г. О концепции словаря русского и американского медицинского сленга // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире – 10. Часть I: сб. статей / отв. ред. Е.В. Гуляева, И.С. Никитина. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2016. С. 96–102.

Микешина Л.А. Современное развитие понятия «ценность» // Ценности и смыслы. 2009. №1. С. 6–17.

Милованова М.С., Чжао Мэйвэй. Понятие коммуникативной границы в русской национальной аксиосфере. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. С. 32–40.

Милованова М.В. Лингвокультурологические характеристики категории посессивности в русском и немецком языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 44 с.

Милованова М.С. **Безразличие** как семантика и как реальность // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. №2. Ч. 2. Нижний Новгород, 2015. С. 469–472.

Милованова М.С. Инвариантная семантика субъективного отрицания в современном русском языке // Актуальные проблемы обучения русскому языку XII. Брно: Masarykova univerzita, 2016. С. 220–224.

Милованова М.С. К определению понятия *любовь*: микродиахронный срез // Гуманитарные технологии в современном мире: Материалы VIII Международной научно-практической конференции (28–30 мая 2020 г.). Калининград: Издательство «РА Полиграфычъ», 2020. С. 122–129.

Милованова М.С. Общая и русская аксиология // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. №5. 2021. С. 96–98.

Милованова М.С. Описание сочинительных союзов в контексте изучения РКИ // Русский язык за рубежом. 2016. №3. С. 74–77.

Милованова М.С. Семантика противительности: Опыт структурно-семантического анализа. М.: ФЛИНТА; Наука, 2015. 348 с.

Милованова М.С. Язык и мир: лексический фонд категории состояния в современном русском языке // Русский язык за рубежом. 2018. №3. С. 4–10.

Милованова М.С., Рябова А.В. Вербализация мысли о неравнодушии / небезразличии в социальной рекламе // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2020. №2. С. 60–67.

Милованова М.С., Шамсутдинова Р.Р. Субъективный потенциал местоимений и их функционирование в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. №5. 2018. С. 88–101.

Милованова М.С., Шамсутдинова Р.Р. Трансформационные процессы в аксиологическом сознании современной российской молодежи // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. №6 (43) / 2019. М.: ИНФРА-М, 2019. С. 39–43.

Миронов В.В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации. СПб: СПбГУП, 2019. 60 с.

Митягина В.А. Социокультурные характеристики коммуникативного действия: на материале немецкого и русского языков: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008. 380 с.

Михайлова Е.А. Эмоция удивления и способы её отражения в современном русском языке // Ученые записки российского государственного социального университета. 2011. №11 (99). С. 140–142.

Новиков А.С. Атомизация общества и ее роль в становлении «общества масс» // Теория и история. 2 (16). 2009. С. 192–197.

Ноздренко Е.А. Реклама как фактор культурно-исторического процесса последней трети XX – начала XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2006. 26 с.

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта-Наука, 2006. 341 с.

Общая социология: Учебное пособие / Под общ. ред. проф. А.Г. Эфендиева. М.: Инфра-М, 2000. 654 с.

Ожегов С.И. Профессиональные шуточные слова, употребляемые в авиации (Из записной книжки С.И. Ожегова) // Словарь и культура русской речи. М.: Индрик, 2001. С. 443–448.

Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Издательство С.-Петербургского Университета, 2008. 272 с.

Паршин П.Б., Пирогова Ю.К. Рекламный текст: семиотика и лингвистика: монография. М.: Издательский дом Гребенникова, 2000. 270 с.

Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 500 с.

Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004. 386 с.

Пименова М. Вас. Слово-концепт *красота* и русская ментальность // Ментальность и меняющийся мир: кол-

лективная монография: к 75-летию проф. В.В. Колесова / Отв. ред. М.В. Пименовой. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 198–206.

Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: эстетические и этические оценки. М.: Изд-во ИКАР, 1997. 320 с.

Питина С.А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2002. 191 с.

Попкова Е.Б. Теоретические подходы к исследованию инкультурации как социокультурного процесса // Теория и практика общественного развития. 2013. №3. С. 43–48.

Поспелов Н.С. В защиту категории состояния // Н.С. Поспелов. Мысли о русской грамматике. М., 2009. С. 25–36.

Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993.

Правила цифрового этикета [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/leprum?w=wall-30022666_349530 (дата обращения: 12.06.2021).

Предикатив // Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4 %D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2#32> (дата обращения: 25.08.2021).

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 336 с.

Прядильникова Н.В. Эвфемизмы в современной речи: учебное пособие. Самара: Изд-во СГАУ, 2009. 59 с.

Пряников А.В. Семантика сказуемого, выраженного предложно-падежными сочетаниями имени существительного, в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 167 с.

Пряников А.В. Субстантивные предикаты в современном русском языке: семантический аспект // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 3 (34). С. 397–399.

Пушкин А.С. Евгений Онегин. М., 1978. 315 с.

Пушкин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М.-Л., 1927. 576 с.

Радбиль Т.Б. Аналитизм vs синтетизм в активных процессах в грамматике русского языка // Мир русского слова. 2020. №1. С. 5–10.

Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. 592 с.

Рацибурская Л.В. Социально-значимые слова в современных деривационных процессах // Мир русского слова. 2020. №2. С. 30-35.

Редькина Т.Ю. Тревел-медиаекст: способы и приёмы речепорождения: учеб.-метод. пособие. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2013. 74 с.

Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология: учеб. пособие. СПб.: Алетейя, 2010. 316 с.

Реклама: палитра жанров: учебное пособие для студентов вузов / Ученова В., Гринберг Т., Конаныхин К., Петрушко М., Шомова С. М.: Гелла-Принт, 2004. 248 с.

Ржевский Л. Творец и подвиг. Очерки по творчеству Александра Солженицына. Frankfurt / Main: Possev-Verlag, 1972. 167 с.

Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та. 1998. 292 с.

Ростов О.Р., Лобанова Т.А., Борисова Ю.А. Роль сочинительных конструкций с союзом «и» в раскрытии содержательно-художественного замысла: аксиологический аспект (по рассказу В.И. Даля «Кому жить веселее: пьяному аль трезвому?») // Вестник КГУ. 2017. №4. С. 175-179.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: 1999. 720 с.

Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. I. 783 с.

Рымарь Н.Т. «Бахтинская концепция архитектоники эстетического объекта и проблема границы «искусство / не искусство» // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2006. №1 (4). С. 247–256.

Рябова А.В. Семантика безразличия в современном дискурсе: безразличие как действительное и как игра // Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXI Кирилло-Мефодиевские чтения». М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина М., 2020. С. 305–311.

Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: ЯСК, 2008. 624 с.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс; Универс, 1993. 656 с.

Сергеев М.М. Иркутском связанные судьбы. Иркутск, 1986. 317 с.

Серебренникова Е.Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: Тезаурус, 2011. С. 7–26.

Сигал К.Я. Аксиология и синтаксис // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. №4. С. 236–240.

Сидоренко Е.Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. К.; Одесса: Лыбидь, 1990. 148 с.

Сидорова М.Ю. интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение. М.: 1989.ru, 2006. 192 с.

Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий) : дис. ... канд. филол. н. / И.Г. Сидорова. Волгоград, 2014. 249 с.

Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики персональных и интерперсональных жанров интернет-дискурса / И.Г. Сидорова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 2 (14). С. 154–159.

Силантьев Р.А., Малыгина И.В., Полетаева М.А., Силантьева А.И. Основы деструктологии: Учебник. М.: Издательство М.Б. Смолина. 2020. 208 с.

Сирота Е.В. Структурно-семантическая и функциональная характеристика категории состояния. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 160 с.

Сливка А. История современного человека и радиации. Часть первая. История радиоэпифории [Электронный ресурс] // Портал «Радиофобия». 2015. URL: <https://radiofobia.com/analitika/istoriya-sovremennogo-cheloveka-i-radiatsii-chast-pervaya-istoriya-radioepiforii> (дата обращения: 01.11.2021).

Слободской И. Фридрих Ницше при свете христианского мировоззрения. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/fridrih-nitsshe-pri-svete-hristianskogo-mirovozzrenija/> (дата обращения: 02.11.2021).

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт «страшное» в смеховой картине мира // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Изд-во «Индрик», 2007. С. 454–464.

Смирнов Л.М. Базовые ценности и «антиценности» современных россиян // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. С. 16–26.

Смирнов Ф.О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2004. 221 с.

Смолененкова В.В. Основы риторической критики: учебное пособие / В.В. Смолененкова. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2018. 192 с.

Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности / Сб. статей Международной научной конференции (Москва, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. 30-31 октября 2020). М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2020. 280 с.

Сорокин Ю.А. Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятия // Общение: теоретические и прагматические аспекты. М.: Знание, 1978. С. 133–138.

Старобинский Ж. Отношение критики // Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т.1 / Ж. Старобинский; пер. с фр. Е.П. Васильевой, Б.В. Дубина [и др]. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 19–48.

Степанов Н. Дружеское письмо начала XIX в. Поэты и прозаики. М., 1966. 360 с.

Степанов Ю.С. «Перфектный центр» в русском синтаксисе // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 37. №4. 1978. С. 344–353.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Степанов Ю.С. Филология // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая рос. энцикл.: Изд. дом «Дрофа», 1997. С. 592–596.

Степанян Е.Г. О Михаиле Булгакове и «собачьем сердце». М.: Оклик, 2009. 64 с.

Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып.1. / Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2008. С. 8–20.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: УРСС, 2007. 370 с.

Сюй Юйвэй. Русские слова категории состояния и предикативно-оценочная лексика в сопоставительном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 24 с.

Тарасов Е.Ф., Ильина В.А. Общечеловеческие ценности в рамках триангуляционного подхода // Лингвокультурные ценности в полиэтничном обществе: колл. монография / Отв. ред. В.И. Карасик, Е.А. Журавлёва. Волгоград: Парадигма, 2015. С. 27–43.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.

Тиманова О.И. Сказка Н.А. Некрасова «Баба-яга, косяная нога» в контексте жанровых традиций русской литературы // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. Т. 8. №34. С. 87–101.

Тихонова Г.Ю., Гиниятова Е.В. Реклама в туризме: Курс лекций. Томск: Томский политехнический университет, 2014. 118 с.

Торопкина В.А. Эвфемизмы как средство выражения негативной оценки в СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. №2 (2). С. 569–573.

Травничек Фр. Заметки о «категории состояния» // Вопросы языкознания. 1956. №3. С. 46–53.

Тревел-блог Гончарова С. «Иди со мной» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video272576370_45623925; URL: <https://youtu.be/6DVGHER-S3U> (дата обращения: 20.10.2020).

Ухова Л.В., Марычева Д.Н. Рекламное имя как средство коммуникации с потребителем // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3. Том I (Гуманитарные науки). С. 119–123.

Фещенко В.В. К истокам русской концептологии: от Ю.С. Степанова к С.А. Аскольдову // Вопросы филологии. 2010. Вып. 3 (36). С. 111–119.

Фещенко В.В. Три способа исследовать концепты (в философии, современном искусстве, лингвистике) // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII. 2015. С. 152–166.

Филиппова В.М. Развитие глагольной фразеологии в русском литературном языке XVIII в. (устойчивые глагольно-именные сочетания) // Русская литературная речь в XVIII веке. М.: Наука, 1968. С. 3–160.

Фокина М.А. Жанровые и языковые особенности блогов политиков / М.А. Фокина // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 187–192.

Фоминых Б.И. Диалогичность романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // *Но мы сохраним тебя, русский язык!*: коллективная монография, посвященная 90-летию академика В.Г. Костомарова. М., 2020. С. 240–249.

Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета. М.: Рус. яз., 1984. 193 с.

Фрэнкель А. Нейминг: как игра в слова становится бизнесом / пер. с англ. М.: Хорошая книга, 2006. 320 с.

Хамство 21 века: что вы чувствуете, когда ваш собеседник смотрит в свой смартфон во время разговора? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.velvet.by/articles/otnosheniya/ob-otnosheniyakh/khamstvo-21-veka-chno-vy-chuvstvuyete-kogda-vash-sobesednik-smo> (дата обращения: 01.06.2021).

Химик В.В. Категория субъективности в русском языке: Эгоцентрический потенциал субъектных компонентов высказывания: дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 1991. 391 с.

Холодов Н.Н. За древними тайнами русского слова «и» – тайны иных масштабов. 2-е изд. Иваново: ИГУ, 2015. 136 с.

Циммерлинг А.В. Древнеисландские предикативы и гипотеза о категории состояния // Вопросы языкознания. 1998. №1. С. 36–59.

Циммерлинг А.В. Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 15 (23). М., 2017. Т. 2. С. 466–482.

Черемисина Н.В. Вопросы эстетики русской художественной речи. Киев, 1981. 240 с.

Черкасова Н.В. Лингвокультурологические характеристики блога как жанра интернет-коммуникации / Н.В. Черкасова // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 5 (260). С. 164–168.

Чесноков И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): монография. Волгоград: Перемена, 2008. 256 с.

Чичерин А.В. Идеи и стиль. М., 1984. 227 с.

Чудновский А.Д., Жукова М.А. Управление потребительскими предпочтениями в сфере отечественного туризма и гостеприимства и основные направления реализации туристского продукта: Учебное пособие. М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. 304 с.

Чуковский К.И. От двух до пяти [Электронный ресурс]. URL: https://fictionbook-ru.turbopages.org/turbo/fictionbook.ru/s/author/korneji_chukovskiyi/ot_dvuch_do_pyati/read_online.html (дата обращения: 08.09.2021).

Шамсутдинова Р.Р. Аксиологический потенциал субстантивированных местоимений (на примере материалов социальной сети Instagram) // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник статей. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020а. С. 196–201.

Шамсутдинова Р.Р. Субстантивация местоимений как проявление изменившихся аксиологических установок современного носителя русского языка // Материалы международной научно-практической конференции «Славянская

культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXI Кирилло-Мефодиевские чтения». М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020б. С. 439–444.

Шаповалова Т.Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания [Электронный ресурс]. Электрон. текстовые дан. (7,28 Мб). М.: ИИУ МГОУ, 2020. 167 с.

Шахнарович А.М. Введение // А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьева. Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М.: Наука, 1990. С. 3–18.

Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл: Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М., 1998. 176 с.

Шелякин М.А. Русские местоимения: (Значение, грамматические формы, употребление). Тарту, 1986. 91 с.

Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М.: Наука, 1986. 223 с.

Шмелёв А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

Шоттер Дж. 1996. М.М. Бахтин и Л.С. Выготский: интериоризация как «феномен границы» [Электронный ресурс]. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/shotter01.htm> (дата обращения: 06.06.2020).

Штукарева Е.Б. Языковая специфика интернет-коммуникации // интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / Науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. С. 291–302.

Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 63–84.

Эйдельман Н.Я. Большой Жанно. М., 1982. 351 с.

Элбакян Е.С. Религия // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. 448 с.

Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М.: «Рефл Бук», «Ваклер», 1996. С. 139–142.

Ямпольская А. О радости: Бергсон и Янкевич [Электронный источник]. Логос. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-radosti-bergson-i-yankelevich/viewer> (дата обращения: 03.11.2021).

Яценко О.Ю. Ценностно-смысловой подход в обучении философии как средство личностного развития школьников: дис. ... канд. пед. наук [Электронный ресурс]. Екатеринбург, 2000. // URL: http://www.dissercat.com/content/soposta_vitelnoe-issledovanie-tsennostei-v-rossiiskom-i-amerikanskom-politicheskom-disku_rse#ixzz5TDei6SIF (дата обращения: 18.09.2019).

Ячин С.Е. Смысл и ценности. К критике теории ценности в современной философии // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 2. С. 27–39. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18086 (дата обращения: 02.11.2021).

Black E. Pragmatic stylistics. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd., 2006. 166 p.

Bozhenkova R.K., Bozhenkova N.A., Atanova D.V. Verbal functioning of the religious discourse: sacral features of the Church Slavonic language // Journal of Language and Literature. Vol. 6. No.4. November, 2015. P. 377–379.

Definition of noun “Phubbing” by Cambridge Advanced Learner’s Dictionary & Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/phubbing> (дата обращения: 01.06.2021).

Drucker P. The Information Revolution / P. Drucker // Forbes ASAP. 24.08.1998.

Chung C., Pennebaker J. The psychological functions of function words // Social communication. Ed. by K. Fiedler. New York: Psychology Press, 2007. P. 343–359.

Hickey L. Stylistics, pragmatics and pragmastylistics // Revue belge de philologie et d’histoire. 1993. Vol. 71. № 3. P. 573–586.

Hyland K. Constructing proximity: Relating to readers in popular and professional science/ K. Hyland // *Journal of English for Academic Purposes*. 2010. № 9. P. 116–127.

Hyland K. Metadiscourse: what is it and where is it going? / K. Hyland // *Journal of Pragmatics*. 2017. Vol. 113. P. 16–29.

Natalia A. Bozhenkova, Pavel A. Katyshev, Darya V. Atanova, Raisa K. Bozhenkova. Categorical features of political vs. religious discourses: linguo-semiotic analysis // *Periódico do Núcleo de Estudos e Pesquisas sobre Gênero e Direito Centro de Ciências Jurídicas - Universidade Federal da Paraíba* V. 9. №4. (2020). P. 456-476.

Ramat A.G., Mauri C. From cause to contrast: a study in semantic change // *Studies on grammaticalization*. Ed. by E. Verhoeven et al. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008. P. 303–320.

Rokeach M. *The Nature of Human Values*. New York: The Free Press, 1973. 438 p.

Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social Psychology*. Vol. 25. 1992. P. 1–65.

Swales J. M. *Genre Analysis: English in Academic and Research Setting* / J. M. Swales. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 260 p.

Sinclair J. The phrase, the whole phrase, and nothing but the phrase // *Phraseology: An interdisciplinary perspective*. Ed. by S. Granger, F. Meunier. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 407–410.

Williams R.M. Change and stability in values and value systems: a Sociological Perspective // *Understanding Human Values: Individual and Societal* / Ed. by M. Rokeach. New York: The Free Press, 1979. P. 15–46.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ivanov-portal.ru/abramov1.html> (дата обращения: 10.07.2020).

Большой энциклопедический словарь / ред. А.М. Прохоров. М.: СПб: Норинт; Издание 2-е, перераб. и доп., 2002. 1434 с.

Большой оксфордский толковый словарь английского языка. Oxford School Dictionary: 45000 слов и выражений / Под ред. А. Делаханты и Ф. Макдональда. М.: Астрель: АСТ, 2007. VIII. 807, [1] с.

Горбачевич К. Русский Синонимический словарь. СПб.: ИЛИ РАН, 1996.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Терра, 1994.

Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2-х тт. СПб.: Златоуст, 2014.

Кырлежев А.И. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2001. Т.4. 605 с.

Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; Под ред. В.В. Морковкина. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2016. 1456 с.

Новиков Вл. Словарь модных слов. Языковая картина современности. М., 2016.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Онлайн-словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений синонимов [Электронный ресурс] URL: <https://synonymonline.ru/Б> (дата обращения: 10.07.2020).

Полный православный богословский энциклопедический словарь. М.: Концерн, 1992. Т. 2. 696 с.

Прилуцкий А.М. Семиотическое пространство религиозного дискурса как предмет религиоведческого исследования: автореф. дис. ... д-ра филос. н. СПб., 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filosofiya/a409.php> (дата обращения: 23.08.2021).

Пушков Е.Н. Не смущайся! Изд-во «Христианин», 2002. 108 с.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: Астрель, АСТ, 2002.

Синонимический словарь // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/146_161/равнодушно (дата обращения: 10.07.2020).

Словарь иностранных слов и выражений / авт.- сост. Е. С. Зенович. М.: Агентство «КРПА «Олимп»: «Издательство АСТ», 2002. 778 с.

Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984. [Электронный ресурс] URL: <https://gufo.me/dict/mas> (дата обращения: 10.09.2021).

Словарь русского языка коронавирусной эпохи. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.

Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950-1965.

Словарь структурных слов русского языка / Отв. ред. В.В. Морковкин. М.: Лазурь, 1997. 420 с.

Словарь языка Пушкина. В 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. [Электронный ресурс] URL: <http://slovari.ru> (дата обращения: 13.10.2021).

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. Т. 3.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1164 с.

Философский энциклопедический словарь / Под ред. Ильичева Л.Ф., Федосеева П.Н., Ковалева С.М., Панова В.Г. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.

Харченко В.К. Словарь детской речи. Белгород: Белгородский государственный педагогический институт, 1994. 256 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2 т. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1999.

Longman Dictionary of Contemporary English. CD-ROM. Harlow: Pearson Education Limited, 2005 (LDCE).

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 01.11.2021).

Коллекция Radioactive Quack Cures [Электронный ресурс] // Портал Oak Ridge Associated Universities (ORAU) Health Physics Historical Instrumentation Museum Collection. URL: <https://www.ornl.gov/ptp/collection/quackcures/quackcures.htm> (дата обращения: 30.10.2021).

Korpus języka polskiego [Электронный ресурс] // URL: <https://sjp.pwn.pl/korpus/> (дата обращения: 17.09.2021).

Яндекс: подбор слов [Электронный ресурс]. URL: <https://wordstat.yandex.ru> (дата обращения: 18.10.2019).

Научное издание

**ОБЩАЯ И РУССКАЯ
ЛИНГВОАКСИОЛОГИЯ**

Коллективная монография

Подписано к печати 09.03.2022

Сдано в набор 11.03.2022

Тип гарнитуры «Таймс Нью Роман», «Ариал»

Объем 24,3 усл. печ. л.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер»,
г. Ярославль, e-mail: Kanclel2007@yandex.ru